

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



№ 2 (48)
2024

Главный редакторакадемик АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдииков****Заместители главного редактора:**член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**доктор исторических наук **Ю.А. Зеленеев**Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева****Редакционный совет:**

Б.А. Байтанаев – академик НАН РК, доктор исторических наук (Алматы, Казахстан) (председатель), **Х.А. Амирханов** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Севастополь, Россия), **П. Георгиев** – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария), **Е.П. Казаков** – доктор исторических наук (Казань, Россия), **Н.Н. Крадин** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия), **А. Тюрк** – Ph.D. (Будапешт, Венгрия), **А.А. Тишкин** – доктор исторических наук профессор (Барнаул, Россия), **В.С. Синика** – доктор исторических наук (Тирасполь, Молдова), **Б.В. Базаров** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия), **Д.С. Коробов** – доктор исторических наук, профессор РАН (Москва, Россия), **О.В. Кузьмина** – кандидат исторических наук (Самара, Россия), **П. Дегри** – профессор (Лёвен, Бельгия), **Вэй Джан** – Ph.D, профессор (Пекин, Китай), **А.С. Сагдуллаев** – академик АН РУз, доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), **Р.Х. Сулейманов** – доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), **М.М. Саидов** – доктор исторических наук, профессор (Самарканд, Узбекистан), **Ш.Б. Шайдуллаев** – доктор исторических наук, профессор (Термез, Узбекистан)

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)
М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)
Р.Д. Голдина – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)
С.В. Кузьминых – кандидат исторических наук (Москва, Россия)
А.Е. Леонтьев – доктор исторических наук (Москва, Россия)
Т.Б. Никитина – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)
А.А. Чижевский – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Ответственный за выпуск:**Ф.Ш. Хузин** – доктор исторических наук**Адрес редакции:**

420012 Республика Татарстан, г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс ПП753,

электронный Каталог печатных изданий "ПОЧТА РОССИИ"

Выходит 4 раза в год

© ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», 2024

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2024

© Журнал «Поволжская археология», 2024

Editor-in-Chief:

Academician of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

B. A. Baitanayev – of the Nacional Academy of the RK, Doctor of Historical Sciences (Almaty, Republic of Kazakhstan) (chairman), **Kh. A. Amirkhanov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **S. G. Bocharov** – Candidate of Historical Sciences (Sevastopol, Russian Federation), **P. Georgiev** – Doctor of Historical Sciences (Shumen, Bulgaria), **E. P. Kazakov** – Doctor of Historical Sciences (Kazan, Russian Federation), **N. N. Kradin** – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation), **A. Türk** – Ph.D. (Budapest, Hungary), **A. A. Tishkin** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Barnaul, Russian Federation), **V. S. Sinika** – Doctor of Historical Sciences (Tiraspol, Moldova), **B. V. Bazarov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ulan-Ude, Russian Federation), **D. S. Korobov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **O. V. Kuzmina** – Candidate of Historical Sciences (Samara, Russian Federation), **P. De-gryse** – Professor (Leuven, Belgium), **Wei Jian** – Ph.D, Professor (Beijing, China), **A. S. Sagdullaev** – Academician of the National Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Historical Sciences, Professor (Tashkent, Republic of Uzbekistan), **R. Kh. Suleymanov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Tashkent, Republic of Uzbekistan).

Editorial Board:

A. A. Vybornov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)
A. A. Chizhevsky – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

Responsible for Issue

F. Sh. Khuzin – Doctor of Historical Sciences

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2024

© Mari State University, 2024

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

**Исследования материальной культуры
средневековых поселений Евразии**

<i>Енуков В.В. (Курск, Россия)</i> Браслеты населения роменской культуры	8
<i>Куклина А.А. (Казань, Россия), Кольченко В.А. (Бишкек, Кыргызстан)</i> Итоги исследования массовой керамики с раскопов 2022 г. на средневековом городище Кен-Булун (Чуйская долина, Кыргызстан) ...	26
<i>Волгина Н.Д. (Москва, Россия)</i> Сельскохозяйственные орудия средневекового Новгорода: систематизация, хронология	43
<i>Винничек В.А., Винничек К.М. (Пенза, Россия)</i> Изучение чугунных котлов и шлаков с Саловского I селища	61
<i>Оруджов Э.И., Куклина А.А., Баранов В.С. (Казань, Россия)</i> Особенности керамического комплекса XIII–XIV вв. из раскопок средневековых отложений стоянки Сюкеевский Взвоз II	68
<i>Байтанаев Б.А. (Шымкент, Республика Казахстан), Байтанаев Е.Б. (Алматы, Республика Казахстан)</i> «Храм» на городище Баба-ата – памятник заблуждений	84
<i>Najafov Sh.N., Huseynov M.M., Jalilov B.M. (Baku, Azerbaijan Republic)</i> The medieval Dashbulag settlement	111
<i>Железняков Б.А. (Алматы, Республика Казахстан)</i> К вопросу об исторической топографии Отрартобе	126
<i>Клёнов М.В. (Сыктывкар, Россия)</i> Укрепленные поселения XII–XIV вв. на Европейском северо-востоке. Пожегское городище (опыт реконструкции)	141
<i>Пигарёв Е.М., Ситдииков А.Г. (Казань, Россия)</i> Архитектурный декор мавзолея I ханского некрополя у пос. Лапас Астраханской области	154
<i>Горохов С.В. (Новосибирск, Россия)</i> Городни в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XVI–XVII веках	175

Погребальный обряд населения степей Евразии

<i>Ушаков С.В. (Симферополь, Россия)</i> Могильник Карши-Баир в Юго-Западном Крыму (итоги изучения и общая характеристика)	191
<i>Дмитриев Е.А. (Караганда, Казахстан),</i> <i>Касеналин А.Е. (Астана, Казахстан),</i> <i>Кукушкин А.И. (Караганда, Казахстан)</i> Средневековые захоронения могильника Талдинский-1	205
<i>Бабенко В.А. (Ставрополь, Россия)</i> Погребальный обряд населения золотоордынского города Маджара: проблемы изучения и дискуссионные вопросы	218
<i>Харинский А.В. (Иркутск, Россия)</i> Захоронения XIII–XIV вв. долины реки Эгийн-гол (Северная Монголия): особенности погребального ритуала	232
Список сокращений	248
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	250

CONTENT

Studies of the medieval settlements material culture in Eurasia

<i>Enukov V.V. (Kursk, Russian Federation)</i> Bracelets of the Romny culture population	8
<i>Kuklina A.A. (Kazan, Russian Federation), Kolchenko V.A. (Bishkek, Kyrgyzstan)</i> The results of the study of mass ceramics from the excavations at the medieval fortified settlement of Ken-Bulun in 2022 (Chui Valley, Kyrgyzstan)	26
<i>Volgina N.D. (Moscow, Russian Federation)</i> Agricultural implements of medieval Novgorod: systematization, chronology	43
<i>Vinnichuk V.A., Vinnichuk K.M. (Penza, Russian Federation)</i> Study of cast iron pots and slags from Salovka I settlement	61
<i>Orudzhov E.I., Kuklina A.A., Baranov V.S. (Kazan, Russian Federation)</i> Features of the pottery assemblage of the XIII–XIV centuries from excavations of the Syukevsky Vzvoz II Campsite medieval sediments.....	68
<i>Baitanayev B.A. (Shymkent, Republic of Kazakhstan), Baitanayev E.B. (Almaty, Republic of Kazakhstan)</i> “Temple” at the Baba-ata fortified settlement, a monument of fallacies	84
<i>Najafov Sh.N., Huseynov M.M., Jalilov B.M. (Baku, Azerbaijan Republic)</i> The medieval Dashbulag settlement	111
<i>Zheleznyakov B.A. (Almaty, Republic of Kazakhstan)</i> To the issue of the historical topography of Otrartobe.....	126
<i>Klenov M.V. (Syktyvkar, Russian Federation)</i> Fortified settlements of the XII–XIV centuries in the European Northeast. Pozheg hillfort (reconstruction experience).....	141
<i>Pigarev E.M., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation)</i> Architectural decoration of the mausoleum no. 1 of the khan necropolis nearby the village of Lapas in the Astrakhan region	154
<i>Gorokhov S.V. (Novosibirsk, Russian Federation)</i> Gorodni in Siberia and the Far East in the late XVI–XVII centuries	175

Burial rite of the population of the Eurasian steppes

Ushakov S.V. (Simferopol, Russian Federation)
 Karshi-Bair burial ground in Southwestern Crimea
 (results of the study and general characteristics).....191

*Dmitriev Ye.A. (Karaganda, Kazakhstan), Kasenalin A.Ye. (Astana, Kazakhstan),
 Kukushkin A.I. (Karaganda, Kazakhstan)*
 Medieval burials of Taldinskiy-1 burial ground205

Babenko V.A. (Stavropol, Russian Federation)
 Burial rite of the population of the Golden Horde city of Madjar:
 problems of study and debatable issues.....218

Kharinskii (Irkutsk, Russian Federation)
 Burials of the XIII–XIV centuries in the Egiin-Gol river valley (Northern
 Mongolia): burial rite features232

List of Abbreviations..... 248

Submissions 250

Исследования материальной культуры средневековых поселений Евразии

УДК 903.25

<https://doi.org/10.24852/pa2024.2.48.8.25>

БРАСЛЕТЫ НАСЕЛЕНИЯ РОМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2024 г. В.В. Енуков

В статье представлены результаты анализа браслетов роменской культуры с целью определения источников появления тех или иных форм. Всего их учтено 48, исключая 7 изделий из клада 1915 г. в Коробкино, которому посвящена специальная публикация. Наиболее популярными браслетами были дровые с расширяющимися концами (30 экз.), прототипы которых хорошо известны в славянских древностях VI–VIII в. Эти изделия наряду с пластинчатыми браслетами с расширяющимися концами (6 экз.), которые появились в волынецкое время, выступают на славяно-русских памятниках Восточной Европы IX–X вв. в роли своего рода индикатора роменской культуры. Русский импорт представлен дровым браслетом с завязанными концами из Шпилевки, а также украшениями из Коробкино. Четыре изделия из тонкой проволоки отражают влияние хазарской моды. Использование в качестве сырья серебра (3 экз.) позволяет предположить их местное изготовление. Два железных пластинчатых браслета с петельками на концах, вероятнее всего, поступили непосредственно из каганата. Пролегиваются слабые связи с финской средой Поволжья, а также контакты между обитателями Новотроицкого и Труворова городищ. В целом набор роменских браслетов представляет самобытное в своей основе явление.

Ключевые слова: археология, роменская культура, браслеты, прототипы, аналоги, культурно-хронологические векторы, славяне, финны, Русь.

Настоящая статья является продолжением сданной в печать работы с результатами изучения клада, найденного в 1915 г. близ с. Коробкино Курской губернии, который был сокрыт в пределах 2-й – 3-й четвертей X в. и состоял из семи серебряных браслетов (один – витой из двух проволок со сканной нитью и сужающимися завязанными концами, один – из четырехгранного дрота с завязанными концами и пуансонным орнаментом по двум внешним граням, пять – из четырех- и восьмигранного дрота с обрубленными ровными или сужающимися концами) и золотой монеты – византийского солида Константина VII, Романа I и Христофора. Комплекс был сформирован в древнерусской среде, что подтвердил краткий экскурс с анализом роменских браслетов (Енуков, в печати). Этот сюжет заметно выходил за рамки темы, что и побудило обратиться к нему в специальном исследовании с целью опреде-

ления источников появления тех или иных форм.

Браслеты относятся к одной из самых многочисленных категорий украшений населения роменской культуры. В основу их классификации положены принципы, близкие предложенным в свое время А.В. Арциховским (1930, с. 9) и развитым В.П. Левашовой (1967). Отделы выделялись по сечению изделий, типы – по оформлению концов. Материал в качестве типологического признака не использовался, т. к. это привело бы к неоправданному дроблению выборки, однако учитывался при общем анализе.

Отдел 1. Дровые браслеты (табл. 1).

Тип 1. С расширяющимися обрубленными концами (рис. 1; 2; табл. 1). Представлен 30 экземплярами, большинство которых (22) входило в состав кладов. Комплекс из Заречья с парой браслетов типа 1 (рис. 1; 2) от-

Отдел 1. Дротовые браслеты

№№ рис.	Местоположение, комплекс*	Кол- во	Нумизматическая хронология	Литература
Тип 1				
1: 1	Железницы, Россия, Рязанская обл. Клад.	6	877/78 гг.	Корзухина, 1954, с. 81, 82. № 8; Макарова, 2005, с. 126, 127, рис. 1; Григорьев, 2012, рис. 1.
1: 3	Полтава, Украина. Клад.	8		Макаренко, 1908, с. 206, табл. I; Рыбаков, 1953, с. 68, рис. 14; Корзухина, 1954, с. 79. № 1.
1: 4, 5	Хорошево, Украина, Харьковская обл. Клад.	2	Сер. X в.	Гоглов и др., 2023, с. 15, рис. 1, 2.
2: 1, 2	Горналь, Россия, Курская обл. Гор., ж. 1	2	60–70 гг. X в.	Куза, 1981, с. 13, рис. 5: 1, 2.
2: 3, 4	Воробьевка 2-я, Россия, Курская обл. Клад.	2	975/976 гг.	Гребенникова, Шпилев, 2009, с. 41, рис. 2: 1, 3.
2: 6	Тазово, Россия, Курская обл. П. 5, КС.	1		Григорьев, 2000, с. 135, рис. 18: 3.
2: 7	Переверзево, Россия, Курская обл. П. 1, КС.	1		Шпилев, 2010, с. 250, рис. 7: 8.
1: 2	Заречье, Украина, Киев- ская обл. Клад.	2	Кон. X в.	Моисеенко, 2023, с. 153, рис. 1; 2.
2: 5	Донецкое гор., Украина, Харьковская обл. КС.	1		Сухобоков, 1975, рис. 54: 5.
2: 8	Волынцево, городище «Курган». КС.	1		Стародубцев, Зорин, 2011, с. 104. Рис. 4: 4.
2: 9, 10	Липино, Россия, Курская обл. Гр. 2, кург. 1, погр. 2.	2		Енуков, 2008, рис. 4: 12, 13.
2: 11, 12	«Курск-Курчагов, Россия, Курская область. Клад	2	976/977–997/998 гг.	Стародубцев, Лебедев, 2015, с. 26. Рис. 4: 4, 5.
Тип 2				
3: 1, 2	Жидеевка, Россия, Кур- ская обл. Клад 2003 г.	2	974/975; 977–989 гг.	Зорин и др. 2008, с. 245, 246, рис. 49; Шпилев, 2010, с. 250, рис. 7: 14.
3: 3	Шуклинка, Россия, Кур- ская обл. Гор., КС.	1		Никольская, 1958, рис. 19: 2.
3: 4	Шуклинка, Россия, Кур- ская обл. С. 1, Р-1, я. 4А.	1	2-я пол. – кон. X в.	Раскопки О.Н. Енуковой (2011 г.).
Тип 3				
1: 4	Хорошево, Украина, Харьковская обл. Клад.	2	Сер. X в.	Гоглов и др., 2023, с. 15, рис. 1.
Тип 4				
3: 5	Новотроицкое гор., Укра- ина, Сумская обл. Клад в кв. III ₂ .	1	818/819 г.	Ляпушкин, 1958, с. 28, рис. 15, табл. ХСII: 10.
Тип 5				
3: 6	Шпилевка, Украина, Сумская обл. Клад.	1	966/967 гг.	Корзухина, 1954, с. 86, № 19, табл. IX: 1.

*КС – культурный слой; гор. – городище; п. – поселение; с. – селище; ж. – жилище; я. – яма.

носится к ареалу древнерусской культуры, однако он был обнаружен в роменском лепном сосуде. В его состав помимо трех сребреников Владимира первого типа входило около 1390 кру-

глых вырезок из дирхемов, которые в X в. лежали в основе денежной системы роменского населения между-речья Сейма и Псла – известного по летописям «Посемья», входившего

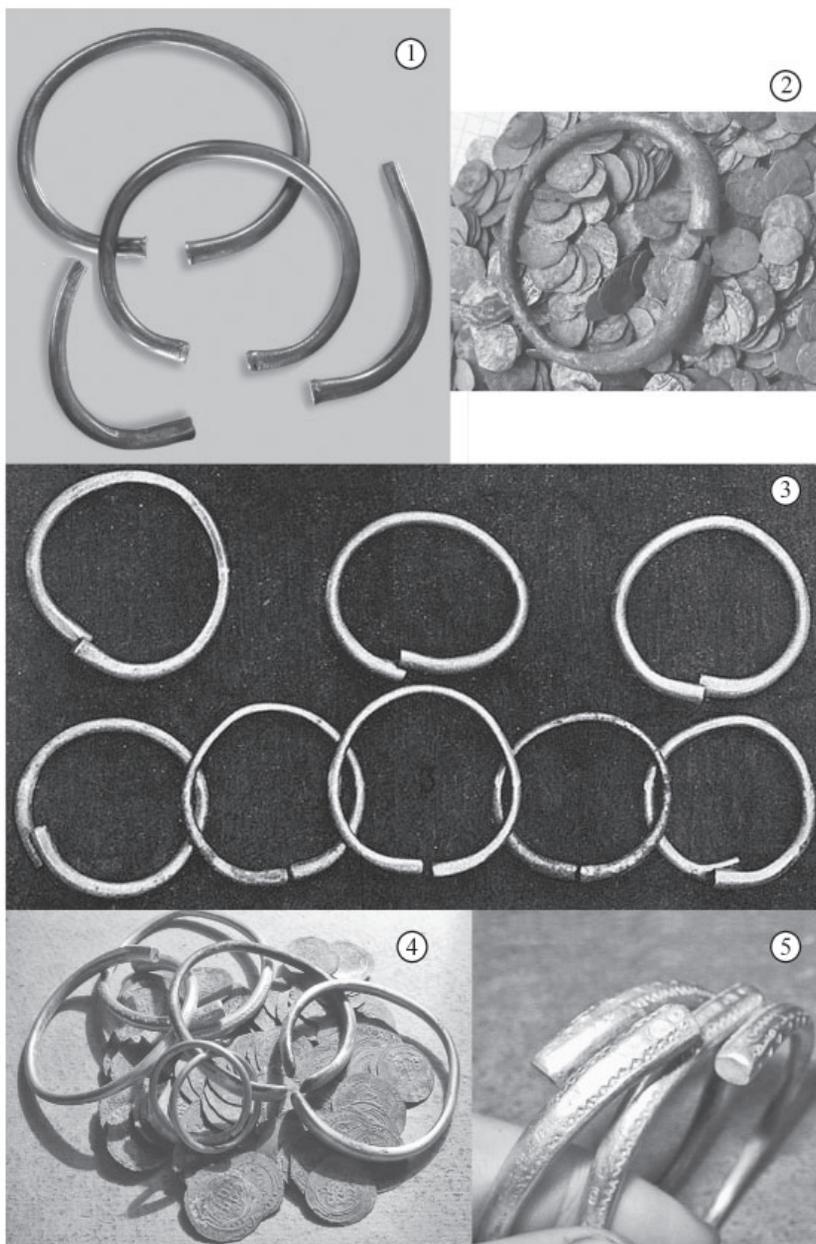


Рис. 1. Дротовые браслеты из кладов (без масштаба). 1 – Железницы; 2 – Заречье; 3 – Полтава; 4, 5 – Хорошево. Все из серебра.

Fig. 1. Wire bracelets from hoards (not scale). 1 – Zheleznitsy; 2 – Zarech'ye; 3 – Poltava; 4, 5 – Khoroshevo. Everything is made of silver.

в состав Северной земли (Енуков, 2023, с. 86, 87, рис. 2). Эти признаки указывают на регион формирования основыклада.

Значительно меньше браслетов О1Т1 обнаружено на поселениях.

Стоит особо отметить 2 украшения из элитного жилища 1 Большого Горнальского городища, находки из которого, ввиду его гибели в пожаре, входят в состав закрытого комплекса. Интересно, что только на посе-

Отдел 2. Пластинчатые браслеты

№№ рис.	Местоположение, комплекс	Кол-во	Литература
Тип 1			
4: 1, 2	Новотроицкое гор., Украина, Сумская обл. Клад в кв. УЗ	1	Ляпушкин, 1958, с. 26, рис. 13, табл. ХСІ.
–	Там же. КС.	3	Ляпушкин, 1958, с. 30, рис. 16, табл. ХСІІ: 15.
4: 3	Горбово, Украина, Черниговская обл. Пос., КС.	1	Григорьев, 2000, с. 38, рис. 14.
4: 4	Ратское гор., Россия, Курская обл. КС.	1	Енуков, 1990а, рис. 27: 5.
Тип 2			
4: 5	Шуклинка, Россия, Курская обл. Гор., КС.	1	Никольская, 1958, рис. 19:3.
Тип 3			
4: 6	Торхово, Россия, Тульская обл. П., я. 86 (1999 г.)	1	Григорьев, 2005, с. 97, рис. 40: 1.
Тип 4			
–	Переверзево, Россия, Курская обл. Гор. 2.	1	Шпилев, 2010, с. 250, рис. 7: 11.
4: 7	Шуклинка, Россия, Курская обл. Кург. б/н	1	Зорин, 2005, с. 84, рис. 6: 2.

лениях встречены немногочисленные браслеты из бронзы. В перечень были также включены два браслета из древнерусского Липинского могильника, известные только по рисункам П.И. Засурцева. Ингумация под насыпью, одна из самых ранних на кладбище, была окружена кольцевидной деревянной оградкой, которая является очевидным роменским реликтом (Енуков, 2008, с. 39, рис. 3, 4: 12, 13). Отмечу, что участие роменцев в формировании древнерусского населения Курской «волости» сомнений не вызывает (Енуков, 2006; 2018).

Браслеты типа 1 имеют, как правило, округлую основу, за исключением украшений из Железниц: если Г.Ф. Корзухина отмечала их круглое сечение (1954, с. 81), то Т.И. Макарова упоминает два изделия из «подквадратного» дрота. На иллюстрации с тремя браслетами только один имеет такой разрез, тогда как у двух других грани были на концах (Макарова, 2005, с. 126, рис. 1). Тем не менее огранка большей, центральной части дрота для роменских браслетов нехарактерна, присутствуя в некоторых случаях на концах (помимо Железниц, по два браслета в Горнали и Хорошево, один – из Воробьевки 2-й). Выделение этих изделий в отдельный

вариант не имеет смысла, т. к. граниение не имело «стандарта». Так, при преобладании четырехгранных концов у роменских изделий шесть граней отмечено у браслета из Воробьевки 2-й. Плоскости могли охватывать как край утолщения (Железницы), так и его полностью, верхние грани у браслетов из Хорошево имели скругление. У части изделий из Полтавы прослеживался «намек» на граниение в виде уплощения боковых сторон.

Малохарактерной чертой изделий О1Т1 является и декор. На трех браслетах из Железниц прослеживались слабовыраженные насечки «елочкой». Еще одна специфическая черта украшений этого комплекса: их концы имели небольшие утолщения, при этом торцы немного приплюснуты (рис. 1: 1). На двух изделиях из Хорошево был нанесен пуансонный орнамент.

Тип 2. Из круглой проволоки с незамкнутыми концами (рис. 3: 1–4). Этот тип представлен четырьмя находками, что требует уточнения. В состав клада из Жидеевки входили два браслета, при описании которых указываются расширяющиеся концы, однако на представленных иллюстрациях утолщения практически не прослеживаются. Браслеты из

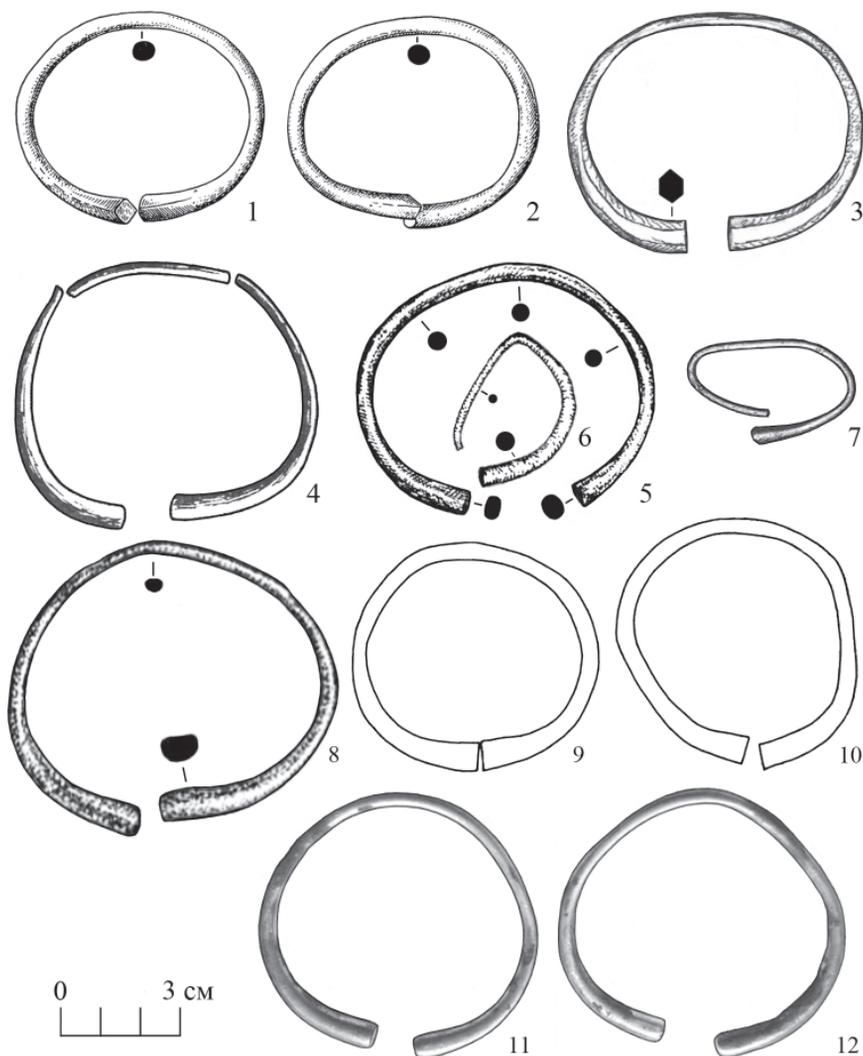


Рис. 2. Отдел 1. Дровые браслеты. Тип 1. 1, 2 – Большое Горнальское городище; 3, 4 – Воробьевка 2-я, клад; 5 – Донецкое городище; 6 – Тазово, поселение 5; 7 – Переверзево, поселение 1; 8 – Волынцево, городище «Курган»; 9, 10 – Липино, группа 2, курган 1, погребение 2; 11, 12 – «Курск-Курчатов», клад (без масштаба). 1–4, 8–12 – серебро; 5–7 – бронза.

Fig. 2. Division 1. Wire bracelets. Type 1. 1, 2 – Great Gornal hillfort; 3, 4 – Vorobyovka 2nd, hoard; 5 – Donetsk hillfort; 6 – Tazovo, settlement 5; 7 – Pereverzevo, settlement 1; 8 – Volyntsevo, hillfort “Kurgan”; 9, 10 – Lipino, group 2, barrow 1, burial 2; 11, 12 – Kursk-Kurchatov, hoard (no scale). 1–4, 8–12 – silver; 5–7 – bronze.

Шуклинки имели немного заходящие концы.

Тип 3. Из круглого дрота с уплощенными и скругленными концами (2 экз., рис. 1: 4).

Тип 4. Из сегментовидного в сечении дрота со скругленными концами (1 экз., рис. 3: 5).

Тип 5. Из треугольного в сечении дрота с сужающимися завязанными концами, образующими щиток (1 экз., рис. 3: 6).

Отдел 2. Пластинчатые браслеты (табл. 2).

Тип 1. С расширенными заходящими концами и слабовыраженным ре-

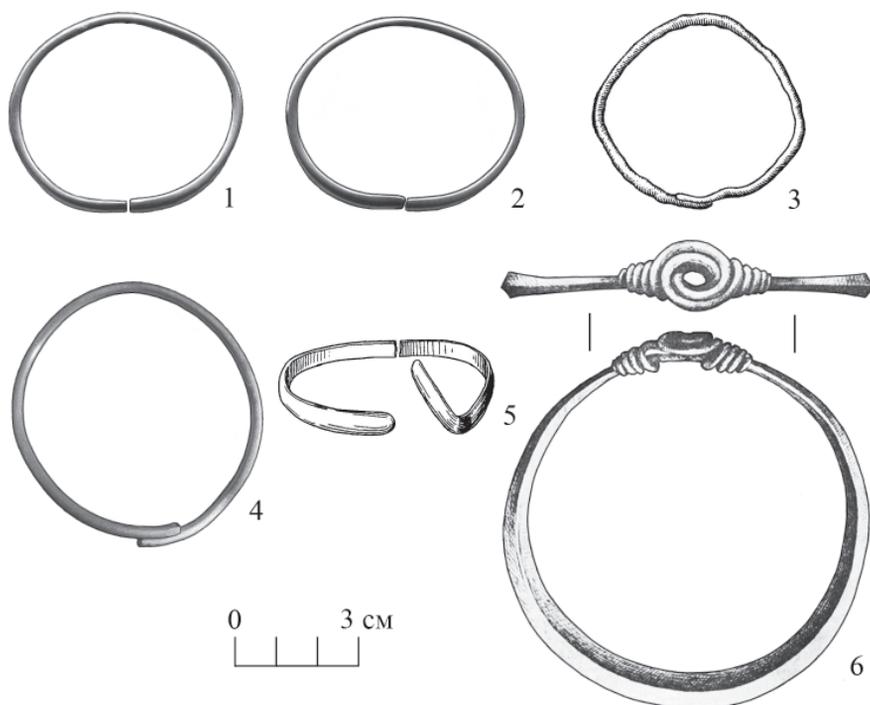


Рис. 3. Отдел 1. Дровяные браслеты. 1–4 – тип 2; 5 – тип 4; 5 – тип 5. 1, 2 – Жидеевка, клад 2003 г.; 3 – Шуклинка, городище; 4 – Шуклинка, селище 1; 5 – Городище Новотроицкое, клад в кв. Ш₂; 6 – Шпилевка, клад. 1, 2, 4–6 – серебро; 3 – бронза.

Fig. 3. Division 1. Wire bracelets. 1–4 – type 2; 5 – type 4; 5 – type 5. 1, 2 – Zhideevka, hoard 2003; 3 – Shuklinka, hilfort; 4 – Shuklinka, settlement 1; 5 – Novotroitskoe hilfort, hoard in quarter Ш₂; 6 – Shpilevka, hoard. 1, 2, 4–6 – silver; 3 – bronze.

бром на внешней стороне (6 экз., рис. 4: 1–4). Серия таких браслетов происходит с Новотроицкого городища. Один из клада в кв. У₃ имеет по внешней стороне декор в виде зигзагов. Еще три таких украшения, включая один обломок, были найдены в культурном слое. На одном целом экземпляре присутствовал аналогичный орнамент. На обломке из Горбова был декор из перекрещивающихся линий, нанесенный, видимо, зубчатым штампом.

Тип 2. С ровными заходящими концами (1 экз., рис. 4: 5).

Тип 3. Из пластины треугольного сечения с косыми насечками и петлеобразными концами (1 экз., рис. 4: 6).

Тип 4. С петельками на концах (2 экз., рис. 4: 7). Изготовлены из железа, что резко выделяет их на фоне других браслетов, выполненных в подавляю-

щем большинстве из серебра, значительно реже – из бронзы.

В представленный перечень не вошли фрагменты, по которым сложно судить о полной форме изделий, а также обломки гривен «глазовского» типа, во вторичном использовании выполнявших роль украшений запястий (Григорьев, 2000, рис. 13: 16; 2005, с. 97, рис. 40: 3–6). Необходимо отметить, что указание серебра как материала для изготовления большинства браслетов имеет несколько условный характер, т. к. заметная их часть определялась исследователями на глаз. Тем не менее проба сырья могла быть невысокой, как показывает пример горнальских изделий: в их составе серебра было 53%, меди – 46%, остальная доля приходилась на иные металлы (Орлов, 1988, с. 154). Однако факт остается фактом: при-

сутствие большинства таких браслетов вкладах, часто с серебряными монетами, указывает на то, что население расценивало их как предметы, достойные тезаврации.

Обратимся к анализу полученных материалов в очередности, в основе которой – количественные показатели, отражающие степень их популярности. Лидирующую позицию с заметным отрывом занимали браслеты О1Т1. Самыми ранними находками из числа встреченных в датированных комплексах являются изделия из Железницкогоклада, нумизматическая часть которого сформировалась до 877/878 г. К IX в. обычно относят и Полтавский клад (Корзухина, 1954, с. 79, 80; Жилина, 2014, с. 187, 188, 191), однако, как верно отметил А.В. Григорьев, присутствие в нем «северянских» спиралевидных височных колец указывает на время не ранее конца X в. (Григорьев, 1991). Основная масса находок О1Т1 приходится на X столетие. За пределами роменского ареала фрагменты двух близких изделия из бронзы были обнаружены на Животинном городище. Они имели незначительно расширяющиеся концы, в одном случае присутствовали слабовыраженные насечки (Винников, 2010, с. 235, 236, рис. 1: 1, 2). На городище Мохнач (Украина, Харьковская обл.) богатый инвентарь салтовского погребения-жертвоприношения 1-й половины – середины IX в. включал пять бронзовых дровых браслетов с несомкнутыми концами, из которых два имели утолщенные четырехгранные концы (Колода, 2011, рис. 4: 2, 5).

В синхронных древнерусских материалах серебряный браслет с утолщенными концами входил в составклада из Копиевки, который, однако, был изготовлен целиком из четырехгранного дрота (Лінка-Гепшенер, 1948, с. 184, табл. III, 1), что сближает его с находкой из Железниц. В пределах бывшего роменского ареала изредка обручья О1Т1 встречаются в

древнерусских погребениях самого раннего периода. Помимо уже упомянутого Липино, похожее серебряное украшение с минимально утолщенными «прокованными» концами было встречено в кургане 53 Кветуни (Падин, 1976, с. 206, 207, рис. 2: 19). Возможно, уже не с роменским, а древнерусским пластом древностей связан клад «Курск-Курчатов», на монете которого были процарапаны тамги Святослава и Владимира (Стародубцев, Лебедев, 2015, с. 31, рис. 3: 2). Позднее обручья О1Т1 практически исчезают, за исключением территории «радимичей», где они, однако, изготавливались из бронзы и имели декор (Богомольников, 2004, с. 80, рис. 20: 2)

Иная картина складывается при обращении к материалам предшествующего времени. В данном случае учитывались только браслеты с неорнаментированными расширяющимися концами, характерные для роменцев (рис. 5). В 3-й четверти I тысячелетия в Восточной Европе морфологически близкие, нередко идентичные украшения были обнаружены как на юге, в Крыму (Репников, 1906, табл. X: 7, 9, 10, 15), так и на севере, в лесной зоне, в ареале тушемлинско-банцеровских племен (Седов, 1982, табл. X: 10; Штыхаў, 2000, мал. 47: 1) и финноугров Поволжья (Циркин, 1987, с. 57, 58, 88, рис. 17: 4; Вихляев и др., 2014, с. 32, 33, рис. 53: 5, 54: 1). В целом, однако, большинство их тяготеет к Среднему Поднепровью. Они отмечены на колочинских (Горюнов, 1982, рис. 14: 9) и пеньковских (Корзухина, 1996, табл. 23: 3; Приходнюк, 1998, рис. 70: 9; 71: 14, 16) памятниках, на Пастырском городище (Корзухина, 1996, табл. 39: 1, 2; Приходнюк, 2005, рис. 59: 1, 2; 61: 4). Хорошо представлены такие браслеты вкладах «антов» как первой, по О.А. Щегловой, группы (Мартыновка, Блажки, Малый Ржавец, Великие Будки, Новая Одесса, Колосково, Гуево) (Рыбаков, 1953, рис. 13; 16; 18; Щеглова, 1990,

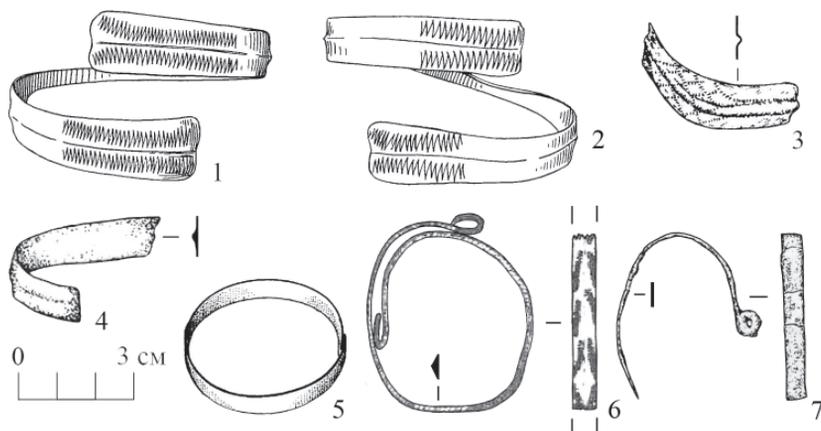


Рис. 4. Отдел 2. Пластинчатые браслеты. 1–4 – тип 1; 5 – тип 2; 6 – тип 3; 7 – тип 4.
1, 2 – Новотроицкое городище; 3 – Горбово, поселение; 4 – Ратское городище;
5 – Шуклинка, городище; 6 – Торхово, поселение; 7 – Шуклинка, курган б/н.
1–3 – серебро; 4–6 – бронза; 7 – железо.

Fig. 4. Division 2. Plate bracelets. 1–4 – type 1; 5 – type 2; 6 – type 3; 7 – type 4.
1, 2 – Novotroitskoe hilfort; 3 – Gorbovo, settlement; 4 – Ratskoye hilfort; 5 – Shuklinka, hilfort;
6 – Torhovo, settlement; 7 – Shuklinka, barrow without number. 1–3 – silver; 4–6 – bronze; 7 – iron.

с. 174–176; Горюнова, 1992, с. 128, рис. 1: 8; Корзухина, 1996, табл. 4: 1, 2; 14: 2, 3; 15: 1–4; 43: 3; 103: 2, 8, 9; Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 104: 9; Родинкова, 2023, с. 196, 197, рис. 6), так и второй (Харьевка, Пастырский 1949 г., Воробьевка, Зайцево) (Щеглова, 1990, рис. 9: 3; 10: 9; 11: 9; 12, 8; 13, 5; Приходнюк, Хардаев, 1998, рис. 5: 1–9, табл. VIII: 1–6; IX: 3–5).

Находки, аналогичные О1Т1, встречаются и к западу от Среднего Поднепровья, в ареале пражской культуры. Их репрезентативная серия присутствовала на городище Зимно (12 экз., из них с концами без декора – пять) (Ауліх, 1972, табл. XIII: 3, 5, 10–12), на поселении в Скибинцах (Хавлюк, 1961, рис. 6, 2; 1963, рис. 14: 9; Гавритухин, 2005, с. 434, рис. 24, 3). Они входили в состав клада Крылос, который М.М. Казанский соотносит с представителями властных структур населения Поднепровья (Казанский, 2011, с. 512, 513, рис. 2: 3).

Культурно-хронологический стык сахновско-волынцевских и роменских древностей вкупе с заметным терри-

ториальным совпадением позволяют усматривать связь браслетов О1Т1 с предшествующими древностями, которые, однако, определялись по-разному. Так, А.В. Григорьев за точку отчета принимал Харьевский клад. Близость браслетов с расширяющимися концами колочинским и пеньковским украшениям признавалась, однако упор делался на различия: в последних, по его мнению, были ярче выражены утолщения концов, которые часто орнаментировались (Григорьев, 2000, с. 134, 135). Со ссылкой на А.В. Григорьева волынцевская версия была фактически повторена С.С. Рябцевой, что, правда, сопровождалось некоторой путаницей: браслеты из Железниц, Полтавы, Горнали, Тазово и Липино были отнесены к украшениям «с раскованными пластинчатыми концами» (Рябцева, 2005, с. 32). Напротив, Н.В. Жилина возводит начало эволюционной цепочки к славянским браслетам VI–VIII вв. (Жилина, 2014, с. 22), отмечая при этом определенные различия: ранние браслеты (Мартыновка, Малый Ржавец) были более массивными по сравнению с украше-



Рис. 5. Дровотые браслеты с обрубленными расширяющимися концами 3-й четверти I тысячелетия. 1 – Игрень-Подкова; 2 – Скибинцы; 3, 4 – Зимно; 5, 6 – Мартыновка; 7 – Блажки; 8 – Малый Ржавец; 9 – Пастырское; 10 – Пастырское (клад 1949 г.); 11, 12 – Харьевка. 1–3 – бронза; 4–12 – серебро.

Fig. 5. Wire bracelets with chopped off expanding ends, 3rd quarter of the I millennium. 1 – Igren-Podkova; 2 – Skibintsy; 3, 4 – Zimno; 5, 6 – Martynovka; 7 – Blazhki; 8 – Maly Rzhavets; 9 – Pastyrskoe; 10 – Pastyrskoe (hoard of 1949); 11, 12 – Kharyevka. 1–3 – bronze; 4–12 – silver.

ниями IX в. (Железницы, Полтава) (Жилина, 2012, с. 91, 187; 2017, с. 139, рис. 4: 22, 23, 30).

Приведенные выше многочисленные аналогии подтверждают эту позицию. Отмечу только, что в числе ранних изделий присутствуют и относительно тонкие украшения, аналогичные роменским (рис. 5: 1–3, 5, 9, 11). Имелись и некоторые другие различия. Так, у браслетов VI–VIII вв. огранка концов встречается заметно чаще, в большинстве случаев количество граней достигает шести и даже восьми, тогда как в роменских – че-

тырех и только в одном случае шести. Если это факт сопоставить с редким декорированием, широко представленным на ранних браслетах, то можно с уверенностью говорить об упрощении общего облика этих украшений.

Особый интерес из числа орнаментированных роменских браслетов представляют два из Хорошевского клада, на одном из которых были нанесены концентрические колечки, на втором – треугольники с точкой в основании (рис. 1: 4, 5). Такое оформление, особенно в последнем варианте, характерно для скандинавских

древностей и появляется в Восточной Европе, по свидетельству Ю.М. Лесмана, еще в IX в., получив широкое распространение в древнерусском ювелирном деле в XI столетии (Лесман, 2014, с. 48). Украшения из Хорошево по своей морфологии обычны для роменского населения, поэтому специфический декор следует расценивать как ранний пример русского влияния на деятельность местных мастеров. Что касается орнамента в виде «елочки» на трех изделиях из Железницкого клада, то его можно уверенно связывать с традициями предшествующего времени, хотя ввиду слабости его нанесения – уже в деградированном виде. Видимо, таким же образом объясняется аналогичный декор на браслете с Животинного городища.

Следующими по количеству (6 экз.; рис. 4: 1–4) следуют браслеты О2Т1. При анализе материалов Новотроицкого городища, где было встречено их большинство, И.И. Ляпушкин указал аналогичные находки в Фотивижском клада и Волынцевском могильнике (Козловська, 1928, с. 50, 51, табл. II, мал. 3; Березовець, 1952, с. 248, табл. I: 3; Ляпушкин, 1958, с. 26). Такие украшения входили в состав клада у с. Андрияшевка (Жаров, Терпиловский, 2018, с. 178–180, рис. 4). Аналогии им в предшествующее время пока неизвестны. За пределами Днепровского Левобережья отмечен единственный фрагмент подобного неорнаментированного украшения в слое IX в. Труворова городища (Седов, 2007, с. 97, рис. 75: 14). Судя по находке из Горбово, у роменского населения традиция ношения таких изделий сохранилась вплоть до 2-й половины X в. (Григорьев, 2000, с. 135).

Дротовые браслеты О1Т2 (4 экз.; рис. 3: 1–4) отличаются от украшений О1Т1 более тонкой основой, а также технологической и морфологической простотой. Несмотря на примитивизм, эти изделия имеют точные аналогии у ближайших южных соседей –

населения салтово-маяцкой культуры. По типологии С.А. Плетневой они соответствуют наиболее распространенному типу 2 вида I (Плетнева, 1989, с. 114, 115, рис. 60). Часть других малочисленных типов роменских украшений запястий также имеют прототипы в древностях каганата. Так, два браслета из Хорошева О1Т3 (рис. 1: 4) близки типу 2 вида 2 по классификации С.А. Плетневой (1989, с. 115, рис. 60). В то же время имеется и отличие: если хазарские изделия изготовлены из бронзы, то в числе роменских только один выполнен из этого сырья, тогда как остальные – из серебра. Это позволяет предположить, что появление таких форм у роменцев является результатом морфологического заимствования, а не следствием импорта, впрочем, исключая шуклинский экземпляр из бронзы. «Сырьевая оппозиция» исчезает у браслетов из железа О2Т4 (рис. 4: 7): идентичные изделия С.А. Плетневой отнесены к отдельному, хотя и немногочисленному, виду 4 (1989, с. 115, рис. 60).

Изделие О1Т5 из Шпилевского клада выделяется из общего ряда как своей основой из трехгранного дрота, так и сложным соединением завязанных концов, которое образует «щиток» (рис. 3: 6). Отличает его и увеличенный по сравнению с другими диаметр, что, возможно, предполагало его ношение поверх рукава одежды. Другие находки завязанноконечных браслетов на роменской территории представлены только двумя изделиями из Коробкинского клада, которые, однако, имеют простой узел, когда концы изделия заводились внахлест и закручивались в спирали с противоположных сторон. Кроме того, дротовый браслет из Коробкино был четырехгранным, не имел плавных сужений, при этом обладал декором. За пределами роменского ареала близким изделию из Шпилевки является браслет из Черкасской области Украины, который, однако, был выполнен из четырехгранного дрота

(Андрощук, Зоценко, 2012, с. 119, № 77). Таковую же основу, но с «простым» узлом, имели украшения из Гнездовского клада 2001 г. с младшей монетой 953/954 г. (Авдусина, 2014, рис. 2: 3, 4), браслет из владимирских курганов (Спицын, 1905, рис. 307). Аналогичные соединения отмечены у золотых браслетов из Киевского клада 1913 г. с дирхемами, чеканенными не позднее 905/906 г., но три из них были круглодротовые, два – витые (Корзухина, 1954, с. 83, табл. V). В целом витые обручья с завязанными концами в восточноевропейских древностях встречаются чаще, чем интересующие нас дротовые (Енуков, в печати).

При всех различиях этих украшений сам признак в виде соединительного узла является значимым. Ф.А. Андрощук и В.Н. Зоценко все браслеты с сужающимися завязанными концами, как дротовые, так и витые, в том числе конкретно из Шпилевки, помещали в ряд типично скандинавских находок (Андрощук, Зоценко, 2012, с. 314, рис. 6: 8, 9; № 245, 248а, б). Ю.М. Лесман расценивал эти изделия как один из скандинавских компонентов в формирующейся древнерусской культуре, получивший распространение в Восточной Европе через местное изготовление (Лесман, 2014, с. 50–52, 59, 60), с чем, полагаю, следует согласиться.

Браслет О1Т4 из клада в кв. Ш2 Новотроицкого городища (рис. 3: 5) не имеет аналогов в предшествующих древностях. Украшения из сегментовидного в сечение дрота известны в финно-угорских материалах, однако их концы, в отличие от новотроицкого экземпляра, были обрезаны (Леонтьев, 1996, рис. 76: 4, 5; Вихляев и др., 2014, с. 36, рис. 60: 3). Аналогичное новотроицкому изделие со скругленными концами происходит из слоя IX в. Труворова городища (Седов, 2007, с. 97, рис. 75: 7).

Пластинчатые браслеты, близкие О2Т2 (рис. 4: 5), были распространены у финского населения Поволжья

и Прикамья в VII–XI вв. (Петербургский, 1979, с. 61, рис. 6: 17; Леонтьев, 1996, с. 178, рис. 69: 2, 5; 76: 6–8, 10; Вихляев и др., 2014, с. 38, рис. 63: 1). Известны у финно-угров и пластинчатые обручья с петлей-«завитком», как у изделия О2Т3 (рис. 4: 6) (Леонтьев, 1996, рис. 76: 6; Вихляев и др., 2014, с. 38, рис. 63: 3), которое, напомним, обладает спецификой: в сечении оно имеет треугольную форму. На нем имелись насечки, близкие, как считал А.В. Григорьев, декору пластинчатых браслетов Новотроицкого городища, причем высказывалось предположение о его возможной связи с орнаментом роменской посуды (Григорьев, 2005, с. 97), что не исключает местное производство.

В заключение обзора аналогий роменским браслетам вернемся к дротовому украшению О1Т4 из клада в кв. Ш₂ Новотроицкого городища (рис. 3: 5), сокрытие которого В.С. Кулешов отнес к 830–840-м гг. (2012, с. 70). Как уже указывалось, единственная точная аналогия этой находке происходит из слоя IX в. Труворова городища. Столь дальняя, хотя и синхронная, параллель может объясняться некой случайностью, однако, как отмечалось, в этом же слое был обнаружен и обломок пластинчатого браслета с расширяющимися концами, четыре экземпляра которых происходят также с Новотроицкого городища. Активные связи волынцевско-роменского населения и носителей культуры смоленских длинных курганов сомнений не вызывают (Енуков, 2020). Следы проникновения последних в виде находок височных колец с серповидными заходящими концами тянутся далеко на север и северо-запад. Они известны в Городке на Ловати, на ряде памятников Псковщины, в том числе городищах Псковском и Камно, в Прибалтике (Енуков, 1990б, с. 53, рис. 14: 3; Седов, 2007, с. 94, 95). Два таких маркерных украшения были найдены и на Труворовом городище, причем наряду с многочисленной ке-

рамикой, близкой смоленским длинным курганам (Лопатин, 2012, с. 133, рис. 16: 2, 3), заметная часть которой, в свою очередь, имеет прямые аналогии в волынцевско-роменской посуде. В свете этих фактов предположение о контактах, не исключено – непосредственных, между обитателями Новотроицкого и Труворова городищ не выглядит столь уж фантастичным.

В результате формирование традиций использования роменским населением украшений запястий определялись следующими культурно-хронологическими векторами. Самыми популярными обручьями были дровые браслеты с расширяющимися концами О1Т1, прототипы которых относятся к VI–VII вв. Их носили парами, в пользу чего свидетельствует четное количество находок в комплексах (Железницы, Полтава, Хорошево, Воробьевка 2-я, Горналь, Заречье, «Курск – Курчатов»), в том числе в погребении (Липино). Наряду с появившимися позднее браслетами О2Т1 они отражают доминирующую славянскую традицию в роменском наборе обручий. К числу древнерус-

ских импортов относится дровый браслет О1Т5, а также все изделия из Коробкино, при этом русское влияние отмечается в декоре двух изделий О1Т1 из Хорошева. Воздействие хазарской моды выразилось в находках О1Т2 и О1Т3, которые, возможно, были изготовлены, по крайней мере частью, местными мастерами. Напротив, железные браслеты О2Т4, вероятнее всего, своим происхождением связаны непосредственно с территорией каганата. Северное направление контактов намечается буквально отдельными пунктирами. С финно-угорским миром можно связать пластинчатый браслет О2Т2 из Шуклинки, возможно изделие О2Т3 из Торхово. Наконец, какая-то связь фиксируется между населением Новотроицкого и Труворова городищ.

В целом набор браслетов, несмотря на морфологическую простоту их большинства, представляет собой вполне самобытное явление, а обручья О1Т1 и О2Т1 являются своего рода индикатором роменских древностей на памятниках Восточной Европы IX–X вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдусина С.А. Гнездовский клад 2001 г. // Славяне и иные языки... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной / Тр. ГИМ. Вып. 198 / Отв. ред. Н.И. Астахов. М.: ГИМ, 2014. С. 98–115.
2. Андрощук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности Южной Руси. Каталог / Від. ред. К. Цукерман. Paris: АСНСВуз, 2012. 367 с.
3. Арциховский А.В. Курганы вятичей. М.: РАНИОН, 1930. 222 с.
4. Ауліх В.В. Зимнівське городище – слов'янська пам'ятка VI–VII ст. н. е. у Східній Волині. Київ, Наукова думка, 1972. 124 с.
5. Березовець Д.Т. Дослідження на території Путивльського району, Сумської області // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. III / Від. ред. П.П. Єфименко. Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1952. С. 242–250.
6. Богомольников В.В. Радимичи (по материалам курганов X–XII вв.). Гомель: ГомГУ, 2004. 226 с.
7. Винников А.З. Ювелирные изделия со славянского Животинного городища Боршевской культуры на р. Воронеж // Материалы по истории и археологии России. Т. 1 / Отв. ред. В.М. Буланкин. Рязань: Александрия, 2010. С. 236–246.
8. Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.И. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья / Научн. ред. И.М. Петербургский. Саранск: Красный октябрь, 2008. 352 с.
9. Гавритухин И.О. Комплексы пражской культуры с датирующими вещами // Archeologia o rozsątkach Slowian. Materialy z konferencji / Red.: Piotr Kaczanowski, Michal Parczewski. Krakow: Instytut archeologii Uniwersytetu Jagellonskiego, 2005. S. 403–461.
10. Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / РСМ. Вып. 3 / Ред. Г.Е. Афанасьев, И.П. Русанова. М.: ИА ПАН, 1996. 296 с.
11. Гоголев С.А., Шапошник В.Г., Овсянников О.В. Монетно-вещевой клад X в. с подражаниями куфическим дирхамом из Харьковской области // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Вып. 12 / Отв. ред. Г.А. Титов. М.: ЭмБиАй, 2023. С. 11–23.

12. Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: Наука, 1981. 136 с.
13. Горюнова В.М. Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья // Археологические вестн. Вып. 1 / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, Дмитрий Буланин. 1992. С. 126–140.
14. Грибенникова И.В., Шпилев А.Г. Денежно-вещевой клад третьей четверти X в. из с. 2-я Воробьевка Курской области // Верхнее Подонье: Археология. История / Отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2009. С. 34–44.
15. Григорьев А.В. О датировке Полтавского клада // 100-річчя Полтавського краєзнавчого музею. Полтава: б/и, 1991. С. 85–87.
16. Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула: Гриф и К°, 2000. 263 с.
17. Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I–начале II тыс. н. э. Тула: Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», 2005. 207 с.
18. Григорьев А.В. На Десне Сейме и Суле, в верховьях Дона и Оки // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. Москва; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 367–379.
19. Енуков В.В. Отчет о раскопках городища у д. Городище Курского района Курской области в 1990 г. (1990а) / НА ИА РАН. Р-1. № 15214.
20. Енуков В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М.; Курск: КГПИ, 1990б. 262 с.
21. Енуков В.В. Роменское население Посемья в древнерусское время // Археология Юго-востока Руси: Мат. IV научн. конф. / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. С. 78–108.
22. Енуков В.В. Липинские курганы в контексте вопроса о «роменских ингумациях» // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья: Мат. конф., посвященной 75-летию со дня рождения К.Ф. Сокола / Ред. В.В. Енуков. Курск: Курск. гос. ун-т, 2008. С. 39–69.
23. Енуков В.В. Русь и судьбы северян (по материалам раскопок Курска) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 3 (47). С. 1–7. Доступно по URL: <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/52>.
24. Енуков В.В. Древности днепро-донской лесостепи и проблема формирования культуры смоленских длинных курганов // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. № 4 (56). С. 1–13. Доступно по URL: <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/172>.
25. Енуков В.В. Круглые вырезки из дирхемов в денежном обращении X в.: историко-археологический антураж // КСИА. 2023. № 270. С. 84–98.
26. Енуков В.В. Клад X в. из с. Коробкино Курской губернии (в печати).
27. Жаров Г.В., Терпиловський Р.В. Горизонт волинцівської культури поселення Мельники I поблизу с. Андріяшівка // Старожитності Лівобережжя Дніпра. Київ; Котельва: ЦП НАН України і УТОПІК, 2018. С. 173–182.
28. Жилина Н.В. VIII век – рубеж и преемственность (по материалам костюма и убора из украшений) // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Мат. междунар. конф., посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968). Санкт-Петербург. 3–5 декабря 2012 г. / Науч. ред. В.М. Горюнова. СПб.: СОЛО, 2012. С. 88–91.
29. Жилина Н.В. Древнерусскиеклады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: URSS, 2014. 400 с.
30. Жилина Н.В. Сравнительный анализ хазарского и славяно-русского убора из украшений к костюму // Поволжская археология. 2017. № 2 (20). С. 127–156.
31. Зорин А.В. Курганный могильник у с. Шуклинка и особенности погребальной обрядности Посемья рубежа X–XI вв. // Ю.А. Липкинг и археология Курского края. Курск: Мечта, 2005. С. 81–90.
32. Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилев А.Г., Щеглова О.А. Очерки истории Курского края с древнейших времен до XVII в. Курск: График, 2008. 622 с.
33. Казанский М.М. О центрах власти у славян: днестровскиеклады VII века // Петербургский апокриф. Послание от Марка / Отв. ред. О.В. Шаров Кишинев; СПб.: Stratum plus, 2011. С. 509–526.
34. Козловська В. Срібний скарб часів великого переселення народів з с. Фотівіж на Чернігівщині // Ювілейний збірник на пошану академіка Михайла Михайла Сергієвича Грушевського з нагоди шістьдесятої річниці життя та сорокових роковин наукової діяльності / Голова П.А. Туктківський. Київ: Українська Академія Наук, 1928. Т. I. С. 44–52.
35. Колода В.В. К вопросу о салтовских погребениях на поселениях (на примере богатого женского захоронения на городище Мохнач) // Древности: Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков: Бизнес Информ, 2011. Т. 10. С. 261–272.

36. Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 226 с.
37. Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. V / Глав. ред. А.И. Айбабин. Симферополь: Таврия, 1996. С. 352–435, 586–705.
38. Куза А.В. Большое городище у д. Горналь // Древнерусские города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1981. С. 6–39.
39. Кулешов В.С. Денежное обращение новотроицкой общины роменцев: комплексы, категории и весовые нормы // Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Мат. Междунар. конф., посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968). Санкт-Петербург. 3–5 декабря 2012 г. / Научн. ред. В.М. Горюнова. СПб.: СОЛО, 2012. С. 65–71.
40. Линка-Геппенер Н. Копийський скарб // Археологія. 1948. № II. С. 182–191.
41. Левашиова В.П. Браслеты // Очерки истории по русской деревни / Труды ГИМ. Вып. 43 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Советская Россия, 1967. С. 207–252.
42. Леонтьев А.Е. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси // Археология великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 4. М.: Геоэко, 1996. 338 с.
43. Лесман Ю.М. Скандинавский компонент древнерусской культуры // *Stratum plus*. 2014. № 5. С. 43–87.
44. Лопатин Н.В. Изборск // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. Москва; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 122–137.
45. Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства / МИА. № 74. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1958. 327 с.
46. Макаренко Н. Материалы по археологии Полтавской губернии // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. Вып. 5 / Под ред. И.Фр. Павловского. Полтава: Электрическая типография Г.И. Маркевича, 1908. С. 201–212.
47. Макарова Т.И. Зарайский клад и проблема наследия в ювелирном деле восточных славян в XI столетии // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука, 2005. С. 126–131.
48. Моисеенко Н.С. Денежно-вещевой клад X века из Заречья // VI МНК «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.» / Ред. Л.А. Губчевская и др. Санкт-Петербург, Старая Ладога: Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник, 2023. С. 153–158.
49. Никольская Т.Н. Шуклинское городище // КСИИМК. № 72 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 66–77.
50. Орлов Р.С. Художественный металл Чернигова (семантика оковки на турьем роге из Черной могилы) // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. / Отв. ред. П.П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1988. С. 152–165.
51. Падин В.А. Кветунский древнерусский могильник // СА. 1976. № 1. С. 197–211.
52. Петербургский И.М. Второй Журавкинский могильник // Археологические памятники мордвы I тыс. н. э. / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 63 / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1979. С. 57–102.
53. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 288 с.
54. Приходнюк О.М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования). Воронеж: Воронеж. ун-т, 1998. 170 с.
55. Приходнюк О.М. Пастирьске городище. Київ-Чернівці: Зелена Буковина, 2005. 244 с.
56. Приходнюк О.М., Хардаев В.М. Харивский клад // *Archaeoslavica*. 1998. № 3. S. 243–282.
57. Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готв // ИАК. Вып. 19. СПб., 1906. С. 1–80.
58. Родинкова В.Е. Раннеславянские клады Верхнего Псла // *Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций: сборник статей в честь 70-летия Михаила Казанского* / Отв. ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2023. С. 193–209.
59. Рыбаков Б.А. Древние русы // СА. Вып. XVII / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 23–104.
60. Рябцева С.С. Древнерусский ювелирный убор: Основные тенденции формирования. СПб.: Нестор-История, 2005. 384 с.
61. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / Археология СССР. М.: Наука, 1982. 328 с.
62. Седов В.В. Изборск в раннем Средневековье. М.: Наука, 2007. 413 с.
63. Спицын А.А. Владимирские курганы // Известия ИАК. Вып. 15. СПб., 1905. С. 84–172.
64. Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. «Дрогалево городище»: попытка атрибуции памятника из фондов Курского государственного областного музея археологии // Русский сборник. Вып. 6 / Ред. А.П. Сальков, О.А. Яновский. Брянск: РИО БГУ, 2011. С. 102–106.

65. Стародубцев Г.Ю., Лебедев В.П. Клад украшений и монисто со знаками Рюриковичей: предварительное сообщение // II Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.». Санкт-Петербург, Старая Ладога, 3–5 апреля 2015 года. СПб.; Старая Ладога: б/и, 2015. С. 26–35.

66. Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев: Наукова Думка, 1975. 168 с.

67. Хавлюк П.И. Раннеславянские поселения в средней части Южного Побужья // СА. 1961. № 3. С. 187–201.

68. Хавлюк П.И. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга // Славяне накануне образования Киевской Руси // МИА. № 108 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 320–350.

69. Циркин А.В. Материальная культура и быт народов Среднего Поволжья в I тыс. н. э. Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1987. 304 с.

70. Шпилев А.Г. Украшения роменской культуры из Курской области (вторая половина VIII – конец X вв.) // Stratum plus. 2010. № 5. С. 221–274.

71. Штыхаў Г.В. Гарады Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі // Археалогія Беларусі / Навук. рэд. П. Ф. Лысенка. Мінск: Беларуская навука, 2000. Т. 3. С. 171–229.

72. Щеглова О.А. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Сборник научных трудов / Ред. Р.В. Терпеловский. Курск: Курский областной краеведческий музей, 1990. С. 162–205.

Информация об авторе:

Енуков Владимир Васильевич, доктор исторических наук, директор НИИ археологии юго-востока Руси. Курский государственный университет (г. Курск, Россия); yvenukov@gmail.com

BRACELETS OF THE ROMNY CULTURE POPULATION

V.V. Enukov

The article presents the results of an analysis of Romny culture bracelets in order to reveal the sources of origin of certain forms. In total, 48 bracelets were recorded, excluding 7 items of the 1915 hoard from Korobkino, which is the subject of a special publication. The most popular bracelets were made of wire with expanding ends (30 items), the prototypes of which are well known among Slavic antiquities of the VI–VIII centuries. These items, along with plate bracelets with expanding ends (6 items), that appeared in Volyntsevo time, act as a kind of marker of the Romny culture at the Eastern European Slavic-Russian sites of the IX–X centuries. Russian imports are represented by a wire bracelet with tied ends from Shpilevka, as well as jewelry from Korobkino. Four thin wire bracelets reflect the influence of Khazar fashion. The use of silver as a raw material (3 items) suggests their local production. Two iron plate bracelets with loops at the ends most likely came directly from the Khaganate. There are weak connections with the Finnish environment of the Volga region, as well as contacts between the inhabitants of Novotroitskoe and Truvorovo hillforts. In general, the set of Romny bracelets represents an essentially original phenomenon.

Keywords: archaeology, Romny culture, bracelets, prototypes, analogues, cultural-chronological vectors, the Slavs, the Finns, Rus.

REFERENCES

1. Avdusina, S. A. 2014. In Astashova, N. I. (ed.). *Slavyane i inye yazytsi... Kyubileyu Natal'i Germanovny Nedoshivinyoy (The Slavs and other languages... To the anniversary of Natalia Germanovna Nedoshivina)* / Series: Proceedings of the State Historical Museum 198. Moscow: State Historical Museum, 98–115 (in Russian).

2. Androshchuk, F., Zotsenko, V. 2012. *Skandinavskie drevnosti Yuzhnoy Rusi. Katalog (Scandinavian Antiquities of Southern Rus'. A Catalogue)*. Paris: "ACHCByz" Publ. (in Russian).

3. Artsikhovskii, A. V. 1930. *Kurgany viatichei (Burial Mounds of the Viaticchi)*. Moscow: "RANION" Publ. (in Russian).

4. Aulikh, V. V. 1972. *Zimnivs'ke gorodishche – slov'yans'ka pam'yatka VI–VII st. n. e. u Skhidniy Volini ((Zimovniki hillfort is a Slavic monument of the VI–VII centuries AD in Eastern Volyn)*. Kiiv: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).

5. Berezovets', D. T. 1952. In *Arkheologichni pam'yatki URSR (Archaeological sites of the Ukrainian SSR)* III. Kiev: Publishing House of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, 242–250 (in Ukrainian).

6. Bogomol'nikov, V. V. 2004. *Radimichi (po materialam kurganov X–XII vv.) (The Radimichs (based on the materials of the burial mounds of the X–XII centuries))*. Gomel': Gomel' State University Publ. (in Russian).
7. Vinnikov, A. Z. 2010. In Bulankin, V. M. (ed.). *Materialy po istorii i arkeologii Rossii (Materials on the History and Archaeology of Russia)* 1. Ryazan': "Aleksandriya" Publ., 236–246 (in Russian).
8. Vikhliayev, V. I., Begovatkin, A. A., Zelentsova, O. V., Shitov, V. I. 2008. *Khronologiya mogil'nikov naseleniia I–XIV vv. zapadnoi chasti Srednego Povolzh'ia (Chronology of the Burial Grounds of 1st – 14th Centuries in the Western Part of the Middle Volga Region)*. Saransk: "Krasnyi Oktiabr" Typography (in Russian).
9. Gavritukhin, I. O. 2005. In Kaczanowski, P., Parczewski, M. (eds.). *Archeologia o początkach Słowian (Archaeology on the genesis of the Slavs)*. Krakow: Instytut archeologii Uniwersytetu Jagiellońskiego Publ., 403–461 (in Russian).
10. Gavritukhin, I. O., Oblomsky, A. M. 1996. In Afanas'ev, G. E., Rusanova, I. P. (eds.). *Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy kontekst (Gaponovo Hoard and its cultural and historical Context)*. Series: Rannelslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
11. Goglov, S. A., Shaposhnik, V. G., Ovsyannikov, O. V. 2023. In Titov, G. A. (ed.). *Rus', Litva, Orda v pamyatnikakh numizmatiki i sfragistiki (Rus, Lithuania, Horde in monuments of numismatics and sphragistics)* 12. Moscow: "EmBiAy" Publ., 11–23 (in Russian).
12. Goryunov, E. A. 1981. *Rannie etapy istorii slavyan Dneprovskogo Levoberezh'ya (The early stages of the history of the Slavs on the left bank of the Dnieper)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
13. Goryunova, V. M. 1992. In Masson, V. M. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 1. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 126–140 (in Russian).
14. Grebennikova, I. V., Shpilev, A. G. 2009. In Naumov, A. N. (ed.). *Verkhnee Podon'e: Arkheologiya. Istoriya (Upper Don region: Archaeology. History)*. Tula: "Kulikovo Pole" State Museum-Reserve, 34–44 (in Russian).
15. Grigor'ev, A. V. 1991. In *100-richchya Poltavsk'ogo kraevnavorozhogo muzeyu (100th anniversary of the Poltava Museum for regional studies)*. Poltava, 85–87 (in Russian).
16. Grigor'ev, A. V. 2000. *Severskaia zemlia v VIII – nachale XI veka po arkheologicheskim dannym. (Seversk Land in 8th – early 9th Centuries According to Archaeological Data)*. Tula: "Grif i K" Publ. (in Russian).
17. Grigor'ev, A. V. 2005. *Slavyanskoe naselenie vodorazdela Oki i Dona v kontse I–nachale II tys. n.e. (The Slavic population of the Oka and Don watershed at the end of the 1st – beginning of the 2nd millennium AD)*. Tula: "Kulikovo Pole" State Museum-Reserve (in Russian).
18. Grigor'ev, A. V. 2012. In Makarov, N. A. (ed.). *Rus' v IX–XI vekakh: arkheologicheskaia panorama (Rus in 9th-11th Centuries: Archaeological Panorama)*. Moscow; Volodga: "Drevnosti Severa" Publ., 367–379 (in Russian).
19. Enukov, V. V. 1990. *Otchet o raskopkakh gorodishcha u d. Gorodishche Kurskogo rayona Kurskoy oblasti v 1990 g. (Report on the excavations of the hillfort near the village of Gorodishche, Kursky district, Kursk region in 1990)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 15214 (in Russian).
20. Enukov, V. V. 1990. *Rannie etapy formirovaniya smolensko-polotskikh krivichey (po arkheologicheskim materialam) (The early stages of the formation of the Smolensk-Polotsk Krivichs (according to archaeological materials))*. Moscow, Kursk: Kursk State Pedagogical Institute Publ. (in Russian).
21. Enukov, V. V. 2006. In Pryakhin, A. D. (ed.). *Arkheologiya Yugo-vostoka Rusi (Archaeology of the South-East of Russia)*. Elets: Elets State University Publ., 78–108 (in Russian).
22. Enukov, V. V. 2008. In Enukov, V. V. (ed.). *Slavyano-russkie drevnosti Dneprovskogo Levoberezh'ya (Slavic-Russian antiquities of the Dnieper Left Bank)*. Kursk: Kursk State University Publ., 39–69 (in Russian).
23. Enukov, V. V. 2018. In *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University)* 3 (47), 1–7. Available at: URL: <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/52> (in Russian).
24. Enukov, V. V. 2020. In *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University)* 4 (56), 1–13. Available at: URL: <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/172> (in Russian).
25. Enukov, V. V. 2023. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 270, 84–98 (in Russian).
26. Enukov, V. V. *Klad X v. iz s. Korobkino Kurskoy gubernii (Treasure of the 10th century from the village of Korobkino, Kursk province)*. (in print).
27. Zharov, G. V., Terpilovskiy, R. V. 2018. In *Starozhitnosti Livoberezhzhya Dnipro (Antiquities of the Left Bank of the Dnieper)*. Kiev; Kotelva: Central Office of the National Academy of Sciences of Ukraine I UTOPIK, 173–182 (in Ukrainian).

28. Zhilina, N. V. 2012. In Goriunova, V. M. (ed.). *Slaviane Vostochnoi Evropy nakanune obrazovaniia Drevnerusskogo gosudarstva (The Slavs of Eastern Europe on the Eve of the Formation of the Old Russian State)*. Saint Petersburg: "Solo" Publ., 206–209 (in Russian).
29. Zhilina, N. V. 2014. *Drevnerusskie klady IX–XIII vv. Klassifikatsiia, stilistika i khronologiya ukrashenii (Old Russian Hoards of 9th–13th Centuries. Classification, Stylistics and Chronology of Adornments)*. Moscow: "URSS" Publ. (in Russian).
30. Zhilina, N. V. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 20 (2), 127–156 (in Russian).
31. Zorin, A. V. 2005. In *Yu. A. Lipking i arkheologiya Kurskogo kraia (Yu. A. Lipking and archaeology of the Kursk Region)*. Kursk: "Mechta" Publ., 81–90 (in Russian).
32. Zorin, A. V., Starodubtsev, G. Yu., Shpilev, A. G., Shcheglova, O. A. 2008. *Ocherki istorii Kurskogo kraia s drevneyshikh vremen do XVII v. Kursk: "Grafik" Publ. (in Russian)*.
33. Kazansky, M. M. 2011. In Sharov, O. V. (ed.). *Peterburgskiy apokrif. Poslanie ot Marka (Saint-Petersburg Apocrypha. Epistle of Mark)*. Chisinau; Saint-Petersburg: Stratum Plus, 509–526 (in Russian).
34. Kozlovsk'ka, V. 1928. In Tutkovsky, P. A. (chairman). *Yuvileyniy zbirnik na poshchanu akademika Mikhayla Mikhayla Sergievicha Grushevs'kogo z nagodi shist'desyatoï richnitsi zhitya ta sorokovikh rokovini naukovoi diyal'nosti (Jubilee collection of papers in honor of the 60th anniversary of Academician Mikhail Sergeevich Grushevsky and the 40th anniversary of his scientific activity)*. Kyiv: Ukrainian Academy of Sciences Publ. Vol. I., 44–52 (in Ukrainian).
35. Koloda, V. V. 2011. In *Drevnosti (Antiquities)* 10. Kharkov: "Biznes Inform" Publ., 261–272 (in Russian).
36. Korzukhina, G. F. 1954. *Russkie klady IX–XIII vv. (Russian Hoards of 9th–13th Centuries)* Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
37. Korzukhina, G. F. 1996. In Aibabin, A. I. (ed.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on Archeology, History and Ethnography of Tavria)* V. Simferopol: "Tavriya" Publ., 352–435, 586–705 (in Russian).
38. Kuza, A. V. 1981. In Sedov, V. V. (ed.). *Drevnerusskie goroda (Ancient Russian Towns)*. Moscow: "Nauka" Publ., 6–39 (in Russian).
39. Kuleshov, V. S. 2012. In Goriunova, V. M. (ed.). *Slaviane Vostochnoi Evropy nakanune obrazovaniia Drevnerusskogo gosudarstva (The Slavs of Eastern Europe on the Eve of the Formation of the Old Russian State)*. Saint Petersburg: "Solo" Publ., 206–209 (in Russian).
40. Linka-Geppener, N. 1948. In *Arkheologiya (Archaeology)* II, 182–191 (in Ukrainian).
41. Levashova, V. P. 1967. In Rybakov, B. A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X–XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th–13th Centuries)*. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 43. Moscow: "Sovetskaia Rossiia" Publ., 207–252 (in Russian).
42. Leont'ev, A. E. 1996. In *Arkheologiya velikogo pereseleniia narodov i rannego srednevekov'ia (Archaeology of the Great Migration Period and Early Middle Ages)* 4. Moscow: "Geoeko" Publ. (in Russian).
43. Lesman, Yu. M. 2014. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 43–87 (in Russian).
44. Lopatin, N. V. 2012. In Makarov, N. A. (ed.). *Rus' v IX–XI vekakh: arkheologicheskaya panorama (Rus in 9th–11th Centuries: Archaeological Panorama)*. Moscow; Vologda: "Drevnosti Severa" Publ., 122–137 (in Russian).
45. Lyapushkin, I. I. 1958. *Gorodishche Novotroitskoe. O kul'ture vostochnykh slavian v period slozheniia Kievskogo gosudarstva (Novotroitskoye Fortified Settlement. On the Culture of the Eastern Slavs during the Development of the Kievan State)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 74. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences (in Russian).
46. Makarenko, N. 1908. In Pavlovskiy, I. Fr. (ed.). *Trudy Poltavskoy uchenoy arkhivnoy komissii (Proceedings of the Poltava Scientific Archival Commission)* 5. Poltava: "Elektricheskaya tipografiya G.I. Markevicha", 201–212 (in Russian).
47. Makarova, T. I. 2005. In Makarov, N. A., Chernetsov, A. V. (eds.). *Rus' v IX–XIV vekakh. Vzaimodeistvie Severa i Iuga (Rus in 9th–14th Centuries. Interaction of the North and South)*. Moscow: "Nauka" Publ., 126–131 (in Russian).
48. Moiseenko, N. S. 2023. In Gubchevskaya, L. A. et al (eds.). *VI MNK «Epokha vikingov v Vostochnoy Evrope v pamyatnikakh numizmatiki VIII–XI vv.»: Sankt-Peterburg, Staraya Ladoga (The VI International Numismatic Conference «The Viking Era in Eastern Europe and Numismatic Objects of the 8th–11th Centuries»)*. Saint-Petersburg, Staraya Ladoga: Staroladozhskiy Historical-Architectural and Archeological Museum-Reserve Publ., 153–158 (in Russian).
49. Nikolaikaia, T. N. 1958. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 72. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 66–77 (in Russian).
50. Orlov, R. S. 1988. In Tolochko, P. P. (ed.). *Chernigov i ego okruga v IX–XIII vv. (Chernigov and its districts in the IX–XIII centuries)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 152–165 (in Russian).
51. Padin, V. A. 1976. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 197–211 (in Russian).

52. Peterburgskiy, I. M. 1979. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki mordvy I tys. n.e.* (Archaeological Sites of the Mordva of I Millennium AD). *Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki* (Proceedings of the Mordovia Institute of Language, Literature, History, and Economy) 63. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 57–102 (in Russian).
53. Pletneva, S. A. 1989. *Na slaviano-khazarskom pogranich'e. Dmitrievskii arkheologicheskii kompleks* (In the Slavic-Khazar Borderlands. Dmitriev Archaeological Complex). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
54. Prikhodnyuk, O. M. 1998. *Pen'kovskaya kul'tura* (Kul'turno-arkheologicheskii aspekt issledovaniya) (Penkov culture (Cultural and archaeological aspect of the study. Voronezh) Voronezh: Voronezh State University Publ. (in Russian).
55. Prikhodnyuk, O. M. 2005. *Pastir'ske gorodishche* (Pastir hillfort). Kiiv-Chernivtsi: "Zelena Bukovina" Publ (in Ukrainian).
56. Prikhodnyuk, O. M., Khardaev, V. M. 1998. In *Archaeoslavica* 3, 243–282 (in Russian).
57. Repnikov, N. I. 1906. In *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii* (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission) 19. Saint Petersburg, 1–80 (in Russian).
58. Rodinkova, V. E. 2023. In Aybabin, A. I., Khayredinova, E. A. (eds.). *Imperium et Barbaricum: vzaimodeystvie tsivilizatsiy: sbornik statey v chest' 70-letiya Mikhaila Kazanskogo* (Imperium et Barbaricum: Interaction of Civilizations: Papers Collected in Honour of Michel Kazanski's 70th Birthday). Simferopol': "Antikva" Publ., 193–209 (in Russian).
59. Rybakov, B. A. In Rybakov, B. A. (ed.). *Sovetskaya Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (17). Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 23–104 (in Russian).
60. Riabtseva, S. S. 2005. *Drevnerusskii iuvelirnyi ubor. Osnovnye tendentsii formirovaniia* (Early Russian Jewelry Set. Main Development Trends). Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
61. Sedov, V. V. 1982. *Vostochnye slaviane v VI–XIII vv.* (Eastern Slavs in 6th–13th Centuries). Series: Archaeology of the USSR 14. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
62. Sedov, V. V. 2007. *Izborsk v rannem Srednevekov'e* (Izborsk in the Early Middle Ages). M.: "Nauka" Publ. (in Russian).
63. Spitsyn, A. A. 1905. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii* (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission) 15. Saint Petersburg, 84–172 (in Russian).
64. Starodubtsev, G. Yu., Zorin A.V. 2011. In Sal'kov, A. P., Yanovskiy, O. A. (eds.). *Russkiy sbornik* (Russian collection) 6. Bryansk: Bryansk State University Publ., 102–106 (in Russian).
65. Starodubtsev, G. Yu., Lebedev, V. P. 2015. In *II Mezhdunarodnaya numizmaticheskaya konferentsiya «Epokha vikingov v Vostochnoi Evrope v pamiatnikakh numizmatiki VIII–XI vv.»* (II The International Numismatic Conference "The Viking Era in Eastern Europe and Numismatic Objects of the 8th–11th Centuries"). Saint Petersburg: Staraia Ladoga Historical-Architectural and Archaeological National Park, 26–35 (in Russian).
66. Sukhobokov, O. V. 1975. *Slavyane Dneprovskogo Levoberezh'ya* (romenskaya kul'tura i ee predshestvenniki) (Slavs of the Dnieper Left Bank (Romny culture and its predecessors)). Kiev: "Naukova Dumka" Publ. (in Russian).
67. Khavlyuk, P. I. 1961. In *Sovetskaya Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (3), 187–201 (in Russian).
68. Khavlyuk, P. I. 1963. In Rybakov, B. A. (ed.). *Slavyane nakanune obrazovaniya Kievskoy Rusi* (The Slavs on the eve of the formation of Kievan Rus). Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies on the USSR Archaeology) 108. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 320–350 (in Russian).
69. Tsirkin, A. V. 1987. *Material'naya kul'tura i byt narodov Srednego Povolzh'ya v I tys. n. e.* (Material culture and Everyday Life of the Peoples of Middle Volga Region in I Millennium AD). Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University Publ. (in Russian).
70. Shpilev, A. G. 2010. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 221–274 (in Russian).
71. Shtykhaŭ, G. V. 2000. In Lysenka, P. F. (ed.). *Arkheologiya Belarusi* (Archaeology of Belarus). Vol. 3. Minsk: "Belaruskaya navuka" Publ., 171–229 (in Belarusian).
72. Shcheglova, O. A. 1990. In Terpelovskii, R. V. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Dneprovskogo Levoberezh'ia* (Materials and Research on the Archaeology of the Left Bank of the Dnieper). Kursk: Kursk Regional Museum of Local Lore, 162–205 (in Russian).

About the Author:

Enukov Vladimir V. Doctor of Historical Sciences. Director of the Research Institute of Archeology of South-East Rus'. Kursk State University. Radishcheva St., 33, Kursk, 305000, Russian Federation; vyenukov@gmail.com

Статья принята в номер 01.06.2024 г.

УДК 903.02

<https://doi.org/10.24852/pa2024.2.48.26.42>

ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ МАССОВОЙ КЕРАМИКИ С РАСКОПОВ 2022 Г. НА СРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДИЩЕ КЕН-БУЛУН (ЧУЙСКАЯ ДОЛИНА, КЫРГЫЗСТАН)¹

© 2024 г. А.А. Куклина, В.А. Кольченко

В статье представлены результаты углублённого изучения керамических находок с городища Кен-Булун Чуйской области Кыргызстана, полученных в ходе полевого сезона 2022 года. Были расширены сведения об исходном пластичном сырье: помимо глинистого, имеются признаки использования глиноподобного сырья, такого как лёсс. Также зафиксированы две традиции подготовки глин: во влажном и в сухом состоянии. В составлении формовочных масс удалось зафиксировать три традиции: одну смешанную и две несмешанных. Помимо этого, уточнены и дополнены сведения по конструированию сосудов: часть изделий имеет признаки использования форм-моделей. Изучение орнамента было ограничено фрагментарным характером находок, поэтому в статье приведены данные по первому уровню технико-технологического анализа – описание элементов орнамента и определение вида инструмента, которым наносился орнамент. Набор форм керамики довольно обширный и включает кухонную, столовую, тарную керамику, а также изделия бытового назначения. Орнамент и формы керамических изделий Кен-Булуна сближают их с комплексами других поселений Чуйской долины, а также Южного Казахстана.

Ключевые слова: археология, петрография, историко-культурный подход, Чуйская долина, караханидский период, керамика, технология гончарства, сырьё, формовочные массы, морфология.

В 2022 г. Институт археологии им. А. Халикова АН РТ и Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР провели свой первый сезон раскопок на городище Кен-Булун в Чуйской долине Кыргызстана. Работы велись на двух раскопах в разных структурных частях городища. Ими были вскрыты верхние слои, датированные по нумизматическим и другим находкам 2-ой пол. XI – нач. XII вв., т. е. относящиеся к караханидскому времени (Камышев, Кольченко, 2023; Кольченко, Тулуш, Ситдииков, 2024).

Археологическое исследование средневековых городов невозможно представить без тщательного изучения массового керамического материала. При работе с новым памятником особенно важно составить как можно более полное представление о видах и

особенностях керамических изделий, бытовавших на данной территории, и их эволюции, но при этом не потерять за большим объёмом данных сам объект изучения. Таким новым памятником, в некотором смысле, является и городище Кен-Булун, поскольку планомерные археологические исследования стали проводиться здесь только в XXI веке (Тереножкин, 2012, с. 49; Кольченко и др., 2022).

В первую очередь стоит обобщить уже имеющиеся сведения о неположенной керамике караханидского времени городищ Чуйской долины и очертить круг нерешенных на данный момент проблем.

В ходе работ Семиреченской археологической экспедиции под руководством А.Н. Бернштама в 1938–1940 гг. были обследованы городища Ак-Бешим, Красная Речка, Бурана и

¹ Работа выполнена в рамках государственной программы «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020–2024 гг.)» и гранта Международного института центральноазиатских исследований (МИЦАИ) №22/2022 на 2022–2023 гг.

ряд других. Описание находок караханидского времени (XI–XII вв.) содержит описание форм сосудов, их орнамента, а также отдельные особенности конструирования. Характерной чертой керамики почти всех памятников, по сообщению автора, является наличие примеси дресвы (Труды Семиреченской экспедиции, 1950, с. 11–12). Примечательно, что вся посуда, за исключением округлодонных котлов, охарактеризована как гончарная (Труды Семиреченской экспедиции, 1950, с. 135). Подобным образом представлен и обзор керамики в монографии П.Н. Кожемяко, посвящённой городам Чуйской долины. Керамика X–XII вв., по мнению автора, является в большинстве своём гончарной, «из тщательно приготовленного теста, без примесей» (Кожемяко, 1959, с. 53). Лепную керамику он связывает с той частью неимущего населения, которая происходит из среды разорившихся кочевников (Кожемяко, 1959, с. 55). Описывая раскопки жилого дома караханидского времени на Краснореченском городище, П.Н. Кожемяко разделит керамические находки на следующие виды: кувшины, горшки, котлы, тагора, крышки, светильники, тарелки – и составил их морфологическое описание (Кожемяко, 1967). Помимо этого, опубликована типология керамики по материалам чуйских городищ в целом (Горячева, 2010, с. 65–68). Большинство форм керамики X–XII вв. находит аналогии в других районах Средней Азии, в частности на памятниках Южного Казахстана (Агеева, Пацевич, 1958, с. 187–193).

Акцент изучения неполивной керамики делался, таким образом, в основном на описании форм сосудов, их встречаемости в комплексах/слоях, эволюции форм и комплексов, что в целом является своеобразной традицией в археологии Средней Азии. До недавнего времени вопросы техноло-

гии производства керамики Чуйской долины оставалась вне поля зрения исследователей. Лишь одна работа посвящена технологическому аспекту создания керамики с территориально близких памятников – на юго-востоке Казахстана и севере Кыргызстана (Кузнецова, Кольченко, 2002).

На наш взгляд, изучение массовой керамики городищ Чуйской долины требует системности историко-культурного подхода, который как раз подразумевает взгляд на гончарство как на взаимосвязанность её отдельных аспектов (Цетлин, 2010, с. 229), т. е. должно учитывать как технологические аспекты создания керамических изделий, так и эволюцию форм и их комплексов, отражающих функциональное использование керамики.

Настоящая статья представляет итоги исследования массовой керамики, полученной в ходе раскопок 2022 года в рамках совместной экспедиции Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР (г. Бишкек) и Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань). Промежуточные результаты по керамическим находкам опубликованы ранее (Куклина, Кольченко, Тулуш, 2023). Характеристика самих раскопок 2022 г. подготовлена к публикации отдельной статьёй (Кольченко, Тулуш, Ситдииков, 2024).

Процесс исследования состоял из трёх этапов. На первом из них параллельно с камеральной обработкой керамические находки – 663 ед. – были подвергнуты краткому технико-технологическому анализу. Стоит уточнить, что здесь подразумевается исследование, направленное на первичное описание исходного сырья, качественную и количественную оценку антропогенных (минеральных) примесей, без подробного изучения пластичного сырья и возможных следов органических примесей – в силу ограничения временного ресурса. На втором этапе,

в рамках Самарской экспериментальной экспедиции по изучению древнего гончарства (СЭЭИДГ, г. Самара), часть образцов (порядка 10 фрагментов) была подробно изучена с помощью бинокулярного микроскопа, в ходе чего получен ряд новых сведений относительно исходного сырья и примесей². На третьем этапе девять образцов керамики и один образец глины (Раскоп 2, яма 22-4) были исследованы с помощью петрографии³ – для уточнения ряда вопросов относительно однородности глинистого сырья и минеральных компонентов.

Поскольку материал представлен в основном фрагментарно, провести полный анализ не представлялось возможным. В первую очередь доступной для изучения является I стадия гончарного производства – подготовительная, которая включает отбор и подготовку сырья и составление формовочных масс. Для этого годятся даже небольшие фрагменты стенок. Вторая стадия подразумевает изучение технологии создания начала и полного тела сосуда и формообразования. Для этого пригодна лишь часть фрагментов, в идеале – полные профили. Последняя стадия – закрепительная, на которой происходит высушивание и обжиг керамики. При изучении обжига по фрагментам можно определить характер атмосферы в обжиговом устройстве (окислительная/восстановительная) и условно охарактеризовать время выдержки (достаточное для полной прокалённости черепка или недостаточное). Определение температуры обжига возможно лишь инструментальными методами или с помощью экспериментов, поэтому пока этот вопрос не рассматривался. На данный момент остался слабо изученным вопрос форм сосудов из раскопов на территории Кен-Булуна. Профильные части из собранной коллекции керамики дают лишь общее представление о возможной функци-

ональной принадлежности сосудов, которое преимущественно основывается на эмпирическом, не вербализованном опыте авторов. Направление историко-культурного подхода по изучению форм сосудов (определение общей пропорциональности, естественной структуры и функциональных частей сосуда, а также степени их развитости) пока что не разрабатывалось, поскольку для этого требуются целые формы, а в материалах 2022 года они единичны. Вероятно, дальнейшее исследование керамического комплекса городища позволит получить больше материала, пригодного для анализа.

Исходное сырьё. Во всех изученных образцах зафиксировано использование ожелезненной глины. По степени запесоченности в основном фиксировались слабо- и среднезапесоченные глины. Из естественных включений часто отмечались железистые соединения, отдельные кварцевые включения (до 2 мм), известняк, мелкие карбонатные включения (рис. 1: 1).

На втором этапе исследования в двух образцах была отмечена большая концентрация мелкодисперсных бежевых (карбонатных) включений (рис. 1: 3), а также микроскопических округлых пор, что может быть признаком лёссовых пород (Елисеев, 1973, с. 52), которые являются основными для Чуйской долины. Однозначно сказать, что это именно лёсс (или лёссовидный суглинок), пока нельзя, поскольку высокой карбонатностью могут обладать и глины. Использование лёсса в качестве исходного сырья известно по материалам Средней Азии (Сайко, 1966, с. 18). Вероятно, подтвердить или опровергнуть предположение об использовании лёссов или лёссовидных суглинков в качестве одного из видов пластичного сырья гончарами Чуйской долины поможет поиск сырьевых источников в райо-

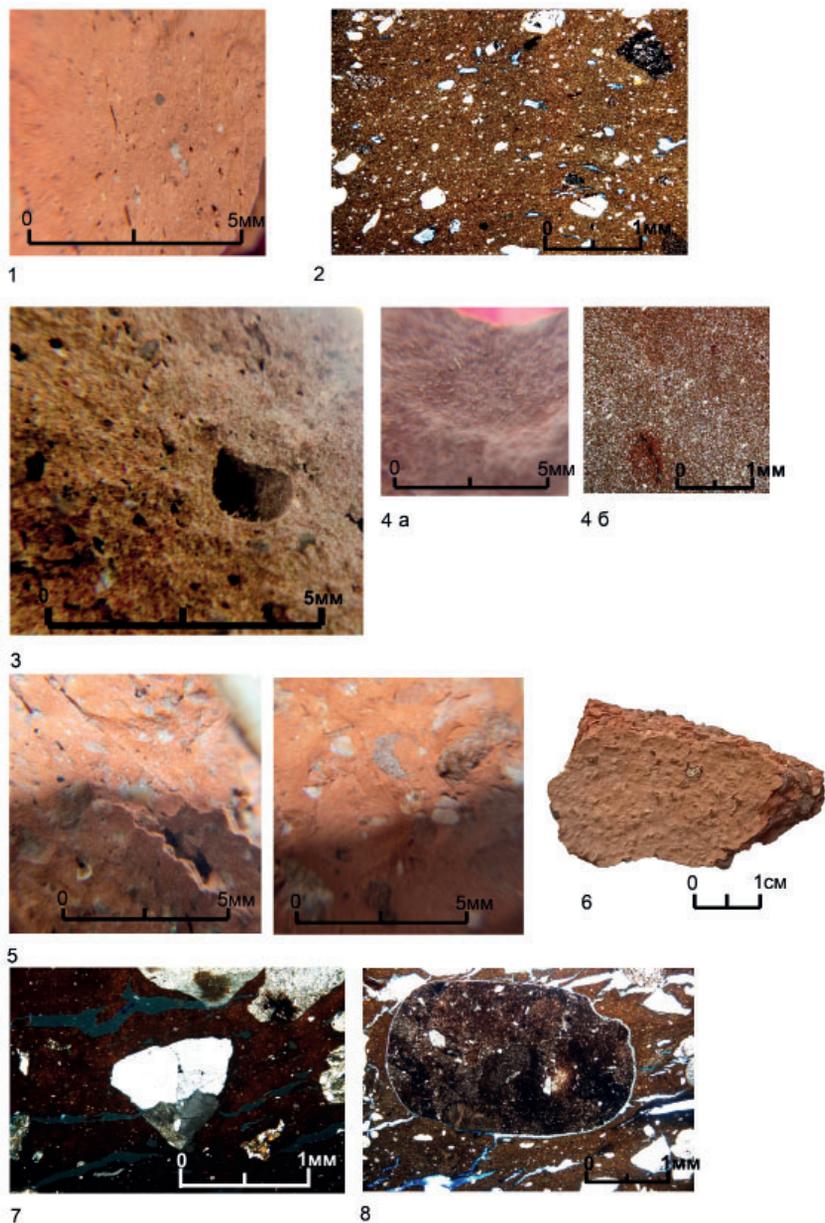


Рис. 1. Исходное сырьё и формовочные массы керамики городища Кен-Булун:
 1 – железнённая слабозапесоченная глина; 2 – однородное глинистое вещество с небольшим количеством обломочного материала; 3 – излом стенки сосуда из р.2: мелкие округлые поры и карбонатные включения; 4а – глина из раскопа 2 ямы 22-4, 4б – фото шлифа глины из ямы 22-4; 5 – примесь дресвы; 6 – поверхность фрагмента сосуда с примесью дресвы; 7 – трещины дробления в зерне кварца; 8 – комок глины с порами облегания.

Fig. 1. The raw materials and molding masses of ceramics from the Ken-Bulun fortified settlement:
 1 – iron oxidized slightly sanded clay; 2 – homogeneous clay substance with a small amount of crumbled mineral materials; 3 – fracture of the vessel wall from excavation 2: small rounded pores and carbonate inclusions; 4a – clay from excavation 2, pit 22-4; 4b – photo of thin slide of the clay from the pit 22-4; 5 – debris admixture; 6 – the surface of a fragment of a vessel with a debris admixture; 7 – crushing cracks in a quartz grain; 8 – clay lump of with fitting pores.

не городища Кен-Булуи и проведение эксперимента. Подобный опыт с обжигом лёссовидных суглинков проводился Э.В. Сайко (там же, с. 193–194). Таким образом, пока что мы можем предполагать наличие двух разных видов пластичного сырья: глинистого (ожелезненная глина) и глиноподобного (лёсс).

По результатам петрографии, глинистое вещество и обломочные примеси всех изученных образцов керамики обладают схожими характеристиками, что говорит в пользу одного центра производства⁴. Цвет всех образцов красно-коричневый, глинистое вещество либо однородное, либо с небольшим количеством сгустковых образований (однородность глины может варьироваться в пределах одного месторождения). Обломочный материал представлен обломками кремнистых пород, в том числе разнотерными кварцитами, долеритом, туфом, гнейсом, сланцами, песчаниками, также встречаются единичные зёрна карбонатных пород (рис. 1: 2). Образец глины, полученный из ямы Я-22-4 Раскопа 2, по своим признакам отличается от них. Глина на просвет светло-красного, красно-коричневого цвета, с двумя локальными вишнево-коричневыми участками. Микростроение глины комковатое, хлопьевидное, отмечаются многочисленные округлые стяжения ярко-красного цвета, окрашенные гидроокислами железа, которые нередко группируются вместе, образуя интенсивно окрашенные зоны различного размера. Обломочный материал отсутствует практически полностью; наблюдается очень незначительное количество обломков мелкоалевритовой фракции. Можно предположить, что исследованный образец является очищенным от обломочной примеси и высушенным глинистым веществом либо глиной из иного сырьевого источника (рис. 1: 4).

По способу подготовки исходного пластичного сырья в материалах Кен-Булуи зафиксированы два подхода: подготовка во влажном и в сухом состоянии. Признаками второго подхода, заключающегося в дроблении сухой глины (Цетлин, 2012, с. 62), являются нерастворившиеся комочки, своеобразные «линзы» чистой глины, которые фиксируются с помощью бинокулярного микроскопа.

Формовочные массы. В качестве искусственной добавки в большей части образцов фиксировалась примесь дресвы размером до 1,5–2 мм в концентрации 1:3–1:5 (рис. 1: 5, 6). Основная сложность, которая возникла в процессе исследования, заключалась том, что в глине присутствовала обломочная составляющая в виде кварцевых включений в малой концентрации, которую довольно сложно отделить от искусственно привнесённой дресвы. Соответственно, возник вопрос: являются ли эти мелкие включения составляющей дресвяной примеси (которые попали в неё, к примеру, в результате небрежной калибровки) или же они являются компонентом исходного сырья. Ответом на этот вопрос были результаты петрографического анализа. Одним из признаков антропогенного характера примеси, помимо следов преднамеренного дробления (рис. 1: 7), являются т. н. «поры облепания» – полная оторочка включений поровым пространством (Куклина, Андрушкевич, 2021, с. 126). Толщина такой оторочки составляет десятые (иногда сотые) доли миллиметра и отчётливо наблюдается только в окрашенных шлифах. Такие поры зафиксированы в образцах с дресвой вокруг включений крупной псаммитовой размерности (1–2 мм). Соответственно, именно эта фракция использовалась гончарами в качестве компонента формовочной массы.

Помимо дресвы, в трех образцах, направленных на петрографию, обна-

ружилась примесь комочков сухой и/или обожжённой глины (рис. 1: 8). О том, что это внесённая примесь, свидетельствуют уже упомянутые поры облегания, а также минеральный состав включений, отличающийся от основной массы черепка. Следует отметить, что некоторые исследователи подобную примесь называют шамотом (Кулькова, 2015, с. 103), однако в рамках историко-культурного подхода шамотом принято считать дроблёные фрагменты вышедших из употребления глиняных сосудов (Цетлин, 2012, с. 54). Тем не менее функциональное назначение и той, и другой примеси (как и дресвы) одинаково – уменьшение усадки и растрескивания изделий во время сушки (Цетлин, 2012, с. 68) и повышение огнестойкости изделий (Бобринский, 1978, с. 90).

В образцах зафиксированы и следы органической примеси в виде аморфных пустот со следами белесого налёта в сочетании с редкими отпечатками растительных остатков длиной до 0,5 см, что свидетельствует об использовании в качестве добавки выжимки из навоза (Электронный каталог, с. 198).

Таким образом, керамический материал Кен-Булуна содержит признаки наличия нескольких традиций составления формовочных масс: органика, дресва + органика, дресва + дроблёная сухая/обожжённая глина + органика. Последний вариант особенно интересен, поскольку является признаком смешения двух традиций. Примечательно, что подобное смешение зафиксировано по материалам Кара-Джигача (Кузнецова, Кольченко, 2002, с. 212), расположенного в Чуйской области в 35 км от Кен-Булуна.

Конструирование и формование. По конструированию и способам формования в керамике Кен-Булуна выделяются три группы.

I группа характеризуется степенью развития РФК 5–6, то есть формование происходило с помощью

вытягивания на круге (рис. 2: 1). Для крупных сосудов предварительно делалась заготовка из глиняных лент (РФК-5). По следам на донцах сосудов этой группы было зафиксировано использование разных подсыпок – золы, песка, дресвы, а также следы снятия готового сосуда с плоскости гончарного круга с помощью нити (срезание).

II группа включает в себя сосуды с признаками РФК 3–4, а также изготовленные по смешанной технологии: верхняя часть с помощью ленточного налёпа и профилирования на круге, а нижняя – лоскутным налёпом с использованием формы-модели. Последний способ пока что зафиксирован только для круглодонных котлов (рис. 2: 2). В этой группе керамики тоже использовались разные подсыпки – зола, песок и дресва. Помимо них, на некоторых донцах были отмечены отпечатки измельчённых растительных остатков (3–4 мм длиной).

III группа – это сосуды, изготовленные полностью вручную – ленточным налёпом или с помощью форм-моделей (рис. 2: 3). В III группе лишь несколько донцев имеют следы зольной подсыпки, одно со следами непросеянной золы и одно с дресвяной подсыпкой.

Стоит отметить, что наблюдается чёткая корреляция между выбором исходного сырья, формовочными массами и способами формообразования. Гончары, изготавливавшие сосуды I группы, отбирали среднезапесоченные глины, тщательно очищали их от грубых примесей, хотя в некоторых образцах этой группы присутствуют отдельные мелкие минеральные включения. В качестве добавки использовался только навоз или выжимка из него. Во II и III группе использовались средне- и слабозапесоченные глины, часто с примесью известняка, с добавкой дресвы, иногда в сочетании с сухой/обожжённой глиной.



Рис. 2. Технологические группы керамики: 1 – нижняя часть сосуда I группы, «волны» вытягивания, песочная подсыпка на дне; 2 – котёл II группы: следы вращения круга в верхней части, тулово лепное; 3 – лепной сосуд III группы.

Fig. 2. Technological groups of ceramics: 1 – the lower part of the vessel of group 1, "waves" of stretching, sand filling at the bottom; 2 – the cauldron of group 2: traces of rotation of the wheel in the upper part, the body is hand-made; 3 – hand-made vessel of group 3.

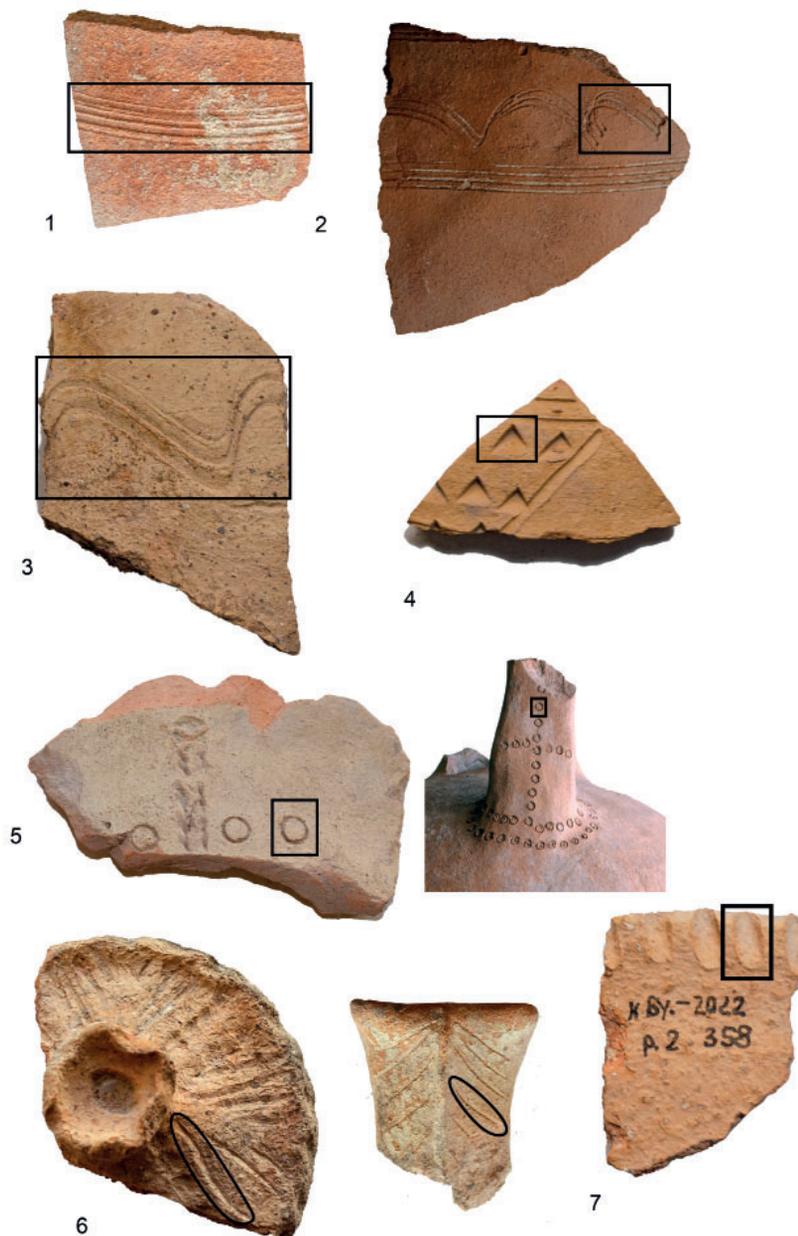


Рис. 3. Элементы орнамента на керамике Кен-Булуна (масштаб разный):
1 – ряд длинных прямых линий; 2 – фестон; 3 – волна; 4 – треугольник; 5 – круг;
6 – короткая прямая линия; 7 – овал.

Fig. 3. The elements of the ornament on Ken-Bulun ceramics (scale differs):
1 – row of long straight lines; 2 – festoon; 3 – wave; 4 – triangle; 5 – circle;
6 – short straight line; 7 – oval.

Обработка поверхности. Керамика на Кен-Булуна – и посуда, и такие изделия, как крышки и очажные подставки, – по характеру обработки

поверхности делится на ангобированные и неангобированные. Ангоб в абсолютном большинстве – из беложгущейся глины. Только шесть фраг-

ментов – с красным ангобом. Ангобированная керамика присутствует во всех трёх группах. Ещё один способ обработки поверхности – лощение – встречается на 15 фрагментах, только в I и II группах. При этом не обнаруживается какой-то связи между наличием лощения и ангоба. Лощение встречалось как на образцах с красным ангобом, так и с белым, и на образцах без ангоба.

Орнамент. В соответствии с историко-культурным подходом принято выделять графический, скульптурный и расписной орнамент. Графический орнамент – такой орнамент, который углублён в стенки сосуда ниже уровня его поверхности. Орнамент отражает устойчивые представления о внешнем облике глиняной посуды, а также представления о способах и приёмах создания этого облика (Цетлин, 2008, с. 18). Орнамент на керамических сосудах исследуется по трём направлениям: технологическое, стилистическое и семантическое (Волкова, 1996, с. 34). В данной работе мы уделили внимание в основном технологическому направлению, в рамках которого определяется вид орнамента и способ работы им, а также стилистическому, где исследуются элемент, образ, мотив и композиция орнамента (Волкова, 1996, с. 63–64). Учитывая фрагментарную сохранность большей части керамики городища Кен-Булун, стилистический анализ был доступен только на уровне элементов – отпечатков или динамических следов, создававшихся мастером за один трудовой акт (Цетлин, 2012, с. 203).

При изучении керамического комплекса Кен-Булуна на данный момент выделено пять орнаментов: инструмент с небольшим рабочим краем, треугольным в сечении, гребенчатый штамп, палочка или стержень, пунцион (трубочка), пальцы рук гончара.

На уровне элементов на данный момент выделены ряд прямых линий,

фестон, волна, треугольник, круг, короткая линия, овал (рис. 3). Орнамент встречается как на сосудах, так и на предметах кухонного назначения – крышках и очажных подставках. Как показывают предыдущие исследования региона, орнамент на сосудах в основном присутствует на области плечика (Труды Семиреченской..., 1950, табл. LXIV, LXXVIII–LXXX; Кожемяко, 1959, с. 57; Распопова, 1960, с. 138–163; Горячева, 2010, рис. 22).

Обжиг. Керамические изделия с раскопов № 1 и 2 имеют признаки обжига в окислительной атмосфере. В основном фрагменты сосудов в изломе равномерно окрашены, в редких случаях – со слабой светлой прослойкой с размытыми краями. Только 36 фрагментов имеют чёткую трёхслойную окраску черепка в изломе, что говорит в пользу недостаточного времени выдержки сосудов при температуре каления. В целом можно говорить о горновом обжиге всех групп керамики, что является одним из признаков ремесленного характера производства. В этом отношении пока что вызывает удивление группа III, формирование которой наводит на мысль о домашнем производстве, однако, учитывая качество обжига, она вполне может относиться к категории «ремесленное производство на заказ», для которого стадия РФК-0 также является допустимой (Бобринский, 1978, с. 33). Единственным исключением является миниатюрный лепной сосуд с раскопа 2, который имеет неравномерную коричневатую-серую окраску поверхности и серый цвет в изломе. По всей видимости, его обжиг происходил в условиях ограниченного доступа воздуха – вероятно, в очаге. Функциональное назначение этого сосуда пока под вопросом, наиболее близкими аналогиями являются детские «поильники» (Пещерева, 1959, с. 74, рис. 23, Кабанов, 1981, с. 35).

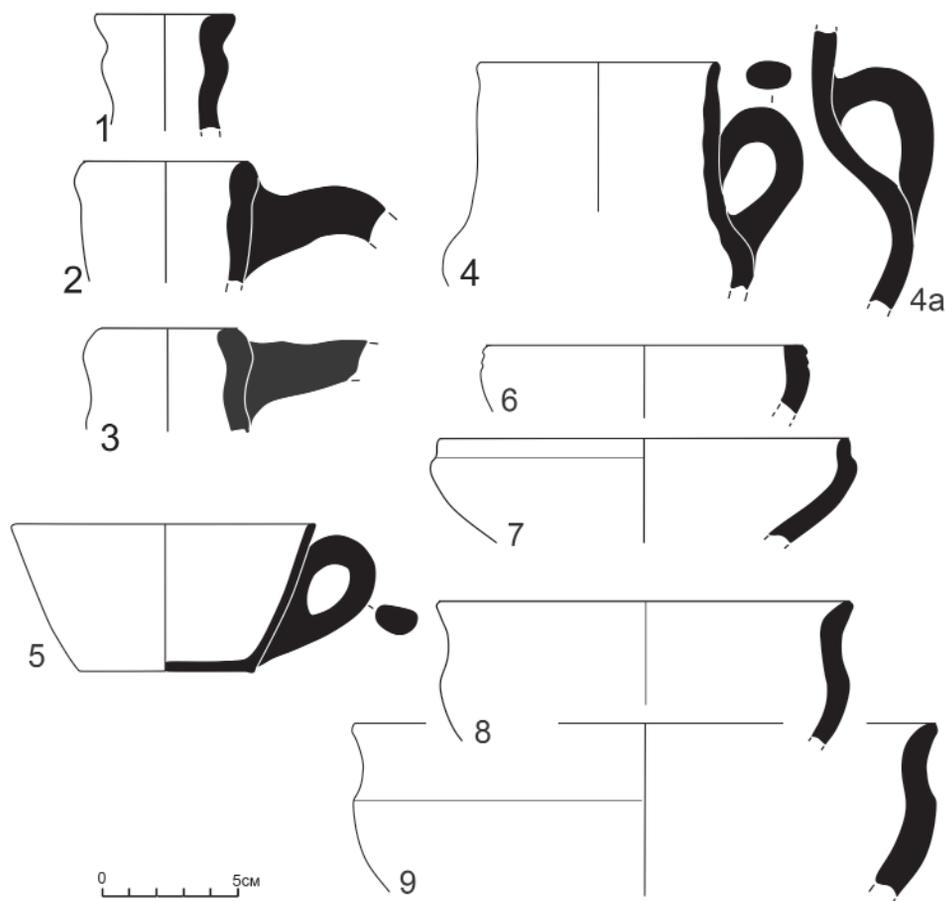


Рис. 4. Формы керамики: 1–3 – кувшины столовые; 4 – кружка; 5 – чашка; 6, 7 – чаши; 8, 9 – миски.

Fig. 4. Ceramic shapes: 1–3 – table jugs; 4 – mugs; 5 – cup; 6, 7 – chalices; 8, 9 – bowls.

Морфология керамических изделий. В соответствии с четырёхуровневой классификационной схемой, разработанной В.А. Кольченко и О.В. Кузнецовой (2002, с. 206), керамические находки Кен-Булуна 2022 г. по функциональному назначению представлены в основном тремя категориями: столовая, хозяйственно-бытовая и строительная. К первой из них относятся небольшие кувшины, кружки, миски, чаши и др. Ко второй – кухонная (котлы и крышки к ним, горшки, жаровни, очажные подставки), тарная (водоносные кувшины, хумы, хумчи и крышки к ним), хозяйственная (тагора) и осветительные

приборы. К третьей – строительной керамике – кирпичи разных форматов и черепица (водоотводный лоток?). Внутри каждой категории они делятся по типам, видам и вариантам на основании особенностей морфологии, но выборка репрезентативных находок 2022 г. не позволяет достоверно провести классификацию. Поэтому ограничимся пока их обобщённой характеристикой.

Столовая посуда

Кувшины столовые, т. е. сосуды закрытого типа небольшого размера (рис. 4: 1–3). Двух типов – узкогорлые и широкогорлые. Узкогорлые – с диаметром венчика 5–6 см, широкогор-

лые – с диаметром 9–10 см. Толщиной стенок в обоих типах 0,5–0,7 см, с вертикальной коленчатой ручкой. В ряде случаев декорированные резным орнаментом или штампами; на ручках сверху бывают налесты (в сборах 2022 г. таких нет).

Кружки, т. е. сосуды для приёма пищи, имеющие выраженную горловину (не всегда) и ручку, средних и средне-высоких пропорций (соотношение высоты к максимальному диаметру от 1/1 до 2/1) (рис. 4: 4). Представлены в основном в 1 группе, не орнаментированы, покрыты светлым ангобом. Диаметр венчиков составляет 7–10 см, край венчика двух видов: скошен внутрь либо закруглён. Ручки петельчатые, овальные или круглые в сечении.

Чашки, т. е. сосуды для приёма напитков (жидкости), имеющие выраженную горловину (не всегда) и ручку, средних и средне-низких пропорций (соотношение высоты к максимальному диаметру от 1/1 до 1/2) (рис. 4: 5). Представлены фрагментами верхних частей и одним целым сосудом, изготовленным на гончарном круге (1 группа) и имеющим петлевидную ручку. Присутствуют в 1 и 2 группах.

Чашы, т. е. сосуды открытой формы для подачи пищи к столу, имеющие выраженную горловину (не всегда), без ручек, средне-низких пропорций (соотношение высоты к максимальному диаметру от 1/1,5 до 1/2,5) (рис. 4: 6, 7).

Миски, т. е. сосуды открытой формы для подачи пищи к столу (и приготовления холодных блюд?), имеющие выраженную горловину (не всегда), без ручек, средне-низких пропорций (соотношение высоты к максимальному диаметру от 1/1,5 до 1/2,5) (рис. 4: 9, 10). Присутствуют во 2 и 3 группах. В основном представлены фрагментами, за исключением одной целой формы. Этот сосуд изготовлен без применения гончарного круга и имеет

заметную асимметрию относительно вертикальной оси, покрыт светлым ангобом.

Хозяйственно-бытовая посуда

Котлы, т. е. сосуды для приготовления пищи на огне, с соотношением высоты к максимальному диаметру от 1/1 до 1/1,5–2 (рис. 5: 1–5). Представлены во 2 группе. Диаметр венчиков у них от 20 см и выше, максимальный диаметр тулова – более 30 см. Объем таких котлов должен быть около 13–15 литров. Имеют горизонтальные ручки: а) в виде полукольца – из жгута, прилепленного к ребру сосуда, край плоский, в сечении прямоугольный, б) в виде полукольца – из жгута с защипами, в сечении край скруглён, в) из массивного круглого в сечении жгута, прикреплённого к стенке путём примазывания краёв (полноценная ручка). Иногда на местах прилепа имеются вдавления пальцев.

Горшки, т. е. сосуды для приготовления пищи на огне, средних и средне-высоких пропорций (соотношение высоты к максимальному диаметру от 1,3/1 до 1,5/1). Представлены во 2 и 3 группах. Диаметр венчиков горшковидных сосудов чаще всего лежит в диапазоне 14–16 см. Иногда встречается декор в виде тонких налестных жгутов с вдавлениями, по всей видимости имитирующих ручки. По-видимому, такой способ орнаментации ведёт своё происхождение от налестных жгутиков на котлах периода тюркского каганата (Кожемяко, 1959, с. 24). Горшки непосредственно с ручками, овальными в сечении, были отмечены только в 3 группе керамики (рис. 5: 6).

Крышки. Двух типов – с обработкой на гончарном круге и лепные.

В гончарных, в свою очередь, выделяются два варианта – массивные, большого диаметра, от 25 см, толщиной 2–3,5 см, часто с высоким бортиком. В наших сборах чаще всего без орнаментации, с ангобом, нанесён-

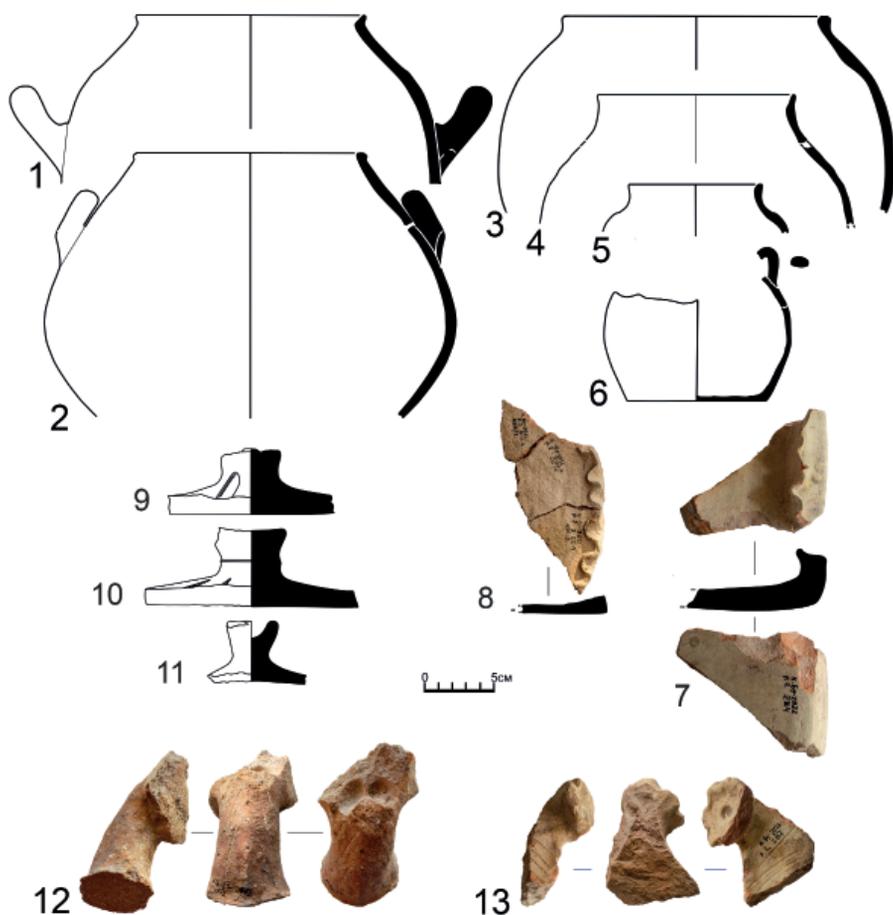


Рис. 5. Формы керамики: 1–5 – котлы; 6 – горшок; 7–11 – крышки; 12–13 – очажные подставки.

Fig. 5. Ceramic shapes: 1–5 – cauldrons; 6 – pot; 7–11 – lids; 12–13 – cooking stands.

ным на обе стороны. В некоторых случаях бортик декорирован защипами. Вероятно, такими крышками закрывали хумы (рис. 5: 7). Вторым вариантом гончарных крышек – среднего диаметра (20–30 см) толщиной около 1 см. Вероятно, такие крышки служили для закрывания более мелких сосудов открытого типа (и котлов?).

Лепные, плоские (рис. 5: 8–11): с подсыпкой из золы, измельченной растительности, песка, дресвы. Отличаются по оформлению ручек и поверхности. Ручки: простые, круглые в сечении, без углубления; с небольшим углублением (в виде легкого вдавле-

ния); с глубоким углублением (1/2–1/3 высоты ручки); с налетом. Ручки с углублением также часто имеют оформление края в виде «защипов». Орнаментация самих крышек довольно разнообразна: в виде прочерченных линий, борозд, расходящихся от центра, наподобие лучей, пальцевых вдавлений, строящийся чаще всего по радиальному принципу. Края крышек либо гладкие, либо с небольшим бортиком, либо декорированные защипами или вдавлениями. Диаметры крышек сильно разнятся: от 10 до более 25 см. Вероятно, такие крышки служили для закрывания котлов и горшков,

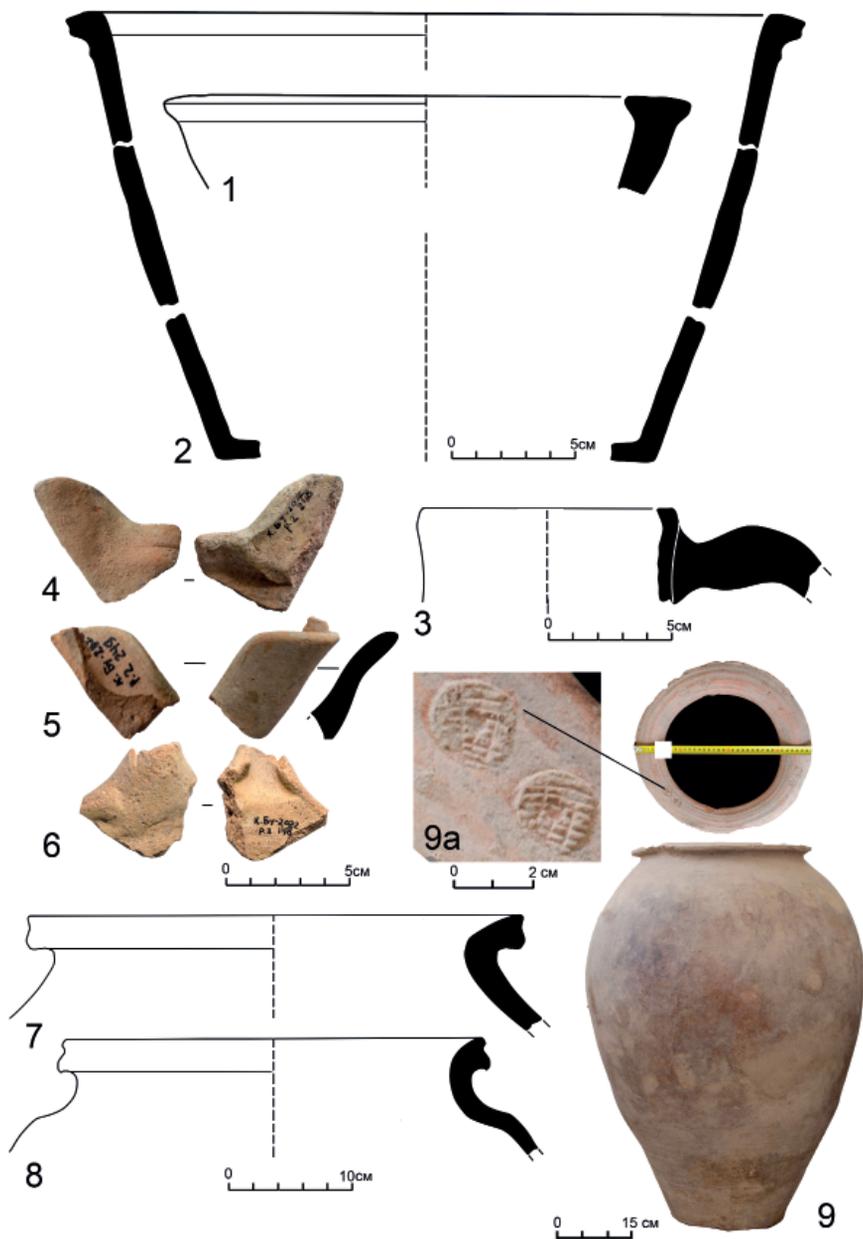


Рис. 6. Формы керамики: 1–2 – тагора; 3–6 – фрагменты водоносных кувшинов; 7–9 – хумы; 9а – штамп в виде решётки.

Fig. 6. Ceramic shapes: 1–2 – tagora; 3–6 – fragments of water jug; 7–9 – hum; 9a – stamp in the form of a lattice.

так как часто их края сильно закопчены, или тандыров (если пережжены).

Очажные подставки (рис. 5: 10, 11). Массивные лепные изделия на трёх или четырёх низких ножках с уплощенным упором, с положением,

близким к вертикальному. Вероятно, ставились вокруг огня по 3–4 штуки и на них устанавливались котлы или горшки.

Тагора, т. е. сосуды открытой формы, конусом сужающиеся ко дну,

имеющие выраженную горловину (не всегда), средне-высоких пропорций (соотношение высоты к максимальному диаметру $\sim 1/1,5$) (рис. 6: 1, 2) в собранной коллекции керамики представлены фрагментами, имеется один реконструируемый полный профиль. Относятся к группе 1.

Кувшины водоносные (тарная керамика). Достаточно крупные сосуды, широкогорлые, с диаметром венчика 8–10 см, имеют вертикальную ручку, уплощённо-овальную в сечении, верхняя часть которой крепится к венчику или чуть ниже него, а нижняя – на плечике, ближе к максимальному диаметру сосуда. Найдено несколько оттянутых и примятых сливов, возвышающихся над закраиной (рис. 6: 3–6).

Хумы. В собранной коллекции представлены фрагментами верхних частей и стенок. Имеется один целый экземпляр, который интересен ещё и тем, что по верхнему краю венчика нанесён штамп в виде решётки – по паре отпечатков в трёх местах на примерно равном расстоянии друг от друга (рис. 6: 7–9, 9а). Подобные штампы, по сообщению А.Н. Бернштама, были распространены в качестве декора в X–XII вв. (Бернштам, 1952, с. 160, 162, рис. 70).

Характеристика строительной керамики будет дана в следую-

щих публикациях при накоплении материала.

В целом формы керамики Кен-Булуна сравнимы с материалами других синхронных памятников Чуйской долины (Бернштам, 1952; Кожемяко, 1959; Кольченко, 2005).

Подводя итог, можно сказать следующее. Во-первых, керамика Кен-Булуна отражает общие для Средней Азии традиции создания форм посуды и других керамических изделий. Во-вторых, материал, полученный в ходе раскопок городища Кен-Булуна, демонстрирует наличие нескольких технологических традиций по подготовке глинистого сырья и составлению формовочных масс, а также, вероятно, наличие смешения двух разных традиций, проявившегося в использовании сразу двух неорганических примесей (дресва и сухая/обоженная глина). Выявленные в ходе исследования признаки указывают на преобладание ремесленного характера гончарного производства, однако не исключают существование определённой доли керамики домашнего изготовления. При дальнейшем системном изучении керамики с городища Кен-Булуна и керамических комплексов других городов Чуйской долины полученные данные могут служить территориальным (и, вероятно, хронологическим) маркером.

Примечания:

Авторы выражают благодарность к.и.н. Васильевой И.Н. и к.и.н. Салугиной Н.П. (г. Самара), а также д.и.н. Цетлину Ю.Б. и к.и.н. Волковой Е.В. (г. Москва) за консультации в процессе работы.

Петрографическое исследование и описание шлифов выполнены заведующим Лабораторией пробподготовки Института геологии и нефтегазовых технологий Казанского федерального университета Андрушкевичем О.Ю.

Образцы из (предположительно) лёссов не входили в выборку для петрографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южно-го Казахстана // Труды института истории, археологии и этнографии. Т. V / Отв. ред. В.Ф. Шахматов, К.А. Акишев. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1958. С. 157–215.
2. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // МИА. № 26. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 347 с.
3. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

4. Волкова Е.В. Гончарство фатьяновских племён. М.: Наука, 1996. 122 с.
5. Горячева В.Д. Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI – начало XIII вв.). Бишкек: Кыргызско-Российский Славянский университет, 2010. 302 с.
6. Елисеев В.И. О происхождении лёссов Средней Азии и Казахстана // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. № 40 / Отв. ред. В.И. Громов, И.К. Иванова. М.: Наука, 1973. С 52–68.
7. Кабанов С.К. Культура сельских поселений Южного Согда III–VI вв. Ташкент: Фан, 1981. 128 с.
8. Камышев А.М., Кольченко В.А. Монеты с городища Кен-Булуи в Кыргызстане (из раскопок 2022–2023 гг. и случайных находок прежних лет) // Поволжская археология. 2023. № 4. С. 173–186.
9. Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959. 188 с.
10. Кожемяко П.Н. Раскопки жилищ горожан X–XII вв. на Краснореченском городище // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Отв. ред. П.Н. Кожемяко. Фрунзе: Илим, 1967. С. 53–90.
11. Кольченко В.А. Комплекс керамики с городища Кузнечная Крепость в Чуйской долине // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 1 / Отв. ред. В.А. Кольченко, Ф.Г. Ротт. Бишкек: Илим, 2005. С. 21–39.
12. Кольченко В.А., Бездудный В.Г., Тулуш Д.К., Ситдииков А.Г. Геофизические исследования средневековых городов Чуйской долины в 2021 г. // Археология Евразийских степей. 2022. № 6. С. 37–58.
13. Кольченко В.А., Тулуш Д.К., Ситдииков А.Г. Городище Кен-Булуи (Чуйская долина, Кыргызстан): исследования 2022 года // Археология Евразийских степей. 2024 (в печати).
14. Кузнецова О.В., Кольченко В.А. К характеристике тарной керамики со средневековых городищ Семиречья // Известия МОН РК, НАН РК. Серия общественных наук. 2002. № 1. С. 205–218.
15. Куклина А.А., Андрушкевич О.Ю. Особенности отбора и подготовки сырья гончарами Болгара: результаты петрографического анализа // Археология Евразийских степей. 2021. № 4. С. 122–129.
16. Куклина А.А., Кольченко В.А., Тулуш Д.К. О керамике из раскопок на городище Кен-Булуи в Чуйской долине Кыргызстана // Материалы VII Всероссийской Нижневолжской археологической конференции / Отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2023. С. 117–122.
17. Кулькова М.А. Петрографический анализ в оценке формовочных масс древней керамики // Самарский научный вестник. 2015. Т. 4. № 3. С. 100–107.
18. Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии. М.-Л.: АН СССР, 1959. 398 с.
19. Распопова В.И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 4 / Ред. Г.Ф. Дебец. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 138–163.
20. Сайко Э.В. История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII–XII вв. Душанбе: Дониш, 1966. 212 с.
21. Тереножкин А.И. Картотека археологических разведок 1929 г. в Чуйской долине // Архивные материалы по археологии Кыргызстана / Ред. В.А. Кольченко, Б.Э. Аманбаева. Бишкек: Илим, 2012. С. 38–63.
22. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина» / МИА. № 14 / Сост. под рук. А.Н. Бернштама. М.-Л.: АН СССР, 1950. 160 с. + ХCV табл.
23. Цетлин Ю.Б. Неолит центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула: Гриф и К, 2008. 352 с.
24. Цетлин Ю.Б. Фундаментальные проблемы изучения древнего гончарства // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин, Н.П. Салугина, И.Н. Васильева. М.: ИА РАН, 2010. С. 229–244.
25. Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.
26. Электронный Каталог эталонов по керамической трасологии URL:<http://archsamara.ru/catalog/> (дата обращения 25.10.2023)

Информация об авторах:

Куклина Анна Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); kuklinanna@mail.ru

Кольченко Валерий Анатольевич, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР (г. Бишкек, Кыргызстан); archak@gmail.com

THE RESULTS OF THE STUDY OF MASS CERAMICS FROM THE EXCAVATIONS AT THE MEDIEVAL FORTIFIED SETTLEMENT OF KEN-BULUN IN 2022 (CHUY VALLEY, KYRGYZSTAN)

A.A. Kuklina, V.A. Kolchenko

The article presents the results of a thorough study of ceramic finds from the Ken-Bulun settlement of the Chuy region of Kyrgyzstan, obtained during the 2022 field season. Knowledge about the initial plastic raw materials has been extended: in addition to clay raw materials, there are indicators of the use of clay-like raw materials, such as loess. Two traditions of clay preparation were also recorded: wet and dry. Three traditions were revealed in the composition of the molding masses: one mixed and two unmixed. In addition, the information on the design of vessels has been clarified and supplemented: some of the products have signs of using mold-models. The study of the ornamentation was incomplete due to the fragmentary nature of the finds, so, the article provides data on the first level of technical and technological analysis – a description of the elements of the ornament and the definition of the type of tool used to create the ornament. The set of ceramic forms is quite extensive and includes cookingware, tableware, transport ceramics, as well as household items. The ornament and shapes of Ken-Bulun pottery bring them closer to the pottery assemblages from other settlements of the Chuy Valley, as well as Southern Kazakhstan.

Keywords: archaeology, petrography, historical and cultural approach, Chuy Valley, Karakhanid period, ceramics/pottery, pottery technology, raw materials, molding masses, morphology.

REFERENCES

1. Ageeva, E. I., Patsevich, G. I. 1958. In Shakhmatov, V. F., Akishev, K. A. (eds.). *Trudy instituta istorii, arkhologii i etnografii (Proceedings of Institute of History, Archaeology and Ethnography)* 5. Alma-Ata: Academy of Sciences of Kazakh SSR Publ., 157–215 (in Russian).
2. Bernshtam, A. N. 1952. *Istoriko-arkheologicheskie ocherki Tsentral'nogo Tian'-Shania i Pamiro-Altai (Historical and Archaeological Essays on the Central Tien Shan and Pamir-Altai)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 26. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
3. Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Volkova, E. V. 1996. *Goncharstvo fat'yanovskikh plemen (Pottery of Fatyanovo tribes)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Goryacheva, V. D. 2010. *Gorodskaya kul'tura tyurkskikh kaganatov na Tyan'-Shane (seredina VI – nachalo XIII vv.)*. Bishkek: Kyrgyz-Russian Slavic University Publ. (in Russian).
6. Eliseev, V. I. 1973. In Gromov, V. I., Ivanova, I. K. (eds.). *Byulleten' komissii po izucheniiu chetvertchnogo perioda (Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary)* 40. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
7. Kabanov, S. K. 1981. *Kul'tura sel'skikh poseleniy Yuzhnogo Sogda III–VI vv. (Culture of rural settlements of South Sogd 3rd–6th cc.)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
8. Kamyshev, A. M., Kolchenko, V. A. 2023. In *Povolzhskaya arkhologiya (The Volga River Region Archaeology)* 4, 173–186 (in Russian).
9. Kozhemyako, P. N. 1959. *Rannesrednekovoye goroda i poseleniya Chuyskoy doliny (Early medieval cities and settlements of the Chuy Valley)*. Frunze (in Russian).
10. Kozhemyako, P. N. 1967. In Kozhemyako, P. N. (ed.). *Drevnyaya i rannesrednekovaya kul'tura Kirgizstana (Ancient and Early Medieval culture of Kyrgyzstan)*. Frunze: "Ilim" Publ., 53–90 (in Russian).

The work was carried out as a part of the State program "Preservation of the national identity of the Tatar people (2020–2024)" and grant No. 22/2022 from the International Institute for Central Asian Studies (IICAS) for 2022–2023.

11. Kolchenko, V. A. 2005. In Kolchenko, V. A., Rott, F. G. (eds.). *Materialy i issledovaniya po arkhologii Kyrgyzstana (Materials and Researches on archaeology of Kyrgyzstan)* 1. Bishkek: "Ilim" Publ., 21–39 (in Russian).
12. Kolchenko, V. A., Bezdudnyj, V. G., Tulush, D. K., Sitdikov, A. G. 2022. In *Arkhologiya evrazijskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 37–58 (in Russian).
13. Kolchenko, V. A., Tulush, D. K., Sitdikov, A. G. 2024. In *Arkhologiya Evrazijskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* (in print).
14. Kuznetsova, O. V., Kolchenko, V. A. 2002. In *Izvestiia MON RK, NAN RK, seriia obshchestvennykh nauk (Bulletin of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan and the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* 236 (1), 205–218 (in Russian).
15. Kuklina, A. A., Andrushkevich, O. Yu. 2021. In *Arkhologiya Evrazijskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 4, 122–129 (in Russian).
16. Kuklina, A. A., Kolchenko, V. A., Tulush, D. K. 2023. In Vasil'ev, D. V. (ed.). *Materialy VII Vserossiyskoy Nizhnevolzhskoy arkhologicheskoy konferentsii (Proceedings of the 7th All-Russian Lower Volga Archaeological Conference)*. Astrakhan: "Sorokin Roman Vasil'evich" Publ., 117–122 (in Russian).
17. Kul'kova, M. A. 2015. In *Samarskiy nauchnyy vestnik (Samara Journal of Science)* 4 (3), 100–107 (in Russian).
18. Peshhereva, E. M. 1959. In *Goncharnoe proizvodstvo Sredney Azii (Pottery production in Central Asia)*. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ. (in Russian).
19. Raspopova, V. I. 1960. In Debets, G. F. (ed.). *Trudy Kirgizskoy arkhologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Proceedings of Kyrgyz Archaeological and Ethnographic expedition)* 4. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 138–163 (in Russian).
20. Sayko, E. V. 1966. *Istoriya tekhnologii keramicheskogo remesla Sredney Azii VIII–XII vv. (History of pottery technology on Central Asia in VIII–XII cc.)*. Dushanbe: "Donish" Publ. (in Russian).
21. Terenozhkin, A. I. 2012. In Kolchenko, V. A., Amanbaeva, B. E. *Arkhivnye materialy po arkhologii Kyrgyzstana (Archival materials on the archaeology of Kyrgyzstan)*. Bishkek: "Ilim" Publ., 28–63 (in Russian).
22. In Bernshtam, A. N. (ed.). 1950. *Trudy Semirechenskoy arkhologicheskoy ekspeditsii. «Chuyskaya dolina» (Proceedings of the Semirechensk archaeological expedition. "Chui Valley")*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 14. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
23. Tsetlin, Yu. B. 2008. *Neolit tsentra Russkoy ravniny. Ornamentatsiya keramiki i metodika periodizatsii kul'tur (The Neolithic of the Center of the Russian Plain: Pottery Decoration and Methods of Periodization of Cultures)*. Tula: "Grif i K" Publ. (in Russian).
24. Tsetlin, Yu. B. 2010. In Tsetlin, Yu. B., Salugina, N. P., Vasil'eva, I. N. (eds.). *Drevnee goncharstvo. Itogi i perspektivy izucheniia (Ancient Pottery. Study Results and Prospects)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 229–244 (in Russian).
25. Tsetlin, Yu. B. 2012. *Drevniia keramika. Teoriia i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda (Ancient Ceramics. The Theory and Methods of Historical and Cultural Approach)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
26. Elektronnyy Katalog etalonov po keramicheskoy trasologii (On-line Catalog of Ceramic traceology models) <http://archsamara.ru/katalog/>

About the Authors:

Kuklina Anna A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; kuklinanna@mail.ru

Kolchenko Valerii A. Institute of History, Archaeology and Ethnology named after B.J. Jamgerchinov, National Academy of Sciences of Republic of Kyrgyzstan. Chui Avenue, 265a, Bishkek, the Republic of Kyrgyzstan; archak@gmail.com

Статья принята в номер 01.06.2024 г.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОРУДИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА: СИСТЕМАТИЗАЦИЯ, ХРОНОЛОГИЯ

© 2024 г. Н.Д. Волгина

За длительный период археологического изучения Новгорода была накоплена богатейшая коллекция средневековых древностей, которая отражает все сферы деятельности его жителей в средние века. В особенности широко представлены предметы быта, среди которых выделяется небольшая группа сельскохозяйственных орудий, позволяющая проследить историю развития земледельческой техники для территории Новгорода. В статье дана подробная характеристика коллекции земледельческого инструментария, проведены необходимые исследования для их систематизации на основании классификаций, разработанных отечественных археологов. Хронологические рамки работы охватывают период с середины X до XV вв., что обусловлено особенностями сохранности культурного слоя на территории Новгорода. В рамках данного исследования были также проанализированы также письменные, изобразительные и этнографические материалы.

Ключевые слова: археология, средневековый Новгород, сельскохозяйственные орудия, пахотные орудия, классификация, хронология.

Актуальность данного исследования обуславливается тем, что с момента последних обобщающих работ по данной теме был накоплен обширный археологический материал, который требует осмысления. Основные исследовательские работы были сделаны советскими археологами, которые выявили принципы классификации различных видов орудий, ввели в научный оборот другие виды источников и обозначили круг вопросов, связанных с развитием сельского хозяйства Древней Руси (Страхова, 2021, с. 158).

Чтобы проследить историю развития сельского хозяйства Древнерусского государства необходимо обратиться к самой крупной группе источников – сельскохозяйственным орудиям. Выборка материала производилась из археологической коллекции Новгородского музея-заповедника и Государственного исторического музея. Использовались материалы раскопов, проводившихся в пределах Новгорода. Большая часть находок происходит с таких крупных раскопов, как Неревский (1951–1963 гг.) и Троицкий (с 1973 г. по н. вр.), что обусловлено большей площадью и продолжительностью исследований.

Всего было обнаружено 615 орудий и их фрагментов (рис. 1). При работе с коллекцией сельскохозяйственного инструментария удалось выделить несколько функциональных групп: пахотные и почвообрабатывающие орудия, орудия для уборки урожая и сенокосения, а также группу универсальных орудий, которые активно применялись в сельскохозяйственных работах.

Первая группа орудий представлена наконечниками пахотных орудий (сошниками и наральниками), зубьями бороны и мотыгами. Орудия для уборки урожая и сенокосения включают в себя серпы, косы, вилы, грабли и грабелные зубья. В группу универсальных орудий были включены лопаты и их железные оковки.

Пахотные и почвообрабатывающие орудия

Находки пахотных орудий являются ключевым маркером для определения характера земледельческой техники. Они появляются на определенной стадии развития производственных сил общества, а также приводят к изменениям в социально-экономических отношениях. Единой научной классификации пахотных орудий нет, принципы их разделения были заим-

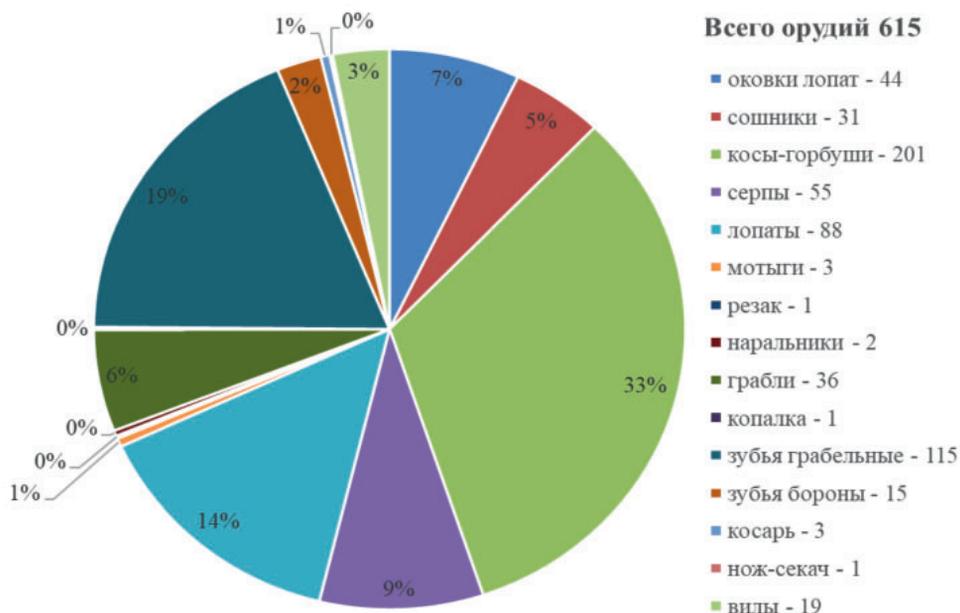


Рис. 1. Количественное распределение сельскохозяйственных орудий.

Fig. 1. The quantitative distribution of agricultural implements.

ствовааны из народной практики. Традиционно они группируются по характеру воздействия на почву. Таким образом, в отечественной историографии принято деление на три функциональные группы: бороздящие (черкающие по Д.К. Зеленину); пашущие и оборачивающие или плужного типа («орющие» по Д.К. Зеленину) (Зеленин, 1907, с. 10–13). Первая группа орудий характеризуется симметричностью рабочей части и отсутствием отвального приспособления, что позволяет производить лишь неглубокие симметричные борозды. Пашущие орудия уже ими оснащены, что делает возможным не только проводить борозды, но и увлекать пласт земли, не переворачивая его. Орудия плужного типа снабжены односторонними отвалами, которые позволяют им переворачивать верхний пласт почвы (Краснов, 1987, с. 3–4). В действительности «пашущими» агрономы считают только плуги, а примитивные рала и сохи называют рыхлящими, лишь их усовершенствованные экзем-

пляры относят к орудиям плужного типа (Левашева, 1956, с. 24).

Наиболее массовым материалом для изучения пахотных орудий Древней Руси являются железные наконечники их рабочих частей. Деревянные конструктивные элементы орудий для территории Северной Руси практически неизвестны. В 2019 г. на Троицком XV раскопе была обнаружена деревянная конструкция, которая была определена как прямогрязильное рало (3 тип по Ю.А. Краснову) (Степанов и др., 2021, с. 109–111) (рис. 2). Все наконечники в общем смысле подразделяются по принципу принадлежности к тому или иному орудю: рало – наральники, соха – сошники, плуг – лемехи и чересла. Технология изготовления сошников заключается в вытягивании тела наконечника и загибании втулки. Лемехи делались по двум моделям: легкие изготавливались из одного куска железа, а тяжелые сваривались из двух половинок и усиливались наваркой стальной полосы (Колчин, 1953, с. 94–95).

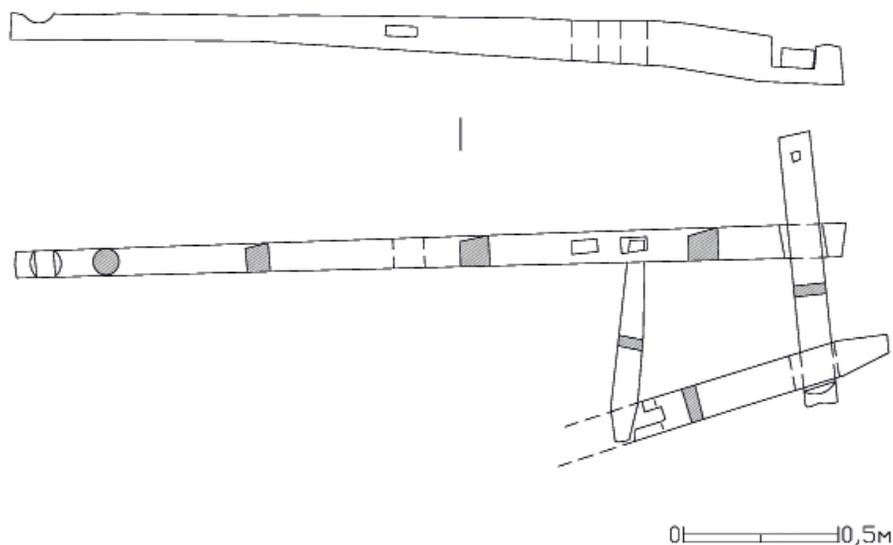


Рис. 2. Рало с Троицкого раскопа (по Степанову и др., 2021. С. 109. Рис.1).
 Fig. 2. The ard from the Troitsky excavation site (according to Stepanov et al., 2021. P. 109. Fig. 1).

На территории Новгорода было обнаружено 33 наконечника пахотных орудий, из них два наральника и 31 сошник (рис. 3). Для определения принадлежности наконечников к тем или иным орудиям, а также их типов были рассмотрены классификации, разработанные В.П. Левашовой (Левашова, 1956), А.В. Чернецовым (Чернецов, 1976), М.А. Миролюбовым (Миролюбов, 1980) и Ю.А. Красновым (Краснов, 1987). Предложенные классификации по большей части основаны на

схожих признаках, хотя и имеют некоторые различия. В качестве основной была использована типология, разработанная Ю.А. Красновым, так как она отличается детальной проработкой и охватывает все признаки, выделенные другими авторами. Предложенный автором комплекс признаков позволяет охарактеризовать наконечник не только с точки зрения особенностей его формы, которые обычно выражаются в словесном описании, но и с точки зрения опре-

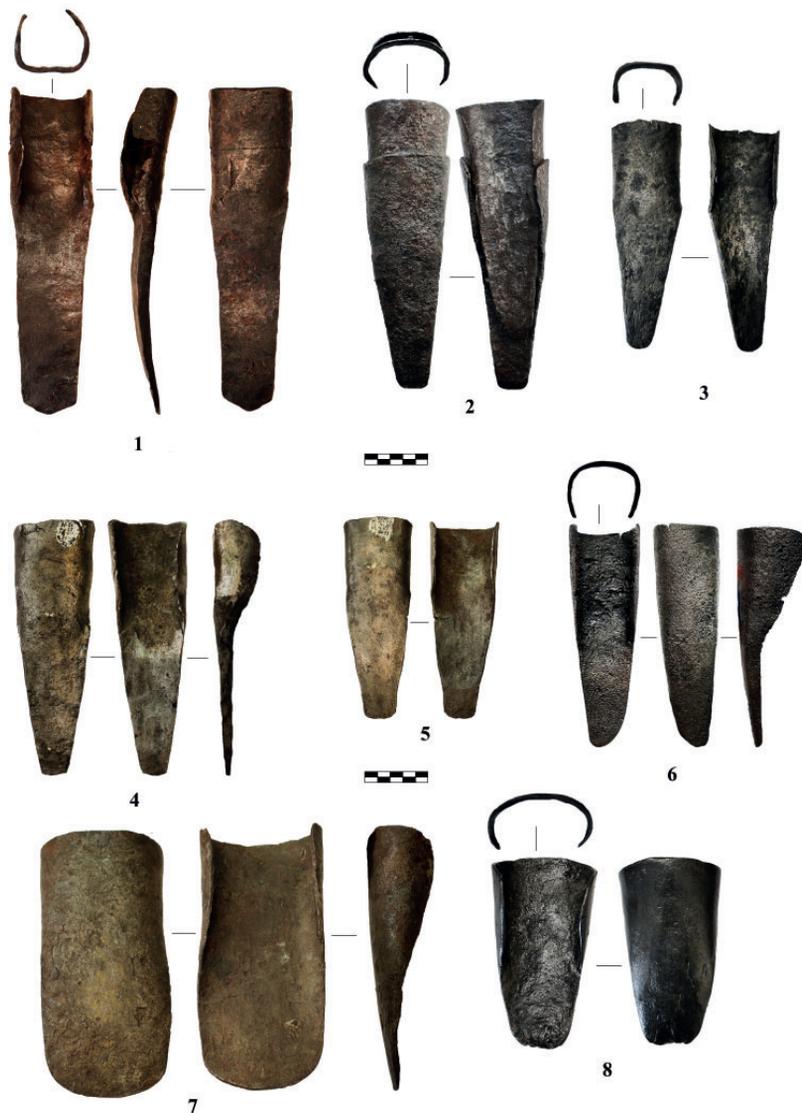


Рис. 3. Сошники и наральники. 1–5 – тип ША1; 6 – тип ШБ1; 7 – IA2; 8 – IA1.
 Паспортные данные: 1 – Неревский-1951 год-№2402; 2 – Троицкий XII-2000 год-пл.21-кв.1548-№55; 3 – Десятинный-2008 год-б.п.; 4 – Неревский-1954 год-пл.25-кв.517-№2094; 5 – Неревский-1954 год-пл.25-кв.57-2093; 6 – Троицкий VIII-1987 год-пл.17-кв.700-№67; 7 – оп.1965 год-№19; 8 – Троицкий IX-1994 год-пл.18-кв.847-№54/123.

Fig. 3. Ploughshares (1–5 – type ША1; 6 – type ШБ1; 7 – type IA2; 8 – type IA1)

деленных числовых параметров и их совокупности. Стоит оговориться, что данная классификация не подходит для сильно деформированных предметов. В таких случаях были использованы типологии А.В. Чернецова и М.А. Миролубова, основанные на

ярких конструктивных элементах сошника (наличие или отсутствие плечиков), характере рабочей части, лопасти, размерах наконечника и втулки, а также наличии асимметрии.

Все новгородские наконечники относятся к симметричным втульча-

тым наконечникам. Определить принадлежность удалось только для 25 предметов. Большая часть представлена наконечниками типа ШБ1 по Ю.А. Краснову (12 экз.), которые характеризуются лопастью равной по ширине втулке на большей части ее длины, сужаясь лишь к окончанию сошника. Переход от втулки к лопасти слабо выражен. Втулка у таких наконечников, как правило, закруглена и сомкнута (Краснов, 1987, с. 49–50). Общая длина сошников данного типа колеблется от 16 до 32 см, длина втулки от 8,5 до 15 см. Наконечник характеризуется отсутствием плечиков. По типологии А.В. Чернецова наконечники группы ШБ1 соответствуют типу 2.

Следующим по численности является тип ША1 по Ю.А. Краснову, в которую вошли 10 предметов. Данный тип характеризуется симметричными узколопастными наконечниками с лопастью, резко сужающейся к окончанию, чаще закругленному (Краснов, 1987, с. 48–50). Длина наконечников колеблется от 17 до 32 см, длина втулки от 7,5 до 10 см. Они соответствуют сошникам первого типа по типологии А.В. Чернецова. Среди наконечников типа ША1 выделяется наконечник, обнаруженный на Неревском раскопе. Для своих достаточно крупных размеров (24 см) сошник довольно узкий, средняя ширина лопасти всего 3,5 см. На рис. 3 под номером 2 представлены два сошника, найденных в слоях XII–XIII вв., которые были сложены вместе. По всей видимости, эти сошники не успели побывать в работе, а были уложены таким образом для хранения. Аналогичные сошники были найдены в 1999 году при раскопках Центрального Гнездовского селища в пойме Днепра (Мурашева, Нефедов, 2002, с. 188–191).

Два наконечника рал по Ю.А. Краснову относятся к типу IA1 (№ 8, рис. 3, 2-я пол. X в.), который

соответствует симметричным узколопастным наконечникам, лопасть которых уже втулки, но при этом переход от втулки к лопасти практически не выражен, таким образом данный тип наконечников не имеет плечиков (Краснов, 1987, с. 37). Также отличительной особенностью наконечников типа IA1 являются небольшие размеры. Оба наконечника достигают в длину 13 см, при длине втулки от 7,5 до 8 см.

От наконечников данного типа резко отличается наральник, обнаруженный на Неревском раскопе. Его характерной особенностью является массивность (№ 7, рис. 3), в длину он достигает 20 см при ширине 10 см. Стоит также отметить, что наконечник достаточно тяжелый. Исходя из параметров наральника его можно отнести к наконечникам типа IA2 (по Ю.А. Краснову), которые отличаются от наконечников типа IA1 массивностью (Краснов, 1987, с. 37). Подобные наральники встречаются среди шведских наконечников из раскопок курганных насыпей X в. (Еремеев, 2019, с. 333–335). Устанавливались такие наконечники в наклонном положении и предназначались для работы на тяжелых почвах. По всей видимости, они использовались на тяжелых ралах с почти вертикально поставленным ральником (Краснов, 1987, с. 98).

Анализ железных наконечников пахотных орудий дает важную информацию об устройстве и конструктивных особенностях самих орудий. Ю.А. Краснов предпринял попытку соотнести наконечники определенных групп с определенным типом орудий. По формам наконечника можно определить не только некоторые конструктивные элементы орудия, но и косвенно охарактеризовать его размеры и агротехнические возможности (Краснов, 1987, с. 27). В нашем случае большинство наконечников

представлены типами ША1, несколько наконечников типа ШБ1 (№ 6, рис. 3) и наральник типа ІА1. По данным Ю.А. Краснова, все эти наконечники следует относить к орудиям, работавшим под значительным углом к почве (Краснов, 1987, с. 56–57).

Сошниками, по классификации Ю.А. Краснова, следует называть все наконечники из группы Ш. По мнению автора, сошники типов ШБ1 и ША1, характеризующиеся тем, что лопасть их на большей части имеет с втулкой равную ширину, сужаясь лишь к переднему концу, который чаще всего бывает округлым. По размерам и пропорциям данные наконечники находят полные аналогии среди «этнографических» сошников двузубых коловых сох, которые имели как симметричную, так и асимметричную лопасть (Зеленин, 1907, с. 32). Такие сохи могли иметь различную установку рассохи, могли быть как с полицей, так и без нее. Хотя на территории Новгорода не было обнаружено ни одной полицы, отрицать ее отсутствие нельзя.

Большая часть наконечников приходится на ранний период – XI в., затем резко сокращается к XII в. и увеличивается в XIII в. Данные по соотношению основных типов сошников показывают, что в X в. большая часть представлена типом ША1 и начиная с XI в. появляются наконечники типа ШБ1.

Полученные в ходе данного исследования результаты демонстрируют, что находки, связанные с пашенным земледелием, относятся к раннему периоду, что, по всей видимости, связано с тем, что на тот момент на близлежащей территории отсутствовала плотная застройка и местные жители могли организовывать пашни неподалеку. Данный вывод подтверждается и тем, что на материке Троицких раскопов IX, X и XI были обнаружены следы средневековой распашки. Рас-

пашка данного участка, скорее всего, длилась несколько лет, о чем свидетельствует наложение одних борозд на другие. Характер расположения борозд свидетельствует о том, что распашка данного участка производилась ралом. Мощность пахотного слоя составляла 12 см, что, по мнению исследователей, является обычной толщиной для средневековых пахотных горизонтов (Александровский и др., 1999, с. 359, 365–366). О времени окончания существования пашни на данном участке можно говорить с осторожностью, т. к. по данным дендродат, полученных со сруба № 162, который был выстроен на участке пахоты, существование пашни следует относить к первой четверти X в. Анализ культурного слоя показал, что до появления пашни на этом и прилегающем участке в течение длительного времени существовал антропогенный луг (Александровский и др., 2014, с. 101–102). Следы средневековой распашки также были обнаружены на материках Рогатицкого-II раскопа в южной части Плотницкого конца, раскопа на ул. Воздвиженская, д. 9, в Людином конце Новгорода (Гайдуков и др., 2015, с. 67) и ряде других раскопов (см. Приложение 1).

Таким образом, можно утверждать, что на территории Новгорода пашенное земледелие было распространено уже в начале X в. Аналогичные следы пахоты на территории Борисоглебского раскопа XVI в Старой Руссе также датируются рубежом IX–X вв. (Самойлов, 2013, с. 103–107). Все это позволяет уточнить бытовавшее ранее мнение о возникновении на территории Новгорода пашенного земледелия на рубеже VII–VIII вв. и определять время его появления в начале X вв.

При раскопках Новгорода было найдено 15 зубьев от плетеной бороны. Все зубья, за исключением одного, имеют специальную выемку на вершии, которая позволяла связывать

зубья с плахами бороны. Данный способ крепления известен по этнографическим материалам (Русские, 1970, с. 283–284, табл. XVII и XIX). Один зуб имеет навершие в виде черешка, который, судя по всему, относится к рамочной бороны, т. к. зубья таких бороны вставлялись в специальные отверстия в плахе. Такие бороны хорошо известны по этнографическим материалам, а также по данным изобразительных источников (Русские, 1970, с. 283–284). Большая часть зубьев была найдена в слоях XI в., их количество постепенно снижается к XII в.

Помимо пашенного земледелия средневековые новгородцы возделывали огороды. Их следы прослежены на Десятинном раскопе в северо-западной части Людина конца. Во второй половине XI в. исследуемая территория была поделена плетнем на участки под сад и огород. В этом слое также был обнаружен сельскохозяйственный инструментарий (лопаты и косы). Начиная с XIII в. эта территории пришла в запустение и использовалась уже только под огороды (Олейников, 2009, с. 41–42). Орудия, которые использовались при возделывании огородов, составляют группу почвообрабатывающих орудий, в которую вошли ручные орудия для обработки земли, а именно мотыги.

Мотыга – примитивное орудие, которое известно человечеству еще со времен зарождения земледелия. При подсечном земледелии мотыги активно использовались наравне с простейшими пахотными орудиями, некоторые исследователи называют подсеку развитым мотыжным земледелием. На данный момент при раскопках Новгорода не обнаружено железных наконечников мотыг, но было найдено две деревянные мотыги и остов мотыги. Их характерными особенностями являются небольшие размеры – около 25 см в длину. Еще одна особенность заключается в форме рабочей части,

которая имеет характерную заостренность для удобства обработки земли. Новгородские мотыги были изготовлены из цельного куска дерева с суком, причем такой толщины, чтобы ручка не могла обломиться во время работы. Обе мотыги были обнаружены в слое второй половины X в.

Орудия уборки урожая и сенокоса

Основным орудием уборки зерновых в Древней Руси был серп. Серпы, так же, как и мотыги, известны человечеству еще с ранних этапов освоения земледелия. Появление металлических серпов и их последующие модернизации были вызваны потребностью в эффективном инструменте для жатвы. Древние серпы были намного меньше средневековых и имели сравнительно небольшой угол резания. Такие серпы не позволяли жнецам захватывать большие пучки колосьев и срезать их, поэтому совершенствование этих орудий шло по линии поиска наиболее оптимального размера и формы для повышения производительности работы. Некоторые средневековые серпы имели зубчатое лезвие, которое позволяло не просто срезать стебли, но и «спиливать» их, что также положительно сказывалось на производительности. Древнерусские серпы крепились с рукоятью посредством черешка (Minot, 2016, р. 89).

Техника изготовления древнерусских серпов была исследована Б.А. Колчиным. На основании изучения 23 серпов он выделил три структурные схемы: сварка лезвия из трех полос, наварка на железный клинок стального лезвия, а также некоторые экземпляры были представлены цельностальными серпами (Колчин, 1953, с. 91).

Всего на территории Новгорода было обнаружено 55 серпов, из которых лишь 11 экземпляров сохранились полностью, остальные представлены



Рис. 4. Серпы. 1–5, 7 – новгородский тип; 6 – серп со складной костяной рукоятью. Паспортные данные: 1 – Троицкий XII-1997 год-пл.6-кв.1470-№250; 2 – Неревский-1952 год-опись А95/107; 3 – Троицкий VII-1983 год-пл.2-кв.511-№61; 4 – Троицкий XII-1997 год-пл.6-кв.1470-№250; 5 – Троицкий X-1990 год-пл.4-кв.1097-№156; 6 – Троицкий XII-1998 год-пл.11-кв.1158-№36; 7 – Троицкий XII-2000-пл.21-кв.1539-№106.

Fig. 4. Sickles. 1–5, 7 – Novgorod type; 6 – sickle with folding bone handle.

фрагментами (рис. 4). Для определения типов серпов были использованы типологии, разработанные А.В. Арциховским (Арциховский, 1928), В.П. Левашевой и Р.С. Минасяном. Методика по определению типов серпов, предложенная А.В. Арциховским, была основана на математическом вычислении кривизны лезвия. Впоследствии она была пересмотрена В.П. Левашевой, которая предложила использовать более наглядные признаки, а для определения кривизны лезвия применялся графический метод определения углов резания. Важно отметить, что некоторые типы, выделенные В.П. Левашевой,

совпадают с типами, полученными А.В. Арциховским (Левашева, 1956, с. 70). Однако обе методики могут быть применены только для полностью сохранившихся экземпляров, поэтому Р.С. Минасян разработал свой вариант типологии, основанный на конструкции задней части клинка с черенком, т. к. это наиболее хорошо сохранившиеся части серпов. По этому признаку можно судить не только о способе крепления клинка к рукоятке, но и конструкции серпа в целом (Минасян, 1978, с. 74–75).

Все 11 полностью сохранившихся экземпляров относятся к новгородскому типу. Серпы данного типа доволь-

но крупные (длина клинка 27–30 см). У трех серпов на конце лезвия присутствует характерный «защип» (рис. 4). На большей части серпов удалось проследить зазубренное лезвие.

Среди новгородских серпов также следует отметить два экземпляра, которые представлены складными серпами с костяной и деревянной рукоятками, которые датируются XII–XIII вв. Оба серпа сравнительно небольшие по размеру с узким лезвием (рис. 4.6). С рукоятью серпы скрепляются с помощью петельчатой ручки на конце. Подобные серпы известны на памятниках салтовской культуры и Хазарского каганата (Колода и др., 2018, с. 131; Михеев, 1985, с. 44–48). Рассматривая функции таких серпов, Д.Л. Черевичник склоняется к мысли о том, что они не были связаны с крестьянским хозяйством, а составляли комплект вооружения хазарского всадника, о чем свидетельствуют данные изобразительных источников и наличие складных серпов в хазарских погребениях (Черевичник, 2013, с. 52–54). Такие орудия могли вполне использоваться всадниками по аналогии с обычными серпами для заготовки корма. Д.Л. Черевичник также предполагает, что они могли использоваться в качестве оружия (Черевичник, 2013, с. 55–60).

Находки новгородских серпов распределяются неравномерно, но большая часть была найдена в слоях XII в. (17 экз.), постепенно снижаясь к XIII в. и увеличиваясь в XIV в.

В Древней Руси основным орудием для сенокосения были косы. Заготовка сена была важной частью хозяйственной жизни, т. к. сено было основным видом корма для скота. Для жителей средневековой Руси скот был не только источником мясной пищи, но и элементом тягловой силы, которая была необходима для пашенного земледелия. В Древней Руси повсеместно применялась так называемая



Рис. 5. Косы. 1 – резак из косы; 2 – нож-секач; 3 – южный тип; 4–5 – складные косы; 5–9 – северный тип. Паспортные данные: 1 – Ильинский-1962 год-пл.25-кв.95-№24/165; 2 – Нутный-1982 год-10-80-6/н; 3 – Троицкий VIII-1987 год-пл.19-кв.765-№12; 4 – Неревский-1954 год-пл.6-кв.897-№3237; 5 – Троицкий VI-1981-оп. А76/644; 6 – Троицкий X-1989 год-пл.+1-кв.1105-№54; 7 – Н-1956-Неревский-1956 год-пл.8-кв.139-№67; 8 – Тихвинский-1969 год-6/п; 9 – Троицкий XII-2000-пл.19-кв.1434-№64.

Fig. 5. Scythes. 1 – cutter made from scythe; 2 – chopper; 3 – southern type; 4–5 – folding scythes; 5–9 – northern type.

коса-горбуша, которая в отличие от современной косы-стойки или косы-литовки имеет более короткую и изогнутую рукоять, а ее лезвие более прямое. Косовище у косы-горбуши крепилось к рукоятке, как бы продол-

жая клинок, таким образом, получался большой рычаг (Миролюбов, 1976, с. 122–123). Особенности строения данной косы позволяли косить в разные стороны, однако из-за короткой рукояти косить ею можно было только согнувшись.

Косы-горбуши представлены двумя типами: северным (новгородским и среднерусским) и южным (рис. 5). Северный тип отличался от южного длиной и высотой изгиба лезвия, у северных кос длина лезвия больше, а высота изгиба лезвия более значительна (Левашева, 1956, с. 90).

Древнерусские косы-горбуши скреплялись с рукоятью посредством черенка, который был уже самого клинка. У северных кос черенки несколько длиннее южных (Чернецов и др., 1985, с. 225). В Новгороде было обнаружено несколько кос со складной рукоятью-футляром (Колчин, 1959, с. 74), которые, по всей видимости, принадлежали воину-всаднику.

Форма и особенности строения древнерусских кос были однотипны на протяжении X–XV вв. включительно, технология изготовления клинков кос также была абсолютно одинаковой. Все это, по мнению Б.А. Колчина, свидетельствует о строгой стандартизации косы начиная с X в. Им была изучена технология изготовления кос на основе макроструктур восьми образцов, которые показали, что для изготовления всех кос (кроме одного экземпляра) применялась одна технологическая схема, а именно наварка стального лезвия на железный клинок полотна косы. Все косы были термически обработаны (Колчин, 1959, с. 72–73).

Всего на территории Новгорода было обнаружено 196 экземпляров кос (31 целая, 162 фрагментированные). Некоторые из фрагментов первоначально были отнесены к серпам, однако в ходе детального изучения они были определены как косы из-

за наличия характерной детали для крепления рукояти – пятки. Большая часть новгородских кос, для которых удалось измерить основные параметры, относятся к северному типу (новгородский вариант), лишь 4 – к южнорусскому. Длина кос составляет от 39,5 до 54 см, а ширина от 3 до 5 см. Большая часть кос-горбуш происходит из слоев XIII в., затем их число резко сокращается к XV в.

Говоря об орудиях уборки урожая, стоит также упомянуть несколько орудий, которые были найдены в единичных экземплярах. Речь идет о трех косарях (XIII в. и рубеж XIV–XV вв.), резаке (вторая половина XII в.) и ноже-секаче (начало XV в.) (рис. 5: 1–3). Упомянутые инструменты по своему определению относятся к крупным хозяйственным ножам, которые имели широкий спектр применения. Нож-секач и резак, по всей вероятности, были изготовлены из вышедшей из употребления косы, о чем свидетельствует их внешний вид. Секач имеет загнутый конец клинка, придающий ему серповидную форму.

Для уборки сена жители Древней Руси использовали деревянные вилы и грабли (рис. 6). Такие орудия известны по раскопкам Старой Ладogi и Новгорода. В Новгороде было обнаружено 20 деревянных вил, из них семь сохранились полностью, остальные представлены фрагментами в виде остатков развилля. Новгородские вилы были целиком изготовлены из дерева, рабочая часть представляла собой большую рогатку, в отличие от вил Западной Европы, которые иногда снабжались железной рабочей частью (Minot, 2016, p. 92). Общая длина инструмента от 79 до 197 см, расстояние между зубьями развилля от 4 до 15 см.

Для уборки сена новгородские крестьяне использовали грабли. Древнерусские грабли изготавливались из дерева и по своему внешнему облику были аналогичны граблям из Запад-



Рис. 6. Вилы и грабли. 1–3 – цельные грабли; 4–6 – составные; 7 – грабельный зуб; 8–9 – вилы. Паспортные данные: 1 – Троицкий XII-1999 год-пл.14-кв.1463-№100; 2 – Троицкий XII-1997 год-пл.6-кв.1352-№158; 3 – Троицкий VIII-1987 год-пл.15-кв.705-№15; 4 – Троицкий VIII-1987 год-пл.12-кв.688-№24; 5 – Троицкий VIII-1987 год-пл.18-кв.708-№14; 6 – Троицкий IX-1990 год-пл.3-кв.839-№224; 7 – Троицкий XII-1997 год-пл.16-кв.1555-№83; 8 – Неревский-1952 год-оп.А32/18; 9 – Троицкий XIII-2009 год-пл.17-кв.1647-№33.

Fig. 6. Pitchforks and rakes. 1–3 – all-in-one rakes; 4–6 – composite rakes; 7 – rake tooth; 8–9 – pitchforks.

ной Европы. Средневековые грабли состояли из нескольких частей, а именно из грядки (колодки), в которую вставлялись зубья и рукояти. Характер соединения деталей можно реконструировать по изображениям на миниатюрах, а также по находке целиком сохранившихся граблей с Троицкого раскопа, где рукоять крепилась к колодке при помощи раздвоения черенка. Количество зубьев варьируется от трех до пяти. На территории Новгорода было обнаружено 36 грядок (колодок) грабель, некоторые с остатками зубьев, и одни грабли, которые сохранились полностью вместе

с рукоятью, а также 115 отдельных зубьев.

На основании изучения грабельных колодок можно выделить два типа: цельные и составные. Цельные грабли изготавливались из одного елового ствола с сучьями, которые служили зубьями. У составных грабель все детали делались отдельно и затем собирались вместе. Большинство орудий были составными (всего 16), и десять были цельными.

Зубья грабель из новгородских материалов можно условно разделить на четыре группы по характеру оформления верхней части зуба. Пер-



Рис. 7. Универсальные орудия. 1 – рукоятка лопаты; 2–3, 5 – односторонние заступы; 4 – двухсторонний заступ; 6 – копалка; 7–10 – оковки лопат. Паспортные данные: 1 – Нутный-1979 год-оп. А69/328; 2 – Н-1973-Славенский-1973 год-пл.27-кв.64-№57; 3 – Ильинский-1963 год-пл.18-кв.17-б/н; 4 – Славенский-1972 год-пл.20-кв.6-№8; 5 – Нутный-1981 год-пл.32-кв.31-б/н; 6 – Н-1963-Неревский-1963 год-пл.16-кв.26-№40; 7 – Андреевский-1995 год-пл.15-кв.55-№6; 8 – Троицкий VI-1982 год-пл.14-кв.373-№2; 9 – Ильинский-1964 год-пл.9-кв.64-№624; 10 – Андреевский-1995 год-пл.15-кв.53-№1.

Fig. 7. Universal implements. 1 – spade handle; 2–3, 5 – one-sided spade; 4 – two-sided spade; 6 – tool for digging; 7–10 – shovel ironing.

вая группа представлена зубьями без шляпки. Во вторую группу вошли зубья, навершия которых были увенчаны шляпкой, с помощью которой они фиксировались в грядке. Третья группа характеризуется зубьями, которые имели вместо шляпки выточенный черешок, который вставлялся в отверстия на колодке грабеля. И последняя, четвертая группа представлена зубьями, где в навершиях присутствуют отверстия, в которые вставлялись специальные фиксаторы, крепившие зуб к колодке. Такой способ крепления использован на полностью сохранившихся граблях с Троицкого раскопа, где напротив места расположения зубьев на самой колодке прослеживаются маленькие отверстия. Несколько экземпляров не удалось отнести к определенному типу, т. к. навершие обломано. Следует оговориться, что данная группа находок не была включена в общую статистику, так как при ее учете искажается картина соотношения групп орудий.

Универсальные орудия

Последняя группа представлена универсальными орудиями, в которую вошли лопаты-заступы и их железные оковки. Лопаты могли использоваться не только для возделывания огородов, но и для прочих земледельческих операций. Отличительной особенностью землеройных лопат является специальный выступ для ножного упора, поэтому их также называют заступами. Различают трапециевидные, прямоугольные и треугольные по форме заступы. Рабочий край мог быть как прямым, так и закругленным. Иногда нижний край лопат оковывали железом или сталью (Колчин, 1968, с. 17).

Железные оковки лопат изготавливались, как правило, из двух полос железа толщиной примерно 2–3 мм, которые сваривались по внешнему краю и надевались на рабочую часть лопаты. К рабочей части лопат они крепились при помощи малень-

ких гвоздей либо закреплялись железными полосками (Колчин, 1953, с. 89). По классификации, предложенной В.К. Михеевым на основании изучения материала салтовской культуры, оковки разделяются на два типа: I – фигурные оковки; II – оковки прямоугольной формы. Автор также заключает, что тип I был широко распространен на пограничных со славянскими племенами территориях, а там, где это влияние не прослеживалось, господствовали прямоугольные оковки (Михеев, 1985, с. 92–93).

Всего на территории Новгорода было обнаружено 88 деревянных лопат-заступов и 44 железные оковки (рис. 7). Оковки, по типологии В.К. Михеева, относятся к типу I. На нескольких оковках сохранились отверстия для скрепления с рабочей части лопаты гвоздями. Подобные лопаты с железными оковками были широко распространены на территории Древней Руси и сопредельных территориях (Миролюбов, 1976, с. 119; Лаптев, 2007, с. 12–20; Гончаров, 1950, с. 69–70; Колода и др., 2018, с. 73–75). Большая часть железных оковок лопат происходят из слоев XII–XIV вв.

В Новгороде обнаружено большое число деревянных землеройных лопат. Общая длина лопат варьируется от 56 до 126 см, а длина рабочей части от 18 до 43 см. Из них 21 экземпляр имеет прямоугольную форму, 13 – треугольную и три – трапециевидную. Такие заступы были широко представлены не только в Древней Руси (Старая Русса, Псков), но и в Западной Европе, например, при раскопках в Эльзинхофе и Сённре-Ланн (Szabó, 1985, s. 22; De arkeologiske utgravinger i Gamlebyen, 1990, s. 30–32). Изображения аналогичных лопат находятся на одном из участков Гобелена из Байё, а также на древнерусских миниатюрах (Страхова, 2021, с. 206–211). На некоторых западноевропейских лопатах присут-

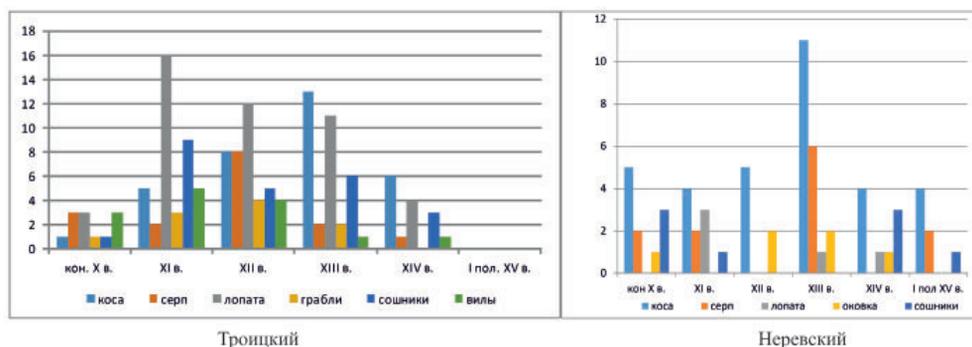


Рис. 8. График хронологического распределения находок сельскохозяйственных орудий на Неревском и Троицком раскопах.

Fig. 8. Graph of the chronological distribution of finds of agricultural implements at the Nerevsky and Troitsky site.

ствуют рукояти-поперечины. Непосредственно на новгородских лопатах такие рукояти не встречаются, однако удалось обнаружить четыре рукояти-поперечины отдельно. Авторы монографии, посвященной деревянным находкам из Эльзинхофа, объясняют отсутствие рукоятей на некоторых заступках тем, что они были приспособлены лишь для возделывания земли, а рукоять была необходимо для шанцевых лопат, которыми производили рытье ям (Szabó, 1985, s. 23). Данные западноевропейских и древнерусских миниатюр не проливают свет на этот вопрос. Лопаты с наверхиями и без них изображаются при земледельческих работах в равной степени. Распределение находок лопат-заступов по времени неравномерно. Большая часть была найдена в слоях XI–XII вв., затем резко снижается к XIII в. и постепенно увеличивается к XIV в.

Изучение выявленных функциональных групп орудий демонстрирует, что на данной территории преобладали орудия для уборки урожая и сенокосения, такие как косы, что может свидетельствовать о большом значении сенозаготовки в хозяйстве. Если учесть, что культурный слой Новгорода содержит большое количество костей крупного рогатого скота, то можно сделать вывод о преобла-

дающей роли скотоводства в хозяйственной деятельности средневековых новгородцев.

Следующей по численности группой являются универсальные орудия, в которую вошли лопаты-заступы и их железные оковки, что может быть связано не только с возделыванием огородов, но и использованием их при рытье ям и т. д. Дополняя эти данные сведениями о наличии следов огородов в культурном слое Новгорода, можно говорить о том, что огородничество имело большое значение в хозяйственной жизни города.

Последней по численности является группа пахотных орудий, в которую вошли сошники и наральники. Инструментарий, связанный с пахотными работами, встречается крайне редко, особенно если учитывать, что материал происходит из раскопок в черте средневекового города. Следует также отметить, что находки железных наконечников пахотных орудий вообще довольно редки, многие из них происходят из кладов земледельческих орудий. На основании хронологического распределения находок сельскохозяйственных орудий можно сделать вывод о том, что орудия, связанные с пашенным земледелием, относятся к ранним слоям (XI–XII вв.), постепенно увеличивается количе-

ство орудий для сенокосения (рис. 8). Такое соотношение можно объяснить тем, что на ранних этапах на близлежащей территории была не такая плотная застройка и пашенные угодья могли находиться неподалеку, в пользу чего также свидетельствуют следы распашки на материках упомянутых раскопов.

Приложение 1

Раскопы, на которых были обнаружены следы средневековой распашки

Троицкий IX, X и XI;
ул. Воздвиженская, 9;
Рогатицкий II;
Лукинский II;
Добрынин II;
Ярославово Дворище;
Десятиный I, II;
Власьевский II;
Конюшенный I;
Посольский (2008 г.);
Андреевский III;
ул. Черняховского, 14;
ул. Троицкая, 16.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александровский А.Л., Гайдуков П.Г., Кренке Н.А. Исследования древнейшего культурного слоя и погребенной почвы на Троицком XI раскопе в Новгороде в 1998 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 13 / Отв. ред. В.Л. Янин. Великий Новгород, 1999. С. 358–366.
2. Александровский А.Л., Леонтьев А.Е., Кренке Н.А., Долгих А.В. Ранняя история ландшафтов древнерусских городов (становление культурного ландшафта) // Русь в IX–XII вв.: общество, государство, культура / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.Е. Леонтьев. М.; Вологда: Древности Севера. С. 99–107.
3. Арциховский А.В. К методике изучения серпов // Труды секции археологии РАНИОН. Вып. IV. М.: РАНИОН, 1928. С. 29–42.
4. Гайдуков П.Г., Кудрявцев А.А., Олейников О.М., Степанов М.А., Языков С.В. Исследования в южной части Плотницкого конца Великого Новгорода в 2014 г. (раскоп Рогатицкий-2) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 29 / Отв. ред. В.Л. Янин. Великий Новгород, 2015. С. 66–77.
5. Гончаров В.К. Райковецкое городище. К.: АН Украинской ССР, 1950. 216 с.
6. Еремеев И.И. К вопросу об аграрной скандинавской колонизации в Восточной Европе в раннем средневековье // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий. (К 100-летию создания российской академической археологии) / Отв. ред. Ю.А. Виноградов, С.А. Васильев, К.Н. Степанова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 324–348.
7. Зеленин Д.К. Русская соха и ее история и виды. Вятка: Губернская Типография, 1907. 189 с.
8. Колода В.В., Горбаненко С.А. Сільське господарство населення Хозарського Каганату в Лісостеповій зоні. К.: Академперіодика, 2018. – 167 с.
9. Колчин Б.А. Техника обработки металла в Древней Руси. М.: ГНТИ машиностроительной и судостроительной литературы, 1953. 159 с.
10. Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА. № 65 / Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 7–120.
11. Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия / САИ. Вып. Е1–55. М.: Наука, 1968. 217 с.
12. Краснов Ю.А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М.: Наука 1987. 237 с.

13. *Лантев А.А.* Средневековые оковки заступов на Харьковщине // Харьковский археологический сборник. Вып. 2. Харьков: Мачулин, 2007. С. 12–20.

14. *Левашева В.П.* Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Тр. ГИМ. Вып. 32 / Ред. Б.А. Рыбаков. М.: Госкультпросветиздат, 1956. С. 19–105.

15. *Минасян Р.С.* Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСГЭ. Вып. 19 / Отв. ред. А.М. Микляев. Л.: Аврора, 1978. С. 74–85.

16. *Миролюбов М.А.* Орудия вторичной обработки почвы и уборки урожая Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 17 / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. Л.: Аврора, 1976. С. 119–124.

17. *Миролюбов М.А.* Сельскохозяйственные орудия Новгородской земли VIII–XIV вв. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1980. 23 с.

18. *Михеев В.К.* Техника и технология изготовления сельскохозяйственных орудий салтовской культуры // Археологические памятники Юго-Восточной Европы / Отв. ред. Е.В. Дворецкий. Курск: Курский госпединститут, 1985. С. 87–99.

19. *Мурашева В.В., Нефедов В.С.* Сошники из Гнёздова // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 16 / Отв. ред. В.Л. Янин. Великий Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 2002. С. 187–199.

20. *Олейников О.М.* Работы в северо-западной части Людина конца Великого Новгорода в 2008 г. (Десятичный I, III, IV раскопы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 23 / Отв. ред. В.Л. Янин. Великий Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 2009. С. 36–46.

21. Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда / Отв. ред. П.И. Кушнер. М.: Наука, 1967. 360 с.

22. *Самойлов К.Г.* Археологизированные следы работы средневековых пахотных орудий по материалам исследований в Старой Руссе в 2001–2012 гг. // Вестник Новгородского государственного университета. 2013. № 73. Т. 1. С. 103–107.

23. *Степанов А.М., Страхова Н.Д., Сингх В.К.* Редкая находка сельскохозяйственного орудия из Великого Новгорода // Археологические вести. Вып. 31 / Гл. ред. В.А. Лапшин, СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 108–112.

24. *Страхова Н.Д.* Древнерусские и западноевропейские изобразительные источники для изучения сельскохозяйственных орудий // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 34 / Отв. ред. Е.А. Рыбина. Великий Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 2021. С. 206–211.

25. *Черевичник Д.Л.* К вопросу о функциях хазарского складного серпа // Истории оружия. Альманах. 2013. № 8–9. С. 48–63.

26. *Чернецов А.В.* Классификация и хронология наконечников древнерусских пахотных орудий // КСИА. Вып. 146 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1976. С. 32–35.

27. De arkeologiske utgravinger i Gamlebyen, Oslo. Bind 7. Dagliglivets gjenstander - Del I. ØvreErvik, 1990. S. 345.

28. *Minot F.* Le mobilier en fer du bâtiment 30 de Châteinois (67). Aspects de la vie économique, domestique et sociale à la fin du Moyen Age. Strasbourg: Université de Strasbourg, 2016. 160 p.

29. *Szabó M., Grenander-Nyberg G., Myrdal J.* Die Holzfunde aus der frühgeschichtlichen Wurt Elisenhof // Die Lederfunde aus frühgeschichtlichen Wurt Elisenhof. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 1985. P. 9–25.

Информация об авторе:

Волгина Наталия Дмитриевна, аспирант. МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); научный сотрудник. ИНИОН РАН (г. Москва, Россия); snatd@yandex.ru

AGRICULTURAL IMPLEMENTS OF MEDIEVAL NOVGOROD: SYSTEMATIZATION, CHRONOLOGY

N.D. Volgina

Over a long period of archaeological study of Novgorod, a rich collection of medieval antiquities was accumulated, which reflects all areas of activity of its inhabitants in the Middle Ages. In particular, household items are widely represented, among which a small group of agricultural implements stands out, which makes it possible to trace the history of the

development of agricultural technology for the territory of Novgorod. The article provides a detailed description of the collection of agricultural implements, and the necessary research has been carried out to systematize them based on classifications developed by domestic archaeologists. The chronological framework of the work covers the period from the mid-10th to the 15th centuries, which is due to the peculiarities of the preservation of the cultural layer on the territory of Novgorod. Written, visual and ethnographic materials were also analyzed as part of this study.

Keywords: archaeology, medieval Novgorod, agricultural implements, ploughs, classification, chronology.

REFERENCES

1. Aleksandrovskiy, A. L., Gaydukov, P. G., Krenke, N. A. 1999. In Yanin, V. L. (ed.). *Novgorod i Novgorodskaya zemlia istoriia i arkhologiiia* (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology) 13. Veliky Novgorod, 358–366 (in Russian).
2. Aleksandrovskiy, A. L., Leont'ev, A. E., Krenke, N. A., Dolgikh, A. V. 2014. In Makarov, N. A., Leont'ev, A. E. (eds.). *Rus' v IX–XII vv.: obshchestvo, gosudarstvo, kul'tura*. (Rus in the 9th–12th Centuries: society, state, culture). Moscow-Vologda: "Drevnosti Severa" Publ., 99–107 (in Russian).
3. Artsikhovskiy, A. V. 1928. In *Trudy sektiia arkhologii Instituta arkhologii i iskusstvoznaniia RANION* (Proceedings of the Department for Archaeology of the Archaeology Institute and Art Studies of the Russian Association of Institutes for Research in Social Sciences) 4. Moscow, 29–42 (in Russian).
4. Gaydukov, P. G., Kudryavtsev, A. A., Oleynikov, O. M., Stepanov, M. A., Yazikov, S. V. 2015. In Yanin, V. L. (ed.). *Novgorod i Novgorodskaya zemlia istoriia i arkhologiiia* (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology) 29. Veliky Novgorod, 66–77 (in Russian).
5. Goncharov, V. K. 1950. *Raykovetskoe gorodishche*. (Raiki hillfort). Kiev: Academy of Sciences of the Ukrainian SSR (in Russian).
6. Eremeev, I. I. 2019. In Vinogradov, Yu. A. Vasil'ev, S. A. Stepanova, K. N. (eds.). *Proshloe che-lovechestva v trudakh peterburgskikh arkhologov na rubezhe tysyacheletiy* (K 100-letiyu sozdaniya rossiyskoy akademicheskoy arkhologii) (The Past of Humankind as seen by the Petersburg Archaeologists at the Dawn of the Millenium (to the Centennial of the Russian Academic Archaeology)). Saint Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2019, 324–348 (in Russian).
7. Zelenin, D. K. 1907. *Russkaya sokha i ee istoriya i vidy* (The Russian plough its history and types). Vyatka: "Gubernskaya Tipografiya" (in Russian).
8. Koloda, V. V., Gorbanenko, S. A. 2018. *Sil's'ke gospodarstvo naseleennyi Khozars'kogo Kagannatu v Lisostepoviy zoni* (Agriculture of the population of the Khazar Khaganate in the forest-steppe zone). Kiev: "Akadempriodika" Publ. (in Ukrainian).
9. Kolchin, B. A. 1953. *Tekhnika obrabotki metalla v Drevney Rusi* (Metalworking techniques in Ancient Russia). Moscow: "GNTI mashinostroitel'noy i sudostroitel'noy literatury" Publ. (in Russian).
10. Kolchin, B. A. 1959. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin B. A. (eds.). *Materialy i issledovaniya po arkhologii* (Materials and Studies in the Archaeology) 65. *Trudy Novgorodskoi arkhologicheskoi ekspeditsii* (Proceedings of Novgorod Archaeological Expedition) II. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 7–120 (in Russian).
11. Kolchin, B. A. 1968. *Novgorodskie drevnosti. Derevyannyye izdeliya* (Novgorod Antiquities. Wooden Crafts). Series: Svod arkhologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1–55. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
12. Krasnov, Yu. A. 1987. *Drevnie i srednevekovyye pakhotnyye orudiia Vostochnoi Evropy* (Ancient and Medieval Tilling Tools of Eastern Europe). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
13. Laptsev, A. A. 2007. *Khar'kovskiy arkhologicheskii sbornik* (Kharkiv Archaeological Collection) 2. Kharkiv: "Machulin" Publ., 12–20 (in Russian).
14. Levasheva, V. P. 1956. In Rybakov, B. A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X–XIII vv.* (Sketches on History of the Russian Village of 10th–13th Centuries). Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 43. Moscow: "Goskul'tprosvetizdat" Publ., 19–105 (in Russian).
15. Minasyan, R. S. 1978. In Miklyaev, A. M. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum) 19. Leningrad: "Avrora" Publ., 74–85 (in Russian).
16. Miroyubov, M. A. 1976. In Piotrovskiy, B. B. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum) 17. Leningrad: "Avrora" Publ., 119–124 (in Russian).
17. Miroyubov, M. A. 1980. *Sel'skokhozyaystvennyye orudiya Novgorodskoy zemli VIII–XIV vv.* (Agricultural implements of the Novgorod land of the VIII–XIV centuries). PhD Thesis. Leningrad (in Russian).
18. Mikheev, V. K. 1985. In Dvoret'skiy, E. V. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki Yugo-Vostochnoy Evropy* (Archaeological sites of Southeastern Europe). Kursk: Kursk State Pedagogical Institute, 87–99 (in Russian).

19. Murasheva, V. V., Nefedov, V. S. 2002. In Yanin, V. L. (ed.). *Novgorod i Novgorodskaya zemlia istoriia i arkhologiiia (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 16. Veliky Novgorod: Novgorod State United Museum-Reserve, 187–199 (in Russian).
20. Oleynikov, O. M. 2009. In Yanin, V. L. (ed.). *Novgorod i Novgorodskaya zemlia istoriia i arkhologiiia (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 23. Veliky Novgorod: Novgorod State United Museum-Reserve, 36–46 (in Russian).
21. In Kushner, P. I. (ed.). 1967. *Russkie. Istoriko-etnograficheskiy atlas. Zemledelie. Krest'yanskoe zhilishche. Krest'yanskaya odezhda (Russians. Historical and ethnographic atlas. Agriculture. Peasant dwelling. Peasant clothing)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
22. Samoylov, K. G. 2013. In *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta (Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta)* 73(1), 103–107 (in Russian).
23. Stepanov, A. M., Strakhova, N. D., Singkh, V. K. 2021. In Lapshin, V. A. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 31. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences Publ., 108–112 (in Russian).
24. Strakhova, N. D. 2021. In Rybina, E. A. (ed.). *Novgorod i Novgorodskaya zemlia istoriia i arkhologiiia (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 34. Veliky Novgorod: Novgorod State United Museum-Reserve, 206–211 (in Russian).
25. Cherevichnik, D. L. 2013. In *Istorii oruzhiya (History of weapon)* 8–9, 48–63 (in Russian).
26. Chernetsov, A. V. 1976. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 146. Moscow: "Nauka" Publ., 32–35 (in Russian).
27. 1990. *De arkeologiske utgravingeri Gamlebyen, Oslo*. Bind 7. Dagliglivets gjenstander – Del I. ØvreErvik.
28. Minot, F. 2016. *Le mobilier en fer du bâtiment 30 de Châtenois (67). Aspects de la vie économique, domestique et sociale à la fin du Moyen Âge*. Strasbourg: Université de Strasbourg.
29. Szabó, M., Grenander-Nyberg, G., Myrdal, J. 1985. In *Die Lederfunde aus frühgeschichtlichen Wurt Elisenhof*. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 9–25.

About the Author:

Volgina Nataliia D. M.V. Lomonosov Moscow State University, Lomonosovsky prospect, 27, Moscow, 119192, Russian Federation; INION RAS, Nakhimovsky prospect, 51/21, Moscow, 117418, Russian Federation; snatd@yandex.ru

Статья принята в номер 01.06.2024 г.

ИЗУЧЕНИЕ ЧУГУННЫХ КОТЛОВ И ШЛАКОВ С САЛОВСКОГО I СЕЛИЩА¹

© 2024 г. В.А. Винничек, К.М. Винничек

В статье представлены геометрические размеры и формы чугунных котлов, обнаруженных на Саловском I селище в Верхнем Посурье. Кроме этого, в работе отражены результаты исследований одного из фрагментов чугунного котла, ремонтной пластины и шлака, найденных на поселении. Образцы шлака изучались при помощи химического анализа с применением методов, разработанных для определения содержания железа в рудах, концентратах и агломератах. Ремонтная пластина и фрагмент стенки чугунного котла были проанализированы при помощи электронно-лучевого спектрографа. В исследуемых образцах было обнаружено заметное количество фосфора, что, очевидно, обусловлено использованием в качестве сырья для местной чёрной металлургии болотной, озёрной и луговой руды. Для составления статистической базы данных по железолитейному и кузнечному ремесленному производству в Верхнем Посурье и других регионах необходимо проведение дальнейших аналитических изысканий.

Ключевые слова: археология, чугун, шлак, ремонтная пластина, спектрофотометрический анализ, спектральный анализ, Саловское I селище, Верхнее Посурье, Золотая Орда.

Саловское I селище открыто в 1989 г. В.И. Первушкиным (Первушкин, 1990, с. 6). Оно находится в 1,5 км к северо-востоку от с. Саловка Пензенского района. Расположено вдоль небольшой речки Вязовки, по обе стороны от неё, занимая небольшие возвышения. Поверхность селища издавна распахируется. Судя по материалам, опубликованным ранее, памятник является трехслойным – II тыс. до н. э. (срубная культура эпохи бронзы), XIV в. (Золотая Орда) и вторая половина XVII – начало XVIII в. (д. Вязовка) (Яньков, 2004, с. 123).

Особый интерес представляют находки золотоордынского времени. Нумизматический материал позволяет датировать средневековый памятник диапазоном времени правления в Золотой Орде от Узбек-хана до Хызр-хана (Винничек, 2003, с. 80). Функционирование этого поселения прекращается в 60-е гг. XIV в., по-видимому, в результате эпидемии чумы, которая отражена в письменных источниках (Карамзин, 2003, с. 358–359).

За многие годы исследований Саловского I селища на его площадке среди предметов различного назначения обнаружено большое количество фрагментов чугунных котлов (78 экз., из них 7 экз. – с венчиками (рис. 1) и 1 экз. – с венчиком и полочковидной ручкой (рис. 1: 5).

Диаметр котлов в районе венчика варьирует от 450 до 500 мм, толщина стенок – от 5 до 10 мм. Обращают на себя внимание различия форм венчиков. Некоторые венчики как бы «сливаются» со стенкой сосуда (рис. 1: 7). У других верхняя кромка имеет подтреугольное сечение, которое образовано небольшим расширением внутрь котла (рис. 1: 1, 3, 4, 6). У некоторых венчик представлен сложным «волнообразным» профилем (рис. 1: 2, 5). Чугунные котлы с полочковидными ручками и близкими по форме венчиками имеются среди материалов Увекского (Недашковский, 2000, с. 85–86) и Наровчатского (Белорыбкин и др., 2021, с. 64–65) городищ, фиксируются они и на верхнесурских золотоордынских

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ, соглашение №22-28-20314 «Этногенез народов Западного Поволжья в эпоху средневековья».

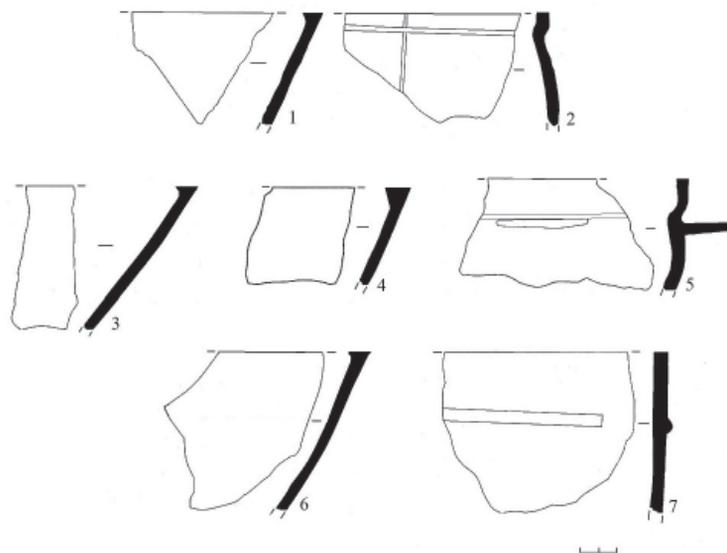


Рис. 1. Саловское I селище.
Фрагменты
чугунных котлов.
Fig. 1. Salovka I
settlement.
Fragments of cast-
iron pots.

селищах (Винничек, Винничек, 2023, с. 23).

Кроме этого, довольно частой находкой на поселении являются железные шлаки (рис. 2: 1) и бесформенные оплавленные фрагменты чугуна, которые могут косвенно свидетельствовать о местном кузнечном, железолитейном и, возможно, чугунолитейном ремесленном производстве. При этом необходимо отметить, что обломки чугунных сосудов могли использоваться как вторичное сырьё для получения железа, т. к. его производство из руды – гораздо более трудоёмкий процесс.

Во время отливки чугунных котлов из-за несовершенства технологии в изделиях зачастую появлялись трещины и дыры (непроливы), которые ремесленники дополнительно заливали жидким металлом, разбирая предварительно, по-видимому, только внешнюю часть литейной формы. Нередко на фрагментах стенок котлов с Саловского I селища встречаются следы их ремонта (рис. 2: 4).

Заливка трещин и сколов в основном осуществлялась при помощи заранее изготовленных чугунных «заплаток» – пластин овальной формы, которых на площадке Саловского I се-

лища было найдено 4 экз. Обращает на себя внимание линейный валикообразный продольный выступ на одной из плоскостей практически всех этих изделий (рис. 2: 2). Однако был найден и один фрагмент боковины чугунного котла, трещина которого была залита бронзой (рис. 2: 3). Подобная «заплатка» из бронзы отмечена на фрагменте чугунного котла, найденного в Самарской области на Сухореченском селище (Рязанов, 2010, с. 96, с. 185, рис. 43: 7).

Для определения содержания железа в шлаке, стенке котла и ремонтной пластине были проведены разносторонние анализы.

Ниже приводится текст с таблицами, предоставленный Волковой Натальей Валентиновной, к.б.н., доцентом, заведующей кафедрой «Химия и методика обучения химии» ПГУ.

Фотометрическое определение общего железа с сульфосалициловой кислотой

В аналитической практике широко используется методика спектрофотометрического определения содержания железа в растворах с применением сульфосалициловой кислоты. Данный метод основан на реакции ионов железа с сульфосалициловой

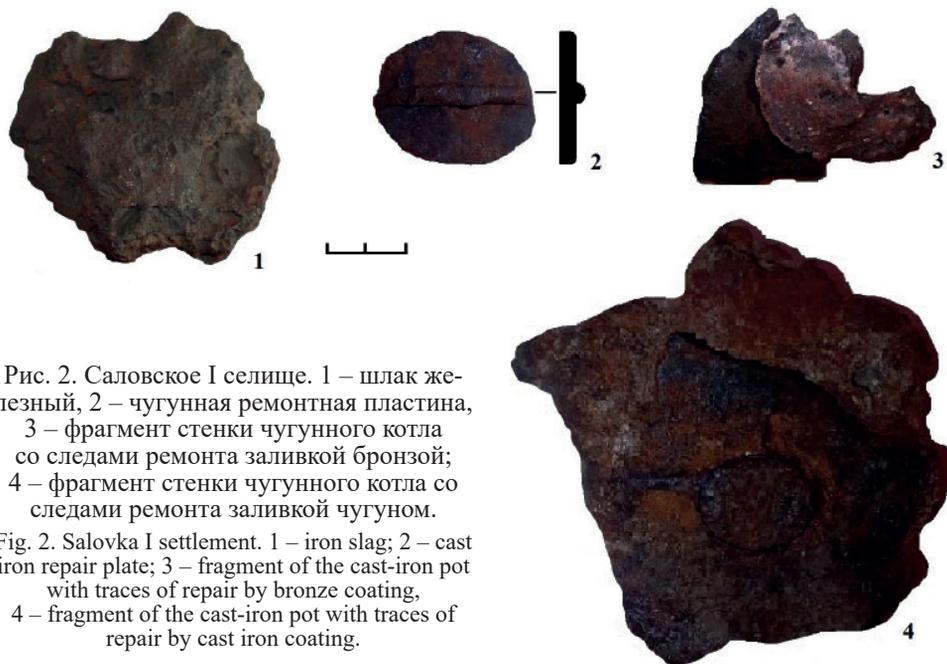


Рис. 2. Саловское I селище. 1 – шлак железный, 2 – чугунная ремонтная пластина, 3 – фрагмент стенки чугунного котла со следами ремонта заливкой бронзой; 4 – фрагмент стенки чугунного котла со следами ремонта заливкой чугуном.

Fig. 2. Salovka I settlement. 1 – iron slag; 2 – cast iron repair plate; 3 – fragment of the cast-iron pot with traces of repair by bronze coating, 4 – fragment of the cast-iron pot with traces of repair by cast iron coating.

кислотой с образованием комплекса трисульфосалицилата железа, окрашенного в желтый цвет, и последующем измерении оптической плотности образовавшегося раствора.

Методика применима для определения содержания железа в рудах, концентратах и агломератах. Для определения содержания общего железа в пробе шлака были приготовлены солянокислый и азотнокислый растворы. Для этого при приготовлении солянокислого раствора взвешивали 0,0200 г образца, количественно переносили в коническую колбу на 50 мл и растворяли в 5 мл концентрированной соляной кислоты в присутствии 0,5 г фторида натрия. Затем количественно перенесли раствор в мерную колбу на 200 мл и довели водой до метки. Затем, поскольку содержание железа в шлаке больше, чем в железной руде, мы разбавляли анализируемый раствор в 5 раз. Для этого в мерную колбу на 25 мл пипеткой отмеряли 5 мл начального анализируемого раствора, затем доводили раствор до метки.

При приготовлении азотнокислого раствора взвешивали 0,0200 г образца, количественно переносили в коническую колбу на 50 мл и растворяли в 5 мл азотной кислоты, разбавленной в соотношении 1:3. Все остальные действия проводились аналогично приготовлению солянокислого раствора. После этого в мерные колбы на 25 мл пипеткой отмеряли 1 мл разбавленного анализируемого раствора, затем в каждую колбу добавляли 2 мл раствора гидроксилamina солянокислого, 6 мл раствора сульфосалициловой кислоты, разбавленного раствором аммиака в соотношении 1:1, и 1 мл раствора сульфосалициловой кислоты, затем доводили водой до метки и перемешивали.

Спустя 5 минут производили фотометрирование при длине волны 430 нм в кюветах с толщиной поглощающего слоя 50 мм. Полученные значения оптической плотности и рассчитанная концентрация исследуемого образца представлены в таблице 1.

Для солянокислого и азотнокислого растворов железного шлака расчи-

Таблица 1

Оптические плотности растворов, концентрации железа в исследуемых растворах и содержание железа в шлаке

Проба	Оптическая плотность					Средняя концентрация, мг/л	Содержание железа в шлаке, %
	1	2	3	4	5		
p-p железа в HCl	0,195	0,210	0,206	0,170	0,180	0,4326	54,08
p-p железа в HNO ₃	0,180	0,180	0,170	0,140	0,170	0,3717	46,46

тали среднее арифметическое содержание железа в пробе по формуле 5.

Для солянокислых растворов железного шлака среднее арифметическое значение содержания общего железа в образце составило:

$$\bar{X} = \frac{270,38\%}{5} = 54,08\%.$$

Для азотнокислых растворов железного шлака среднее арифметическое значение содержания общего железа в образце составило:

$$\bar{X} = \frac{232,34\%}{5} = 46,47\%.$$

Для солянокислых растворов железного шлака дисперсия составила:

$$S^2 = \frac{114,342}{4} = 28,59\%.$$

Для азотнокислых растворов железного шлака дисперсия составила:

$$S^2 = \frac{106,753}{4} = 26,69\%.$$

Стандартное квадратичное отклонение для солянокислых растворов железного шлака составляет:

$$S_{f,\pi} = \sqrt{28,59} = 5,35\%.$$

Стандартное квадратичное отклонение для азотнокислых растворов железного шлака составляет:

$$S_{f,\pi} = \sqrt{26,69} = 5,17\%.$$

Для солянокислого раствора железного шлака величина относительного стандартного отклонения составила:

$$S_r = \frac{5,35}{54,08} * 100\% = 9,89\%.$$

Для азотнокислого раствора железного шлака величина относительного стандартного отклонения составила:

$$S_r = \frac{5,17}{46,47} * 100\% = 11,12\%.$$

Содержание железа, дисперсия, стандартное отклонение и относительное стандартное отклонение представлены в таблице 2:

По полученным результатам находим содержание железа в пробах.

В пробе по результатам анализа солянокислого раствора железного шлака $\omega(\text{Fe}) = 54,08 \pm 9,89\%$.

В пробе по результатам анализа азотнокислого раствора железного шлака $\omega(\text{Fe}) = 46,46 \pm 11,11\%$.

Анализ солянокислых растворов показывает более высокое содержание железа в шлаке. Возможно это связано с тем, что железный шлак содержит примеси песка и силикатов, а силикаты растворимы в HF. Силикатное железо нерастворимо в HNO₃, и, по нашему мнению, это является причиной заниженных результатов определения железа в азотнокислых растворах.

Также были проанализированы ремонтная пластина (рис. 3) и фрагмент стенки чугунного котла (рис. 4) при помощи электронно-лучевого спектрографа. Для этого на их поверхности были сделаны шлифы, чтобы освободить от окислов.

В образцах удалось выявить следующие элементы: Fe, C, O, Si, P, S, Cl. При этом содержание железа в ремонтной пластине 93,32%, а в стенке котла – 97,09%, углерода – 6,34 и 2,59, фосфора – 0,12% и 0,32% соответственно. Остальные элементы составляют незначительное количество.

На этом же оборудовании был исследован и фрагмент железного шлака. Качественный анализ показал в образце кроме железа наличие кремния, кальция и фосфора.

Таблица 2

Рассчитанные стандартные и относительные стандартные отклонения определения концентрации общего железа в исследуемых растворах шлака

Проба	№ колбы	Концентрация, мг/л	Содержание железа в пробе, %	$S^2, \%^2$	$S_{г.д}, \%$	$S_{г.р}, \%$
р-р железа в HCl	1	0,440	54,96	28,59	5,35	9,89
	2	0,478	59,67			
	3	0,467	58,41			
	4	0,377	47,10			
	5	0,402	50,24			
р-р железа в HNO ₃	1	0,402	50,24	26,69	5,17	11,12
	2	0,402	50,24			
	3	0,377	47,10			
	4	0,301	37,66			
	5	0,377	47,10			

Рис. 3. Саловское I селище. Микроструктура (x75) ремонтной пластины.

Fig. 3. Salovka I settlement. Microstructure (x75) of the repair plate.

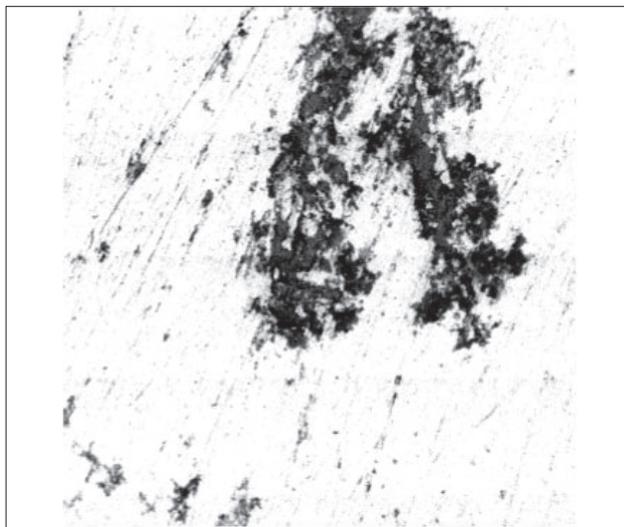
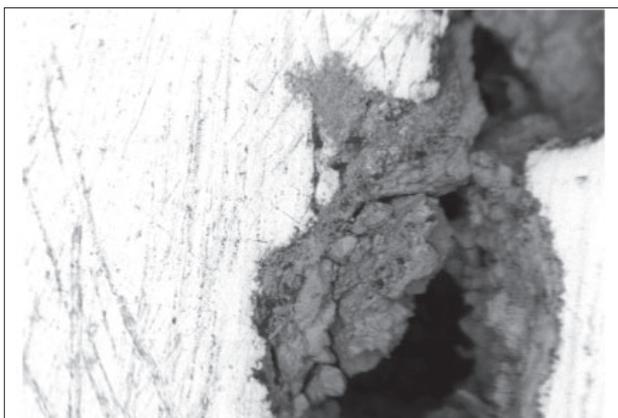


Рис. 4. Саловское I селище. Микроструктура (x200) стенки котла.

Fig. 4. Salovka I settlement. Microstructure (x200) of the pot wall

Как известно, основным сырьем для чёрной металлургии Поволжья в Средневековье были болотные, озерные и луговые руды, что подтверждается наличием фосфора в анализах железных шлаков. А.В. Королёв и Т.А. Хлебникова обратили внимание на его заметное содержание (от 2 до 5%) и сделали предположение об использовании руд, содержащих повышенное количество фосфора (Королёв, Хлебникова, 1960, с. 159).

Поскольку в результате исследований найденных находок с Саловского I селища

был в довольно заметном количестве выявлен фосфор, можно предполагать, что в качестве сырья для местной чёрной металлургии также использовалась болотная, озёрная и луговая руда.

Дальнейшие аналитические исследования позволят в конечном итоге составить статистическую базу данных по железолитейному и кузнечному ремесленному производству на Саловском I селище и в Верхнем Посурье в целом.

Благодарности

Авторы выражают благодарность Волковой Наталии Валентиновне, к.б.н., доценту, заведующей кафедрой «Химия и методика обучения химии» ПГУ, и Логинову Олегу Николаевичу, к.т.н., доценту, заведующему кафедрой «Сварочное, литейное производство и материаловедение» ПГУ, за проведённые аналитические работы с образцами железного шлака, чугуна и ремонтных пластин, а также предоставленные результаты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винничек В.А. Саловское I селище – памятник времени Золотой Орды в Верхнем Посурье // Записки краеведов. Вып. 1 / Ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2003. С. 78–85.
2. Винничек В.А., Винничек К.М. Средневековые древности Никольского селища. Пенза: Институт регионального развития Пензенской области, 2023. 87 с.
3. Карамзин Н.М. История государства Российского / Науч.-лит. обраб. и ред. Медведев Ю.М. М.: Эксмо, 2003. 1020 с.
4. Королёв А.В., Хлебникова Т.А. К вопросу о чёрной металлургии у волжских болгар // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т.3 / МИА. № 80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР. 1960. С. 159–168.
5. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература, 2000. 224 с.
6. Первушкин В.И. Отчет о разведках в Беднодемьяновском, Наровчатском и Пензенском районах Пензенской области, проведенных в 1989 году // Архив ПГКМ. Н/а 649. Пенза, 1990.
7. Рязанов С.В. Чугунолитейное производство в европейской части Золотой Орды (вторая половина XII–XIV вв.). Дисс... канд. ист. наук. Ижевск, 2010. 201 с.
8. Белорыбкин Г.Н., Иконников Д.С., Мельниченко О.В., Винничек В.А., Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., Голубев О.В. Средневековый город Мохши. Пенза, 2021. 250 с.
9. Яньков В.В. Свидетельства вторичного освоения Саловского поселения // Записки краеведов. Вып. 2, ч. 1 / Ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2004. С. 121–123.

Информация об авторах:

Винничек Владимир Альбертович, кандидат исторических наук, директор, Центр историко-культурного наследия ГАОУ ДПО «Института регионального развития Пензенской области» (г. Пенза, Россия); vinnichekvladimir@mail.ru

Винничек Карина Михайловна, кандидат исторических наук, заведующая отделом археологических исследований, ГБУК «Пензенский краеведческий музей» (г. Пенза, Россия); kire-karina@yandex.ru

STUDY OF CAST IRON POTS AND SLAGS FROM SALOVKA I SETTLEMENT

V.A. Vinnichek, K.M. Vinnichek

The article presents the geometric size and shapes of cast-iron pots which were found at the Salovka I settlement in the Upper Sura region. Also the paper reflects the results of studies of one of the fragments of a cast-iron pots, repair plate and slag from the settlement. Slag samples were studied by chemical analysis using methods for the determination the iron content in ores, concentrates and agglomerates. The repair plate and a fragment of the cast iron pot were analyzed using an electron beam spectrograph. In results a noticeable amount of phosphorus was found in the studied samples. This is due to the use of marsh, lake and meadow ores as raw materials for the local ferrous metallurgy. In order to form a statistical database on iron casting and blacksmithing in the Upper Sura basin and other areas, it is necessary to conduct further analytical research.

Keywords: archaeology, cast iron, slag, repair plate, spectrophotometric analysis, spectral analysis, Salovka I settlement, the region of Upper Sura, Golden Horde.

REFERENCES

1. Vinnichek, V. A. 2003. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Zapiski kraevedov (Local historians notes)* 1. Penza: Penza: Penza State Pedagogical University Publ., 78–85 (in Russian).
2. Vinnichek, V. A., Vinnichek, K. M. 2023. *Srednevekovye drevnosti Nikol'skogo selishcha (Medieval antiquities of the Nikolskoye settlement)*. Penza: Institut regional'nogo razvitiya Penzenskoy oblasti Publ. (in Russian).
3. Karamzin, N. M. 2003. *Istoriya gosudarstva Rossijskogo (History of Russia)*. Moscow: «Eksmo» Publ. (in Russian).
4. Korolev, A. V., Khlebnikova, T. A 1960. In Smirnov, A. P. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and Studies on the USSR Archaeology)* 80. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 159–168 (in Russian).
5. Nedashkovskii, L. F. 2000. *Zolotoordynskiy gorod Ukek i ego okruga (The Golden Horde City Ukek and its Suburbs)*. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ. (in Russian).
6. Pervushkin, V. I. 1990. *Otchet o razvedkah v Bednodem'yanovskom, Narovchatskom i Penzenskom rajonah Penzenskoy oblasti, provedennykh v 1989 godu (Report on archaeological surveys in the Bednodemyanovsky, Narovchat and Penza districts of the Penza region, conducted in 1989)*. Penza. Scientific archive of the Penza State Regional Museum. No. 649 (in Russian).
7. Riazanov, S. V. 2010. *Chugunoliteinoe proizvodstvo v evropeiskoi chasti Zolotoi Ordy (vtoraia polovina XII–XIV vv.) (Iron Casting in the European Part of the Golden Horde (Second Half of XII–XIV Centuries))*. PhD Diss. Izhevsk (in Russian).
8. Belorybkin, G. A., Ikonnikov, D. S., Melnichenko, O. V., Vinnichek, V. A., Lebedev, V. P., Gumayunov, S. V., Golubev, O. V. 2021. *Srednevekovyi gorod Mokhshi (The Medieval Town Mokhshi)*. Penza (in Russian).
9. Yan'kov, V. V. 2004. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Zapiski kraevedov (Local historians notes)* 2 (1). Penza: Penza State Pedagogical University Publ., 121–123 (in Russian).

About the Authors:

Vinnichek Vladimir A.I. Candidate of Historical Sciences. Director of the Center of Historical and Cultural Heritage of the State Educational Institution of the Penza Region Institute of Regional Development. Popov Str., 40, Penza, 440049, Russian Federation; vinnichekvladimir@mail.ru

Vinnichek Karina M. Candidate of Historical Sciences. Head of the Department of Archaeological Researches of the Penza State Museum of Local Lore. Krasnaya Str., 73, Penza, 440026, Russian Federation; kire-karina@yandex.ru

Статья принята в номер 01.06.2024 г.

The work was supported by RSF grant, agreement No. 22-28-20314 "Ethnogenesis of the peoples of the Western Volga region in the Middle Ages."

УДК 902.01/903.02

<https://doi.org/10.24852/pa2024.2.48.68.83>

ОСОБЕННОСТИ КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА XIII–XIV ВВ. ИЗ РАСКОПОК СРЕДНЕВЕКОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ СТОЯНКИ СЮКЕЕВСКИЙ ВЗВОЗ II

© 2024 г. Э.И. Оруджов, А.А. Куклина, В.С. Баранов

В статье рассматривается керамический материал из раскопок 2021 года на территории многослойного памятника стоянка Сюкеевский Взвоз II. Судя по совокупности находок (металлический шлак и кричное железо, заготовки и полуфабрикаты железных изделий, кузнечный инструментарий), в золотоордынское время здесь могла располагаться кузнечная мастерская. Большая часть керамического комплекса представляет собой древнерусскую керамику, что дает основание предполагать здесь поселение выходцев из русских земель. Эта группа керамики на данном поселении различается по степени ожелезненности исходных глин, по степени их запесоченности и по видам искусственных примесей. По характеру находок можно интерпретировать данное местоположение как ремесленную периферию небольшого поселения городского типа, связанную с обработкой железа.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Сюкеевский Взвоз, Болгар, Русь, кузнечное дело, керамика, гончарство, формовочная масса.

Археологические памятники, расположенные рядом с селом Сюкеево и поселком Сюкеевский взвоз Камско-Устьинского района Республики Татарстан (ранее Тетюшского уезда Казанской губернии), занимающие площадку правого берега Волги, можно рассматривать как археологический комплекс, к которому могут быть причислены объекты, связанные между собой территориально, но хронологически и историко-культурно отличные друг от друга (рис. 1). Среди них памятники каменного века, энеолита, раннего железного века, средневековой эпохи¹.

Внимание исследователей к этой территории проявилось в середине XIX в., и связано оно было с комплексом объектов и находками, относящимися прежде всего к золотоордынскому времени. В 1857 г. сотрудником Казанского губернского статистического комитета С.Е. Мельниковым было опубликовано краткое описание местоположения Сюкеевского городища. Несколько позже появились публикации Н. Вячеслава (1874) и С.М. Шпилевского (1877), где были упомянуты сведения о земляных укреплениях т. н. «Татарского жилища»,

опирающиеся во многом на информацию С.Е. Мельникова. Наиболее развернутое и полное описание объектов, связанных с Сюкеевским комплексом памятников, мы можем увидеть в очерке Е.Т. Соловьева (1892), который пишет об остатках здесь двух «городков» (ныне известных как Сюкеевское и Сюкеевское II городища), развалинах каменных строений, погребальных комплексах, отдельных находках вещей и джучидских монетах, наиболее ранняя из которых была чеканена от имени Менгу-каана². О том, что в районе с. Сюкеево находили медные монеты Хызр-хана 762 г. х. (1360 г.), упоминает и С.М. Шпилевский. Выводы, к которым пришли исследователи: эти объекты «не что иное как небольшой древний болгарский городок». Е.Т. Соловьев отнес существование «городков» ко времени «не ранее как к XII в.», фиксируя при этом сходство обломков керамической посуды, найденных на данной территории, с посудой «древнего Болгара» (Мельников, 1857; Вячеслав, 1874, с. 32–33; Шпилевский, 1877, с. 320; Соловьев, 1892, с. 449–451).

Археологическое изучение сюкеевских памятников началось в конце

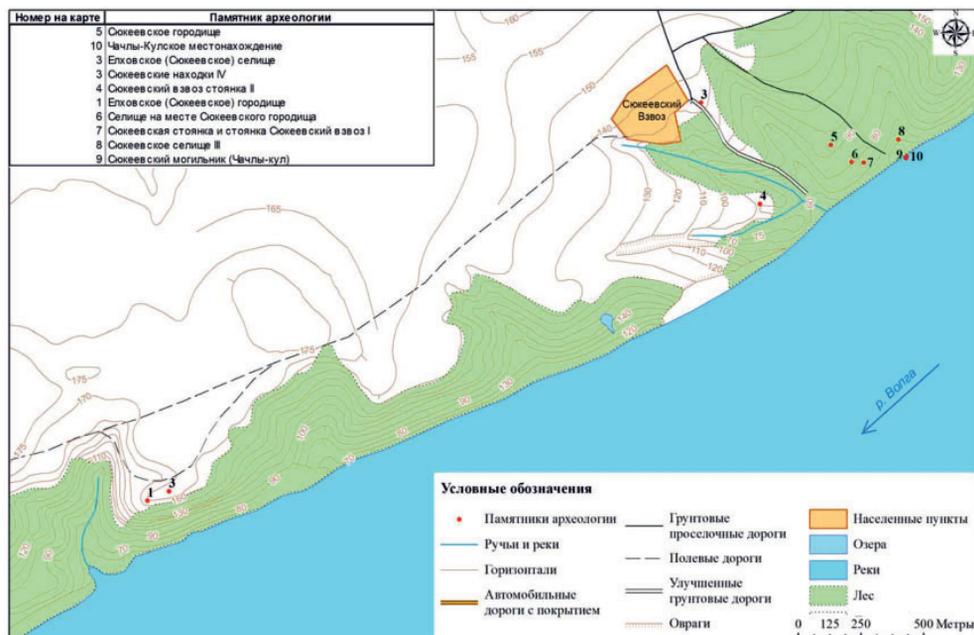


Рис. 1. Карта. Республика Татарстан. Камско-Устьинский район. Месторасположение участка исследований. Памятники археологии.

Fig. 1. Map. The Republic of Tatarstan. Kamskoye Ustye district. Location of the research area. Archaeological sites.

20-х гг. XX в. с разведочных работ под руководством Н.Ф. Калинина, который оставил наиболее подробное описание Сюкеевского городища. Повторно данную территорию он обследовал в 1954 г. (Калинин, 1928; 1954, с. 97).

В 1966 г. в результате разведок, проведенных М.Г. Косменко, здесь была открыта стоянка Сюкеевский Взвоз, которая затем стала одним из стратифицированных памятников рубежа палеолита и мезолита в Волго-Уральском регионе. Раскопки на этом объекте, проведенные М.Г. Косменко в 1968 г., позволили получить коллекцию каменных изделий, ставшую опорной группой материалов для дальнейших исследований палеолита и мезолита в Волго-Уралье. Комплекс находок изделий из кремня и отходов кремнёвого производства дал возможность автору исследований атрибутировать её в качестве мастерской эпохи палеолита – мезолита. С 1981

по 1999 гг. регулярные раскопки на Сюкеевском Взвозе вела М.Ш. Галимова, а в 1983 г. ею была выявлена стоянка Сюкеевский Взвоз II, расположенная к юго-западу от стоянки Сюкеевский Взвоз (Косменко, 1967, 1972, 1977; Галимова, 1984; Галимова, 2022, с. 110).

Исследования, проводимые на памятниках эпохи камня, стимулировали изучение объектов, расположенных в более поздних хронологических стратах. Группу болгарских памятников эпохи Золотой Орды в районе с. Сюкеево выделял Р.Г. Фахрутдинов (1975, с. 59). Во время раскопок на стоянке Сюкеевский Взвоз в 1989–1990 гг. в гумусовом горизонте современной почвы был выявлен слой болгарского времени и остатки постройки, связанной с металлургическим производством (Галимова, 1992, с. 7, рис. 2). В 1991 г. раскопки на Сюкеевском городище были продолжены А.М. Губайдуллиним, непо-

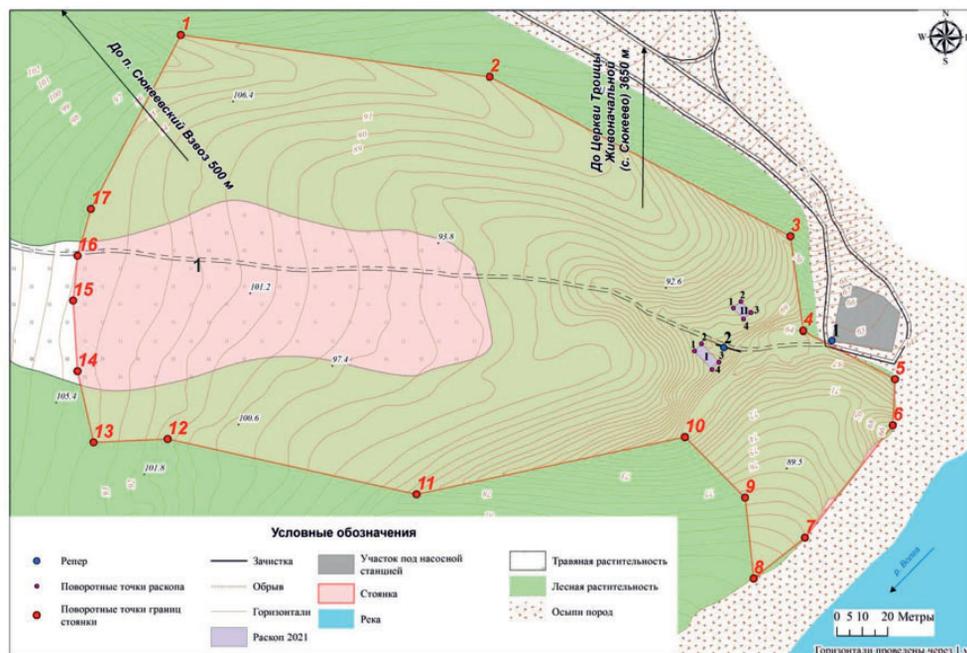


Рис. 2. Топографический план. Республика Татарстан. Камско-Устьинский район. Стоянка Сюкеевский взвоз II. Границы. Расположение раскопов 1-2.

Fig. 2. Topographic plan. The Republic of Tatarstan. Kamskoye Ustye district. Sjukeyevsky vzvoz II campsite. The boundaries. Location of the excavations 1-2.

средственно изучавшим болгарский горизонт памятника. Результаты этих работ позволили интерпретировать этот археологический объект как остатки среднего по размерам болгарского города с определенными административно-хозяйственными функциями (Губайдуллин, 2002; Галимова, Губайдуллин, 2003). Одним из признаков этого поселения было названо наличие неукрепленного посада, в качестве которого определены три селища, расположенные в непосредственной близости к Сюкеевскому городищу.

В этой связи представляют интерес итоги исследований 2021 г. на территории стоянки Сюкеевский Взвоз II, проведенные под руководством д.и.н. Ф.Ш. Хузина. Целью этих работ стало определение границ памятника и мониторинг его современного состояния. Исследования производились на двух раскопах общей площадью

64 м² (I – 40 м², II – 24 м²) (рис. 2) и показали наличие культурных напластований в широком хронологическом диапазоне: начиная с эпохи финального палеолита – мезолита – раннего металла, раннего железного века и болгарско-ордынского времени. В том числе были зафиксированы отложения, связанные с XIII–XIV вв., что говорит о синхронном накоплении данных отложений и напластований Сюкеевского городища. Непосредственная близость этих объектов позволяет высказать предположение об отнесении места, на котором находилась стоянка Сюкеевский Взвоз II, к периферии золотоордынского города. О характере использования данной территории могут свидетельствовать некоторые находки, относящиеся к этому времени. Среди них: многочисленные куски железного шлака (97 ед.), глиняной обмазки, а также довольно представительная группа из-

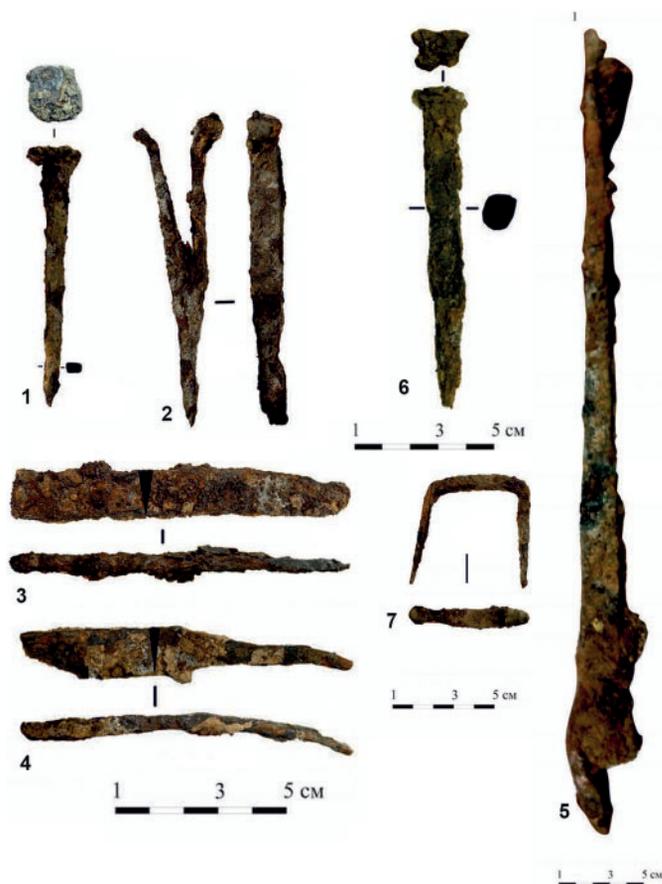


Рис. 3. Стоянка Сюкеевский Взвоз II. Раскоп 1.

Предметы из железа:

- 1 – кованный гвоздь;
- 2 – светец; 3,4 – ножи;
- 5 – кузнечные клещи;
- 6 – ключ; 7 – скоба.

Fig. 3. Syukeyevsky Vzvoz II campsite. Excavation 1.

Items made of iron:

- 1 – wrought nail; 2 – luchina holder;
- 3,4 – knives;
- 5 – blacksmith's pincers;
- 6 – key; 7 – bracket.

делий из железа и их обломков. Изделия из железа подразделяются на две основные группы: готовые изделия (1) и предметы, которые можно интерпретировать как полуфабрикаты или заготовки изделий (2). Первая группа включает универсальный инструментарий, крепеж и бытовые предметы, а также инструменты специализированного назначения. К универсальным инструментам следует причислить ножи (8 ед.), которые относятся к группе универсально-бытовых с довольно широкими хронологическими рамками бытования (рис. 3: 3, 4). Подобные изделия хорошо известны в материалах Болгарского городища (группа А), имеют многочисленные аналогии на средневековых памятниках Восточной Европы (Савченкова, 1996, с. 28, рис. 9). Крепеж представлен находками гвоздей (3 ед.) и скоб П-образной

формы (рис. 3: 1, 7), бытовые предметы – ключом от навесного цилиндрического замка типа В второй половины XII – начала XV в. (Колчин, 1959, с. 78–92; Кудрявцев, 2012, с. 124) (рис. 3: 6) и светецом с одной парой пружин для крепления лучины (рис. 3: 2), форма которого известна по древнерусским материалам XIII в. (Розенфельдт, 1997, с. 12, табл. 3, 37). На территории Волжской Болгарии находки светецов подобного вида единичны. Следует отметить светец схожей формы, найденный при изучении Кожаевского IV селища XI–XIV вв. (Кавеев, 1992, рис. 45, 4). Среди специальных инструментов обращает на себя внимание обломок косы-горбуши, относящейся к сельскохозяйственным орудиям. Подобные косы с клиновидным в сечении полотном и запяточкой для крепления рукоя-

ти известны в материалах Билярского и Болгарского городищ. Они имеют широкий хронологический диапазон бытования, включающий как домонгольское, так и золотоордынское время (Халиков, 1985, с. 20, табл. IV, 1–8, 10; Савченкова, 1996, с. 13, рис. 1, 18). Кузнечные клещи являются достаточно редкой находкой (рис. 3: 5). Близкий по размеру инструмент известен в материалах Биляра (Халиков, 1985, с. 73, табл. XXVIII, 1). Кузнечные клещи, найденные при исследовании стоянки Сюкеевский взвоз II, сходны с клещами, выявленными в Новгороде Великом в горизонтах конца XIV – начала XV в. (Колчин, 1959, с. 17, рис. 4, 1, 2).

Находка этого специального инструмента для работы с металлом в совокупности с находками металлического шлака и кричного железа, а также большой группы предметов, которые можно интерпретировать как заготовки и полуфабрикаты изделий (железные пластины и стержни (14 ед.), изделие в виде кольца, пластины, изогнутой в кольцо) позволяет предположить наличие поблизости кузнечной мастерской золотоордынского времени.

Основной объем находок, полученных в результате изучения памятника, составляют фрагменты керамики, среди которой преобладают обломки средневековой посуды – 99,51%. В этом комплексе выделены четыре группы керамики согласно классификации Т.А. Хлебниковой: I, XIII, XIV и XVI. Примечательно, что I группа (общеболгарская посуда ремесленного производства), которая, как правило, в керамических комплексах городищ и селищ Волжской Болгарии является наиболее многочисленной, в данном случае составляет самую малую часть находок – 0,55%. Еще 3–4% приходится на XIII и XVI группы (керамика тюркоязычного населения юго-восточных истоков и посуда, соотносимая Т.А. Хлебниковой

с марийско-чувашским населением). Большинство обломков посуды – это XIV группа, объединяющая древнерусскую керамику, которая имеет довольно широкие хронологические рамки бытования. Наиболее ранние ее находки на территории Волжской Болгарии относятся к XI в. (Муромский городок, Семеновское селище, территория Ульяновской обл.) (Хлебникова, 1984, с. 170–171). Исходя из материалов Болгарского городища, древнерусская керамика фиксируется начиная с домонгольских напластований на всем протяжении существования Болгара (Полубояринова, 1993, с. 53–56; Хлебникова, 1988, с. 33).

Ввиду слабой изученности культурных напластований стоянки Сюкеевский Взвоз II, связанных со Средневековьем, хронологическое позиционирование керамики этого времени, полученной на территории памятника, затруднено. В этой связи определенные возможности представляет исследование ее технологических особенностей (вид глины, состав формовочной массы, конструирование) и морфологии верхних частей сосудов (особенностей венчика). Для определения данных параметров был использован технико-технологический анализ А.А. Бобринского (Бобринский, 1978) и методика фиксации массового керамического материала, предложенная В.Ю. Ковалем (Коваль, 2016).

Следует отметить, что, поскольку наиболее хорошо изученным из территориально и хронологически близких к Сюкеевскому Взвозу объектов является Болгарское городище, в данной работе для сравнения привлекались керамические материалы этого памятника, а также разработанная для него М.Д. Полубояриновой типология древнерусской керамики (Полубояринова, 1992).

Группа древнерусской керамики

На болгарских памятниках принято выделять две подгруппы этой кера-

мики³, где 1-я подгруппа отличается примесью дресвы и песка крупного размера и характерной трёхслойной окраской черепка в изломе, а 2-я – более тонким составом формовочных масс. К первой подгруппе относится керамика, выполненная мастерами-переселенцами из Северо-Восточной Руси в соответствии со своими традициями, ко второй – керамика, ориентированная на вкусы местного населения и отражающая традиции изготовления общепольской ремесленной посуды (Хлебникова, 1988, с. 33, Васильева, 1988, с. 129; Полубояринова, 1993, с. 35, 51–52).

В соответствии с таким делением керамики XIV группы Болгарского городища И.Н. Васильева определила дифференцированность подходов к составлению формовочных масс: крупный песок, крупная дресва, песок и навоз, дресва и навоз присутствуют в качестве добавок в глину в первой подгруппе, а мелкий песок, песок и навоз или чистая глина без искусственных примесей характерны для второй подгруппы (Васильева, 1988, с. 129).

Древнерусская керамика раскопа 1 стоянки Суюкеевский Взвоз II довольно разнообразна как по виду исходных глин, так и по составу формовочных масс. На уровне исходного сырья выделяется три разновидности:

неожелезненная глина, слабожелезненная и железненная.

Керамика из неожелезненных глин (белоглиняная)

Белоглиняную керамику XIV группы можно считать привозной, поскольку в районе Суюкеевского Взвоза нет источников неожелезненной глины (Газизуллин, Газизуллина, 2009, с. 234), так же как и в Среднем Поволжье в целом (Хованская, 1956, с. 348). Было исследовано 45 фрагментов этой керамики. В основном из слабо- и среднезапесоченных глин, иногда с отдельными кварцевыми включениями, размером до 1 мм.

Выделяется два вида минеральных (дресва, песок) и органических примесей (навоз и органический раствор, который, вероятнее всего, является выжимкой из навоза).

По составу формовочных масс зафиксировано шесть рецептов (табл. 1), среди которых преобладают варианты с дресвой и навозом и с дресвой и орг. раствором. Дресва в основном средней размерности (1–1,9 мм) в небольшой концентрации – 1:5–1:7 (рис. 4: 1). Песок мелкий окатанный в средней концентрации – 1:3–1:4.

Орнамент в основном линейный и ногтевой, размещен в верхней трети сосудов, которые представлены исключительно горшками. Степень обжига всех исследованных фрагментов

Таблица 1

Формовочные массы русской керамики из раскопа 1 стоянки Суюкеевский Взвоз II

глина	навоз	Орг.р-р	Д+орг.р-р	Д+навоз	П+орг.р-р	П+навоз	Д+шлак	П+Д+навоз	П+Д+орг.р-р
Неожел.	8	8	10	14	2	2			
Слабоожел.запесоч.	1	6		3					
Слабоожел.слабо-среднезапесоч.	4	4	11	9		4			
Ожел.запесоч.	7	16	3	5	1				
Ожел.слабо-среднезапесоч.	10	1	54	61	35	26	1	3	2
Запесоч.восст.обж.	23	2	9	6		1			
Слабо-среднезапесоч.восст.обж.	6	1	21	17	2	3			

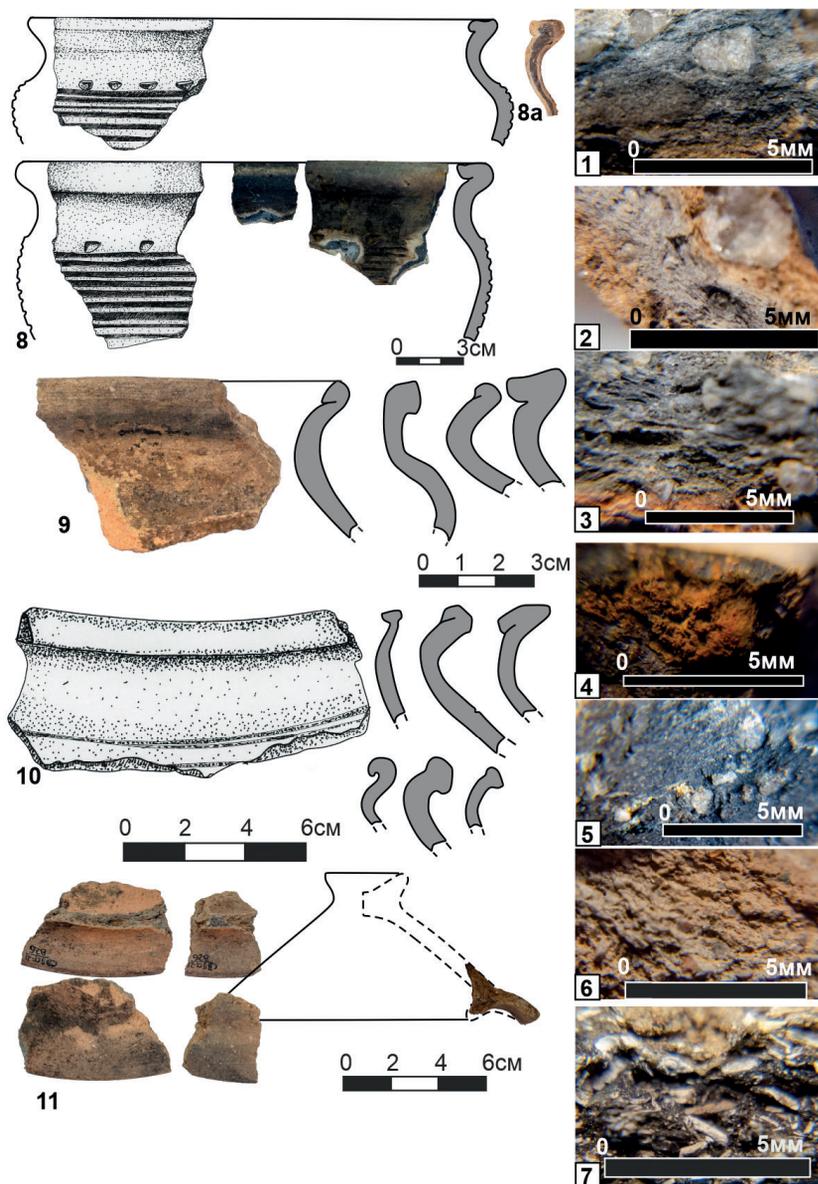


Рис. 4. Керамика из раскопа 1 стоянки Сюкеевский Взвоз II: 1 – примесь древесины в белоглиняной керамике; 2 – примесь древесины в светлоглиняной керамике; 3 – примесь навоза в красноглиняной керамике; 4 – примесь шлака (?) в красноглиняной керамике; 5 – органический раствор и древесина в керамике восстановительного обжига; 6 – примесь мелкого песка в керамике XIII группы; 7 – примесь раковины в керамике XVI группы; 8 – венчики белоглиняных горшков; 8а – трёхслойность окраски в изломе белоглиняного сосуда; 9 – венчики светлоглиняных горшков; 10 – венчики красноглиняных горшков; 11 – фрагмент крышки и её реконструкция (по О.В.Овсянникову).

Fig. 4. Pottery from excavation 1 of the Syukeyevsky Vzvoz II campsite : 1 – debris temper in white clay ceramics; 2 – debris temper in light clay ceramics; 3 – manure inclusion in red clay ceramics; 4 – slag temper (?) in red clay ceramics; 5 – organic solution and debris in pottery of restorative firing; 6 – fine sand temper in ceramics of the XIII group; 7 – shell temper in ceramics of the XVI group; 8 – rims of white clay pots; 8a – three-layered colouring in a fracture of a white clay vessel; 9 – rims of light clay pots; 10 – rims of red clay pots; 11 – fragment of the lid and its reconstruction (according to O.V.Ovsyannikov)

характеризуется чётко выраженной трёхслойностью черепка в изломе (рис. 4: 8а).

В коллекции керамики раскопа 1 стоянки Суюкеевский Взвоз II 16 венчиков горшков из нежелезненной глины. Согласно классификационной схеме В.Ю. Ковалья, 14 из них относятся к типу 23/4 – с изогнутой шейкой и устьем и краем венчика, завёрнутым внутрь. Такой тип был характерен для второй половины XII – XIV вв. и распространён в Верхнем Поволжье (Коваль, 2016, с. 54–56, 106) (рис. 4: 8). По классификации М.Д. Полубояриновой, он соответствует типу IV, и в Болгаре встречается в слоях XII–XIV вв. в немалом количестве – среди белоглиняной керамики (Полубояринова, 1992, с. 132, рис. 3). На раскопе CLXXIX и СХСII такие венчики встречались в слоях IV раннем и IV позднем) (Бадеев, Коваль, 2016; 2017, 2019).

М.Д. Полубояринова отмечала, что белоглиняные сосуды такого типа были распространены в Торжке (Полубояринова, 1992, с. 134).

Один венчик относится к типу 23/3, который был наиболее широко распространён в XIV–XVI вв., и один венчик типа 28/2, распространённого в XII–XIV вв. по всей Руси (Коваль, 2016, с. 106–107).

Помимо Болгара, русская керамика из нежелезненных глин отмечена на поселениях Берёзовское, Печёрские Выселки и у оз. Рубленое (Васильева, 1993, табл. 85), где в XIII–XIV вв. русские люди составляли часть населения (Алихова, 1960, с. 206; Полубояринова, 1978, с. 116).

Керамика из слабожелезненных глин (светлоглиняная)

Из 42 исследованных фрагментов 10 из запесоченной глины, остальные – из средне- и слабозапесоченных глин, часто с заметной примесью слюды. Фрагменты из запесоченной глины содержат органические примеси:

навоз и органический раствор (один с навозом и шесть с органическим раствором). Рецепт с дресвой и навозом отмечен в трёх случаях: в двух случаях дресва крупная (ок. 2 мм), в другом – мелкая (до 1 мм), в небольшой концентрации (1:6) (рис. 4: 2). Для слабо- и среднезапесоченных глин рецепты формовочных масс более разнообразны. Преобладает вариант с дресвой и органическим раствором (11 фр.), присутствуют также образцы с дресвой и навозом (9 фр.), с органическим раствором (4 фр.), с навозом (4 фр.), с мелким песком в концентрации 1:4 и навозом (4 фр.) (табл. 1). Дресва здесь мелкая и средняя (0,5–1,5 мм) в концентрации 1:5–1:7.

Орнамент встречается редко, представлен линиями и ногтевыми отпечатками. Обжиг полный только в двух случаях, у остальных фрагментов наблюдается трёхслойная окраска в изломе.

В коллекции имеется четыре венчика горшков (рис. 4: 9). Один из них относится к типу 4/1, который, согласно В.Ю. Ковалю, появляется в XIV в. и становится распространённым в XVI в. Такой тип венчиков – вертикальный, с завёрнутым наружу черновым краем – характерен для белоглиняной керамики гжельского региона (Коваль, 2016, с. 102, 118). Два венчика относятся к типу 13/1 – одному из самых распространённых типов в довольно широком хронологическом диапазоне XI–XV вв. (Коваль, 2016, с. 104). И один венчик относится к типу 23/4, описанному выше (табл. 2).

Керамика из ожелезнённых глин (красноглиняная)

Среди исследованных фрагментов (227 шт.) присутствуют как слабо- и средне-, так и запесоченные глины.

Наиболее однородной по составу формовочных масс является керамика из запесоченных глин: преобладает рецепт с органическим раствором (выжимкой из навоза). Более редки ре-

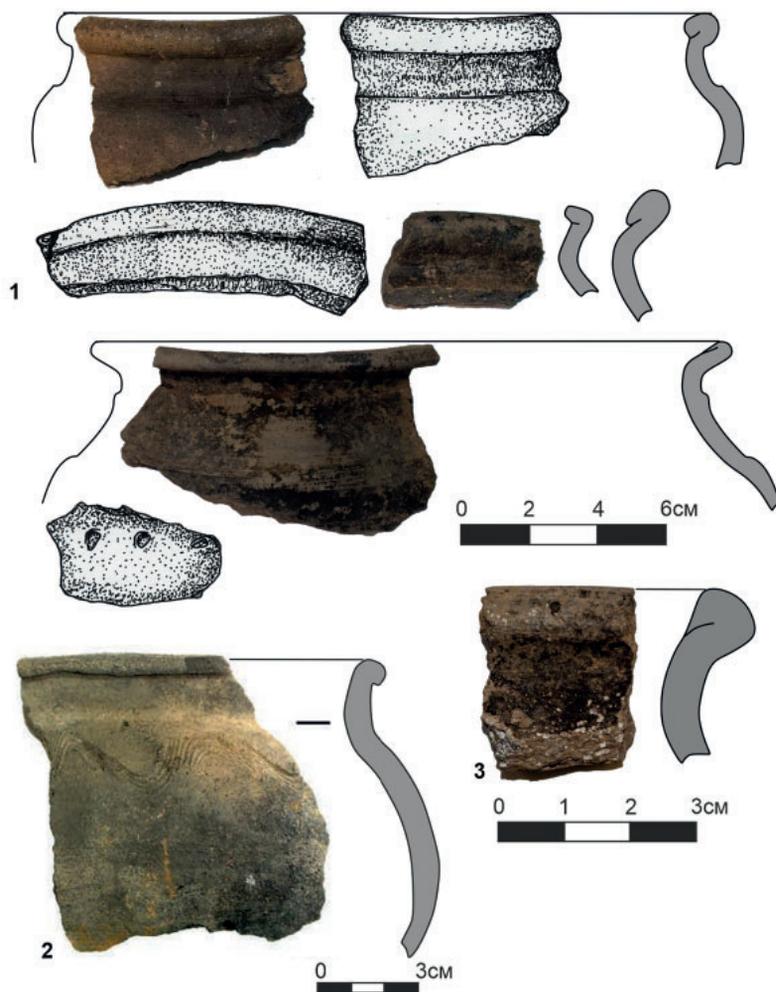


Рис. 5. Керамика с раскопа 1 стоянки Сюкеевский Взвоз II:
1 – венчики горшков восстановительного обжига; 2 – венчик горшка XIII группы;
3 – венчик горшка XVI группы

Fig. 5. Pottery from excavation 1 of the Syukevsky Vzvoz II campsite: 1 – rims of pots of restorative firing; 2 – rim of the pot of the XIII group; 3 – rim of the pot of the XVI group.

цепты с навозом, дресвой и навозом, дресвой и органическим раствором и песком с органикой (табл. 1, рис. 4: 3). Для слабо- и среднезапесоченных глин преобладают рецепты формовочных масс с дресвой, заметную часть также составляют варианты с песком. Песок в основном средний и мелкий в концентрации 1:4–1:5. Крупный песок (до 3 мм) отмечен только в двух случаях.

Привлекают внимание следующие рецепты формовочных масс из слабозапесоченных глин: песок + дресва + навоз, песок + дресва + органический раствор и дресва + дроблённый металлический шлак (твёрдые угловатые включения желто-коричневого цвета размером 2–5 мм) (рис. 4: 4), поскольку они отражают смешение традиций добавления в глину минеральных примесей, призванных уменьшить усадку глины и повысить огнестойкость из-

делий. По данным И.Н. Васильевой, такое смешение навыков гончаров, изготавливавших XIV группу керамики, происходит в золотоордынский период, в частности фиксируется оно по материалам Берёзовского селища (Васильева, 1993, с. 117, табл. 86).

В коллекции два фрагмента крышки и 22 венчика (рис. 4: 10, 11), которые представлены девятью типами: типы 2/1, 4/1, 8/2, 13/1, 15/1, 23/1, 23/2, 23/3, 25/1 по типологии В.Ю. Ковалёва (табл. 2). В основном они укладываются в диапазон XIII–XV вв., за исключением типа 23/3, который продолжает бытовать до XVI в. (Ковалёв, 2016, с. 107).

Крышка относится к коническому типу крышек, распространённому в западнорусских городах в домонгольское время (Овсянников, 2020, рис. 32, с. 175–176).

Керамика из смеси глин

Смешение традиций отбора исходного сырья зафиксировано по четырём фрагментам. Два из них – от сосудов, изготовленных из смеси ожелезнённой запесоченной и ожелезнённой незапесоченной глины с добавлением органических растворов. Третий фрагмент – от сосуда из смеси ожелезнённой среднезапесоченной и слабоожелезнённой среднезапесоченной глин с примесью дресвы и навоза. Ещё один – из смеси ожелезнённых глин, одна из которых среднезапесоченная, другая – слабозапесоченная с примесью дресвы.

Керамика восстановительного обжига

Часть исследованных фрагментов имела тёмно-серую поверхность и тёмно-серый или чёрный цвет излома черепка, что может говорить о восстановительной атмосфере обжига. Поскольку без повторного обжига в окислительной атмосфере достоверно установить степень ожелезнённости не представляется возможным, эта часть материала рассмотрена отдель-

но. Всего исследован 91 фрагмент. В сочетании с запесоченной глиной чаще всего встречалась примесь навоза, а со средне- и слабозапесоченными глинами – дресва + орг. раствор (рис. 4: 5) и дресва + навоз (табл. 1).

Венчики (рис. 5: 1) представлены типами 13/1, 22/1, 23/1, 23/3, 23/4 (табл. 2).

Группа «джукетау» (XIII группа)

Керамика этой группы является распространённой на поселениях Волжской Булгарии и обычно составляет небольшую долю керамических комплексов, за исключением собственно городища Джукетау и Остолоповского селища (Хлебникова, 1988, с. 31; Кокорина, 2002, с. 33).

Всего в коллекции 24 фрагмента горшков, изготовленных из ожелезнённой пластичной глины с добавкой мелкого кварцевого песка в концентрации примерно 1:3 (рис. 4: 6). Помимо песка присутствует примесь навоза, в четырех фрагментах имеются следы органического раствора. Несколько венчиков относятся к типу 2 по типологии Н.А. Кокориной (рис. 5: 2). Данный тип горшков – со средним шаровидным туловом, прямой горловиной, с закругленным краем венчика – появляется в домонгольское время и становится преобладающим в золотоордынский период (Кокорина, 2002, с. 32, 91, рис. 12).

Группа «славяноидной» керамики (XVI группа)

В коллекции семь фрагментов сосудов, довольно однородных по исходному сырью и примесям – пластичная глина с большим количеством дроблёной раковины (рис. 4: 7). В трех образцах зафиксирована также примесь навоза. Единственный фрагмент венчика относится к типу 23/1 (Ковалёв, 2016) (рис. 5: 3). Следует отметить факт выделения группы славяноидной посуды в керамическом материале Сюкеевского городища. Авторы раскопок связывают появление этой

Таблица 2

Типы венчиков русской керамики из раскопа 1 (по В.Ю. Ковалю)

керамика	2/1	4/1	8/2	13/1	15/1	20/1	22/1	23/1	23/2	23/3	23/4	25/1	28/1
Н/ожелезн.										1	14		1
Сл/ожелезн.		1		2							1		
Ожелезн.	2	1	3	2	2	3		3	1	2		3	
Восст.обж.				2			1	5		3	1		

группы керамики на территории памятника и Предволжья в целом с волной переселения на территорию региона Предкамья и Закамья мордовских племен в XIII–XIV вв. (Галимова, Губайдуллин, 2003, с. 196).

Рассмотренный комплекс керамики раскопа 1 стоянки Сюкеевский Взвоз II свидетельствует о проживании на данной территории выходцев из русских земель. Этому выводу не противоречит находка на расположенном рядом городище нательного равноконечного креста с криновидными концами, формы, бытующей в XIV–XV вв., и железной оковки для деревянной лопаты, находки которых редки на болгарских памятниках, а на древнерусских встречаются достаточно часто, в Новгороде Великом, в том числе в слоях XIV в. (Галимова, Губайдуллин, 2003, с. 197, рис. 4, 6, 11; Кокорина, 2014, с. 79; Колчин, 1959, с. 79, рис. 62, 2, 3). Посуда, изготовленная из нежелезистых и слабоожезистых глин, очевидно, была привезена с собой, а не изготовлена на месте. Красноглиняная посуда частично могла быть сделана уже на территории поселения. К таковой, следуя выводам И.Н. Васильевой (Васильева, 1988, с. 129), можно отнести те фрагменты, в которых зафиксированы только органические примеси или примесь мелкого песка. В процентном соотношении она составляет 34% от общего количества фрагментов русской керамики.

Вызывает интерес факт почти полного отсутствия посуды I группы, которая при абсолютном доминировании в данной выборке горшковидных форм, выполняющих функцию кухонной посуды и малой и средней тары, должна была занять нишу столовой и тарной керамики. Данная картина отличается от керамического комплекса Сюкеевского городища, где, по свидетельству исследователей, ее соотношение с керамикой традиционных групп составило 6 к 1 (Галимова, Губайдуллин, 2003, с. 196). Объяснить этот факт, вероятно, можно исходя из вкусов жителей периферии поселения, которые ориентировались в быту на привычную им керамическую посуду, а столовые и тарные формы заменяли изделиями из дерева. Близость объектов металлургического и кузнечного производства предопределила возможность попадания в состав формовочной массы железного шлака, что также известно для посуды XX группы, выделенной в позднезолотоордынских и эпохи Казанского ханства материалах Болгарского городища (Хлебникова, 1988, с. 49, 51).

По соотношению белоглиняной, светлоглиняной и красноглиняной русской керамики, а также по типам венчиков горшков комплекс русской керамики раскопа 1 стоянки Сюкеевский Взвоз II близок комплексам Болгарского городища золотоордынского времени (Бадеев, Коваль, 2016, 2019, с. 15, табл. 10). Наблюдается опреде-

лённое сходство данной керамики с материалами Берёзовского поселения, где вместе с русской посудой были обнаружены следы металлургического производства (Алихова, 1960, с. 199), и Водянского городища, где русские мастера обслуживали металлургическую мастерскую (Полубояринова, 1978, с. 80; Мыськов, 2006, с. 50).

Исходя из рассмотренного комплекса средневековых вещей, найденных в культурном слое стоянки Сюкеевский Взвоз II, очевидно, следует определить, что формирование культурных отложений, связанных с этими находками, происходило в золотоордынское время, синхронно с образованием культурного слоя Сюкеевского городища, преимущественно

во второй половине XIII – XIV в. Характер находок позволяет интерпретировать данное местоположение как ремесленную периферию небольшого поселения городского типа, примыкающую с юго-запада к укрепленному центру и связанную с обработкой железа. Вероятно, существенную часть ее населения составляли выходцы из древнерусских земель.

В целом средневековые напластования стоянки Сюкеевский Взвоз II можно поставить в один ряд с культурными отложениями городских и сельских поселений золотоордынского времени на территории Среднего Поволжья, где проживали русские ремесленники-переселенцы.

Примечания:

¹ Сюкеевские селища и городище, Елховские селища и городище, Сюкеевская стоянка, Сюкеевское кладбище, стоянки Сюкеевский взвоз I, II (Свод, 2007, с. 211, 214–216, № 1755, 1756, 1798–1806).

² Определение монет по упоминанию Е.Т. Соловьева было сделано казанским нумизматом В.К. Савельевым. Диапазон их чеканки определяется временем с 50-х гг. XIII по 80-е гг. XIV в.

³ М.Д. Полубояринова разделяет древнерусскую керамику на три подгруппы (А, Б, В), третья из которых (В) Т.А. Хлебниковой выведена в XVI группу (г. н. «славяноидная») (Полубояринова, 1993, с. 35).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алихова Е.А. Русский посёлок XIII–XIV вв. у села Берёзовка // Труды Куйбышевской археологической экспедиции Т. III / МИА. №80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 194–209.
2. Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Отчет об археологических раскопках на Болгарском городище в 2015 г. Т. I. Раскопы CLXXIX, СХСII, ССVI. М., 2016 // Архив ИА РАН. Р-1, № 47571.
3. Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Отчет об археологических раскопках на Болгарском городище (раскопы CLXXIX, СХСII) в 2016 году. Т. 3. М., 2017.
4. Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Отчет об археологических раскопках на Болгарском городище (раскоп СХСII) в 2018 году. М., 2019 // Архив ИА РАН.
5. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
6. Васильева И.Н. О технологии производства неполивной керамики Болгарского городища // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 103–150.
7. Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург: Наука, 1993. 246 с.
8. Вячеслав Н. Заметки о городищах, курганах и других древних земляных насыпях в Казанской губернии. Казань: в Губерн. типографии, 1874. 33 с.
9. Газизуллин Р.Г., Газизуллина Е.В. Технологические характеристики строительных горных пород Сюкеевского месторождения Татарстана // Известия КазГАСУ. 2009. № 1 (11). С. 233–236.
10. Галимова М.Ш. Отчет о разведках памятников эпохи палеолита в пределах Апастовского, Камско-Устьинского и Тетюшского районов ТАССР летом и осенью 1983 г. Казань, 1984 // НФ МАРТ. Ф. 4., Оп. 1. Д. 26

11. *Галимова М.Ш.* Исследования на Сюкеевском взвозе в 1989–1990 гг. // Археологические памятникизоны водохранилищ Волго-Камского каскада / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КНЦ РАН, 1992. С. 5–16.
12. *Галимова М.Ш.* Палеолит Казанского Поволжья: история изучения и новые данные // Археология Евразийских степей. 2022. № 1. С. 106–120.
13. *Галимова М.Ш., Губайдуллин А.М.* Краткие итоги исследования Сюкеевского городища // Из археологии Поволжья и Приуралья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Институт истории АН РТ, 2003. С. 192–205.
14. *Губайдуллин А.М.* Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. 232 с.
15. *Кавеев М.М.* Отчет об исследовании Кожаевского комплекса в 1991 г. Болгары, 1992 // НФ МАРТ. Ф. 10. Оп. 1.
16. *Калинин Н.Ф.* От Сюкеева к Камскому устью (археологические разведки) // Записки Тетюшского музея. 1928. № 3. С. 8–13.
17. *Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. // Труды Казанского филиала Академии наук СССР. Серия исторических наук. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 126 с.
18. *Коваль В.Ю.* Первичная фиксация массового керамического материала (на памятниках эпохи средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы) / Методика полевых археологических исследований. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2016. 128 с.
19. *Кокорина Н.А.* Керамика памятников Волжской Булгарии второй половины XI - начала XV вв. (К проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культуры). Казань: ИИ АН РТ, 2002. 383 с.
20. *Кокорина Н.А.* Нагрудные кресты позднего средневековья и Нового времени из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Владимир, 2014. 84 с.
21. *Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II / МИА. № 65 / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М.: АН СССР, 1959. С. 7–120.
22. *Косменко М.Г.* Отчет о разведках палеолита в 1966 году. Казань, 1967.
23. *Косменко М.Г.* Основные этапы развития мезолитической культуры в Среднем Поволжье // СА. 1972. № 3. С. 3–17.
24. *Косменко М.Г.* Мезолит Среднего Поволжья // КСИА. Вып. 149 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1977. С. 94–100.
25. *Кудряцев А.А.* Хронология замков и ключей средневекового Новгорода // РА. 2012. № 4. С. 119–124.
26. *Мельников С.Е.* Село Троицкое-Сюкеево в Тетюшском уезде. Казань, 1857. 16 с.
27. *Мысиков Е.П.* Уникальный памятник русской культуры XIV в. в Нижнем Поволжье // Известия ВГПУ. Серия: Социально-экономические науки и искусство. 2006. № 2 (15). С. 47–53.
28. *Овсянников О.В.* Керамика древнего «Изяславля» (Опыт классификации глиняной посуды средневекового русского города // Летописный «Изяславль». Большое Шепетовское городище в свете археологии Том 1. Материалы раскопок М.К. Каргера 1957-1964 годов в исследованиях 1960-1980-х годов / ред.-сост. А. А. Пескова. СПб: Нестор - История, 2020. С. 117–202
29. *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. 136 с.
30. *Полубояринова М.Д.* Древнерусская керамика Болгара // Древнерусская керамика / Отв.ред. С.А. Плетнёва. М.: ИА РАН, 1992. С. 131–141.
31. *Полубояринова М.Д.* Русь и Волжская Булгария в X–XV вв. М.: Наука, 1993. 123 с.
32. *Розенфельд Р.Л.* Осветительные приборы // Древняя Русь. Быт и культура / Археология / Отв. ред.: Б.А. Колчин, Т.А. Макарова. М.: Наука, 1997. С. 10–12.
33. *Савченкова Л.Л.* Черный металл Болгара. Типология // Город болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 5–88.
34. Свод памятников археологии Республики Татарстан в 3 т. Т. 3 / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 529 с.
35. *Соловьев Е.Т.* Памятники татарской старины в даче села Сюкеева Тетюшского уезда // ИОАИЭ. Т. X. Вып. 4. Казань: Типография Императорского университета, 1892, С. 449–451.

36. Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. 220 с.

37. Халиков А.Х. Орудия труда // Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1985. С. 15–35.

38. Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Булгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.

39. Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 7–102.

40. Хованская О.С. Гончарное дело города Болгара // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 340–368.

41. Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Тип. Казан. Имп. ун-та, 1877. 611 с.

Информация об авторах:

Оруджов Эдуард Игоревич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); orudzhov.eduard@mail.ru

Куклина Анна Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); kuklinanna@mail.ru

Баранов Вячеслав Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sl.baranov@mail.ru

FEATURES OF THE POTTERY ASSEMBLAGE OF THE XIII–XIV CENTURIES FROM EXCAVATIONS OF THE SYUKEYEVSKY VZVOZ II CAMPSITE MEDIEVAL SEDIMENTS

A.A. Kuklina, E.I. Orudzhov, V.S. Baranov

The article deals with the ceramic material from the excavations of 2021 on the territory of the multilayer archaeological site Syukevsky Vzvoz II. Judging by the totality of the finds (metal slag and pig iron, blanks and semi-finished iron products, blacksmithing tools), a blacksmithing workshop could have been located here in the Golden Horde period. Russian pottery make up the majority of the assemblage, which suggests that there is a settlement of immigrants from Russian lands here. By the nature of the finds, this location can be interpreted as the artisan periphery of a small urban-type settlement associated with iron processing.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Syukevsky Vzvoz, Bolgar, Russia, blacksmithing, ceramics, pottery, molding paste.

REFERENCES

1. Alikhova, A. E. 1960. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkhеologicheskoi ekspedit-sii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 3. Series: Materialy i issledovaniia po arkhеologii SSSR (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 80. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 194–209 (in Russian).
2. Badeev, D. Yu., Koval, V. Yu. 2016. *Otchet ob arkhеologicheskikh raspokakh na Bolgarskom gorodishche v 2015 g. T. I. Raskopy CLXXIX, CXCII, CCVI (Report on Archaeological Activities at Bolgar Fortified Settlement in 2015. Vol. I. Excavations 179, 192, 206)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 47571 (in Russian).
3. Badeev, D. Yu., Koval, V. Yu. 2017. *Otchet ob arkhеologicheskikh raspokakh na Bolgarskom gorodishche (raskopy CLXXIX, CXCII) v 2016 godu (Report on Archaeological Activities at Bolgar Fortified Settlement (Excavations 179, 192) in 2016. Vol. 3)*. Moscow (in Russian).
4. Badeev, D. Yu., Koval, V. Yu. 2019. *Otchet ob arkhеologicheskikh raspokakh na Bolgarskom gorodishche v 2018 g. Raskopy CXCII (Report on Archaeological Activities at Bolgar Fortified Settlement in 2018. Excavation 192)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
5. Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
6. Vasilieva, I. N. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 103–150 (in Russian).
7. Vasil'eva, I. N. 1993. *Goncharstvo Volzhskoi Bolgarii v X–XIV vv. (Pottery of Volga Bulgaria in 10th–14th Centuries)*. Yekaterinburg: "Nauka" Publ. (in Russian).

8. Vyacheslav N., 1874. *Zametki o gorodishchakh, kurganakh i drugikh drevnikh zemlyanykh nasypanykh v Kazanskoj gubernii (Notes on ancient urban settlements, barrows and other ancient earth mounds in the Kazan Governorate)*. Kazan (in Russian)
9. Gazizullin, R. G., Gazizullina, E. V. 2009. In *Izvestiya KazGASU (News of the Kazan State University of Architecture and Engineering)* 11 (1), 233–236 (in Russian)
10. Galimova, M. Sh., 1984. *Otchet o razvedkakh pamyatnikov epokhi paleolita v predelakh Apastovskogo, Kamsko-Ust'inskogo i Tetyushskogo rayonov TASSR letom i osen'yu 1983 g. (Report on the reconnaissances of Paleolithic sites within the Apastovo, Kamskoye Ustye and Tetyushi districts of the Tatar ASSR in the summer and autumn of 1983)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 4. Inv. 1, dossier 26 (in Russian).
11. Galimova, M. Sh., 1992. In Starostin, P. N. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatnikozony vodokhranilishch Volgo-Kamskogo kaskada (Archaeological sites of the Volga-Kama Cascade reservoir zone)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 5–16 (in Russian)
12. Galimova, M. Sh. 2022. In *Arkheologiya Evrazijskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 106–120 (in Russian)
13. Galimova, M. Sh., Gubaidullin, A. M. 2003. In Starostin, P. N. (ed.). *Iz arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia (From Archaeology of the Volga and Ural Region)*. Kazan: "RITs "Shkola" Publ., 192–205 (in Russian).
14. Gubaidullin, A. M. 2002. *Fortifikatsiya gorodishch Volzhskoi Bulgarii (Fortification of hillforts and towns in Volga Bulgaria)*. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
15. Kaveev, M. M., 1992. *Otchet ob issledovanii Kozhaevskogo kompleksa v 1991 g. (Report on the study of the Kozhaevka complex in 1991)*. Bolgary, 1992. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 10. Inv. 1, dossier 26 (in Russian).
16. Kalinin, N. F., 1928. In *Zapiski Tetyushskogo muzeya (Notes of the Museum of Tetyushi)* 3, 8–13 (in Russian).
17. Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. *Itogi arkheologicheskikh rabot za 1945-1952 gg (The results of archaeological works in 1945-1952)*. Series: Trudy Kazanskogo filiala Akademii nauk SSSR. Seriya istoricheskikh nauk (Proceedings of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. Historical Sciences Series). Kazan: "Tatknigoizdat" Publ. (in Russian).
18. Koval, V. Yu. 2016. *Pervichnaya fiksatsiya massovogo keramicheskogo materiala (na pamyatnikakh epokhi srednevekov'ya i rannego zheleznogo veka lesnoy zony Vostochnoy Evropy) (Primary record of mass ceramic material (on monuments of the Middle Ages and early Iron Age in the forest zone of Eastern Europe))*. Series: Metodika polevykh arkheologicheskikh issledovanii (Methodology of Field Archaeological Research). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
19. Kokorina, N. A. 2002. *Keramika pamyatnikov Volzhskoy Bulgarii vtoroy poloviny XI – nachala XV vv. (K probleme preemstvennosti bulgarskoy i bulgaro-tatarskoy kul'tur) (Pottery of Volga Bulgaria settlements in the second half of the XI – early XV centuries (To the issue of continuity of the Bolgar and Bolgar-Tatar cultures))*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
20. Kokorina, N. A. 2014. *Nagrudnye kresty pozdnego srednevekov'ya i Novogo vremeni iz arkheologicheskikh kollektiy Gosudarstvennogo Vladimiro-Suzdal'skogo muzeya-zapovednika (Pectoral crosses of the Late Middle Ages and modern era from the archaeological collections of the State Vladimir-Suzdal Museum-Reserve)*. Vladimir (in Russian).
21. Kolchin, B. A. 1959. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin, B. A. (eds.). *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Novgorod Archaeological Expedition)* II. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 65. Moscow: USSR Academy of Sciences, 7–120 (in Russian).
22. Kosmenko, M. G. 1967. *Otchet o razvedkakh paleolita v 1966 godu (Paleolithic reconnaissance report in 1966)*. Kazan (in Russian).
23. Kosmenko, M. G. 1972. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 3–17 (in Russian).
24. Kosmenko, M. G. 1977. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 149. Moscow: "Nauka" Publ., 94–100 (in Russian).
25. Kudryavtsev, A. A. 2012. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 119–124 (in Russian).
26. Mel'nikov, S. E. 1857. *Selo Troitskoe-Syukeevo v Tetyushskom uezde (The village of Troitskoye-Syukeevo in Tetyushi district)*. Kazan (in Russian).
27. Mys'kov, E. P. 2006. In *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University)* 15 (2), 47–53 (in Russian).

28. Ovsyannikov, O. V. 2020. In Peskova, A. A. (ed.). *Letopisnyy «Izyaslavl»*. *Bol'shoye Shepetovskoe gorodishche v svete arkhologii (The chronicle "Izyaslavl". Bolshoye Shepetovskoye settlement in the light of archaeology)* 1. Saint-Petersburg: "Nestor-Istoria" Publ. 117–202 (in Russian)
29. Poluboiarinova, M. D. 1978. *Russkie liudi v Zolotoi Orde (Russian People in the Golden Horde)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
30. Poluboiarinova, M. D. 1992. In Pletneva, S. A. (ed.). *Drevnerusskaya keramika (Old Russian Ceramics)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 131–141 (in Russian).
31. Poluboiarinova, M. D. 1993. *Rus' i Volzhskaya Bolgariya v X–XV vv. (Rus' and Volga Bulgaria in 10th–15th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
32. Rozenfeldt, R. L. 1997. In Kolchin B. A., Makarova T. A. (eds.). *Drevniya Rus'. Byt i kul'tura (Ancient Russia. Everyday Life and Culture)*. Series: Archaeology of the USSR 16. Moscow: "Nauka" Publ., 10–12 (in Russian).
33. Savchenkova, L. L. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 5–88 (in Russian).
34. Sitdikov, A. G., Khuzin F. Sh. (eds.). 2007. *Svod pamiatnikov arkhologii Respubliki Tatarstan (Corpus of Archaeological Sites in the Republic of Tatarstan)* 3. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
35. Solov'ev, E. T. 1892. In *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* 10 (4). Kazan, 449–451 (in Russian).
36. Fakhrutdinov, R. G. 1975. *Arkheologicheskie pamiatniki Volzhsko-Kamskoi Bulgarii i ee territorii (Archaeological Sites of Volga-Kama Bulgaria and its Territory)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
37. Khalikov, N. A. 1985. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Kul'tura Biliara. Bulgarskie orudiya truda i oruzhie X–XIII vv. (Bilyar Culture. Bulgar Tools and Weapons in 10th – 13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ., 15–35 (in Russian).
38. Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bulgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On the Issue of Ethnic and Cultural Composition of the Population)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
39. Khlebnikova, T. A. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 7–102 (in Russian).
40. Khovanskaia, O. S. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkhologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 1. Series: Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 356–368 (in Russian).
41. Shpilevskii, S. M. 1877. *Drevnie goroda i drugie bolgarsko-tatarskie pamiatniki v Kazanskoj gubernii (Ancient Towns and Other Bulgar-Tatar Sites in the Kazan Province)*. Kazan: Typography of the Kazan Imperial University (in Russian).

About the Authors:

Orudzhov Eduard I. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; orudzhov.eduard@mail.ru

Kuklina Anna A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; kuklinanna@mail.ru

Baranov Vyacheslav S. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sl.baranov@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2024 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2024.2.48.84.110>

«ХРАМ» НА ГОРОДИЩЕ БАБА-АТА – ПАМЯТНИК ЗАБЛУЖДЕНИЙ¹

© 2024 г. Б.А. Байтанаев, Е.Б. Байтанаев

В статье рассматриваются результаты археологических работ на городище Баба-ата, проведенных в 50-х годах прошлого века. В ходе исследования цитадели городища было выявлено три строительных горизонта, соединенных колодезем общей длиной 15 м. По-своему уникальным оказался нижний горизонт цитадели с центральным купольным помещением, где располагался колодец с подземным ходом. Не имея близких аналогов, здание нижнего горизонта породило среди исследователей массу различных интерпретаций, рассмотревших это сооружение как усадьбу, замок, храм, святилище, ханака и т.д. Архитектурно-археологический анализ всего комплекса источников (статьи, полевые дневники участников экспедиции, чертежи и фотографии объектов исследования и др.), часть из которого нигде не публиковалась, позволили дать совершенно иную интерпретацию и датировку памятника. Городище Баба-ата отождествляется с городом Барукет в арабских письменных источниках, оно было построено саманидами в начале X века как пограничный пункт на северо-востоке империи против гузов. Первоначально здание нижнего горизонта цитадели состояло из двух этажей. Нижний – цокольный этаж, вызвавший массу споров, был убежищем с возможностью эвакуации через подземный ход в период военных действий и не имеет аналогов, являясь своего рода единственным подобным сооружением в средневековой архитектуре Центральной Азии.

Ключевые слова: археология, Баба-ата, архитектура, храм, святилище, подземный ход, цитадель, городище, саманиды, тюрки, гузы.

Семьдесят лет отделяют нас от начала археологических работ на городище Баба-ата. В 1953 году экспедиция Института истории, археологии и этнографии АН КазССР в рамках изучения развития феодальных отношений на территории Казахстана начинает исследования поселений и городищ северных склонов Каратау. В качестве главного объекта было выбрано городище Баба-ата, расположенное на окраине одноименного села урочища Капчагай Сузакского района Туркестанской области (Агеева, Пацевич, 1956, с. 33–34).

Основные раскопки на городище проводились в 1953–1954 годах и продолжались в 1957–1959 гг.² В 1953 экспедицией было заложено два раскопа: один на холме цитадели у основания остатков одной из оборонительных башен, второй – в северо-восточной части шахристана (Агеева, Пацевич, 1956, с. 36). Комплекс цитадели со-

стоял из двух частей: северо-восточного – жилого и юго-западного – крепостного. Лучшую сохранность имела жилая часть (400 м²), отделенная от крепостной глиняной стеной толщиной 5,48 м. Особый интерес представляют конструкции, обнаруженные в жилой части, где была вскрыта постройка с помещениями и башнями, возведение которой Е.И. Агеевой и Г.И. Пацевичем было датировано X–XII вв. Постройка эта возведена из крупного сырцового кирпича (42–46×22–23×8–9 см) с толщиной стен более двух метров (Агеева, Пацевич, 1956, с. 40; Агеева, 1962, с. 147).

Центральным помещением жилой части являлся восьмигранный зал с внутренним диаметром 5,4 м с четырьмя входами. В центре зала находился колодец диаметром 0,65 м, уходящий на глубину 15 м. Дудка колодца до 9 м была выложена жженым

¹ Статья подготовлена в рамках проекта BR20280993 «Казахстан в древности и средневековье: систематизация и анализ археологических источников».

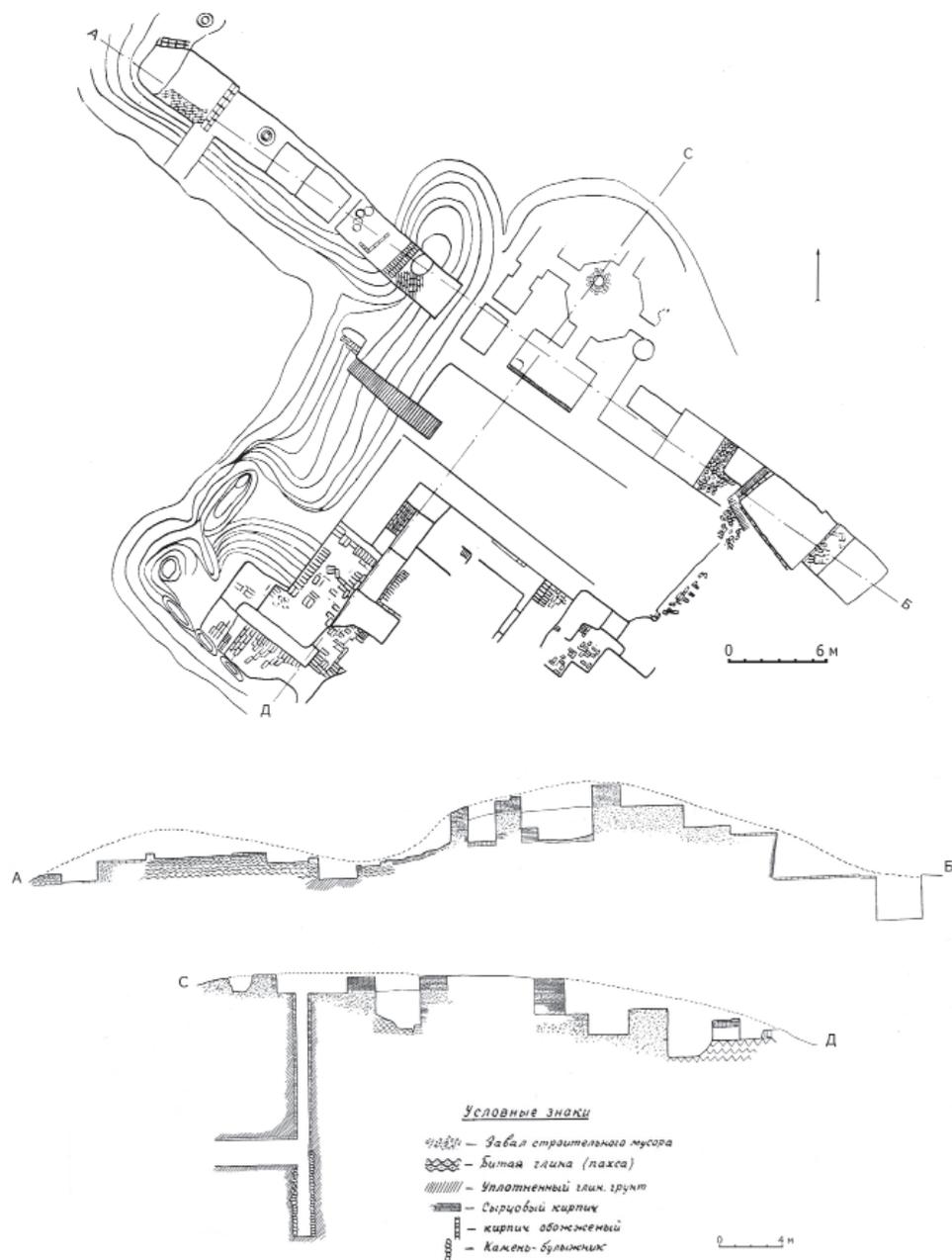
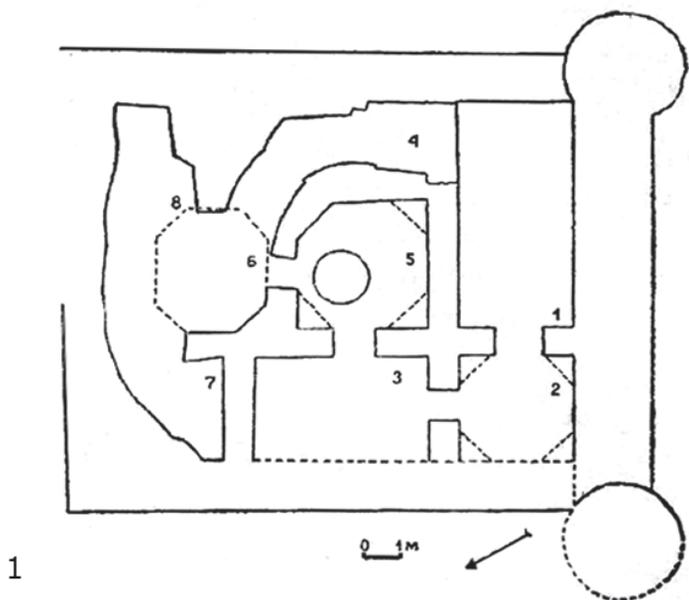


Рис. 1. План и разрез раскопа цитадели верхнего строительного горизонта городища Баба-ата 1953 г. По Е.И. Агеевой и Г.И. Пацевичу.

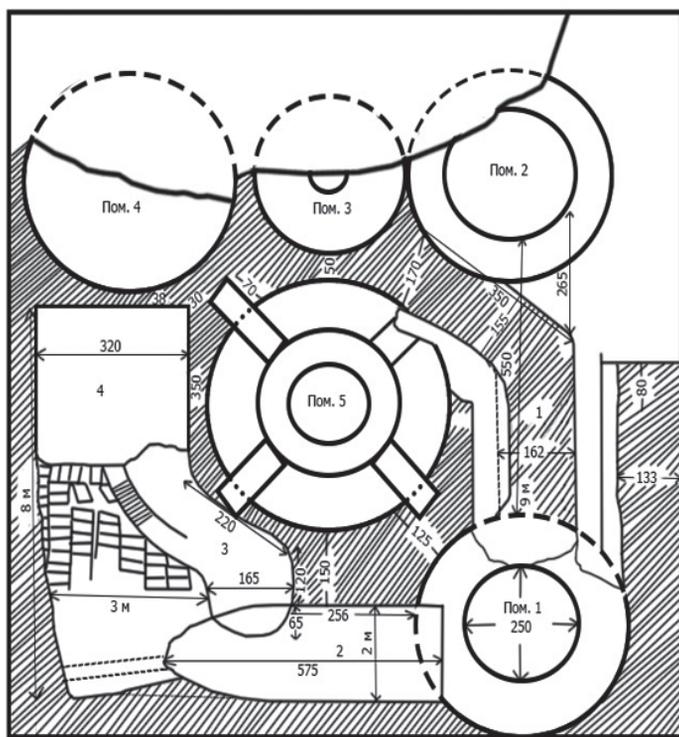
Fig. 1. Plan and section of the citadel excavation trench of the upper building horizon of the Baba-Ata fortified settlement, 1953. According to E.I. Ageeva and G.I. Patsevich.

кирпичом (20×21×5см), а на стенках имелись углубления, позволявшие спускаться в него без помощи веревки (Агеева, Пацевич, 1956, с. 40–41; Аге-

ева, 1962, с. 148). Приблизительно с 9 метров от верхнего основания колодца начинался потайной ход (рис. 1) в виде коридора со стрельчатой формой



1



2

Рис. 2. Планы строительных горизонтов цитадели городища Баба-ата:

1 – план здания второго горизонта по Е.И. Агеевой;

2 – план здания нижнего горизонта (выкопировка из чертежа П.В. Агапова).

Fig. 2. Plans of the building horizons of the of the Baba-Ata fortified settlement citadel:

1 – plan of the construction of the second horizon according to E.I. Ageeva;

2 – plan of the construction of the lower horizon (copied from the drawing by P.V. Agapov).

свода, идущего в западном направлении за наружные стены города (Агеева, Пацевич, 1956, с. 41–42; Пацевич, 1953, с. 28–29). Цитадель обживалась и после запустения в XIV вв.

При дальнейших раскопках выяснилось, что под этими конструкциями имеются еще два строительных горизонта с монументальными зданиями, построенными один над другим³.

Здание второго горизонта исследовалось в 1954, 1957 гг.⁴ На общей площади 304 м² (19×16 м) было обнаружено здание прямоугольной планировки, состоящее из восьми помещений, построенных из кирпича сырца (40–44×17–24×6–10 см). Центром здания был восьмигранный зал (3,83×3,82 м) с купольным перекрытием, начинающимся с высоты 1,5 м от пола (рис. 2: 1). Для перехода к куполу в углах зала были выведены tromпы на высоте 0,4 м от пола. В северо-западной части от центра зала находился колодец с диаметром дудки 1,65 м. Края колодца были обложены одним рядом сырцового кирпича (Агеева, 1962, с. 138–139).

Здание нижнего (третьего) горизонта площадью 240 м², подквадратное в плане (16×15 м), исследовалось Е.И. Агеевой в 1958–1959 гг. (рис. 12). Оно сложено из сырцового кирпича, аналогичного со зданием второго горизонта (40–41×20–22×9–10 см.). Перед постройкой на современной дневной поверхности была залита глина толщиной 20 см. Затем над слоем глины была воздвигнута платформа из кирпича сырца (Агеева, 1962, с. 120). По ее описанию, здание состояло из центрального зала с колодцем, где был обнаружен слой золы, одного промежуточного зала, соединявшего галереи, трех лестничных галерей, двух коридоров и трех анфиладных помещений. Агеева убеждена, что нижнее монументальное здание – усадьба, первоначально не связанная со зданием второго горизонта. (Агеева,

1962, с. 119; Агеева, 1960, с. 68) (рис. 2: 2).

Заблуждение первое – «святилище – алоу-хана, храм-огня, храм-дворец». По мнению Е.И. Агеевой, второй строительный горизонт был воздвигнут на развалинах здания предшествующего периода и не был связан с ним как конструктивно, так и хронологически. Иными словами, второй и нижний под ним горизонты построены в разное время. Она убеждена, строительство здания нижнего горизонта было осуществлено в доисламское время, не имея отношения к саманидам, являясь усадьбой зороастрийского культа. При этом центральный зал со следами костра был как бы святилищем типа «алоу-хана», служившим для проведения обрядов, связанных с культом огня, кроме остальных – жилых: «о чем свидетельствуют наличие суф и остатки временных очагов» (определения, термины и стилистика Е.И. Агеевой сохранены. – Авт.) (Агеева, 1962, с. 129–132).

Обнаруженная «чистая» зола толщиной 0,06–0,08 м в центральном зале с колодцем дала повод для широкой интерпретации функционального назначения здания Е.Г. Агеевой и почти всем исследователям (кроме С.Г. Хмельницкого), когда-либо обращавшимся к ее публикациям по городищу Баба-ата, где аксонометрия памятника с графической реконструкцией (рис. 3) лишь усиливала воображение исследователей.

К этому вопросу было особое отношение у К.М. Байпакова. В творческом наследии ученого мы находим более десяти статей (возможно, их больше) в различных сборниках, монографиях, учебных пособиях, в соавторстве с К.А. Акишевым, Л.Б. Ерзаковичем, Д.А. Воякиным, З.Ж. Шарденовой и др. Все статьи, за исключением небольших различий (больше всего их у К.М. Байпакова в публикациях

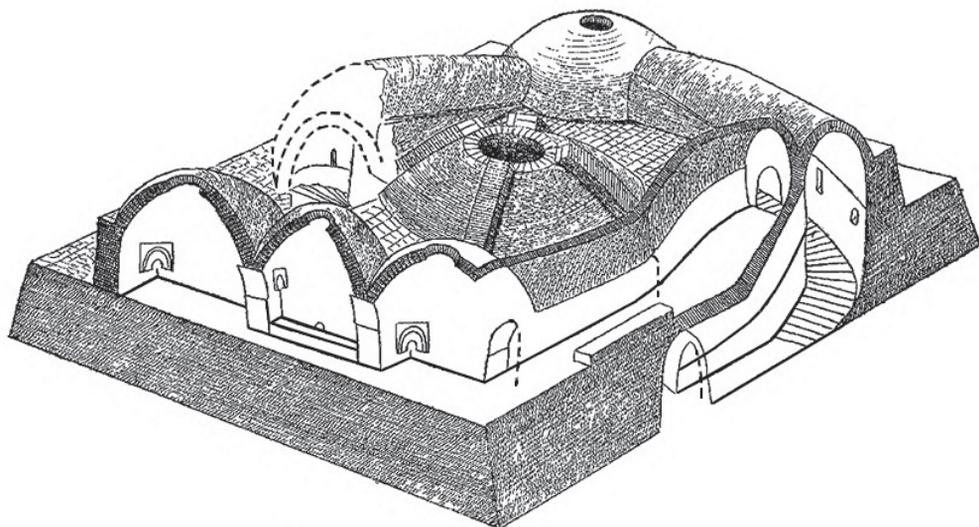


Рис. 3. Аксонометрия здания нижнего горизонта. По публикации Е.И. Агеевой.
Рисунок П.В. Агапова.

Fig. 3. Axonometry of the construction of the lower horizon.
According to the publication by E.I. Ageeva. Drawing by P.V. Agapov.

с З.Ж. Шарденовой), имели одинаковое содержание и общую канву. Согласно последним публикациям К.М. Байпакова, сооружение, найденное на городище Баба-ата, является преемником мавзолеев чирикратской культуры. Наиболее близким по планировке, размерам и строительным конструкциям является мавзолей Баланды-2. В обоих сооружениях центральным выступает купольный зал, вокруг которого расположены помещения, соединенные между собой сводчатыми галереями. Баба-атинское сооружение продолжает линию развития мавзолеев Тегискена в Приаралье (которые, в свою очередь, являются предшественниками чирикратских храмов). В комплексе Тегискена выделяются «Храм Благоположений», «Храм Солнца», Баба-Ата же является «храмом огня» (Байпаков, 2012, с. 244–245).

На этот счет С.Г. Хмельницкий хорошо подметил: «Найденная в зале «стерильно чистая» зола недостаточна для признания его храмом огня, да такой атрибуции противоречат и

шахта-колодец в центре зала, и разомкнутое каре комнат и коридоров, окружающее его на уровне основания купола, – трудно признать эти помещения сакральными без очень больших натяжек» (Хмельницкий, 2000а, с. 263).

Связь здания с культом огня безоговорочно принимает Г.А. Терновая, посвящая этому специальную работу. Причем, цитируя вышесказанные слова С.Г. Хмельницкого, она дает волю своим неудержимым фантазиям, считая, что «храм» Баба-ата был построен на «пупе Земли», где концентрируются все жизненные силы. По ее мнению, три анфиладных помещения в северной части постройки являлись молельнями. Центральное из них связано со сферой неба, огня, восточное – со сферой земли, западное – со сферой воды. Световые люки были предназначены для определения времени проведения молитв. Центральный зал был местом проведения обрядов, связанных с культом огня и воды, с целью восстановления целостности мира. Над ним, по утверждению

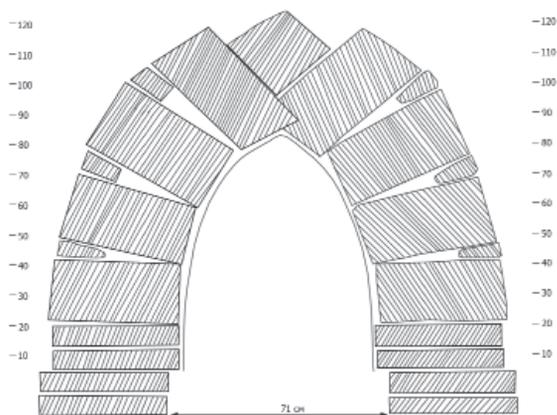


Рис. 4. Разрез коридора с коробовым сводом, ведущего к помещениям с анфиладной планировкой (выкопировка из чертежа П.В. Агапова).

Fig. 4. Section of a corridor with a trough vault leading to rooms with an enfilade planning (copied from a drawing by P.V. Agapov).

Г.А. Терновой, была башня, где зажигался огонь, олицетворяя Мировое древо (Терновая, 2007).

Слой «чистой» золы до 8 сантиметров и обожженные стены более метра в центральном зале с колодцем, если верить Е.И. Агеевой⁵, являются свидетельством устройства мощного костра, но не ритуала, где, как правило, используются персональные свечи, чираги или огоньки, но не костры, для использования которых могли быть иные – «технические» цели, кроме обрядово-ритуальных действий (о чем будет сказано ниже). Никто из этих исследователей не задумался, как же будет присутствовать при разжигании подобного костра, подчеркнем – костра, группа людей в замкнутом пространстве с узкими коридорами, где можно передвигаться в одиночку, местами согнувшись или боком (рис. 4). В подобных экстремальных условиях, где полыхает костер, человек существует недолго и умирает от угарного газа. «Храм-огня» с устройством обрядово-ритуальных действий с возведением костра невозможен в помещениях нижнего строительного горизонта.

Еще одно заблуждение в «храмовой» концепции исследователей данной тематики имеется в публикации Б.А. Железнякова, назвавшего Баба-атинское сооружение «храмом-дворцом». Изучая сакральные ориен-

тировки архитектурных сооружений Центральной Азии эпохи Античности и раннего Средневековья, он сопоставил ориентировку основной оси городища Кой-Крылган-кала (со смещением 21 градус) с ориентировкой здания Баба-аты и определил, не исключая совпадения, что северо-восточный угол здания Баба-аты ориентирован на так называемое Летнее солнце. При этом, как считает исследователь, лестничная галерея, ведущая на кровлю здания, использовалась в процессии в праздничные дни летних солнцестояний (Железняков, 2011, с. 95).

Можно согласиться с мнением Б.А. Железнякова относительно случайного совпадения ориентировок основной оси двух памятников ввиду того, что здание является частью единой планировки городища, при строительстве которого учитывалась в первую очередь привязка к местности городища на водоразделе урочища Капчагай⁶. Ориентировка здания цитадели по оси летнего солнца здесь не причем.

Заблуждение второе – мемориал, хонакох. Иные интерпретации памятника у М. Ходжаева и Ш. Аскарлова. По мнению М. Ходжаева, Баба-атинское сооружение не имело отношения к зороастризму. На этот счет он правильно отметил, что малые габариты здания, не позволяющие участвовать большому количеству людей в це-

ремониальных действиях, с отсутствием специальной площадки для устройства огня не позволяют считать данное сооружение храмом огня. Что «подтверждают малая изношенность ступеней лестниц, однослойность внутренней штукатурки и обмазки полов» (Ходжаев, 1984, с. 7). Согласно его гипотезе, здание было прототипом мусульманских усыпальниц с галереями и являлось предшественником мавзолея Саманидов в Бухаре. В обоих памятниках имеется большой центральный зал, система обходной галереи, а также многокупольная система, где вокруг большого купола сгруппированы малые. В обоих сооружениях совпадает даже количество куполов (Ходжаев, 1984, с. 7–8). Ответ С.Г. Хмельницкого М. Ходжаеву был краток: «Система верхних помещений баба-атинского здания не имеет ничего общего с галереей, окружающей купол мавзолея [Саманидов] и венчающей его фасады, а утверждение сходства обоих сооружений, основанное на монументальности, четкости пропорций, совпадений количества куполов (что неверно) и даже близости размеров... выглядит не очень серьезным» (Хмельницкий, 2000а, с. 265).

Продолжая мысль С.Г. Хмельницкого, отметим еще одну нестыковку: в Баба-атинском сооружении нет обходной галереи. Имеются две лестницы с коробовым сводом и горизонтальный коридор, по одному уровню ведущий к тупиковой анфиладе.

Ш.Д. Аскарлов, вопреки авторитетным мнениям группы ученых, среди которых значится Г.А. Пугаченкова, считавших, что ханака появляются в Центральной Азии не ранее X–XI вв., без каких-либо доказательств заявляет, явно претендуя на открытие, что здание нижнего горизонта Баба-аты является первой тюркской хонакох [ханака], построенной суфистами в VII веке. Основание этому – датиров-

ка здания VII веком в публикациях Е.И. Агеевой. В качестве другого аргумента приводится вымышленный и никогда не существовавший среди кочевых народов Центральной Азии погребальный обряд захоронения на дне глубоких колодцев, вокруг которых совершали ритуал. Центральный восьмигранный зал при этом был оловханой, кровля служила дахмой, коридор с суфой, ведущий к анфиладе, являлся зикрхоной, сама анфилада из трех комнат была масджидом – одной из первых в Средней Азии мечетей (Аскарлов, 2009, с. 20–21).

Этот архитектурно-археологический «беспредел» Ш.Д. Аскарлов дополняет другим – ритуальным: где тюрки на дахме ожидают восхождения солнца в правом пещерообразном коридоре [очевидно, галерея, ведущей наверх], затем проходили мимо покойных в оловхане [центральном зале] в «место молитв» [анфиладные помещения]. С заходом солнца совершавшие ритуал спускались в оловхану и скидывали расклеванных птицами покойников в колодец (Аскарлов, 2009, с. 21–22). При этом автор этих фантазий совершенно игнорирует С.Г. Хмельницкого, хотя знает и использует его работы в своих публикациях. Последний за несколько лет до публикации Ш.Д. Аскарлова писал: «Гипотезу исследователя, согласно которой здание было «поминальным памятником», проще говоря – надгробным мавзолеем, принять тоже нельзя в силу отсутствия объекта поминания (могила здесь не найдена, а в сбрасывание тела в шахту-колодец я поверить не могу) и полного несоответствия баба-атинского здания со всем тем, что известно сейчас о доисламской надгробной архитектуре Средней Азии. ...Оно заслуживает более глубокого архитектурно-археологического исследования. Но уже сейчас нет оснований видеть в нем культовое или мемориальное соору-

жение» (Хмельницкий, 2000а, с. 264–265).

Несомненно, на городище Бабаата было обнаружено необычное и не имеющее аналогов архитектурное сооружение, и в этом нельзя не согласиться с мнением С.Г. Хмельницкого. Как в датировке, так и в определении функционального назначения Бабаатинского сооружения имеется ряд необоснованных допущений. В ходе изучения полевой документация экспедиции установлено, что аналитический потенциал содержащейся в ней информации использован не полностью, порой неверно, возможно и по незнанию и недостаточности в то время необходимой информации.

Главное заблуждение – датировка. Е.И. Агеева время постройки здания нижнего горизонта отнесла к VI–VII вв. или VI–VIII вв. и назвала сооружение «усадьбой». Для аргументации такой датировки ею были найдены аналогии в строительных приемах и конструкциях в сооружениях архитектуры VI–VIII вв. на сопредельных территориях Средней Азии (Кызыл-Кала, Кузы-Крылганкала, Тали-Барзу, Варахша, Мунчактепе, Актобе и др.). При этом она справедливо писала, что «несмотря на большое количество аналогий, мы не можем пока сказать о полном совпадении одной из них в решении, как всего строительного комплекса, так и всех присущих ему особенностей. В нашем объекте сконцентрированы как бы все приемы, известные строителям того времени» (Агеева, 1962, с. 132, Агеева, 1960, с. 67–68).

В качестве дополнительного аргумента в пользу этой даты приводятся немногочисленные фрагменты керамики, найденные в выгребной яме северо-восточного купольного помещения здания нижнего горизонта, устье которой находилось по уровню второго горизонта. Находки из ямы были представлены в виде обломков

чаш с точечным рисунком по бортику с белой поливой и целым чирагом с белой поливой, имеющим по тулову аналогичный рисунок. Комплекс дополняли горшкообразные сосуды с волнистыми валиками в виде налепов. Изначально Е.И. Агеева, анализируя данный комплекс керамических находок, объективно сказала: «Все эти формы характерны для саманидского времени, соответствующего IX – началу X в. Керамический же материал из забутовки дает образцы VIII – начала X вв.» (Агеева, 1960, с. 70). Данное мнение ученого формируется еще в процессе полевых работ. В своем дневнике от 10 сентября 1959 года она делает запись: «Эти материалы позволяют еще раз продатировать слой 2, вскрытый работами 1958 г., саманидским временем» (Агеева, 1959, л. 26).

Спустя два года Е.И. Агеева в своей обобщающей статье по данному памятнику удревляет нижний горизонт, где описанный выше комплекс керамики из выгребной ямы корректируется. Из текста перечня находок удаляется поливная керамика, дающая более дробную дату, хотя в опубликованном рисунке поливная керамика наличествует (рис. 5: 2) (Агеева, 1962, с. 134, 144, рис. 26).

Неглазурованная (кухонная, столовая) посуда этого комплекса, имея широкие хронологические рамки – VIII–XII вв., находит свои аналогии среди материалов Ферганы, Тараза, Испиджаба, Отрарского, Туркестанского, Ташкентского оазисов и не дает более дробной даты всего комплекса, что нельзя сказать про глазурованную керамику. Белофонная глазурованная керамика с точечным рисунком, в том числе и чираг с округлой чашей со схожей орнаментацией, имея широкую географию, уверенно датируется X веком (Брусенко, 1986, с. 118; Байтанаев, 2016, с. 174–178).

Обосновывая даты возведения здания третьего (нижнего) горизонта

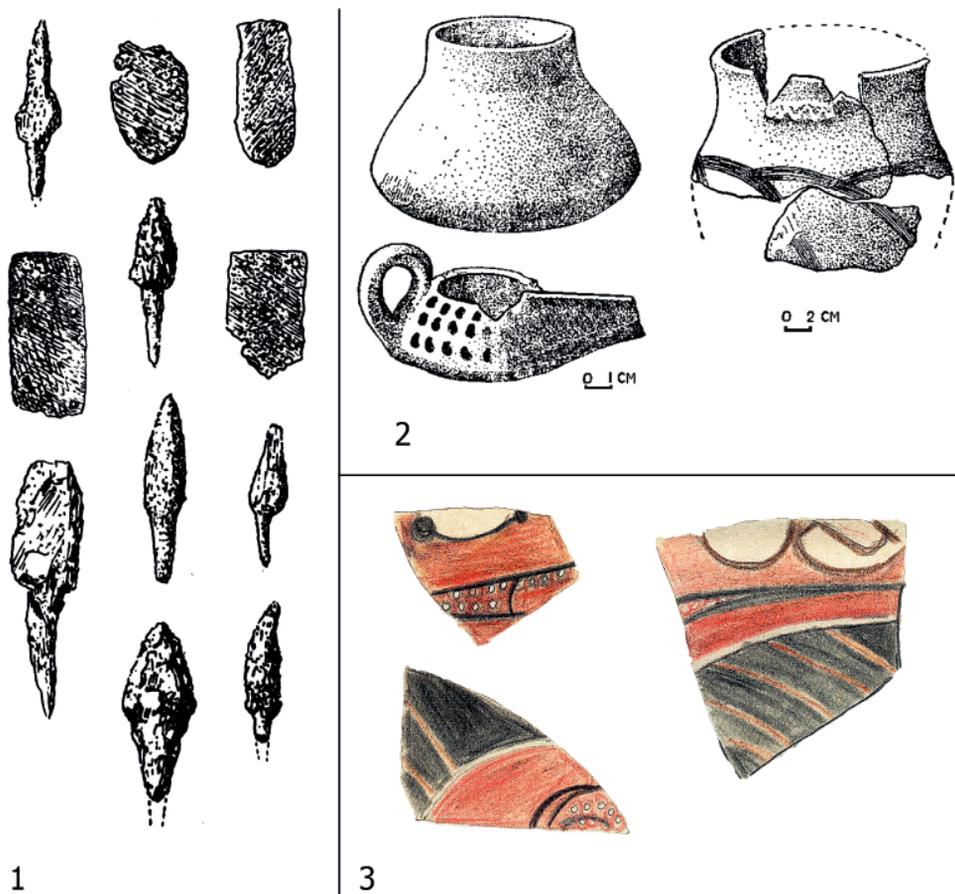


Рис. 5. Находки из культурных слоев цитадели:

1 – наконечники стрел, пластинки панциря X–XII вв. по П.В. Агапову и М.К. Кадырбаеву; 2 – керамика из забутовки выгребной ямы по Е.И. Агеевой; 3 – фрагменты керамики с коричневой поливой. Рисунок из дневника Е.И. Агеевой.

Fig. 5. Finds from the cultural layers of the citadel:

1 – arrowheads, armour scales of the X–XII centuries, according to P.V. Agapov and M.K. Kadyrbaev; 2 – ceramics from the fill of cess pit, according to E.I. Ageeva; 3 – fragments of pottery with brown glaze. Drawing from E.I. Ageeva's notebook.

VI–VIII веками, анализируя керамический комплекс и конструктивные особенности строительства, Е.И. Агеева совершенно не рассматривает в качестве аргумента и другие датировки данные строительных материалов, в частности кирпича. Основную массу строительного материала для возведения здания составляет прямоугольный сырцовый кирпич размером 40–41×20–22×9–10 см, имеющий широкие хронологические рамки применения в Центральной Азии начиная с эпохи Античности до XII века вклю-

чительно и более поздние (Воронина, 1953, с. 8). Однако жженный кирпич, обнаруженный в раскопе, имеет четкие хронологические даты, позволяющие уточнить время строительства данного объекта архитектуры. Одним жженным кирпичом, как мы писали выше, размерами 20×21×5 см, была выложена вертикально расположенная дудка колодца длиной около 9 метров, объединяющая все три горизонта. Другим жженным кирпичом, размерами 33×21,5×7–8, были выложены первые две ступени (рис. 6: 1)

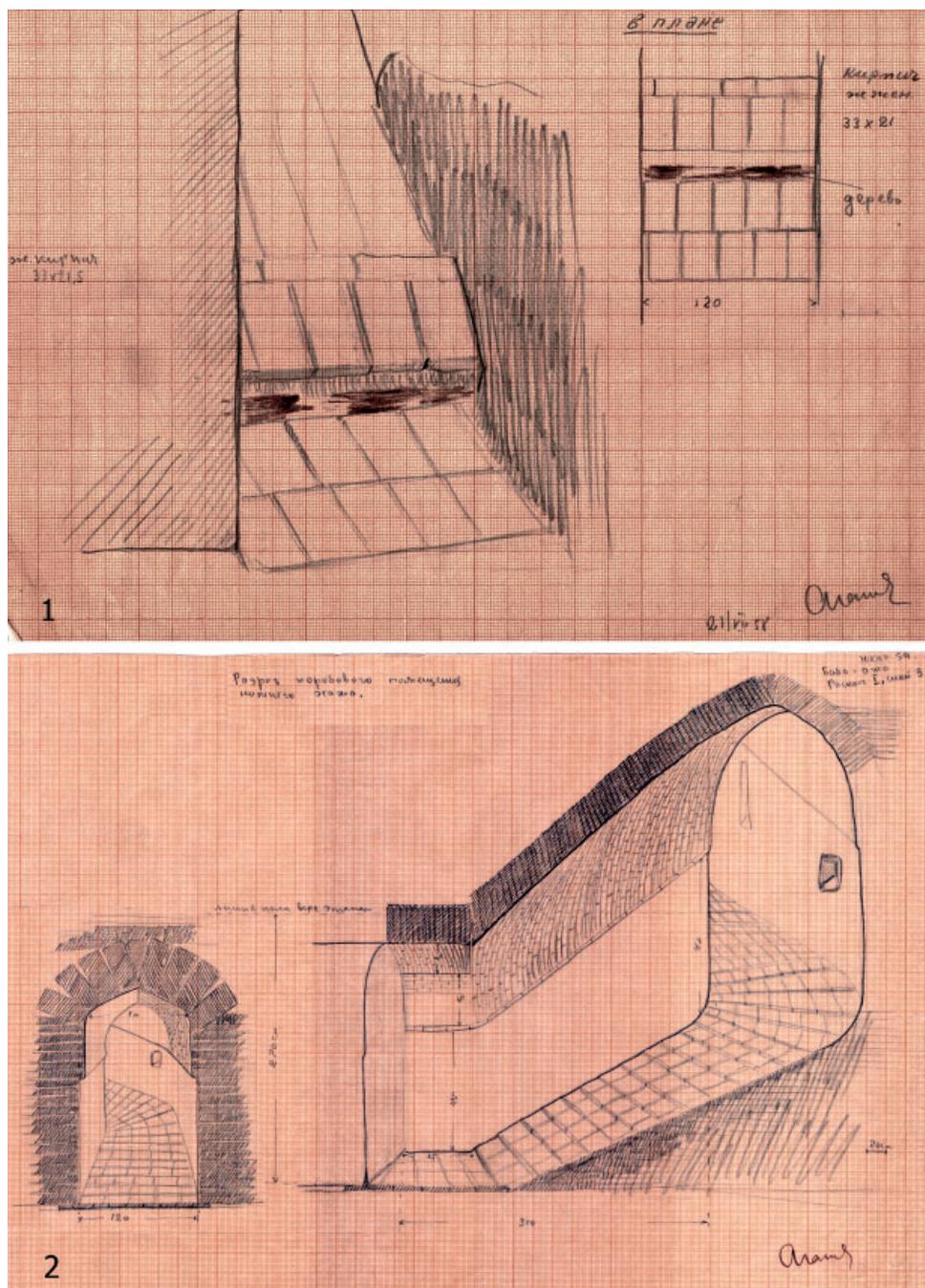


Рис. 6. Чертежи П.В. Агапова лестничных галерей и строительных материалов ступеней: 1 – первые две ступени галереи ведущей наверх, выложенные жженым кирпичом; 2 – лестничная галерея ведущая к центральному залу по верхнему основанию подземного хода.

Fig. 6. P.V. Agapov's drawings of stairways and building materials of steps:
 1 – the first two steps of the gallery, leading the upper floor, made of burned brick;
 2 – stairway leading to the central hall along the upper base of the underground passage.



Рис. 7. Ступени лестничной галереи ведущей на верхний этаж, от зала соединяющего галереи.

Fig. 7. The steps of the staircase leading to the upper floor, from the hall connecting the galleries.

лестничной галереи, расположенной с севера у входа углового купольного помещения, соединяющего лестничные галереи. Последующие ступени из сырцового кирпича, ведущие вверх, были закреплены деревянными плахами (рис. 7), вделанными в пазы в стенах (Агеева, 1962, с. 124). Установленные в начальный период строительства, жженые кирпичи ступеней, обнаруженные *in situ* (что очень важно), несомненно, также указывают на время начала строительства здания.

В средневековом округе Испиджаб и в соседних к нему округах, жженный кирпич (18–19 см и других размеров) начинает использоваться не ранее второй половины IX века (Байтанаев и др., 2023), в первую очередь в строительстве общественных зда-

ний – мечетей, медресе, мавзолеев, бань (Байпаков, 1986, с. 101, 121). В Таразе, например, жженный кирпич размерами 20×20×5 см использовался в основном среди жильцов рабада в XI–XII вв. в качестве вымостки полов (Сенигова, 1972, с. 134–137) и, на наш взгляд, вторичного использования. Ближе всего размеры Баба-атинскому жженому кирпичу подходят кирпичи Ташкентского оазиса, где квадратный жженный кирпич со стороной 18–20 см и толщиной 3,5–4 см был характерен для второй половины X в. (Буряков, 1975, с. 42, 56). С.Б. Лунина, проведя исследования на большом фактологическом материале, определила, что в Южном Согде (Кашкадарья) квадратный жженный кирпич со стороной 20–22 см и толщиной 4 см использовался в постройках X – начала XI вв. (Лунина, 1984, с. 97). По мнению же С.Г. Хмельницкого, квадратный жженный кирпич со стороной 21–23 см и толщиной 4–5 см был характерным для построек всего среднеазиатского региона IX–X вв. (Хмельницкий, 1992, с. 36).

Несколько по-иному обстоит дело с прямоугольным кирпичом формата 33×21,5×7–8 см, обнаруженным на ступенях лестничной галереи, ведущей на верхний ярус здания. Ранее К.М. Байпаков, не обращая внимания на датировку и фактуру кирпича, высказал предположение касательно появления двух ступенек из жженого кирпича – заменой ими сломанных сырцовых (Байпаков, 2012, с. 240).

Вероятно другое: что остальные сырцовые ступени лестницы, идущие вверх, изначально по верхнему основанию были выложены жженым кирпичом и закреплены (заподлицо) деревянными плахами, разобранными впоследствии во время первой радикальной перестройки здания. При таком раскладе высота ступеней будет 15–17 см, идеально комфортной для передвижения, и находит объяснение

в применении жженого кирпича тем, что сырцовый кирпич не может применяться в ступенях здания, так как быстро крошится и разрушается в процессе эксплуатации (рис. 7).

О былом наличии в здании нижнего этажа кирпича аналогичного формата находим в дневнике Г.И. Пацевича, где имеются сведения по вскрытию забутовки ниже второго горизонта и конструкции коробового свода, выложенного кирпичом сырцом, зафиксированного на глубине двух метров. Среди описанного строительного материала, полученного из забутовки арочного свода, несомненно одной из галерей, расположенных ниже второго строительного горизонта, имеется жженный кирпич размером $34 \times 18 \times 5,5$ см (Пацевич, 1954, л. 12).

О напольном жженом кирпиче, обнаруженном *in situ* в галерее, идущей вниз от углового помещения в центральный зал с колодцем, пишет в своем полевом дневнике и Е.И. Агеева: «В коридоре нижнего этажа также идет ступенчатое понижение пола, последние ступени (на расстоянии около 2 м от угла перехода к коробу 2 верхнего этажа), перекрытые жженым кирпичом того же формата, как и саманный кирпич, последняя ступень представляющей собой плоскую каменную плиту. Пол в открытой части отсека коридора также из жженого кирпича» (Агеева, 1959, л. 14). Непонятна только в этом случае причина, по которой Е.И. Агеева публикует не всю информацию по жженным кирпичам, обнаруженным в процессе полевых работ *in situ*.

Из близких аналогий жженым кирпичам, найденным в лестничных галереях памятника, отметим кирпич размерами $31 \times 19,5 \times 6,5$ см и $34 \times 19,5 \times 6 \times 5$ см, обнаруженный в бане-хаммаме X–XI вв. поселка Екпенди урочища Бургулюк Туркестанской области (Байтанаев, 2011, с. 118). Схожий по размерам жженный кирпич

встречается среди комплексов городища Канка Восточного Мавераннахра. Там он несколько узкого формата ($36-32 \times 15-16 \times 4-5,6-8$ см) и использовался в основном в XI–XII вв. для вымостки полов, облицовки цоколей, выкладки очажков и тазаров (Древний и средневековый..., 1990, с. 33, 34). В Самарканде схожий жженный кирпич размером $28-33 \times 16-18 \times 3-5$ см использовался для возведения мавзолеев XI–XII вв. (Немцева, 1966, с. 156). В Ташкентском оазисе, к примеру на городище Худайкент в X – начале XI вв., размер жженого кирпича $33 \times 17 \times 3,5$ см, в XI–XII вв. – $32 \times 16 \times 4$ см и $35 \times 20 \times 5$ см (Буряков, 1975, с. 41–42).

Нельзя датировать сооружения нижнего горизонта на основании анализа архитектурно-планировочных форм и конструктивных особенностей здания, разыскивая их аналогии среди памятников VI–VIII вв., так как эти элементы строительства возникли не в VI–VIII вв., а еще в эпоху Античности и традиционно использовались вплоть до позднего Средневековья на территории всей Центральной Азии.

В исследуемом регионе и в соседних с ним территориях не обнаружено ни одного памятника VI–VIII вв., где бы применялся при строительстве жженный кирпич, аналогичный Баба-атинскому. Жженный кирпич в южных районах Казахстана, как и на сопредельных территориях Центральной Азии, начинает применяться в строительстве с приходом ислама и его новой для региона культуры, приверженцами которой были саманиды. Нет основания датировать здание нижнего горизонта VI–VIII вв., равно как не имеется аргументов в пользу датирования его IX веком.

В представленном комплексе керамики нет ни одного образца глазурованной посуды IX в. Напротив, в полевой документации Е.И. Агеевой, не вошедшей в ее публикацию, отме-

чена керамика с коричневой поливой (рис. 5: 3), характерной для X–XI вв., и нет ни одного фрагмента ни в одном раскопе экспедиции за годы ее работы желтофонной и бирюзовой посуды, характерной для XII века.

Весь комплекс находок и строительный материал (жженный кирпич), примененный в здании нижнего горизонта, позволяет отнести его создание к саманидскому времени, к первой половине X века.

Системные заблуждения.

Е.И. Агеева считает, что в здании нижнего горизонта было три лестничных галереи, освещавшиеся с помощью световых щелей.

Изучение фотоснимков и чертежей П.В. Агапова, сделанных в полевых условиях, позволяет нам утверждать, что в здании не было обходной галереи (рис. 2: 2, рис. 3). Имелись две «винтообразные» по форме, выложенные из кирпича лестницы, перекрытые коробовым сводом, соединенные угловым купольным помещением, от которого одна лестница «Г»-образной формы спускалась в нижнее октагональное помещение с колодцем (разделенная в публикации Е.И. Агеевой на две части – на первую и третью галерею), другая – вверх, опоясывая купол этого помещения на второй уровень здания.

Был еще один коридор с коробовым сводом, расположенный на одном уровне с анфиладными помещениями и промежуточным залом, между лестничными галереями. Он соединялся с юга ступеньками с лестничным коридором, ведущему вниз к центральному залу с колодцем, и с запада примыкал к прямоугольной комнате (2,95×2,35 м), перекрытой коробовым сводом, и далее вел к анфиладе из трех комнат. Этот коридор с коленчатыми по форме изгибами в узкой части имел размеры (рис. 4) 60–70 см, высоту 180 см.

Световые люки и щели. Е.И. Агеева утверждает наличие щелевидной

и трапециевидной формы световых люков, расположенных по южной и восточной сторонам лестничных галерей, включая и соединяющее их промежуточное купольное помещение. Формы этих световых конструкций со скосом граней и расширением вовнутрь, как считает Е.И. Агеева, давали много света в помещение, что исключало использование их в качестве бойниц, так как снаружи эти световые люки и щели выходили в виде прямоугольника 0,2×0,3 м. Дополнительным освещением, по ее мнению, также служили люки «в центре куполов и как бы воспроизводящие тундуки юрт» (Агеева, 1962, с. 127).

В подобных суждениях есть неувязки. К примеру, остается вопрос, как работали световые щели в промежуточном зале, расположенные на высоте 50 см от пола (рис. 8: 1). Не могли же они освещать колени присутствующих в помещении. К тому же к зданию вплотную примыкали стены толщиной 3 м, что не давало возможности поступления света через эти прямоугольные отверстия.

На эту особенность в здании обратила внимание З.Ж. Шарденова: «В этом случае возможно два решения. Либо в тех местах, где находятся световые щели здания, в крепостной стене были оставлены зазоры – своеобразные выгрызы в верхней ее части, либо там, где стена подходит к световым проемам, были устроены аналогичные проемы в крепостной стене. С учетом того, что крепостная стена имеет большую толщину и, удлинённая на 3 м, световая щель в результате почти не дает света, первая версия представляется более логичной» (Шарденова, 1998, с. 70). Обе версии, З.Ж. Шарденовой и изначальное мнение Е.И. Агеевой, что это были световые щели, полностью не состоятельны и являются заблуждением.

Никто из исследователей не задумался, как же в здании с замкнутым



- кладка между куполами, разобранный в процессе раскопок



- часть купола, разрушенная и забутованная в процессе первой радикальной перестройки

Рис. 8. Купольные помещения второго яруса нижнего горизонта:
1 – помещение, соединяющие две галереи. Угловые трюмпы и щели продува;
2 – купол № 1 помещения, соединяющего лестничные галереи.
Зафиксирована забутовка по верхнему основанию купола битым кирпичом.
Fig. 8. Domed rooms of the second tier of the lower horizon: 1 – room, connecting two galleries.
Corner squinches and ventilation holes; 2 – dome number 1 of the room, connecting the galleries.
There is backfilling along the upper base of the dome with broken bricks.

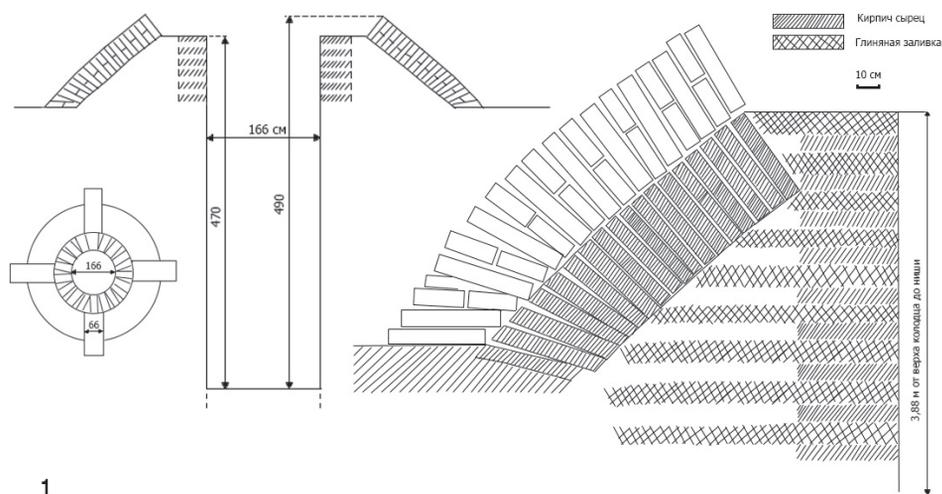
пространством соблюдался температурно-влажностный режим. Перепады температуры, вследствие которых возникал конденсат, были главным «врагом» здания из сырцового кирпича. Присутствие же при этом колодца, дающего испарение, лишь усугубляло ситуацию. Об этом знали строители той эпохи и учли это, создавая продухи с вентиляционной системой, принятой Е.И. Агеевой и последующими исследователями, за элементы освещения. Эти конструкции имели у внешнего основания прямоугольные вентиляционные шахты размерами около 0,2×0,3 м, идущие вертикально (обязательные инженерные требования) вверх на кровлю параллельно внешней стене, создавая воздушную тягу из помещений здания нижнего горизонта. От них остались только отверстия, сами же шахты продухов, конечно, были разобраны при первой радикальной перестройке здания.

Тезис о том, что купола всех помещений имели световые люки подобно тундуку юрты – очередное заблуждение. В этой связи возникает вопрос, почему же тогда купол помещения, соединяющий лестничные галереи, с боковой части имеет «окно», если в нем по центру был «тундук», автор об этом умалчивает. Ни на одной фотографии из полевой документации экспедиции не находится подтверждение наличия «световых люков» (рис. 8: 2). Можно предположить в итоге, что на рисунке с аксонометрическим разрезом памятника их изображения появились по рекомендации Е.И. Агеевой. Напротив, в конструкции купола имеется элемент, подтверждающий не только отсутствие «световых люков», но и бывшее наличие второго этажа. Ими являются элементы конструкции над куполом центрального зала, названные Е.И. Агеевой контрфорсами. Термин не совсем удачен, правильнее их именовать «ребрами жесткости». Они изначально были выложены в перевязку

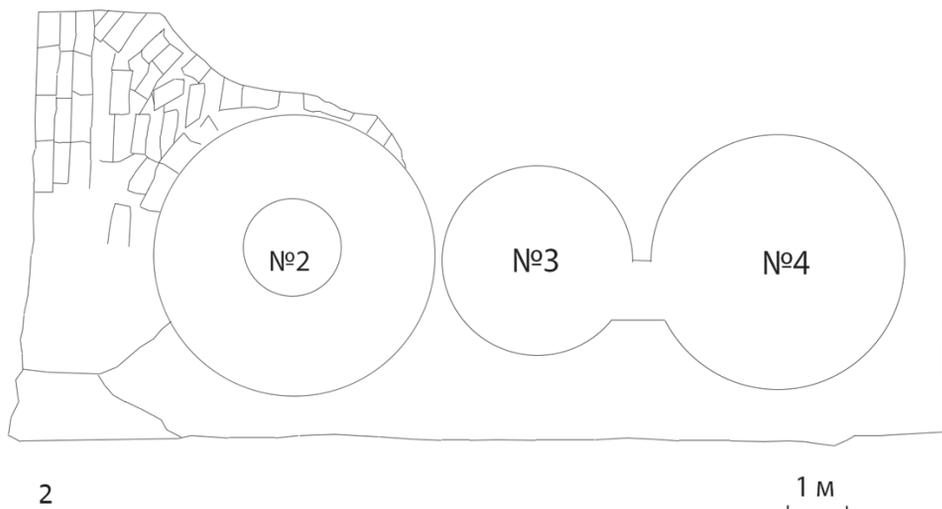
в два ряда, перпендикулярно друг к другу, от кровли по основанию купола, создавая упругость конструкции. Устройство же по центру купола под перекрестием «ребер жесткости» – отверстия для «светового люка» было технически невозможным и никчемным. При последующей реконструкции всего здания перекрестие «ребер» было разобрано, внутренняя часть центрального помещения после кладки дудки колодца жженым кирпичом параллельно заполнялась глиной, чередуясь с кирпичом-сырцом (рис. 9: 1).

Вход в здание, как считает Е.И. Агеева, был напротив центрального зала, что также является ошибочным выводом. Этому предположению, ставшему аксиомой, нет доказательств. У входа, ведущего в центральный зал, имеются разрушения кладки, где ей удалось установить лишь ширину проема входа в зал, лестничного коридора и расстояние между ними. Работая на этом участке памятника, в своем дневнике Е.И. Агеева отмечает: «Здесь, под коробом № 4 как бы образовался, по нашему предположению [заметим, «как бы образовался, по нашему предположению» – *Авт.*], тройник дверей. Коридор этого тройника был перекрыт также коробовым сводом, он в настоящее время обвалился и расчищать его изнутри без соответствующих предохранительных мер нельзя, поэтому решено для выяснения конструкции выхода наружу заложить траншею с внешней стороны короба № 4 в районе проема» (Агеева, Дневник, 1959, л. 19). Исследования траншеи в этой части памятника ни к чему не привели. Об этом Е.И. Агеева больше ничего нигде не пишет и результаты с траншеей не документирует.

Постройка долгое время была необитаема, ступеньки лестничных галерей не имели износа, в световых щелях был большой пласт навееянного лесса, – сообщает Е.И. Агеева (Агеева, 1962, с. 137).



1



2

Рис. 9. Выкопировки из чертежей П.В. Агапова помещений нижнего горизонта:
 1 – купол центрального зала и его забутовка после первой перестройки;
 2 – место соединения купола помещения №2 с угловой кладкой здания.

Fig. 9. Copies of P.V. Agapov's drawings of lower horizon rooms:

- 1 – the dome of the central hall and its fill after the first reconstruction;
- 2 – the junction of the dome of room №2 with the corner masonry of the building.

Обращает на себя внимание то, что все три строительных горизонта цитадели имеют схожий по форме восьмигранный зал с колодезем. В верхнем и в среднем горизонте колодец оказался несколько смещенным – ассиметрично расположенным к восьмигранному залу, что лишшний раз подчеркивает его необходимость во все времена. В нижнем же горизонте изначально ко-

лодец находился по центру купольного помещения и был снабжен подземным ходом, открытым в 1953 году. Тезис Е.И. Агеевой в итоговой статье по этому поводу «хоронит» наличие подземного хода и отвлекает внимание исследователей от этого важного элемента, ради которого и была организована, как мы считаем, постройка нижнего горизонта.



Рис. 10. Процесс раскопок и особенности строительных конструкций.

1 – Г.И. Пацевич и спуск в колодец школьника;
2 – угловые тромпы нижнего (слева) и среднего строительного горизонта.

Fig. 10. The excavation works and features of building structures.

1 – G.I. Patsevich and a schoolchild, descending into the well;
2 – corner squinches of the lower (left) and middle building horizon.

«Кирпичная облицовка дудки, – пишет Е.И. Агеева, – продолжалась до 9 м в глубину, а затем сменялась каменной. На этом уровне в западной его стенке сделан арочный проем, уводящий в коридор здания нижнего горизонта. Первоначально он был принят за остатки подземного хода, выводящего за пределы цитадели. Однако при последующем послойном вскрытии всех строительных комплексов выхода не обнаружили. Почему эту часть коридора не забутовали, нам пока не известно» (Агеева, 1962, с. 151).

Этот тезис не подтверждается ни полевой документацией, ни фактически, имея несоответствия. Дудка колодца в 9 метров является расстоянием от уровня пола первого горизонта и до пола третьего горизонта к изначальному расположению колодца, верхнее основание которого на то время было устроено на древней дневной поверхности. Подземный ход с арочным проемом, в таком случае,

по словам Е.И. Агеевой, «уводящий в коридор здания нижнего горизонта», атрибутирован неправильно. Следовало бы писать: «под лестничный коридор здания» (рис. 6: 2). Соединение лестничной галереи и подземного хода невозможно, так как они расположены на разных уровнях.

Раскопки колодца и подземного хода производились под руководством Г.И. Пацевича и выполнялись школьниками ввиду тесноты дудки колодца (рис. 10: 1). «Небольшой диаметр этого хода..., – писал в дневнике Г.И. Пацевич, – сильно затрудняет расчистку хода, так как его ширина не давала возможности даже спуститься в нем и вынос земли производили при помощи маленького кетменя (тяпки) и маленького ведра, так как обычное ведро рядом с человеком поместить было невозможно» (Пацевич, 1953, л. 26).

Далее он поясняет, что на глубине 9 метров в западной стороне колодца была обнаружена стрельчатая арка

высотой 1,60 метра, выложенная вначале [колодца – Авт.], таким же жженым кирпичом, как и дудка колодца. За проемом следовал такой же ход шириной 0,5 м в нижней части, стены его были сложены узкой стороной сырцового кирпича сводом. Ход был заполнен землей от обвалившегося свода. На расстоянии 5,20 м от его начала ввиду опасности обвала кровли работы прекращаются (Пацевич, Дневник, 1953, л. 28–29) (стилистика документа сохранена – Авт). Тогда он не знал, что дети, производившие раскопки в этом месте подземного хода, работали под ступеньками лестничной галереи, ветхость которой и явилась причиной обвала. Позже, в 1959 году, во время вскрышных работ этой части лестничной галереи, Е.И. Агеева в своем дневнике сделает запись, что обнаружился «проем, вскрытый еще работами 1953 г.» (Агеева, 1959, л. 13). «Почему эту часть коридора не забутовали, нам пока не известно», – выразила недоумение Е.И. Агеева. Ее реакция, в свою очередь, вызывает удивление у нас. Несомненно, этот участок галереи изначально был забутован. Ступеньки галереи обвалились в подземный ход во время раскопок 1953 года и были зачищены.

Не соответствуют действительности строки из полевого дневника Е.И. Агеевой о том, что: «...при последующем послыном вскрытии всех строительных комплексов выхода [подземного хода – Авт.] не обнаружили». Свидетельства участников экспедиции, их воспоминания и материалы полевой документации говорят обратное. Спустя годы известный искусствовед Л.И. Ремпель, принимавший участие в экспедиции, в своих мемуарах вспомнит планировку дворца на цитадели, состоящую из крытого зала с колодцем, и напишет: «В стенах этого колодца на глубине 9 метров от пола был обнаружен потайной

сводчатый ход, который вел за наружные стены цитадели» (Ремпель, 1992, с. 170).

Осенью 1980 года отряд Чимкентского педагогического института проводил охранные археологические работы на прилегающей к городищу Баба-ата территории, в которых участвовал один из авторов этих строк (Б.А. Байтанаев). Тогда состоялось его первое ознакомление с цитаделью городища. При этом руководитель отряда экспедиции 1980 года Н.П. Подушкин, участвовавший в 1950-х годах в раскопках Баба-аты, поведал Б.А. Байтанаеву об археологических работах той эпохи, отмечая особо раскопки подземного хода. В заключение Н.П. Подушкин добавил, что в целях техники безопасности колодец был засыпан, и больше к этой теме никто не обращался, работы по поиску его выхода никто не проводил. На этот счет в дневнике Г.И. Пацевича находим информацию, что вертикальный ствол колодца продолжался дальше вниз от подземного хода, его общая глубина достигла 15 м. Ниже стены оказались сложенными уже из сырцового кирпича и частично камня со следами обмазки. Обмазка стен, как и кирпич, местами осыпались. Во избежание обвала работы по расчистке колодца были прекращены и верхний ход в колодец был закрыт (Пацевич, 1953, л. 28–29).

Приблизившись к верхнему основанию колодца в центральном зале, Е.И. Агеева не стала в дальнейшем его изучать, документировать, фиксировать составные части конструкции колодца и подземного хода, очевидно потому, что он был засыпан и закрыт в 1953 году отрядом Г.И. Пацевича. Ввиду этого профиль подземного хода, расположенный ниже дневной поверхности, не показан ни в одном рисунке итоговой публикации Е.И. Агеевой (рис. 11). Подземный ход в колодце как бы не существовал.

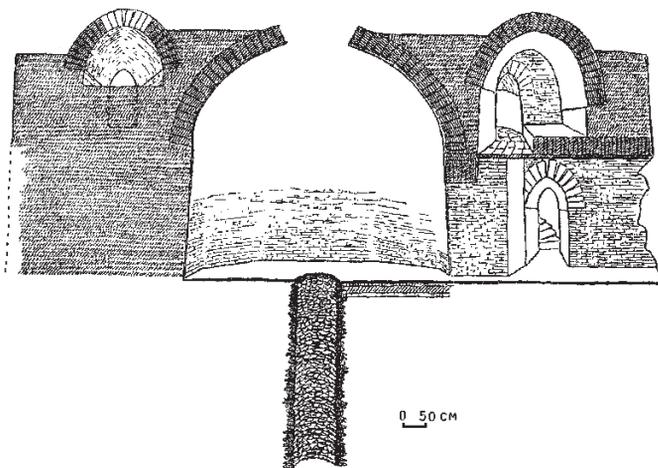


Рис. 11. Разрез здания нижнего горизонта с колодезем. Рисунок П.В. Агапова.

Fig. 11. Section of the lower horizon building with a well. Drawing by P.V. Agapov.

О нем Е.И. Агеева ничего не говорит, возможно и потому, что не может найти ему объяснения. Он противоречит всей ее концепции, выстроенной в ходе подготовки публикации.

Исследования топографии округа Баба-атинского городища установили, что город имел индивидуальную оборонительную систему, представленную в виде дозорных холмов караульного типа, расположенных на естественных возвышенностях по периметру городища, имевшего нулевой обзор в урочище Капчагай (Байтанаев и др., 2019, с. 28). Подобное расположение караульных сооружений характерно для Испиджабского историко-культурного района саманидской эпохи, выполнявших и роль пограничных постов. Здесь же они имеют локальный характер, повторяя те же способы возведения, что и в Испиджабе саманидской эпохи, подчеркивая единство способов фортификационных приемов по всей территории империи.

Территория округа Испиджаб в IX–X вв. была ареной боевых действий – местом борьбы за веру, где саманиды в карательных целях периодически осуществляли походы в страну тюрков. В 893 году Исмаил Самани после провозглашения его эмиром организывает военный поход в страну тюрков, где его армия доходит до Та-

раза и в ожесточенной борьбе попадают в плен тюркский царь с женой. Тараз был взят, а его христианская церковь обращена в мечеть (Волин, 1949, с. 176, 178).

По мнению О. Прицака, опиравшегося в своих выводах на повествование Карши, правителем тюрков в том походе был современник Исмаила – Огульчак, сын Бильге Кадыр хана, правившего домом караханидов. Именно при нем, по мнению О. Прицака, был завоеван Тараз. Предпринятые впоследствии походы Огульчака против саманидов в 904 году были неудачными (Караев, 1983, с. 122–123).

Не являются исключением южные склоны Каратау с округом Шавгар. О походе саманидов в этот район империи, предпринятом при Насре ибн Ахмеде, сообщает ал-Истахри без указания конкретных дат, что может относиться к двум саманидским правителям с одинаковым именем, один из которых правил в IX в. (864–892 гг.), другой – в X в. (914–943 гг.). В.В. Бартольд по этому поводу считал, что вполне вероятно, рассказ ал-Истахри об этом походе относился к первому Насру – ко второй половине IX века (Бартольд, 1963, с. 562–563).

Арабский географ ал-Макдиси в списке городов Испиджаба указывает Баладж и Барукет, пограничные кре-

пости против туркмен, по Махмуду Кашгарскому, туркмены это – гузы (Волин, 1949, с. 181, 185). Неслучайно в XIII веке Гетум, следовавший по этой территории, отметил, что горы Карачик являются родиной сельджуков (Гандзакеци, 1976, с. 224). К.М. Байпаков городище Баба-ата отождествил с Баладжем, Берукет – с городищем Тамды (Байпаков, 1986, с. 28).

Анализ письменных источников и топографии городища Баба-ата позволяет нам видеть другое отождествление этих городов. Согласно сведениям ал-Макдиси: «Баладж – маленький город, стена его разрушена, соборная мечеть на рынке. Мы уже повернули по направлению к главному городу (Испиджаб)», что не соответствует топографии городища Баба-ата и больше подходит к городищу Кумкент, расположенному на караванном пути от Шавгара через Каратауский перевал. Следующий в списке ал-Макдиси большой город Барукет (Волин, 1949, с. 181), описанный как расположенный на пути к Испиджабу, по нашему мнению, соответствует городищу Баба-ата как по топографии, так и хронологически. Строительство пограничной крепости с цитаделью против гузов в урочище Капчагай, очевидно, было вынужденной мерой после похода Исмаила Самани в страну тюрков в конце IX в.

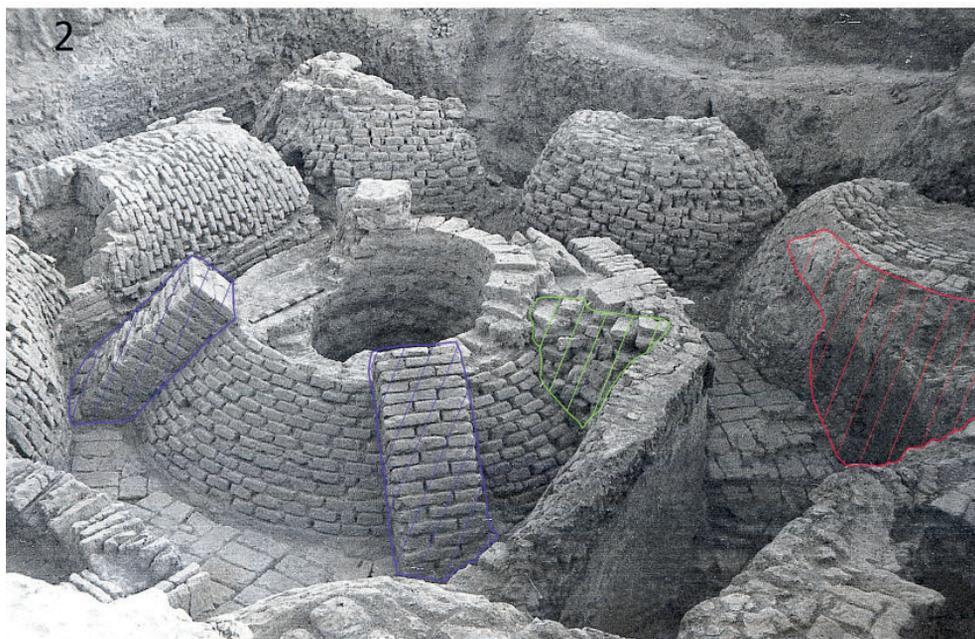
Городище Баба-ата, возникшее в начале X в., имело все составные части средневекового города (рабад, шахристан, цитадель). Развитие его прослеживается по трем строительным горизонтам. Архитектурно-археологический анализ всего комплекса находок указывает на то, что здание на цитадели создавалось по предварительному согласованному проекту и, возможно, «государственному» заказу. Строительство осуществлялось мастером (мастерами) высокого уровня, обладавшим архитектурными зна-

ниями той эпохи, имевшим познания в области устройства строительных конструкций и виртуозно владевшим техникой кладки кирпича-сырца.

Возникает вопрос, что же тогда построено на городище Баба-ата? Прежде всего, мы должны понимать, что это цитадель – последний опорный пункт гарнизона, приспособленный к самостоятельной обороне и защите обороняющихся. Отсутствие в слоях цитадели (кроме слоя обживания XIII–XIV вв. после запустения) материала хозяйственного назначения и наличие в них фрагментов вооружений (наконечники стрел, пластины – элементы доспеха), не опубликованных⁷ в свое время, доказательство этому (рис. 5: 1).

Цитадель самого нижнего строительного горизонта имела сравнительно небольшую площадь – близкую к квадрату размером 16×15 м и не могла быть храмом или усадьбой. Она состояла из здания двух этажей, окруженного вплотную крепостной стеной толщиной 3 м.

Первый (цокольный) этаж здания высотой около 5 м был, по сути, подвальной частью общего двухэтажного здания. С начала существования его не предусматривали использовать в качестве жилья. Он имел два яруса, первый состоял из центрального купольного помещения с колодцем, где располагался сводчатый подземный ход. В эту часть здания можно было попасть только по лестничной галерее со второго этажа. Другого входа в здание не было и не должно быть. Второй ярус первого этажа состоял из трех анфиладных помещений, расположенных на одном уровне с угловым купольным помещением, соединяющих лестничные галереи, которые могли использоваться в редких случаях в качестве убежища в период осады города или для хранения чего-либо, ввиду того, что в них невозможно долго находиться.



 - ребра жесткости
  - забутовка
  - пахсовая заливка

Рис. 12. Общий вид здания нижнего горизонта после вскрышных работ:
 1 – вид с северо-востока; 2 – здание нижнего горизонта с остатками забутовки
 и пахсовой заливки. Вид с юго-востока.

Fig. 12. General view of the lower horizon building after opening works: 1 – view from the northeast;
 2 – building of the lower horizon with the fill remains and pakhsa filling. View from the southeast.

Началу строительства предшествовала подготовка специальной площадки, залитой на 20 см глиной, в центре которой был устроен ко-

лодец с подземным ходом. Далее на этой площадке выкладывались углы будущего здания (рис. 9: 2), по ним одновременно строился первый этаж

с двумя ярусами. Все пространства между куполами и вокруг центрального зала выкладывались кладкой, чередуясь местами пахсовой заливкой (рис. 12: 2). Тем самым создавался монолит – платформа для второго этажа. Остатки этой кладки, разобранный во время раскопочных работ, можно рассмотреть в отчетных фотографиях экспедиции (рис. 8: 2). О планировке бывшего второго этажа этого здания мы можем только догадываться. Высота его уровня с купольными помещениями, предположительно, была около четырех метров. Несомненно, одна лестничная галерея, ведущая к подземному ходу со второго этажа, должна была быть замаскирована и засекречена. О подземном ходе в таких случаях знали единицы. Существовала, очевидно, кровля на втором этаже с дренажной системой, на что указывают обнаруженные в ходе раскопок керамические трубы для оттока воды, ведущие от цитадели к центру шахристана, к септику – колодцу (Агеева, 1962, с. 174–180).

Это был своего рода эксперимент или, говоря современным языком, «инновационный проект», не имеющих аналогов, с которым блестяще справились строители. Все же они не могли предвидеть высокую влажность подвальных помещений с колодцем, выложенных сырцовым кирпичом, в результате чего здание стало разрушаться. Влага впитывалась в первую очередь в стены центрального купольного помещения, требуя необходимых мер по его спасению. Для этих целей вокруг колодца неоднократно разжигался мощный костер, принятый Е.И. Агеевой за огненный ритуал. Эта ошибочная версия впоследствии априори была принята остальными исследователями. В результате появилась масса предположений о сакральном назначении костров.

Не миновала эта участь и анфиладные помещения, расположенные

в северной части здания, примыкавшие к шахристану. Они наиболее разрушены (рис. 2: 2; 8: 2), как нам кажется, по причине отсутствия в той части здания продухов, обеспечивающих вентиляцию воздуха, установка которых в то время была невозможной по техническим причинам. В таких условиях цокольная часть здания за короткое время быстро пришла в аварийное состояние, требуя перманентной радикальной перестройки. Во всяком случае создается впечатление, что нижний и второй горизонты здания, кроме верхнего, строились одними и теми же мастерами, их приемы кладки и в целом методы (рис. 10: 2) строительства свидетельствуют об этом. Им пришлось полностью забутовать здание первого этажа по верхнему основанию купола центрального зала (рис. 9: 1) с сохранением функции главного элемента, каким являлся колодец с подземным ходом, создавая при этом платформу для второго строительного горизонта, что, по сути, было консервацией, благодаря чему здание нижнего горизонта сохранилось к моменту раскопок, предоставив хорошую возможность для исследования.

В археологии Центральной Азии был распространен метод применения доказательств, используемый нередко и сейчас, при котором неаргументированное положение (или предположение) служило базой для другого, столь же неаргументированного. «Этот способ рассуждений можно сравнить с песочным замком, опирающимся на песок и подпирающим собой песок, он, конечно, употреблялся тогда, когда требовалось обосновать некоторую идею, не подкрепленную фактами, но по разным причинам дорогую автору» (Хмельницкий, 2000б, с. 135).

В изучении Баба-аты на первых этапах подобное, как мы постарались показать, приняло системный характер, обусловленный изначально не-

правильным пониманием исходного материала. Для изучения такого эксклюзивного объекта, как здание на цитадели Баба-аты, явно не хватало необходимой научной информации. Это сказалось на выводах Е.И. Агеевой как первооткрывателя памятника, которая, очевидно, была в постоянном поиске и, несомненно, делилась проблемами с коллегами. В числе их был участник той экспедиции и редактор ее кандидатской диссертации Л.И. Ремпель. Он вел в те годы личную переписку с Г.А. Пугаченковой и позже писал: «О наших работах на Баба-ата я сообщал Галине Анатольевне – хотелось поделиться, хотя размах работ был здесь не тот. Она ответила: «То, что Вы писали о раскопках в Казахстане, очень любопытно. Только почему Вы считаете, что нижнее здание не намного старше верхнего? Ведь такой прямоугольный стандарт сырца в Согде характерен для VI–VII вв., не это ли именно старосогдийский замок, на руинах которого в XI–XII вв. воздвигается новое мощное сооружение?» Мнение было высказано резонно» (Ремпель, 1992, с. 170–171).

Примечания:

² Раскопками на цитадели городища руководили: Г.И. Пацевич – в 1953–1954 гг., Е.И. Агеева в 1957–1959 гг. В работах экспедиции в различные годы принимали участие: Г.А. Кушаев (1953, 1954 гг.), Н.П. Подушкин (1953, 1957, 1958 гг.), А.Г. Максимова (1957, 1958 гг.), Л.И. Ремпель (1953 г.), Т.Н. Сенигова (1957, 1958, 1959 гг.), художник П.В. Агапов (1953, 1954, 1958, 1959 гг.), студенты вузов и учащиеся средних школ Алма-Аты, Джамбула и Чимкента и др. (От авторов, 1962, с. 10–11).

³ В литературе и полевых документах экспедиции имеются разночтения. Исследователи по-разному употребляют слово «горизонт» или «слой». Мы же в данной статье применяем определение «строительный горизонт», номеруя сверху вниз: 1, 2, 3 (верхний, средний, нижний).

⁴ В настоящее время здание, раскопанное на цитадели городища Баба-ата, не сохранилось. Ввиду этого описание результатов вскрытия трех строительных горизонтов и аналитический обзор полученных материалов с раскопа даны исключительно по публикациям Е.И. Агеевой и полевой документации, хранящейся в архиве Института археологии им. А.Х. Маргулана.

⁵ В дневнике Е.И. Агеевой имеются рисунки и подробное описание шурфа, заложенно-го в центральном помещении с колодцем, по которым толщина зольного слоя определена 3–5 см. Этой информации нет ни в одной публикации ученого, и толщина золы в октагональном помещении, вопреки ее полевой документации, указана 6–8 см.

Суждение основоположника научного искусствознания и в том числе истории архитектуры Центральной Азии Г.А. Пугаченковой по этому поводу, как нам представляется, не могло не повлиять в целом на концепцию Е.И. Агеевой по изучению Баба-атинского памятника. Быть может, поэтому в публикациях относительно датировки она колеблется, изначально датировав комплекс саманидским временем, позже удревнив его, считая строительные горизонты разновременными и «настаивая» на функциональной характеристике здания как усадьбы.

Вместе с тем, высказанные замечания ничуть не умаляют заслуги исследователей Баба-атинского городища, исполнивших колоссальную работу в период становления археологической науки Казахстана. Дневники с подробным описанием раскопок Е.И. Агеевой, Г.И. Пацевича, рисунки артефактов городища, сделанные П.В. Агаповым на высоком профессиональном уровне, явились той базой, по которой нам представилась возможность по-новому взглянуть на памятник и построить свой архитектурно-археологический анализ.

⁶ Топоним Капчагай имеет широкое распространение на территории Центральной Азии в значении «скалистое ущелье, теснина в горах, каньон, проход в горах» и др. (Мурзаев, 1996, с. 110).

⁷ В публикациях Е.И. Агеевой отсутствует информация по элементам вооружения, однако они наличествуют в дневниках экспедиции и в последующих публикациях художника экспедиции П.В. Агапова (Агапов, Кадырбаев, 1979, с. 166).

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапов П., Карыбаев М. Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата: Жалын, 1979. 252 с.
2. Агеева Е.И. Дневник Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1959 года // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Оп. 2, д. 656. 1959.
3. Агеева Е.И. Из истории развития городской культуры Казахстана (По материалам раскопок на городище Баба-Ата) // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии. 1960. Вып. 2. С. 63–78.
4. Агеева Е.И. Цитадель // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Археологические исследования на северных склонах Каратау. Т. 14 / Отв. ред. Е.И. Агеева. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1962. С. 117–153.
5. Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР. Т. 1. Археология / Отв. ред. В.Ф. Шахматов. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1956. С. 33–60.
6. Аскарлов Ш.Д. Архитектура Тимуридов. Ташкент: San'at, 2009. 144 с.
7. Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII). Алма-Ата: Наука, 1986. 256 с.
8. Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Кн. I. Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы – раннем средневековье. Алматы: Хикари, 2012b. 390 с.
9. Байтанаев Б.А. Древности Бургулюка. Алматы, 2011. 200 с.
10. Байтанаев Б.А. Керамика Сайрама. Алматы, 2016. 316 с.
11. Байтанаев Б.А., Ергешбаев А.А., Шаяхметов А.Х. Сторожевые холмы в фортификации юга Казахстана // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 4. С. 21–29.
12. Байтанаев Б.А., Ергешбаев А.А., Шаяхметов А.Х. Хаммам из Ханкургана // Поволжская археология. 2023. № 2. С. 114–130.
13. Бартольд В.В. Очерки истории туркменского народа // Сочинения. Т. II, ч. 1. М.: Издательство восточной литературы, 1963. С. 547–627.
14. Брусенко Л.Г. Глазуванная керамика Чача IX–XII веков. Ташкент: Наука, 1986. 136 с.
15. Буряков Ю.Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса. Ташкент: Фан, 1975. 204 с.
16. Волин С. Сведения арабских, персидских и тюркских источников IX–XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // Труды Семиреченской археологической экспедиции. (1936–1938 гг.) Таласская долина / Материалы и исследования по археологии Казахской ССР. Т. I. / Под общ. ред. А.Н. Бернштама. Алма-Ата: АН КазССР, 1949. С. 174–197.
17. Воронина В.Л. Древняя строительная техника Средней Азии // Архитектурное наследство. Вып. 3 / ред. Б. Михайлов. М.: Стройиздат, 1953. С. 3–35.
18. Ганзакец Киракос. История Армении. Пер. с древнеармян., предисл. и коммен. Л.А. Ханларян. М.: Наука, 1976. 425 с.
19. Древний и средневековый город восточного Мавераннахра / Отв. ред. Ю.Ф. Буряков. Ташкент: Фан, 1990. 128 с.
20. Железняков Б.А. К вопросу о сакральных ориентировках архитектурных сооружений Средней Азии античности и раннего средневековья // История и археология Семиречья. Вып. 4 / Ред. Т.А. Егорова Алматы: Фонд «Родничок», 2011. С. 89–101.
21. Караев О.К. История государства Караханидов (X – начало XIII вв.). Дисс... докт. ист. наук. Фрунзе, 1983. 368 с.
22. Лунина С.Б. Города Южного Согда в VIII–XII вв. Ташкент: Фан, 1984. 127 с.
23. Мурзаев Э.М. Тюркские географические названия. М.: Восточная литература, 1996. 254 с.
24. Немцева Н.Б. Раскопки на территории мавзолея «Безымянный № 2» в комплексе Шахи-Зинда // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 7. Ташкент: Фан, 1966. С. 151–161.

25. От авторов // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР. Т. Археологические исследования на северных склонах Каратау / Отв. ред. Е.И. Агеева. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1962. С. 3–11.

26. *Пацевич Г.И.* Дневник Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 11, оп. 2, д. 266. 1953.

27. *Пацевич Г.И.* Дневник Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1954 года // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Оп. 2, д. 300. 1954.

28. *Ремпель Л.И.* Мои современники (20-е – 80-е годы). Ташкент: Изд-во литературы и искусства. 1992. 424 с.

29. *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз. Алма-Ата: Наука, 1972. 218 с.

30. *Терновая Г.А.* К вопросу о храмовой архитектуре и обрядовой практике жителей Южного Казахстана (храм VI–VIII вв. на цитадели городища Баба-Ата) // Известия НАН РК, АН РК. Серия общественных наук. 2007. № 1. С. 198–213.

31. *Хмельницкий С.Г.* Между арабами и тюрками. Раннеисламская архитектура Средней Азии. Берлин – Рига: Изд-во Continent, 1992. 340 с.

32. *Хмельницкий С.Г.* Между Кушанами и Арабами. Архитектура Средней Азии V–VIII вв. Берлин-Рига: GAMAJUN, 2000a. 291 с.

33. *Хмельницкий С.Г.* Пенджикентская лебедка // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 31 / Ред. Т.Ш. Ширинов. Самарканд: Институт археологии АН РУз. 2000б. С. 135–140.

34. *Ходжаев М.К.* К генезису мавзолея Саманидов // Архитектура и строительство Узбекистана. 1984. № 2. С. 6–8.

35. *Шарденова З.Ж.* Храм огня на цитадели Баба-Ата // Известия НАН РК, АН РК. Серия общественных наук. 1998. № 1. С. 67–72.

Информация об авторах:

Байтанаев Бауыржан Абишевич, доктор исторических наук, академик Национальной академии наук РК, главный научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Шымкент, Республика Казахстан); baitanaev@mail.ru

Байтанаев Елнар Бауыржанович, докторант Казахского национального университета им. Аль-Фараби (г. Алматы, Республика Казахстан); ebaitanaev@mail.ru

“TEMPLE” AT THE BABA-ATA FORTIFIED SETTLEMENT, A MONUMENT OF FALLACIES

В.А. Baitanayev, Е.В. Baitanayev

The article deals with the results of the archaeological works, conducted at the Baba-Ata fortified settlement in 1950s. During the study of the settlement citadel, three building horizons, connected by a well with a total length of 15 m, were identified. The lower horizon of the citadel with a central domed room, where there was a well with an underground passage, turned out to be unique in its own way. Having no similar analogues, the construction on the lower horizon gave rise to a lot of different interpretations among specialists, who considered this building as a homestead, castle, temple, sanctuary, khanqah, etc. The architectural archaeological analysis of the entire complex of sources (articles, excavation journals of expedition participants, drawings and photographs of objects under study, etc.), some of which have not been published anywhere, made it possible to give a completely different interpretation and dating of the site. The Baba-Ata fortified settlement is identified with the city of Baruket in Arabic sources, it was built by the Samanids at the beginning of the 10th century as a border point in the northeast of the empire against the Guzes. Initially, the lower horizon construction consisted of two floors. The lower – semibasement, which caused a lot of controversy, was a shelter with the possibility of evacuation through the underground passage during the hostilities and has no analogues, being a kind of only building in medieval architecture of Central Asia.

Keywords: archaeology, Baba-Ata, architecture, temple, sanctuary, underground passage, citadel, settlement, Samanids, Turks, Guzes.

The article was prepared as a part of BR20280993 project "Kazakhstan in ancient times and the Middle Ages: systematization and analysis of archaeological sources".

REFERENCES

1. Agapov, P., Kadyrbaev, M. 1979. *Sokrovishcha drevnego Kazakhstana (Treasures of ancient Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Zhalyn" Publ. (in Russian).
2. Ageeva, E. I. 1959. *Dnevnik Yuzhno-Kazakhstanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii 1959 goda (Field notebook of the South Kazakhstan archaeological expedition of 1959)*. Archive of the Institute of Archeology named after A.Kh. Margulan. Inv. 2, file. 656.
3. Ageeva, E. I. 1960. In *Izvestiya Akademii Nauk Kazakhskoi SSR. Seriya istorii, arkheologii i etnografii. (Bulletin of the Academy of Sciences of Kazakh SSR. History, Archaeology and Ethnography Series) 2*, 63–78 (in Russian).
4. Ageeva, E. I. 1962. In Ageeva, E. I. (ed.). *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR) 14*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ., 117–153 (in Russian).
5. Ageeva, E. I., Patsevich, G. I. 1956. In Shakhmatov, V. F. (ed.). *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR. Arkheologia (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Archaeology) 1*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the KazSSR Publ., 33-60 (in Russian).
6. Askarov, Sh. D. 2009. *Arhitektura Timuridov (The Timurid architecture)*. Tashkent: "San'at" Publ. (in Russian).
7. Baipakov, K. M. 1986. *Srednevekovaya gorodskaya kul'tura Yuzhnogo Kazakhstana i Semirech'ya (VI – nachalo XIII) (Medieval urban culture of South Kazakhstan and Semirechye (VI –beginning of XIII))*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
8. Baipakov, K. M. 2012. *Drevnyaya i srednevekovaya urbanizatsiya Kazakhstana (po materialam issledovaniy Yuzhno-Kazakhstanskoy kompleksnoy arkheologicheskoy ekspeditsii) (Ancient and medieval urbanization of Kazakhstan (based on research materials of the South Kazakhstan complex archaeological expedition). Kniga I. Urbanizatsiya Kazakhstana v epohu bronzy – rannem srednevekov'e. Book I. (Urbanization of Kazakhstan in the Bronze Age – Early Middle Ages)*. Almaty: "Khikari" Publ. (in Russian).
9. Baitanayev, B. A. 2011. *Drevnosti Burgulyuka (Antiquities of Burgulyuk)*. Almaty (in Russian).
10. Baitanayev, B. A. 2016. *Keramika Sairama (Pottery of Sairam)*. Almaty (in Russian).
11. Baitanayev, B. A., Ergeshbaev, A. A., Shayakhmetov, A. Kh. 2019. In *Vestnik Kalmytckogo universiteta (Bulletin of the Kalmyk University)*. (4), 21–29 (in Russian).
12. Baitanayev, B. A., Ergeshbaev, A. A., Shayakhmetov, A. Kh. 2023. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology) (2)*, 114–130 (in Russian).
13. Barthold, V. V. 1963. In *Sochineniya (Compositions)*. Vol. 2, part 1. Moscow: "Izdatel'stvo vostochnoy literatury" Publ., 547–627 (in Russian).
14. Brusenko, L. G. 1986. *Glazurovannaya keramika Chacha IX–XII vekov (Glazed Ceramics from Chach of the 9th –12th Centuries)*. Tashkent: "Nauka" Publ. (in Russian).
15. Buryakov, Yu. F. 1975. *Istoricheskaya topografiya Tashkentskogo oazisa. (Historical topography of the Tashkent oasis)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
16. Volin, S. 1949. In Bernshtam, A. N. (ed.). *Trudy Semirechenskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (1936–1938 gg.): Talasskaya dolina (Proceedings of the Semirechensk archaeological expedition. (1936–1938) Talas Valley)*. Series: Materials and Research on the Archaeology of the Kazakh Soviet Socialist Republic. Vol. 1. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh Soviet Socialist Republic, 174–197 (in Russian).
17. Voronina, V. L. 1953. In Mikhaylov, B. (ed.). *Arhitekturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)* 3. Moscow: "Stroyizdat" Publ., 3–35 (in Russian).
18. Kirakos of Gandzak. 1976. *Istoriia Armenii (History of Armenia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
19. In Buryakov, Yu. F (ed.). 1990. *Drevniy i srednevekovyy gorod vostochnogo Maverannakhra. (Ancient and Medieval City of Eastern Maverannahr)*. Tashkent: "Fan" (in Russian).
20. Zheleznyakov, B. A. 2011. In Egorova, T. A. (ed.). *Istoriya i arheologiya Semirech'ya (History and archaeology of Semirechye) 4*. Almaty: "Rodnichok" Publ., 89–101 (in Russian).
21. Karaev, O. K. 1983. *Istoriya gosudarstva Karahanidov (X – nachala XIII vv.) (History of the Karahanid state (X – early XIII centuries))*. PhD Diss. Frunze (in Russian).
22. Lunina, S. B. 1984. *Goroda Yuzhnogo Sogda v VIII–XII vv. (Southern Sogdia urban settlements in the 8th –12th centuries)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
23. Murzaev, E. M. 1996. *Tyurkskie geograficheskie nazvaniya (Turkic geographical names)*. M.: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).
24. Nemtseva, N. B. 1966. In *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana (History of material culture of Uzbekistan) 7*. Tashkent: "Fan" Publ., 151–161 (in Russian).
25. From authors. 1962. In Ageeva, E. I. (ed.). *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR) 14*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ., 3–11 (in Russian).

26. Patsevich, G. I. 1953. *Dnevnik Tsentral'no-Kazakhstanskoy Arkheologicheskoy ekspeditsii 1946 g. (Diary of the Central Kazakhstan Archaeological Expedition of 1946)*. Archive of the Institute of Archeology named after A.Kh. Margulan. Fund 11, Inv. 2, d. 266 (in Russian).

27. Patsevich, G. I. 1954. *Dnevnik Yuzhno-Kazakhstanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii 1954 goda (Diary of the South Kazakhstan archaeological expedition of 1954)*. Archive of the Institute of Archeology named after A. Kh. Margulan. Inv. 2, d. 300 (in Russian).

28. Rempel, L. I. 1992. *Moi sovremenniki (20-e – 80-e gody) (My contemporaries (20s – 80s))*. Tashkent: Literature and art Publ. (in Russian).

29. Senigova, T. N. 1972. *Srednevekovyy Taraz (Medieval Taraz)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).

30. Ternovaya, G. A. 2007. *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan. Seriya obshchestvennykh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series) 1*, 198–213 (in Russian).

31. Khmel'nitskii, S. G. 1992. *Mezhdu arabami i tyurkami. Ranneislamskaya arkhitektura Sredney Azii (Between Arabs and Turks. Early Islamic architecture of Central Asia)*. Berlin – Riga, “Continent” Publ. (in Russian).

32. Khmel'nitsky, S. G. 2000. *Mezhdru Kushanami i Arabami. Arhitektura Sredney Azii V–VIII vv. (Between the Kushans and the Arabs. Architecture of Central Asia of V–VIII centuries)*. Berlin-Riga: “GAMAJUN” Publ. (in Russian).

33. Khmel'nitsky, S. G. 2000. In Shirinov, T. Sh. (ed.). *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana (The History of material culture of Uzbekistan) 31*. Samarkand: Institute of Archeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan Publ., 135–140 (in Russian).

34. Khodzhaev, M. K. 1984. In *Arhitektura i stroitel'stvo Uzbekistana (Architecture and construction of Uzbekistan) 2*, 6–8 (in Russian).

35. Shardenova, Z. Zh. 1998. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan. Seriya obshchestvennykh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series) 1*, 67–72 (in Russian).

About the Authors:

Baitanayev Bauyrzhan A. Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Historical Sciences, General researcher of the Institute of Archeology named after A.Kh. Margulan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str. 28, 050010, Almaty, Republic of Kazakhstan; baitanaev@mail.ru

Baitanayev Elnar B. Al-Farabi Kazakh National University. Al-Farabi Avenue 71, 050040, Almaty, Republic of Kazakhstan; ebaitanaev@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2024 г.

THE MEDIEVAL DASHBULAG SETTLEMENT

© 2024 Sh.N. Najafov, M.M. Huseynov, B.M. Jalilov

The article deals with the archaeological excavation of the Dashbulag settlement located in Shamkir district in the west of Azerbaijan. The step-by-step progress of the archaeological excavations conducted in the medieval settlement of Dashbulag, the discovered production and farm buildings, household devices, numerous and diverse examples of material culture are described in detail in the article. Archaeological excavations in the village-type settlement with a planned structure were carried out in three stages in 2004, 2005 and 2014 years. Based on the observation of the sediment of the cultural layer during the archaeological excavations carried out at the settlement, which consists of one cultural layer (the thickness of the layer is 1-1.5m depending on the relief), and the analysis of the actual materials uncovered, it was established that a village-type settlement with a free-plan structure existed here in the Middle Ages. Life in the medieval village of Dashbulag, built in the 9th century, was intense until the beginning of the 13th century, gradually declined after the Mongol campaigns, and continued until the end of the 18th century with some intermittent breaks. Remains of civil and economic buildings, rich handicraft products discovered as a result of archaeological excavations in the medieval settlement of Dashbulag are evidence of the economic and farming life of the medieval inhabitants of the area, as well as pottery, metalworking, glassworking, bone-processing, etc. allows to follow the characteristics and development dynamics of art fields. The analysis of the artifacts gives reason to say that the art fields in the medieval village of Dashbulag did not lag behind, on the contrary, some regions went further than the village-type settlements.

Keywords: archaeology, Azerbaijan, Shamkir, Dashbulag, settlement, Middle Ages, tandoors (clay made oven), glazed ceramics

General description of the medieval Dashbulag settlement. The medieval Dashbulag settlement is located in western part of Azerbaijan Republic, between two villages in Shamkir district; 100-150m to the northeast is the village of Dashbulag and 200-250m south is the village of Dallar-Jayir (Fig. 1). The settlement is crossed by the road that branches off from the Baku-Gazakh highway and traverses Dashbulag village to the Shamkir hydroelectric power station. The excavations were carried out on both sides of the 13.5m wide road (Hüseynov, Nəcəfov, 2006, p. 368; Najafov et al., 2008; Hüseynov, Cəlilov, 2008, p. 226).

The location area of the site is slightly slanting flat ground. The area on the eastern side of the road is arable land extending for approximately 500m to the modern Muslim cemetery. Therefore, it was impossible to detect the eastern confines of the site. The area on the western side of the road is characterized by hilly terrain sloping down and up

for about 500-600m to the west until it reaches flat, irrigated arable land again. A river course draining toward the Kura River lies in this area. Based on the distribution of surface material it can be assumed that the total area of the site is about 2.5-3 hectares (Fig. 2). The site is located at approximately 220 m above sea level (Najafov et al., 2008, p. 6; Hüseynov, Cəlilov, 2008, p. 226; Najafov, 2018, p. 3-4).

Results of archaeological excavations. The excavation of the site was carried out in three stages. During the first stage (November-December, 2004), the excavation site was divided into a total of 4m by 4m along eight squares, four squares to the west of the main road and four east of the road (Fig. 2, 2) (Najafov et al., 2008, p. 3).

During the second stage (July, 2005) the site was divided into sixteen squares of the same size along – eight squares on the west and eight east side of the main road (Fig. 2, 2) (Najafov et al., 2008, p. 3-4). During the third stage – February-



Fig. 1. Location of the Dashbulaq settlement on the map of Azerbaijan.

Рис. 1. Месторасположение поселения Дашбулаг на карте Азербайджана.

March 2014 a total of 10 squares were designated on the right-hand side of the highway and 20 more excavated squares were outlined on the left-hand side (Fig. 2, 3) (Najafov, 2018, p. 3-4).

The squares excavated on the first stage were termed as Excavation Site I (ES-1), the squares excavated on the second stage were termed as Excavation Site II (ES-2) while those excavated on the third stage were designated as Excavation Site III (ES-3) (Fig. 3).

There is a plain area on the right, which is used by local residents for sowing crops. On the left, there are valleys and hills. Most likely, in the ancient times, a river branch crossed the area, which consists of many hollows. There many gravel deposits in the area brought by the river in the past. A human habitat probably existed there in the past and after some time it was relocated to a nearby area to protect the population from the danger of torrential flooding. Villagers currently refer to this valley as “qobu yeri” (gorge area) and dump domestic waste there. Prior to tackling the excavations this polluted area was completely cleaned up with the aid of machinery and labourers while

preserving the relief. The archaeological excavations were conducted in sequence based on the designated squares. First, the area located on the right-hand side of the highway was excavated, followed by excavations on the left-hand side.

A total area of 640sq/m of Dashbulag settlement was excavated. The settlement has a 1-1.5m thick (depending on the surface relief structure of the area) cultural layer, which includes the material culture of the medieval period.

Although the large-scale archaeological excavations were conducted in the mediaeval Dashbulag settlement with interruptions, this work allowed researchers to comprehensively study this rural residential area and clarify some unclear matters.

From the shape and style of the building remains, it appears that the residential houses in the Dashbulag area were built mainly in a rectangular plan. A limited number of walls and river stone foundations of the houses have survived. The walls above the foundation were built of baked bricks. Chaff mixed mud bricks were probably used as building material. The walls were built of two or three rows of stones and the space between was

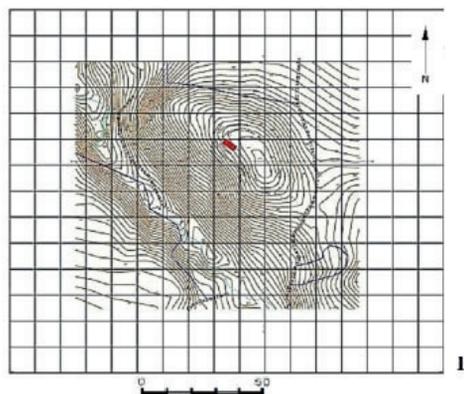
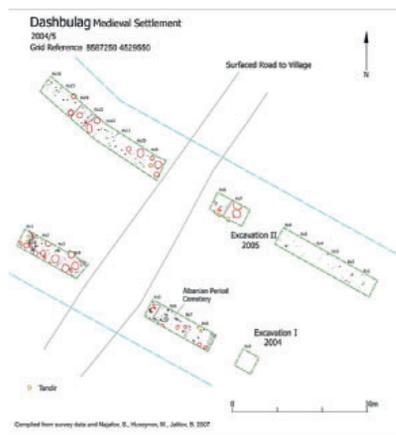


Fig. 2. 1 – topographical plan of the medieval Dashbulag settlement;
2 – location plan of ES-1 & ES-2;
3 – relief location plan of ES-3.

Рис. 2. 1 – топографический план средневекового городища Дашбулаг;
2 – план расположения ES-1 и ES-2;
3 – план расположения ES-3.



filled with pebbles. This technique was spread almost everywhere in Azerbaijan in the Middle Ages (Dostiyev, 2007, p. 155-160). The “fish scale” technique used in construction and masonry in this region particularly draws attention. This technique, which ensures the strength of the walls, has been used for a long time in the construction art of Azerbaijan and is still used by builders in the Ganja-Kazakh zone.

Some of the interesting examples of the civil architecture of the Dashbulag settlement were discovered during the archaeological excavations in the excavation site III (Fig. 3, 1). The floor and partial wall remains of the building found in squares 9, 10 and 11 are the only remains of a building made of baked bricks in the medieval village of Dashbulag that has preserved its shape (Najafov, 2018, p. 6). In other squares

(squares 12, 13, 14, 18 and 20), stone arrangements reflecting the remains of foundations and walls of residential houses or other purpose-built buildings were revealed. The height of the remains of the residential house found in squares 9, 10 and 11 is 0.2-0.5m. For the foundation of the building, a small trench with a depth of about 30-50cm was dug and filled with unhewn river stones, and lime mortar was poured between the stones.

Total of nineteen tandoors were studied at the Dashbulag medieval settlement. The majority of these tandoors have survived intact to date. Fourteen were discovered in 2004, four tandoors were found in 2005 and one tandoor was found in 2014.

Despite differences in size and shape all the excavated tandoors have common and similar features. Almost all of them

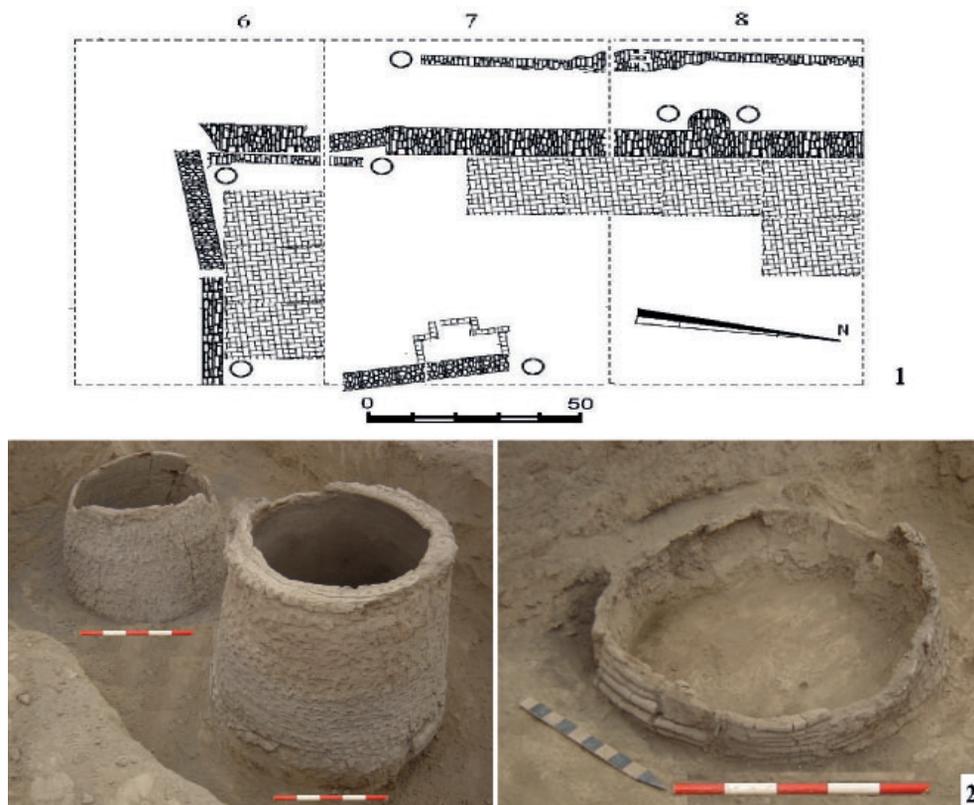


Fig. 3. 1 – remains of the building and stone floor in quadrats 9, 10 & 11 (ES-3);
2 – tandoors (clay made oven).

Рис. 3. 1 – остатки здания и каменный пол в квадратах 9, 10 и 11 (ES-3);
2 – тендиры (глиняная печь).

were built of medium thickness semi-circular clay strips laid on one another (Hüseynov, Nəcəfov, 2006, p. 370). In some instances, the clay was tempered with sand which was evidenced by small holes formed on these clay strips. It is evident that after being exposed to high temperature single grains of sand came off and the surface of the tandoor acquired uneven structure. The clay used for making tandoors also contained straw and goat wool (Najafov et al., 2008, p. 11-12). On the whole, the tandoors at the Dashbulag settlement were all clay made and well fired. Besides, some of the tandoors had ash holes to control temperature regime.

Fragments of tandoor and whole lids and also a few intact lids were

found in the course of excavations at the Dashbulag settlement. These were commonly flat and discoid. The large ones are considered to have been used as tandoor covers, whilst the smaller ones were used to block ash holes (Novruzlu, Nuriyev, 2002, p. 22-23). For example, a ceramic lid was found close to tandoor 11, at a depth of 175cm in square 3 of ES-1. The cover measuring 28cm in diameter and 4.5cm in thickness has a handle in the middle which is 4.5cm high and has a diameter of 4cm. On all four sides the handle is symmetrically decorated. The edge of the lid is relatively thick and decorated with slanting lines applied by rubbing. These attributes and deep traces of soot and fire on the inner surface of the lid

indicate that it was a tandoor lid. Similar lids were found in Baku, Beylagan, Nakhchivan and Kerpilitepe medieval settlement (Ismizadeh, Ibrahimov, 1974; Əhmədov, 1979; Novruzlu, 1993, p. 68-48; Əhmədova, 2000, p. 59-62; Najafov, 2020, fig. 607, fig. 741, fig. 1579, fig. 2958, fig. 2977, fig. 3015, fig. 3074).

As is obvious, both large and small tandoors could be found at the medieval Dashbulag settlement. Similar tandoors were also discovered at Baku, Kharaba Shahar site in Nakhchivan, Shamkir city, Girkhchirag, Fakhrali, Kurgiragi, Salmanbulagi, III Hajialili and Kerpilitepe settlements (Ismizadeh, Ibrahimov, 1974; Dostiyev, 2000, p. 40-44; Əhmədova, 2000; Novruzlu, Nuriyev, 2002; Müseyibli, 2002, p. 47; Dostiyev, Mammadov, 2008, p. 5-6, photo 4-7; Jalilov, Kvachidze, 2008, p. 8-10, photo 1-6; Bayramov, 2014, p. 77; Najafov, 2018; Najafov, 2018a; Najafov, 2020, photo 66-U1a, 78, 95). It should be noted that tandoors typical of the Dashbulag area are also traditional for the Ganja-Gazakh region as a whole (Dostiyev, Mammadov, 2008, p. 6-8; Nəcəfov, 2018; Nəcəfov, Hacıyeva, 2018, p. 92-97). Tandoors rank first as indicators of high development of breadmaking in the domestic and economic life of the medieval inhabitants of the Dashbulag village.

A total of thirty-one pits most of which were intended for storing food products were revealed and investigated at the Dashbulag settlement: thirteen pits at ES-1, ten pits at ES-2 and eight pits at ES-3.

Some of the pits were poorly preserved. But in the majority of cases these pits were intact and kept their original form.

The storage pits discovered at both excavation sites of the Dashbulag settlement are different in terms of their shape and dimensions (Hüseynov, Nəcəfov, 2006, p. 369; Hüseynov, Cəlilov, 2008, p. 228). These pits were

dug in the natural layer approximately at a depth of 70-90 cm from the ground level. The pits were commonly widening towards their bases. Some of the pits were very large with the mouth diameters or the depths reaching 2 m. The floors of many pits were smoothly daubed (Hüseynov, Nəcəfov, 2006, p. 369).

Storage pits similar to those revealed at the Dashbulag settlement had been found in almost all of the other medieval settlement sites of Azerbaijan, for example at old Shamkir city, Orangala medieval settlement. During Mingechevir excavations, the idea was put forward that the pits were used for storage (Vahidov, 1961, p. 26-28; Əhmədov, 1962, p. 36-38; Bünyadova, 2007; Dostiyev, 2008, p. 33-34; Hüseynov, Cəlilov, 2008, p. 228). Several of the pits discovered at Mingechevir contained food residue (Novruzlu, 1993, p. 9-10). Such storage pits were also found during the excavations in the summer of 2004 which were conducted with participation of the authors of Girag Kasaman medieval rural settlement site in Agstafa region, Fakhrali (Goranboy region) and Hajialili III (Samukh region) (Dostiyev et al., 2007; Jalilov, Kvachidze, 2008, p. 9-10; Dostiyev, Mammadov, 2008, p. 7-8; Nəcəfov, 2018, p. 23-25).

Cultural materials revealed from the pits are largely pottery fragments, remnants of bracelets and oil-lamps and bone artefacts with pottery ware prevailing (Hüseynov, Nəcəfov, 2006, p. 369).

Later reuse of the Dashbulag pits for dumping rubbish or waste product should not be excluded either. Despite their large dimensions, some of the pits were fully filled with pottery waster, bones and river-washed stones.

Artefacts: collection and analysis.

Considerable quantities of artefacts of domestic function were revealed in the course of excavations at the medieval Dashbulag settlement site. These include pottery ware, metal objects, stone tools

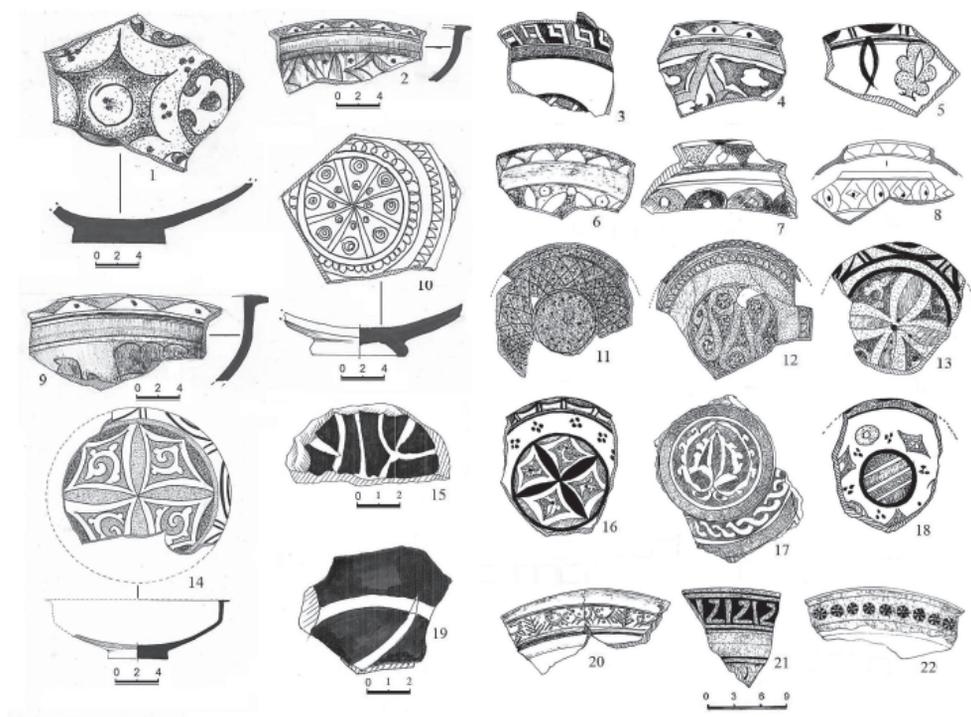


Fig. 4. Glazed vessel fragments (11th – early 13th centuries).

Рис. 4. Фрагменты глазурованных сосудов (XI – начало XIII вв.)

and glass materials. The pottery ware that prevails among the finds is represented by jars, milk pails, jugs, earthenware pots, dopus, bardags, lids, piyalas, bowls, dishes and salt-cellars (Najafov et al., 2008, p. 16; Najafov, 2018, p. 11).

The storage jars have narrowed and flat bases, pear-shaped bodies, narrow and cylindrical necks and everted rims. As a rule, their bodies are girded with ornamental belts. The jars for the most part were well fired at an average temperature, the structure is dense, and the colour is dark brown, pink or brick red. The belts engirding the bodies of the jars have incised or thumbbed wavy decorations. The rims of the jars have relief decorations made up of thumbbed depressions (Najafov et al., 2008, p. 17).

Small and medium-sized jugs prevail. The mouth of a medium-sized jugs curves out in a semi-circular way; the neck widens downward and passes into the

shoulder. The pot the lower half of which did not survive has a pear-shaped body. The upper ends of ribbon-shaped handles are attached to the rim. The shoulder bears a pattern made up of a series of incised lines. Another medium-sized jug is distinguished for the shape of its rim. At the point where the handles are fixed the rim of the mouth already curved out in a semi-circular way extends outwards even grater (Fig. 4-6). A depression was thumbbed at the level where the handle is attached to the shoulder (Najafov et al., 2008, p. 18-19).

In general, several pottery samples were revealed from the excavation site that bear zoomorphic images. These pottery samples are represented by jugs and cooking-pots. The zoomorphic images were applied by thumbing (stamping) and largely cover the area between the shoulders and bodies of pots. The zoomorphic images depict

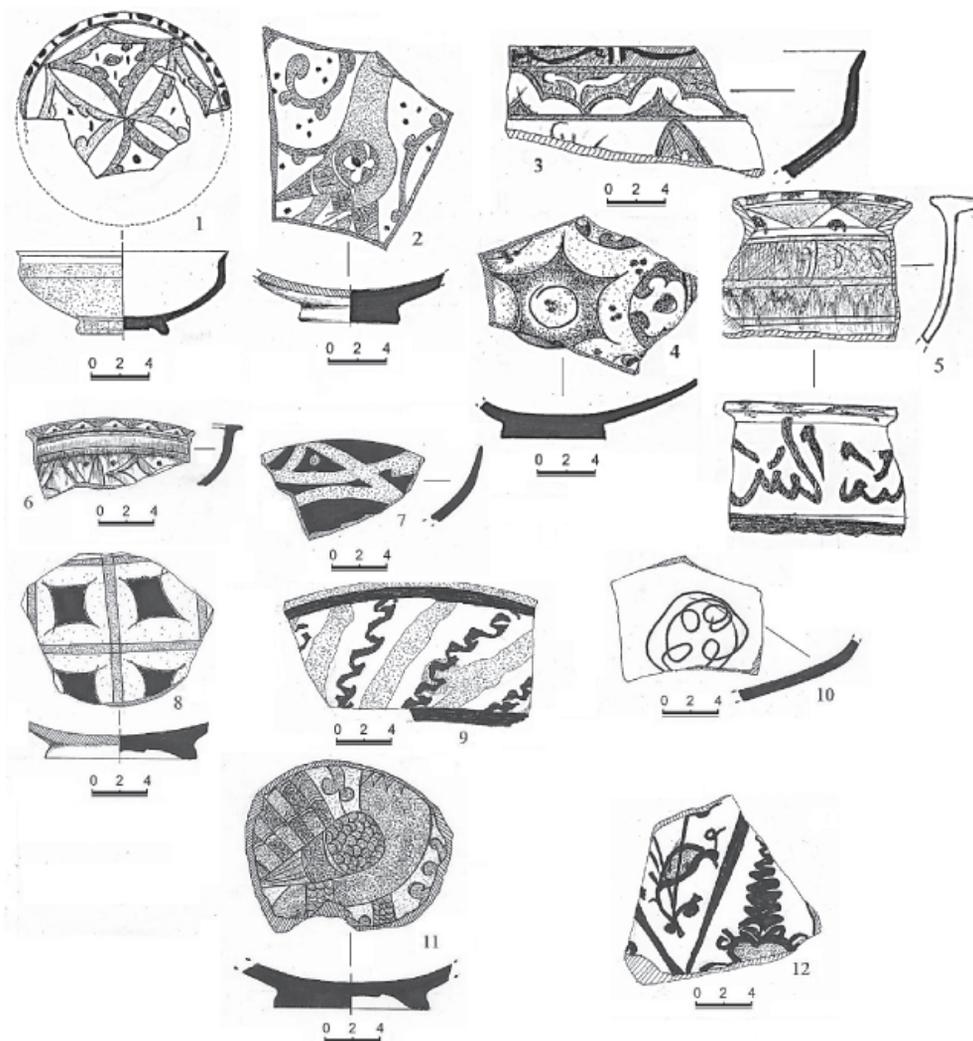


Fig. 5. Glazed vessel fragments (11th – early 13th centuries).

Рис. 5. Фрагменты глазурованных сосудов (XI – начало XIII вв.).

birds, goats, dogs and wild predators (Fig. 7). The animal images come in a series engirding the pots. Zoomorphic images on pots may reflect natural animal behaviours to survive. Engravings of both wild animals and birds and other animals on some of pottery fragments may readily be perceived as depicting hunting scenes (Najafov et al., 2008, p. 23; Najafov 2018).

The lids were used to cover jugs and cooking-pots. The majority of them are large (Fig. 8, 7-8).

A significant number of clay (oil) lamps were obtained during the excavations (Fig. 8, 5-6). Such vessels were sometimes fragmented, but usually found in their entirety (although their spouts and some handles were broken). The Dashbulag lamps were rather small and made delicately. Their orifice elements are round. The cylindrical necks cross over into the flattened bodies. The bases are also flat. The vessels have slightly vertical pipe-shaped spouts in front. The spout edges were flattened and

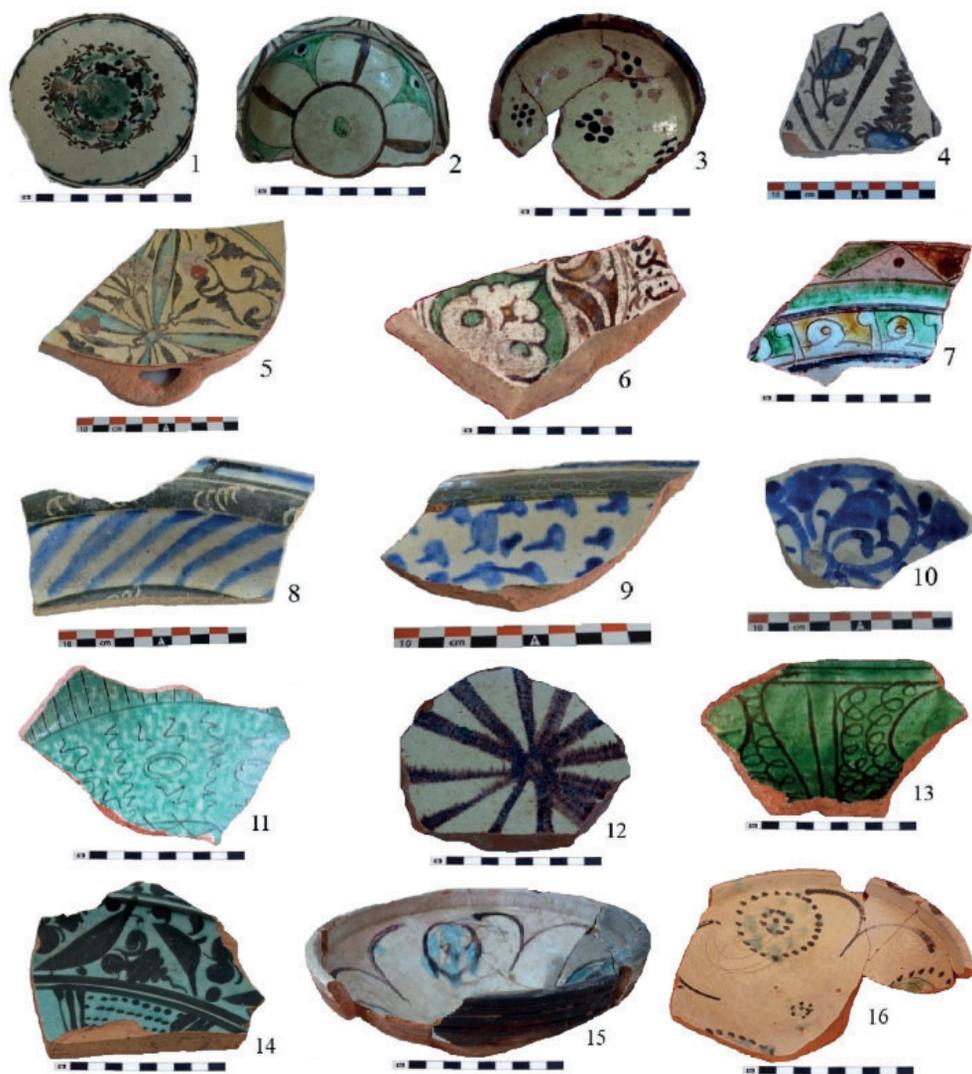


Fig. 6. Glazed vessel fragments: 1, 8–10 – faenza ceramics (14th–16th centuries); 2–3, 7, 11–13, 15–16 – 11th–12th centuries; 4–5, 14 – 14th–15th centuries; 6 – 13th centurie.

Рис. 6. Фрагменты глазурованных сосудов: 1, 8–10 – фаянсовая керамика (XIV–XVI вв.); 2–3, 7, 11–13, 15–16 – XI–XII вв.; 4–5, 14 – XIV–XV вв.; 6 – XIII в.

an oval crack was made in their upper part for lighting a fuse at the tip. There are semi-circular handles with tape-shaped cross sections in the back of the lamps. The handles are usually divided vertically into two parts in the middle by a thin groove. Most of the lamps were painted green on the inside and outside and enamelled. Such samples were found during the excavations in urban areas of Shamkir (Dostiyev et al., 2013,

p. 321–322, 349–350, inv. 708, 81, 530, 520, 596, 513, 31, 418, 45, 434, 488) and Beylagan (Akhmedov, 1959, p. 220–221, table XIII, 1–7).

Small vessels called “ink-pots” in scientific literature also emerged during the excavations carried out in Dashbulag area. The cylindrical bodies of the ink-pots, which have wide mouth, slightly narrowing downward (Fig. 8, 3–4). Their mouth area is protuberant in the disc-

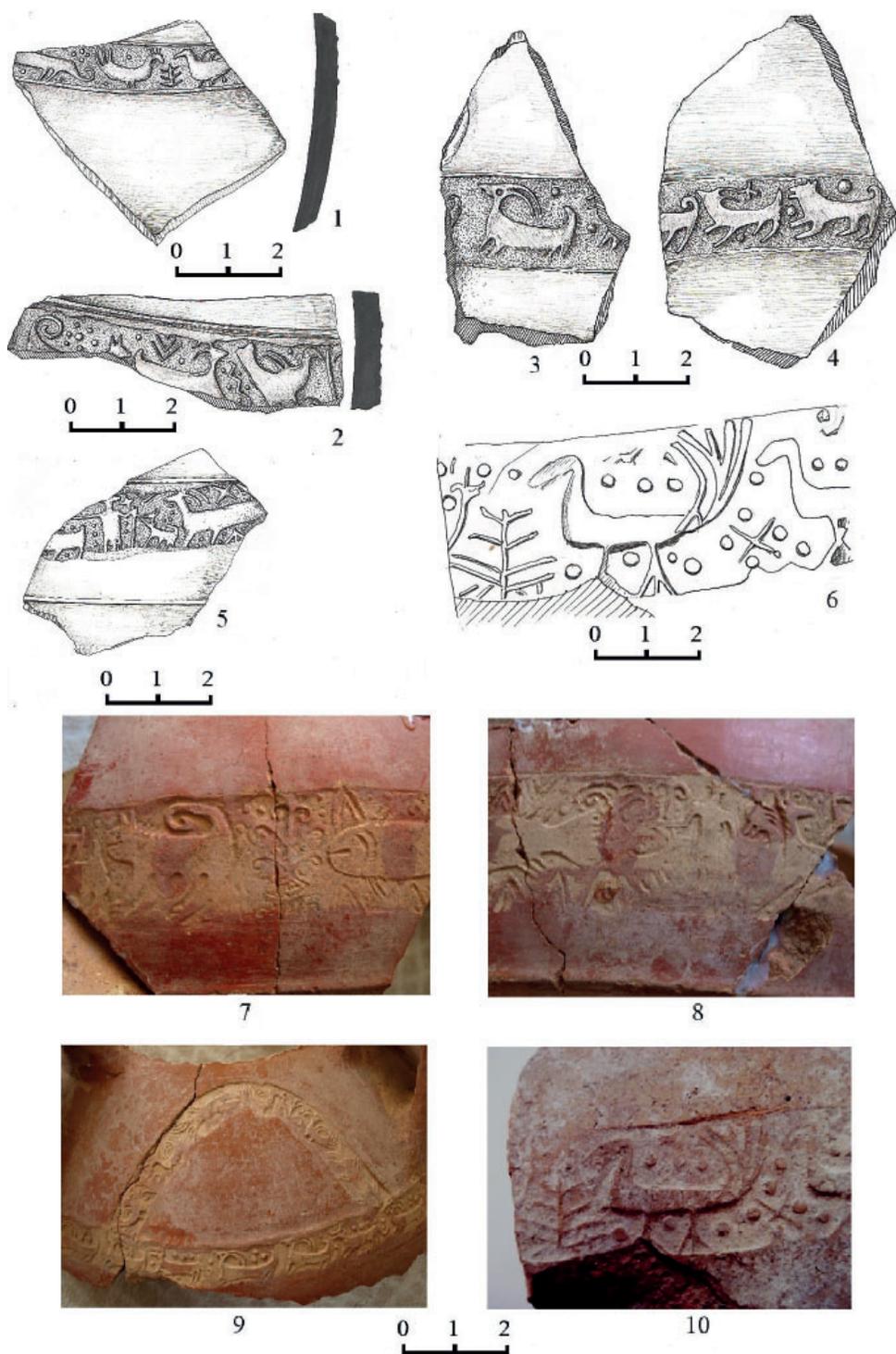


Fig. 7. Zoomorphic pots fragments.
Рис. 7. Фрагменты зооморфной керамики.

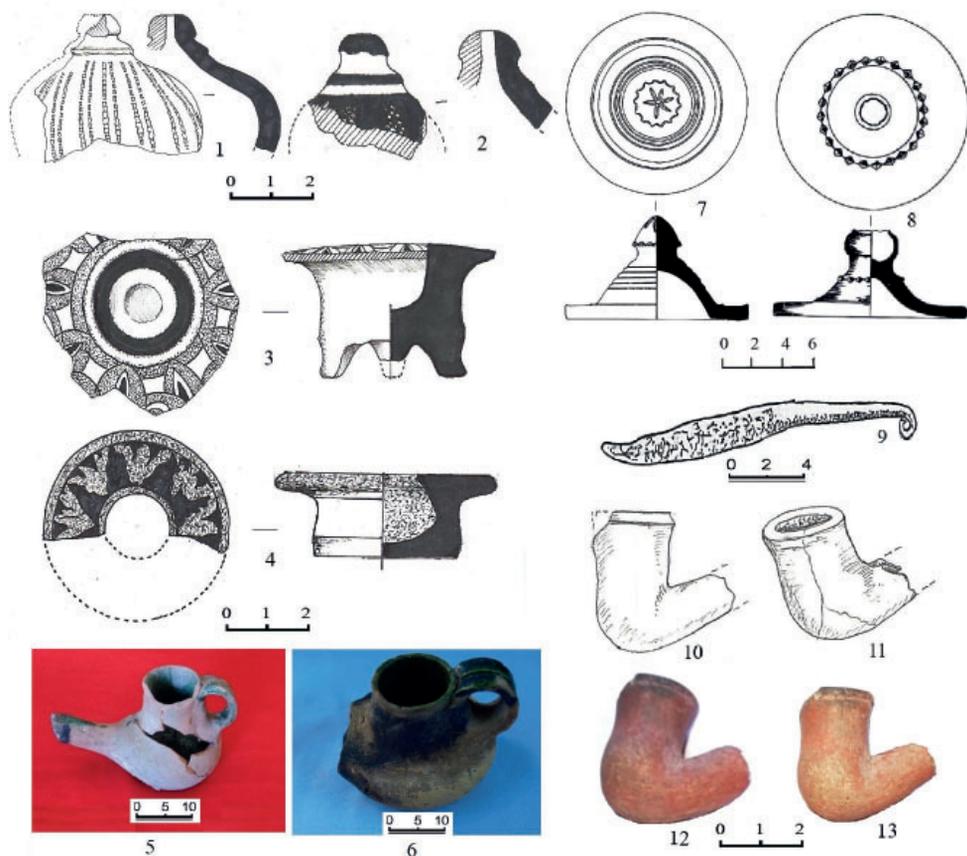


Fig. 8. 1-2 – spherocones; 3-4 – ink-pots; 5-6 – clay (oil) lamps; 7-8 – lids;
9 – metal tool; 10-13 – tobacco pipes.

Рис. 8. 1-2 – сфероконысы; 3-4 – чернильницы; 5-6 – глиняные (масляные) светильники;
7-8 – крышки; 9 – металлический инструмент; 10-13 – курительные трубки.

like shape. The edges of the protrusion are sometimes barbed or shaped as a star. Presumably, such a structure of the ink-pots was slated for placing them in special hollows. However, three-legged ink-pots were also discovered. The bases are wide and flat. Their surface was painted in a single colour on the inside and outside (mainly green or blue) and enamelled. Vegetational or geometrical patterns were applied upon some of the vessels.

Glazed pottery sherds form part of a bowl or dish that had geometric patterns applied in white angobe and then overcoated with green glaze (Fig. 6). There are dribbles of angobe and glaze

in the decorated part of the pot (Najafov et al., 2008, p. 23-24).

The salt-cellar glazed with manganese had a low, disk-shaped base and flaring walls. The rim was curved out and gradually rounded (Najafov et al., 2008, p. 25).

The majority of salt-cellars and piyalas are monochromatic with green glaze most widely used. This fact is evidenced by the finds revealed during 2004 as well as 2005 excavations. Sometimes poor glazing caused spots in the glazed layer. In several cases failure to strictly comply with glazing technique caused dribbling of glaze in the process of firing resulting in the appearance of



Fig. 9. Glass bracelets and domestic pottery.

Рис. 9. Стекланные браслеты и fragments glazed pottery.

dark spots on the pot surface (Najafov et al., 2008, p. 25).

So, the analysis of the glazed pottery ware provides evidence that their form, decoration and glazing technique are typical of early glazed pottery dating back to the 9th-10th centuries.

Glazed ware similar to that from the site was excavated in large quantities at Beylagan. In addition to classifying the Beylagan pots, A.L Yacobson substantiated that this type of glazed pottery was dated to the 9th-11th centuries (Yacobson, 1959, p. 224-226). Other analogues of this pottery type were discovered in the excavations by V.N. Leviatov in Baku. These pots were dated to the 9th-10th centuries (Leviatov, 1946, p. 37-39).

The pottery ware from the Dashbulag settlement includes also tobacco pipes (Fig. 8, 10-13).

The stone artefacts discovered in the course of excavations consist of quern stones and grindstones. The grindstones are all elongated with their grinding surfaces concave from use. A fragment of a grindstone made of a thin river stone was found. It has a hole at its upper end for attachment to the belt (Najafov et al., 2008, p. 15).

Several iron and copper objects were found during the archaeological

excavations (Fig. 8, 9). The majority of them were represented by individual fragments.

It is noteworthy that copper coins were found in groups during the archaeological research conducted in Shamkir urban area (Dostiyev et al., 2013, p. 468, inv. 936). Such coins were synchronous with the Dashbulag coins and minted on behalf of the Atabeys (Ildegez) state leaders.

The glassware largely represented by bracelets is particularly worthy of attention for its high quality (Fig. 9, 1-8). Glass vessels are few (Fig. 9, 9-10). One of the fragments comes from a small, thin-walled vessel which was made of clear, colourless glass. The other fragment appeared to represent part of an everted and rounded rim of a thin-walled piyalatype vessel made of pure, greenish glass. The revealed vial was also made of pure glass; however, because of long staying in the ground it had become somewhat darker (Najafov et al., 2008, p. 25-26).

Glass bracelets which were widely used as items of decoration were among the finds frequently encountered in the cultural layer. These are divided into different groups and types depending on the form of their cross sections. Bracelets of round cross section with spirally glass threads were also widespread. For the

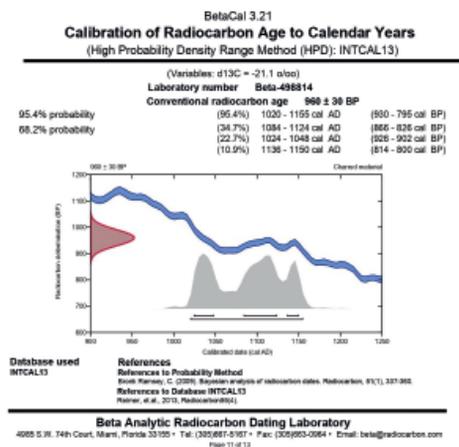


Fig. 10. Radiocarbon date.

Рис. 10. Результаты радиоуглеродного датирования.

most part they were made of black or blue glass (Najafov et al., 2008, p. 26).

Of particular interest here is the purity of composition and quality of glass items. Another interesting aspect worthy of special consideration is the prevalence of glass bracelets among the glassware found at the Dashbulag settlement.

Dating and chronology of medieval Dashbulag settlement. The medieval Dashbulag settlement was a rural type settlement that provided material manifesting high degree of cultural and economical development. In spite of being one-layer settlement site, the facts prove that life here continued for several centuries (Hüseynov, Cəlilov, 2008, p. 233).

Therefore, in order to establish the chronology of the monument more exactly there is a need for larger-scale investigations. Nevertheless, based on a number of comparative analyses it is possible to deduce that life in the medieval Dashbulag village began in the 9th century and continued with intervals up to the 18th century (Fig. 10).

The artefacts revealed from the site manifest signs of the highly developed crafts typified by those found at Ganja and Shamkir. No doubt, some of the

artefacts found are very delicately made and appear to have been imported by way of exchange from Ganja and Shamkir or some other developed city located nearby (Nəcəfov, Hacıli, 2005, p. 538).

It is most probable that the medieval Dashbulag settlement highly developed intensively economically and culturally and also in terms of trade declined in the 13th century.

There is no doubt that the settlement was used continuously over several generations. Pottery forms discovered at the site shows a period of use between the 9th and 13th centuries. For example, coarsely made jugs, jars and platters dated to the 9th century are superseded by more delicate pots having thumbled decoration. Later in the 13th-15th centuries skilfully made more refined glass bracelets and domestic pottery become widespread. Red painted pots decorated with ornamental thumbled belts from the Dashbulag site has very close affinities with the 9th-13th century assemblage of pottery from excavations of medieval Ganja, Shamkir also Beylagan and Dabil cities (Əhmədov, 1979, p. 32; Dostiyev, 2001, p. 25-26; Dostiyev, 2008, p. 41). Identity of both the decorating techniques and decorative motives shows that this type of pottery is characteristic of the Arran school. No doubt, the Shamkir region was one of the major pottery centres during the period under discussion.

Analytical results & conclusion.

The excavations suggest that Dashbulag was a one-layer site developed in the 9th-18th centuries as a rural type settlement. The differences in the intensity of the cultural horizon of the settlement site, the interleaving of rich and poor cultural layers imply that this settlement site had rather a loose layout.

The artefacts provide evidence that the people living here were mainly engaged in farming and cattle-breeding. Along with these, they were engaged in crafts which suggest they led a settled

life. The cattle-breeding occupied a major place. The crafts were plain and of local importance intended to meet the needs of villagers in pottery and metalware. Wheel-thrown unglazed pots of different functions were widely used in everyday life. At the same time glazed tableware was also produced and used.

The decorations of local people mainly consisted of glass and metal bracelets and beads.

The excavated area of the more extended Dashbulag settlement could as well be a possible activity area of craftsmen and bakers which once more implies that this site was a rural agrarian settlement.

The significant number of storage pits and tandoors can provide additional information about the population of the village.

By its nature the Dashbulag settlement is similar to Amirarkh, Garkhun, Kerpijli tepe, Fakhrali, Hajialili III, Saritepe, Poylu III and Girag Kesemen I settlements (Dostiyev et al., 2007; Najafov et al., 2008, p. 34-74; Jalilov, Kvachidze, 2008; Bayramov, 2014; Najafov, 2020; Najafov, 2018a). The excavation of these sites provided the opportunity to trace back the characteristic features of the 9th-18th century rural type settlement sites of the area. Taking into consideration that

medieval rural settlements of Azerbaijan have not been sufficiently studied, then the excavations carried out at Dashbulag acquire not only local but also all-Azerbaijani importance.

It should be noted that prior to excavations at Dashbulag settlement, large-scale excavations had been conducted at numerous early medieval Azerbaijani sites dating to the 9th-18th centuries. Dozens of monuments of this date were studied by long-term excavations in Gazakh, Agstafa, Fuzuli, Jalilabad, Ganja, Baku, Shamakhy, Beylagan, Guba, Gusar, Shabran, Gabala and elsewhere. The results of this work were reflected in scientific and popular-scientific literature (Yakobson, 1959; Jiddy, 1981; Goyushov, 1985; Nuriyev, 1986; Məmmədov, 1993; Dostiyev, 2001). All these were large medieval settlement sites. However, as stated above, rural type sites like Dashbulag have been studied to a less degree in Azerbaijan. From this viewpoint, the excavations carried out at the medieval Dashbulag settlement assumes certain importance. It was these excavations that provided the opportunity to learn more about some aspects of the material culture of the western region of Azerbaijan in the 9th-18th centuries.

REFERENCES

1. Akhmedov, G. M. 1959. Unglazed ceramics of Oren-kala 9th-13th centuries. Proceedings of the Azerbaijan (Orenkala) expedition. In *MIA USSR*. № 67, 186-227 (in Russian).
2. Bayramov, M. C. 2014. Kürqırağı orta əsr kənd tipli yaşayış yeri. In *Azerbaijan archaeology*, Vol. 23. № 1, 77-84 (in Azerbaijanian).
3. Bünyadova, Ş. T. 2007. *Azərbaycanın təsərrüfatı və maddi mədəniyyəti (XII-XVI əsrlər)*. Bakı: Elm Publ. 360 p. (in Azerbaijanian).
4. Dostiyev, T. M. 2000. Salmanbulağı yaşayış yerinin arxeoloji tədqiqinin nəticələri. In *Azerbaijan archaeology*, Vol. 3. № 3-4, 37-44 (in Azerbaijanian).
5. Dostiyev, T. M. 2001. *Şimal-şərqi Azərbaycan IX-XV əsrlərdə*. Bakı: Bakı Universiteti Press. 396 p. (in Azerbaijanian).
6. Dostiyev, T. M. 2007. Orta əsr yaşayış evləri. In *Azerbaijan archaeology & ethnography*, № 2, 155-160 (in Azerbaijanian).
7. Dostiyev, T. M. 2008. 2006-2007-ci illərdə Şəmkir şəhər yerində aparılmış arxeoloji tədqiqatlar. In *Şəmkir: arxeoloji irsi, tarixi və memarlığı*. I respublika elmi-praktik konfransın materialları (28-29 noyabr 2007-ci il, Şəmkir). Bakı: Çayıoğlu Publ. 31-60 (in Azerbaijanian).

8. Dostiyev, T. M., Bəşirov, R. Y., Mirzəyev, R. H., Hüseynli, N. N. 2013. *Orta əsr Şəmkir şəhəri: arxeoloji qazıntılar və artefaktlar*. Bakı: Çarşıoğlu Publ. 513 p. (in Azerbaijanian).
9. Dostiyev, T. M., Kvachidze, V. A., Huseynov M. M. 2007. *Long report excavations of Girag Kasaman settlement kp 405-BTC Row*. AAI, H-BTC. Bakı. 127 p.
10. Dostiyev, T. M., Mammadov A. M. 2008. *Report excavations of Hajialili III settlement kp 302-BTC Row*. AAI, H-BTC. Bakı. 45 p.
11. Əhmədov, Q. M. 1962. *Örənqala (qısa tarixi-arxeoloji öçerk)*. Bakı: Elm Publ. 109 p.
12. Əhmədov, Q. M. 1979. *Orta əsr Beyləqan şəhəri*. Bakı: Elm Publ. 198 p.
13. Əhmədova, V. A. 2000. Azərbaycan təndirləri. In *Azerbaijan archaeology*, Vol. 3. № 1-2, 56-62 (in Azerbaijanian).
14. Goyushov, R. B. 1985. Medieval city of Shabran. From the series "Monuments of the material culture of Azerbaijan." Bakı: Elm Publ. 17 p. (in Russian).
15. Hüseynov, M. M., Cəlilov, B. M. 2008. Orta əsr Daşbulaq yaşayış yeri. In *Şəmkir: arxeoloji irsi, tarixi və memarlığı*. I respublika elmi-praktik konfransın materialları (28-29 noyabr 2007-ci il, Şəmkir). Bakı: Çarşıoğlu Publ. 226-238 (in Azerbaijanian).
16. Hüseynov, M. M., Nəcəfov, Ş. N. 2006. Daşbulaq orta əsr yaşayış yerindən aşkar edilmiş təsərrüfat quyuları və təndirlər haqqında. In *ADPU-nun Xəbərləri (Humanitar elmlər seriyası)*. № 4, 368-373 (in Azerbaijanian).
17. İsmizadə, O. Sh., İbrahimov, F. A. 1974. About medieval tandoors from excavations in the Baku city. In *News of the Academy of Sciences of Azerbaijan SSR (series: history, philosophy and law)*. № 2, 41-77 (in Russian).
18. Jalilov, B. M., Kvachidze V. A. 2008. *Long report excavations of Fakhrali settlement kp 289-BTC Row*. AAI, H-BTC. Bakı. 51 p.
19. Jiddy, G. A. 1981. *The medieval city of Shamakhy of the 9th-17th centuries*. Bakı: Elm Publ. 175 p. (in Russian).
20. Leviatov, V. N. 1946. On the types of glazed ceramics of Azerbaijan in the 7th-15th centuries. In *News of the Azerbaijan Academy of Sciences. SSR (series: history, philosophy and law)*. № 7, 37-39 (in Russian).
21. Məmmədov, A. M. 1993. *Gəncəbasar IV-XIII əsrlərdə*. Bakı: Elm Publ. 206 p.
22. Müseyibli, N. Ə. 2002. Qırçıraqda arxeoloji tədqiqatlar. In *2001-2002-ci illərdə aparılmış arxeoloji və etnoqrafik tədqiqatların yekunlarına həsr olunmuş elmi sessiya*. Tezislər. Bakı: Elm Publ. 46-48 (in Azerbaijanian).
23. Najafov, Sh. N. 2018. *Excavations at Dashbulaq settlement at kp 322 SCPX pipeline*. ANAS. AAI. Bakı-Azerbaijan. 39 p.
24. Najafov, Sh. N. 2018a. *Extended scientific report on Hajialili III settlement excavations at kp 280.3 SCPX pipeline*. ANAS. AAI. Bakı-Azerbaijan. 37 p.
25. Najafov, Sh. N. 2020. *Detailed scientific report excavations on Kerpilitepe settlement at kp 247.2 SCPX pipeline*. ANAS. AAI. Bakı-Azerbaijan. 205 p.
26. Najafov, Sh. N., Huseynov, M. M., Jalilov B. M. 2008. *Report excavations of Dashbulaq settlement kp 342 - BTC Row*. AAI, H-BTC. Bakı. 77 p.
27. Nəcəfov, Ş. N. 2018. *CQBKG boru marşrutununun 267.450-ci km-də yerləşən Faxralı yaşayış yerinin qazıntısı haqqında geniş elmi hesabat*. Bakı-Azərbaycan, AMEA AAI. 144 p.
28. Nəcəfov, Ş. N., Hacılı, Z. C. 2005. Daşbulaq orta əsr yaşayış yerinin şirsiz saxsı məmulatı haqqında. In *Elmi axtarışlar*. Vol. XV, 538-543 (in Azerbaijanian).
29. Nəcəfov, Ş. N., Hacıyeva, G. N. 2018. III Hacılılı orta əsr yaşayış yerindən aşkarlanmış təndirlər. In *Dövlət və Din*. № 01 (54), 91-100 (in Azerbaijanian).
30. Novruzlu, A. I. 1993. *Medieval ceramics of Azerbaijan (9th-17th centuries)*. Bakı: Elm Publ. 200 p. (in Russian).
31. Novruzlu, Ə. İ., Nuriyev, A. B. 2002. *Azərbaycanın yeni tikinti sahələrində arxeoloji tədqiqatlar*. I cild. Xaraba şəhər. Bakı: Elm Publ. 72 p. (in Azerbaijanian).
32. Nuriyev, A. B. 1986. The medieval city of Barda. From the series "Monuments of the material culture of Azerbaijan". Bakı: Elm Publ. 25 p. (in Russian).
33. Vahidov, R. M. 1961. *Mingəçevir III-VII əsrlərdə*. Bakı: Elm Publ. 160 p. (in Azerbaijanian).
34. Yakobson, A. L. 1959. Artistic ceramics of Beylagan (Oren-qala): based on materials from excavations of 1953-1955. In *MIA USSR*, № 67, 228-302 (in Russian).

About the Authors:

Najafov Shamil N. PhD of History. Associate Professor. Institute of Archaeology & Anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS). H. Cavid pr. 115, Baku, AZ1143, Azerbaijan Republic; shamil_necsefov@mail.ru

Huseynov Muzaffar M. PhD of History. Associate Professor. Institute of Archaeology & Anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS). H. Cavid pr. 115, Baku, AZ1143, Azerbaijan Republic; muzaffarhuseynov@yahoo.com

Jalilov Bakhtiyar M. PhD of History. Associate Professor. Institute of Archaeology & Anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS). H. Cavid pr. 115, Baku, AZ1143, Azerbaijan Republic; bcelilov@mail.ru

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ДАШБУЛАГ

Ш.Н. Наджафов, М.М. Гусейнов, Б.М. Джалилов

В статье рассказывается об археологических раскопках городища Дашбулаг, расположенного в Шамкирском районе на западе Азербайджана. В статье подробно описан ход археологических раскопок, проведенных на средневековом городище Дашбулаг в три этапа: в 2004, 2005 и 2014 годах. В ходе исследования были выявлены производственные и хозяйственные постройки, многочисленные и разнообразные образцы материальной культуры. На основании наблюдений за отложениями единственного культурного слоя, выявленного археологическими раскопками поселения, (мощность слоя 1-1,5 м в зависимости от рельефа) и анализа обнаруженных материалов, было установлено, что в средние века здесь существовало поселение деревенского типа со свободной планировкой. Жизнь в средневековом селе Дашбулаг, основанном в IX веке, была насыщенной до начала XIII века. После монгольских вторжений поселение постепенно пришло в упадок, однако с отдельными перерывами просуществовало до конца XVIII века. Остатки жилых и хозяйственных построек, богатые ремесленные изделия, обнаруженные в результате археологических раскопок на средневековом городище Дашбулаг, являются свидетельством хозяйственной жизни средневекового населения региона, а также развитого гончарного, металлообрабатывающего, стекольного, костяного и других видов ремесла. Все вышеуказанное позволяет проследить особенности и динамику развития различных отраслей ремесленного производства. Анализ артефактов дает основание говорить о том, что развитие различных сфер ремесленного производства в средневековом поселении сельского типа Дашбулаг не только не было отсталым, а наоборот, ушло далеко вперед в отличие от сельских поселений других регионов.

Ключевые слова: археология, Азербайджан, Шамкир, Дашбулаг, поселение, средние века, тендиры, глазурированная керамика.

Информация об авторах:

Наджафов Шамиль Надирович, доктор философии по истории (к.и.н.), доцент, ведущий научный сотрудник. Институт археологии и антропологии Национальной Академии наук Азербайджана (НАНА) (г. Баку, Азербайджан); shamil_necsefov@mail.ru

Гусейнов Музаффар Магсудович, доктор философии по истории (к.и.н.), доцент, ведущий научный сотрудник. Институт археологии и антропологии Национальной Академии наук Азербайджана (НАНА) (г. Баку, Азербайджан); muzaffarhuseynov@yahoo.com

Джалилов Бахтияр Мазахирович, доктор философии по истории (к.и.н.), доцент, ведущий научный сотрудник. Институт археологии и антропологии Национальной Академии наук Азербайджана (НАНА) (г. Баку, Азербайджан); bcelilov@mail.ru

УДК 903/904 (574/575)

<https://doi.org/10.24852/pa2024.2.48.126.140>**К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ ОТРАРТОБЕ¹**

© 2024 г. Б.А. Железняков

Исследования по исторической топографии городской культуры Средней Азии связаны с именами классиков археологии: М.Е. Массона, О.Г. Большакова, Южного Казахстана: К.А. Акишева, К.М. Байпакова, Л.Б. Ерзаковича. Великий город Отрар не раз менял свои названия за свою длительную историю (Турар, Турарбент, Тураркент, Фараб) был одним из крупнейших городских центров домонгольской Центральной Азии. Город был сопоставлен с крупнейшим памятником городской культуры Средней Сырдарьи – Отрартобе. В основу этой статьи положены публикации и отчеты прошлых десятилетий исследований. Привлечены результаты документации памятника с помощью современных технологий. По выявленным данным удалось точнее высчитать площадь городской округи, увеличив ее до 400 га. Отрартобе, накопив высоту культурных слоев до 18 м, был заброшен жителями на пороге Нового времени. Больше жизнь на нем не возобновилась. За двухтысячелетнюю историю город испытывал несколько этапов роста и угасания. Город теряет свое первостепенное значение в 1219 г., постепенно превращаясь в крупный, но рядовой город, отдавая первенство Туркестану и Сайраму. Период наивысшего расцвета влияния Отрара приходится на раннетюркское время и эпоху «Мусульманского Ренессанса», о чем свидетельствует развитая трехчастная структура Отрартобе.

Ключевые слова: археология, Отрар, городище Отрартобе, поздняя античность, Средневековье, историческая топография, структура городища, цитадель, шахристан, рабады, балады.

Отрар – крупнейший позднеантичный и средневековый город (I–XVIII вв.) Южного Казахстана (Байпаков и др., 2006, с. 3). Средневековый мегаполис возник и развивался на стыке цивилизаций севера Среднего Востока, испытал переменчивую судьбу взлетов и падений. В названии города Турар (Отрар) ученые слышат: «Тура» – в значении «укрепленное жилище», «крепость», «город» (Камолидин, 2006, с. 63). Этимология топонима связывалась с тюркским словом «ut» – «огонь» (Камолидин, 2006, с. 84). Его бурное развитие пришлось на «кангарское» время, расцвет пришелся на домонгольское время в составе державы Караханидов и Хорезмшахов. Однако город возник еще в Античности, и его название могло быть тогда иным (Байпаков и др., 2006, с. 8). Развитие тысячелетнего города прервалось во втором десятилетии XIII в. Однако жизнь была возобновлена. Материальная культура

Отрара оказывала влияние на жизнь всего Сырдарьинско-Каратауского региона. Отрарский оазис можно рассматривать связующим звеном между городскими цивилизациями Верхней и Нижней Сырдарьи. Продукция ремесленников широко расходилась по домам в городах в долине Сырдарьи – Ясы, Саурана, Сюткента, на склонах Каратау – Сузака, Кумкента, центров на Арыси: Караспантобе, Жуантобе, Шортобе (Акишев и др., 1972, с. 6).

Отрар является эталонным памятником городской культуры Южного Казахстана. Город такого значения не мог не иметь уникальной топографии. Статья ставит целью поднять вопросы анализа топографии по ключевым исследованным периодам истории Отрара, оазиса, сопоставить основные итоги исследований, полученных на разных этапах изучения, с учетом точных данных, полученных в результате современных методов фиксации данных, полученных в начале

¹ Работа выполнена по проекту BR 20280993 по теме: «Казахстан в древности и средневековье: систематизация и анализ археологических источников».

2000-х гг. в рамках реализации проекта UNESCO/Japan Trust Fund: «Preservation and Restoration of the Ancient City of Otrar, Kazakhstan» (UNESCO/Japan Trust Fund). Также проанализировать данные, полученные современными методами документации.

Историческая топография памятника городской культуры – понятие комплексное, сюда входят практически все результаты документации и осмысления культурных напластований памятника и их археологического изучения, прослеживаются связи со всеми другими источниками. В ходе реализации международного проекта по сохранению Отрара казахстанскими экспертами впервые был приобретен опыт применения современных цифровых технологий в документации. Работы по документации объектов были выполнены под руководством Т. Стивенса – международного эксперта ЮНЕСКО, им же были выполнены основные чертежи в САД, в том числе и топопланы Отрартобе. В ходе реализации проекта были применены все доступные на тот момент методы документации.

К.А. Акишев, К.М. Байпаков, Л.Б. Ерзакович подчеркивали значение района Отрара и Южного Казахстана в сложении казахской государственности (Акишев и др., 1981, с. 200). Исследователи отмечали представленность племен и родов в составе населения Отрара и региона, выявленную по начертанию тамг на предметах из керамики, в том числе отмечено массовое присутствие кипчаков и найманов (Акишев и др., 1981, с. 190–194). В 1220 г. Отрар был частично разрушен. (В послемонгольское время он сохраняется как центр небольшого оазиса, локализуемого вокруг места впадения р. Арыси в р. Сырдарью.) Степень развития Отрара в тимуридское время остается дискуссионной. В позднем Средневековье отмечается лишь деградация

города и отток его населения. Актуальность осмысления результатов полувекового исследования археологического комплекса в условиях цифровой археологии лишь повышается.

Руководители исследований на Отрара в начале 1970-х гг. выделяли перспективные методы проведения археологических исследований: 1) рекогносцировочные маршруты, картирование; 2) археолого-топографические работы; 3) аэрометоды (плановая и перспективная аэрофото съемка (Акишев и др., 1971а, с. 37)). В 1969 г. Отрарская археологическая экспедиция стала заниматься изучением исторической топографии и стратиграфии древнего Отрара. Была выполнена теодолитная съемка центральных развалин Отрара и прилегающего района с остатками сооружений общей площадью 200 га (Байпаков, 2012b, с. 9). К настоящему времени был накоплен огромный материал по исследованиям этого памятника. Аналитическая работа проведена по структуре Отрара, которая значительно отличается от других памятников городской культуры региона. Выделяется и сохранность Отрартобе; культурные слои Туркестана и Сайрам заняты современными городами.

М.Е. Массон подробно остановился на достоинствах и недочетах авторов монографии «Средневековый город Средней Азии» (Беленицкий и др., 1973), характеризуя ее как наиболее полную по исторической топографии крупных городов региона (Массон, 1980). М.Е. Массон в своем первом специальном курсе «Историческая топография городов Средней Азии», разработанном в 1939 г., подчеркивал, что сформулированное В.В. Бартольдом развитие города как трехчастной структуры в топографической части не является универсальным для всех среднеазиатских городов, особенно крупных, с длительным

периодом существования (Массон, 1980, с. 105). Один из явных аспектов – отсутствие шахристанов у довольно крупных населенных пунктов (Массон, 1980, с. 106). Развитие далеко не всех населенных пунктов происходило по классической схеме разделения на цитадель, шахристан и рабад (Массон, 1980, с. 110–111). В публикации поднимаются основные вопросы изучения Отрартобе, связанные с исторической топографией памятника.

А.Н. Бернштам по результатам работ в Отрарском оазисе был сделан вывод о том, что «наибольшая рассредоточенность населения была в VI–VIII вв., в отдельных случаях такие «замки» доживали до X века» (Бернштам, 1949, с. 9). С этого периода наблюдается концентрация населения в центре оазиса, рост численности населения. А.Н. Бернштам выделил следующие периоды жизни на Отраре и локализовал «центры жизни», в частности Отрар «кушанского» времени (первые века н. э.); центр был расположен на Арыси у впадения в Сырдарью (Бернштам, 1949, с. 17–18). Оазис сформировался, по мнению Бернштама, в VI–VIII вв. Наибольшее сближение правого и левого берегов Сырдарьи было при огузах. Отрарский оазис являлся самым большим на Средней Сырдарье (Бернштам, 1949, с. 18–19). Среди особенностей оазиса исследователи подчеркивали огромное значение для его населения животноводства, отмечали запустение отдельных поселений при изменении маршрутов ирригационных каналов (Бернштам, 1949, с. 18–19).

По мнению Е.А. Смагулова, наивысший расцвет оседло-земледельческой культуры Южного Казахстана относится к середине I тыс. н. э. В VI–VII вв. число поселений сокращается, большинство их пустеет, гибнет (Байпаков и др., 2005, с. 8). По-видимому, расцвету Отрара, концентрации населения в оазисе в

VII–VIII вв. предшествовали некие деструктивные события в середине тыс., отразившиеся на всем регионе. В VIII в. следует череда известных событий с походами арабов 2–4 десятилетий VIII в. (Кожа, 2005; Железняков 2009; Железняков, 2011). Дальнейшие исследования выявили несколько волн сокращения количества поселений и небольших городов, рост городских центров.

Л.Б. Ерзакович о значении первых сезонов в исследовании Отрара писал о том, что в период 1971–1980 гг. было вскрыто 7 га городской застройки (более трети площади позднесредневекового города). Также он всесторонне рассмотрел такую важнейшую структуру города, как позднесредневековый квартал (Ерзакович, 1993, с. 84–85). М.Б. Кожа проанализировал локализацию ремесленных кварталов на городище в монголо-тимуридский период, в частности гончарной мастерской в местности Мыншункур в 4 км к юго-западу от Отрартобе (Ходжаев, 1993, с. 223–225). Место пребывания кузнецов было выявлено у Куйруктобе, в 5 км от Отрартобе (Ходжаев, 1993, с. 223–225). На Отраре и Куйруктобе было открыто семь кирпичеобжигательных печей XIII–XIV вв. (Акишев и др., 1987, с. 81). По материалам изучения ремесла, Отрар XIII–XV вв. значительно превосходил относительно мелкое производство XVI–XVIII вв. (Ходжаев, 1993, с. 225).

В 1969 г. случайно у подножия южного склона Отрартобе был обнаружен вход в водный тоннель. Участок тоннеля длиной 10–15 м был обследован. Он проложен на глубине 1,5–2 м по направлению к центру городища. Высота его 1,6 м, ширина 2 м. По нему было проложено два ряда кубуров диаметром 20 см (Байпаков, 2012b, с. 28). Отрар представлял собой город с максимальным уровнем благоустройств.

В результате анализа проведенных исследований Отрартобе (топографические карты, аэрофотоснимки) разных периодов исследований. Можно уверенно говорить о том, что был хорошо изучен центральный холм – шахристан и цитадель, слои XII–XVIII вв. Значительно меньше был исследован рабад городища. Площадь ранее проведенных шурфовок здесь незначительна. Раскопы здесь были связаны с изучением крупных объектов, изначально выделявшихся в рельефе: баня, гончарная мастерская. Исследователи Отрара отмечали наличие керамики XI–XII вв. на поверхности по всей территории рабада (Акишев и др., 1971, с. 10). Он был заселен повсеместно до обнаруженных участков внешних «длинных» стен.

Отрартобе представляет собой пятиугольный в плане плоский и высокий бугор размерами сторон: южной 380 м, юго-западной 145 м, западной 400 м, северо-восточной 380 м и восточной 350 м (Акишев и др., 1971b, с. 9). Укрепленный шахристан был воздвигнут на платформе, ее высота составляла, предположительно, несколько метров. Платформа могла быть воздвигнута неодновременно, расширялась с этапами. В ранний караханидский период она приняла свою форму, когда сформировалась трехчастная структура города. Мощное основание необходимо для того, чтобы город не подтопляло в весенний разлив рек Арыси и Сырдарьи. Объемы платформы были сформированы из отрицательного рельефа, в том числе вынутаго грунта ирригационных сооружений: водохранилищ, рвов, каналов, служивших фортификационными сооружениями, максимально затруднявших подход крупных сил противника.

Рост города происходил в несколько этапов. О столичном статусе Отрара в VI–VIII вв. писали многие исследователи. А.Я. Беленицкий от-

носил его к VII в. (Беленицкий, 1972, с. 2). Исследования М.Б. Кожа свидетельствуют о тюркском политическом господстве на Сырдарье с начала эры каганатов. Можно говорить, лишь об условной автономии этого удела в составе Великого каганата тюрков (Кожа, 2005, с. 34). Невозможно говорить о типологии памятника Отрартобе, вкладывающейся в один тип. Это был мегаполис, структура которого объединяет несколько типов памятников городской культуры. Старые структуры были погребены под новыми.

На шахристане исследователи начала 1970-х гг. отмечали рельеф возвышения в центральной части бугра подтреугольной формы. Они считали наиболее вероятным, что это и была территория застройки (цитадели?) примерными размерами 230×220×220 м (Акишев и др., 1971b, с. 9). На архивных фото этот факт действительно фиксируется. Относительно размеров рабада автор свидетельствует о том, что участок «изломанной» стены рабада фиксируется на расстоянии 520 м от северного угла, а восточный – до 750 м от восточной стены шахристана (Акишев и др., 1971b, с. 10). Представление о расположении внешних стен рабада дает схема Отрара, опубликованная в монографии «Позднесредневековый Отрар» (Акишев и др., 1981, с. 18, рис. 1).

В начале 2000-х гг. были подробно документированы общая топография городища, включая внешние стены (два ряда стен: рабада и балада), известные ранее (Акишев и др., 1987, с. 18, рис. 1). Выявление участков внешних стен, уточнение ранее известных стен: рабадов и баладов – было одной из научных целей проекта по документации Отрартобе. Периметр внешних стен рабадов/баладов Отрара сохранился лишь частично. Сохранилась основная часть север-



Рис. 1. Топографический план городища Отрартобе. Центральный бугор. CAD – Т. Стивенс. (© UNESCO/Japan Trust Fund: Preservation and Restoration of the Ancient City of Otrar, Kazakhstan).

Fig. 1. Topographic plan of the Otrar fortified settlement. Central knoll. CAD – T. Stevens. (© UNESCO/Japan Trust Fund: Preservation and Restoration of the Ancient City of Otrar, Kazakhstan).

ной стены (Кожа, 2010, с. 348–349). Частично сохранилась восточная стена. Данные по размерам Отрартобе, отдельным структурам были уточнены. В статье публикуются топопланы городища Отрар, его шахристана с цитаделью домонгольского периода (рис. 1), а также территории рабада и балада, документированные на период начала 2000-х гг., в ходе реализации международного «Отрарского» проекта (рис. 2). Были разделены стены рабадов и баладов Отрара.

Вокруг Отрартобе в ходе реализации международного проекта были документированы два фрагмента «радиуса» внешних стен городской округи: балада и рабада. Частично это можно видеть на аэрофото, опубликованном К.М. Байпаковым (Байпаков, 2012, с. 75, рис. 9). Внешние стены обеих структур сохранились к северу, северо-востоку от шахристана (наименее освоенная территория). Стена балада Отрартобе сохрани-

лась хуже, она расположена дальше от шахристана, в большей степени оплыла и заросла. Судя по всему, это была единовременная постройка, которая больше не возобновлялась. Стены рабада – более основательные, подвергались ремонтам. Известно и городище с «длинными стенами», которыми окружали значительно превышающую территорию города, еще и его округу (балады), периода IX–X вв. (Байпаков, 2013, с. 101–182; Железняков, 2009; Кожа, 2010; Акылбек и др., 2016).

Хронология развития оазиса. С.Ш. Акылбек подвел важный итог изучению генезиса поселений и городищ с раннего периода Отрарского оазиса (Акылбек, 2020). На рубеже эр возникло 37 поселений, 20 из них, не перекрытых позднейшими слоями, имеют типологию «тобе с площадкой». К IV–V вв. прекращают свое существование девять поселений. К VIII в. угасает жизнь еще на 17 по-

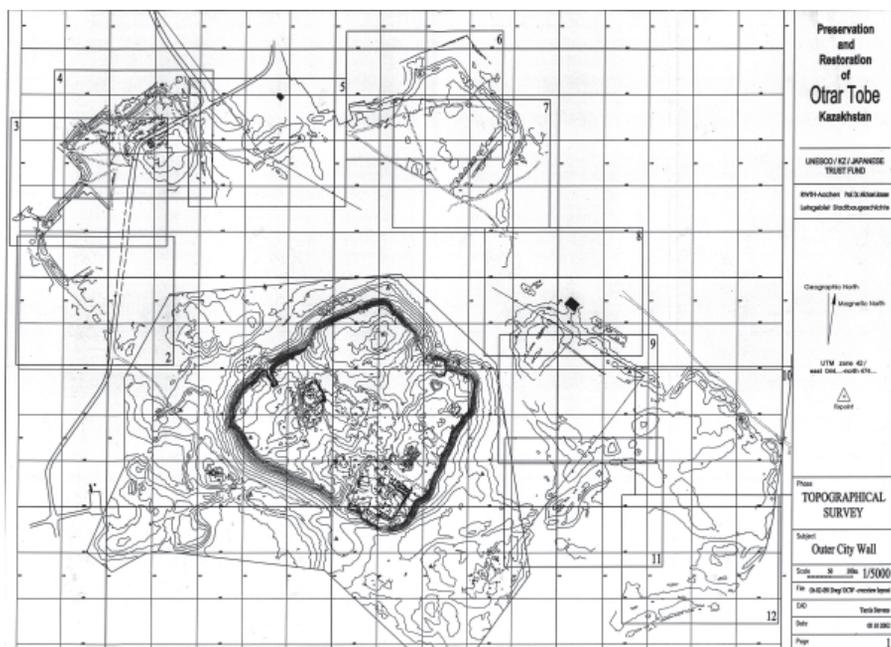


Рис. 2. Топографический план городища Отрартобе с внешними стенами. CAD – Т. Стивенс. (© UNESCO/Japan Trust Fund: Preservation and Restoration of the Ancient City of Otrar, Kazakhstan).

Fig. 2. Topographic plan of the Otrar fortified settlement with external walls. CAD – T. Stevens. (© UNESCO/Japan Trust Fund: Preservation and Restoration of the Ancient City of Otrar, Kazakhstan)

селениях, пять из которых приобрели городскую структуру. К XV в. погибают еще девять городищ. До XIX в. доживает только Отрар (Акылбек, 2020, с. 122–123). Археолог выделяет волны частичных запустений памятников оазиса: первая связана с переселением народов, вторая с арабским нашествием, – ссылаясь на важнейшие публикации Е.А. Смагулова (Акылбек, 2020, с. 127). Тем самым к середине VIII в. осталось менее половины поселений. Жизнь концентрировалась в центрах городской жизни, в первую очередь на Отраре.

В северном стратиграфическом шурфе Отрартобе начала 1970-х гг., размерами 24×8 м, были зафиксированы слои начиная с V в. н. э. Было выявлено семь культурных слоев и 14 строительных горизонтов, общая толщина около 10 м (Акишев и др., 1971с, с. 13). Среди всех культурных слоев Отрара, выделенных в северном шур-

фе, своей мощностью, выделяются слои VI–VIII вв. – 3 м (Акишев и др., 1970, с. 12). Данные по датировкам нижних слоев Отрартобе подтверждаются исследованиями ирригации. Керамический материал из траншеи, заложенной на ирригационном канале В.А. Грошевым в 1974 г., дал датировку IV–XVI вв. Магистральный канал имел протяженность свыше 10 км, был прослежен до аула Шаульдер (Акишев и др., 1975, с. 5–6). А.Я. Беленицкий, посещавший Отрар неоднократно в то время, писал о толщине слоя этого периода в 3,5 м (Беленицкий, 1972, с. 5). Это свидетельствует о высокой интенсивности жизни в этот период. Округ Кангу Тарбанд или Фараб на Средней Сырдарье занимал пространство около дня пути в длину и ширину. Последующие культурные слои (за сходную протяженность времени) имели различную толщину, но не более 1,5 м. Этот факт предполагает быстрое раз-

витие региона Кангу Тарбан и столичный статус Отрара. С.Г. Кляшторный приводил следующие транскрипции: Тарбад – Тарбанд – Турарбанд – Отрар – столица исторической общности кенгересов (Кляшторный, 1951, с. 56).

Наиболее наглядно изменения в структуре памятников оазиса, их топографии можно проследить на некрополях: катакомбные – до IV в., наусные – до середины VIII вв., далее – мусульманские. Исследованы некрополи городищ Кокмардан, Мардан Куик, Коньртобе (Байпаков и др., 2006). К.М. Байпаков относит бытования наусного обряда к IV- первой половине VIII в. (Байпаков, 2012b, с. 176–178). Склепы (наусы) использовались для временной «подготовки» тела усопшего к окончательному оссуарному захоронению костей по маздеистскому обряду (Байтанаев, Железняков, 2020, с. 124–127). Отдельные неразграбленные склепы сохранили весьма важные свидетельства той эпохи, выделяются резные геммы, в частности Отрарского оазиса, изученные Е.А. Смагуловым (Байпаков и др., 2006, с. 28), а также поздние находки из региона (Ақымбек, Железняков, 2021). Некрополи мусульманского времени занимают определенное место в топографии Отрартобе, часто расположены на запустевших холмах ранних построек.

В.А. Грошев разделил общую хронологию развития ирригации Отрарского оазиса на периоды. В I–VI вв. использовали естественные особенности рельефа: обвалованные русла и небольшие арыки, создание простых ирригационных систем, использование стариц. В раннем Средневековье происходит интенсивное развитие земледелия. В VII–IX вв. создается обширная веерообразная оросительная система Сангыл-арык. Ирригационные каналы Алтын-арыка функционировали в X – начале XIII вв. Она резко отличается от пред-

шествующей, характеризуется высоким уровнем гидротехнического строительства, включая подземные водопроводы, распространение получают чигири. Посевные площади расширились в восточном направлении от Отрара. После восстановления Отрара строится новая система Каракунчук: водозабор устраивается на 3 км выше, вследствие углубления русла Арыси его низовья проходят вблизи от Куйруктобе. Вследствие роста населения в XV–XVII вв. было построена и использовалась новая ирригация Темир-арык. В.А. Грошев пишет о том, что во времена Тимура здесь велись значительные ирригационные работы (Грошев, 2012, с. 186–187). Ирригационная сеть оазиса проанализирована К.М. Байпаковым на основе исследований В.А. Грошева, Д.А. Воякина, С.Ш. Акылбека, М.Б. Кожа (Байпаков, 2012, с. 76–92).

Результаты. Л.Б. Ерзакович в своей аналитической статье «О периодизации развития средневекового Отрара» выделяет несколько периодов развития города. К началу XII в. Отрар – городской центр с развитой структурой: шахристан и цитадель 16 га и рабат площадью около 200 га. Через южные ворота дорога уходила на переправу через Сырдарью и далее на Бухару, через северные на – «Чимкент» и трассу Шелкового пути, через западные – на Туркестан (Ерзакович, 1992, с. 177–178). Коммуникация проходила также вдоль р. Арыси (Байтанаев, 2012, с. 48–55). Л.Б. Ерзакович предлагает следующую реконструкцию последствий осады Отрара войсками Чингисхана: цитадель, где скрывались наместник и последние защитники города, была разрушена, а шахристан оставался в относительной сохранности (Ерзакович, 1992, с. 179).

Площадь города с учетом баладов в период максимального развития в точности посчитать невозможно, по-

скольку основная часть «длинных» стен к настоящему времени не сохранилась. В сохранившихся местах стены балада были зафиксированы на расстоянии в 600–800 м от шахристана. Стены удалось проследить в северном и юго-восточном направлениях. Вся площадь города, судя по сохранившимся границам балада – его валом, была около 2×2 км (2,2×1,7 км). В этом случае территория баладов Отрартобе была около или порядка 400 га, то есть значительно больше, чем в подсчетах Л.Б. Ерзаковича (он учитывал площади рабадов). Площадь укрепленного балада Караспантобе приблизительно 4×2,5 км, точнее 1050 га (Железняков, 2009, с. 190). Данные по площади городов Средней Азии, выявленной площади их рабадов или баладов приведены в монографии «Средневековый город...» (Беленицкий и др., 1973).

Возведение стен баладов Отрара и их поддержание может относиться к раннеисламскому периоду середины – второй половины IX в., судя по аналогиям, например, на Кулане (Акылбек и др. 2016, с. 37). Балады – плотно освоенные природные территории, включенные в территорию городской округи и окруженные стеной – валом (Акылбек и др., 2016, с. 37–39). Вопросы изучения исторической топографии средневековых городов, названий отдельных частей средневекового города, их использования поднимаются в публикации по цитадели Кулана (Акылбек и др., 2016, с. 31). Из относительного многообразия терминов частей структуры средневекового города в публикации применяется терминология для разделения округи на рабад и балад наряду с трехчастным делением города.

Структура городища Отрартобе караханидского периода имела классическое деление на цитадель, шахристан и рабад (балад в период наивысшего развития округи). Весь-

ма сложно судить о типологии этого центра кангуйского или раннетюркского (кангарского) периодов, которые находятся под толщей поздних культурных слоев. Структура памятника: шахристан, объединенный с цитаделью в одном из его углов, – в принципе повторяется на памятниках городской культуры Средней Сырдарьи, смежных регионов. К подобному типу памятников, чей расцвет пришелся на X–XII вв., относится городище Оксыз, сопоставляемое с родиной Абу Насра аль-Фараби – Весиджем (Байпаков, 2013, с. 143, рис. 66).

Цитадель домонгольского времени, исходя из источников, была нивелирована на уровне приблизительно с общим холмом шахристана. Она могла возродиться уже на новом месте, если вообще была необходимость в отделении и укреплении дворцовых и культовых сооружений. В топографии позднесредневековых городов различаются «хисар», центральная часть города, обнесенная стеной, и пригородные районы. Хисар, по определению Г.А. Пугаченковой, «густонаселенная укрепленная часть города, в которой концентрировались правительственные здания, казармы, соборная мечеть, главные рынки и ремесленные мастерские, жилые дома основных городских слоев» (Байпаков, Таймагамбетов, 2006, с. 335–336). Персидский термин «шахр» применялся к Сайраму и Ясы-Туркестану. К остальным городам региона применялся «кала». Тем самым можно утверждать, что в послемонгольское время не было отдельной укрепленной цитадели, а все пространство шахристана было укрепленным центром города.

Следы пожарищ на Отраре относятся к поздним этапам (цитадель и основные площади этого слоя шахристана пока не раскопаны). Однако косвенные разрушения на Отраре подтверждены археологическими источниками: на городищах округи от-

сутствуют материалы XIII–XIV вв. В самом Отраре зафиксированы постройки этого времени, сложенные из «боя жженого кирпича» (Акишев и др., 1971а), что свидетельствует о его переиспользовании и избытии материала после «отрарской катастрофы». Важно заключение Е.А. Давидович о восстановлении городской жизни во второй четверти XIII в., а не к 20-м гг. XIV в. (Байпаков, 2014, с. 27). С.Ш. Акылбек восстанавливает картину разрушений и ремонтов городской стены цитадели. В 1970-е гг. на участке в 140 м был полностью вскрыт участок стены, построенной не ранее конца XIII в., а город оставался без стен до этого времени с момента разрушения в 1219–1220-х гг. Разрезы стен цитадели (северо-восточный угол шахристана) выявили следующую картину: в X в. с внешней стороны стены, датируемой VIII–IX вв., пристраивается стена из пахсы, усиливавшая ее. После разрушения в XIII в. эти стены не восстанавливаются до конца того же века (Акылбек, 2014, с. 421–422).

Городская жизнь на Отрартобе после XIII в. концентрируется на шахристане: его стены ремонтируются, становятся выше, сам шахристан растет, на рабадах возникают некрополи. Были отмечены и особенности материальной культуры первой половины XVI в.: она несла на себе явные черты подъема под властью казахских ханов – добротные постройки, четкую планировку, богатые интерьеры, отсутствие пожаров, высокохудожественную керамику и многие другие черты. Конец XV – первая половина XVI вв. – время усиления казахский ханств. Это время правления Бурундука и Касым-хана. По изображениям тамг на керамике прослежено присутствие найманов среди населения этого города во второй половине XV в., прослеживается появление здесь дулатов после разгрома могульского войска

Юнус-хана в 1472 г. войсками ойратов (Акишев и др., 1981, с. 193–194).

Один из актуальных вопросов – о локализации цитадели Отрар домонгольского времени, которая была разрушена «до основания», как это описывается у Джувеини (Джувеини, 2004, с. 54–57). Л.Б. Ерзакович писал о проблематичности нахождения цитадели в будущем (Ерзакович, 1992, с. 178). С.Ш. Акылбек, проводивший многолетние исследования городища, предложил свой вариант местонахождения цитаделей Отрара (Акылбек, 2014). Им была предложена локализация цитадели домонгольского периода в северо-восточном углу шахристана. На снимках, которыми он оперировал, заметны особенности топографии единого тобе – холма цитадели – шахристана: «изломанные» (основные) стены рабада, имеются остатки и от внешних стен балада (плотно освоенные природные территории). Заметны отдельные кварталы, усадьбы, ремесленные предместья, каналы, водохранилище (Байпаков, 2012b, с. 75, рис. 9). В дальнейшем, после XIV в., по мнению С.Ш. Акылбека, менее выраженная цитадель меняла свое положение на юго-запад к мечети, затем в центральную часть шахристана со смещением к югу (Акылбек, 2014, с. 427–428).

Развитие городов в XV–XVI веках было нарушено непрерывными военными действиями между казахскими ханами и шейбанидами. Археологические исследования Отрара и Туркестана свидетельствуют о том, что здесь в XVI–XVII вв. проживало многочисленное население, находились мастерские. В Отраре, Туркестане, Сыгнаке чеканилась монета, развивалась местная торговля (Байпаков, 2004, с. 35). В XVIII веке остатки населения Отрара покидали город в поисках лучшей жизни. К.М. Байпаков отмечал тенденции у знати джунгаров к разрушению го-

родов в этот период (Байпаков, 2004, с. 35).

Таким образом, Отрар на протяжении своей двухтысячелетней истории испытал несколько этапов своего развития до столицы области и крупнейшего города Средней Сырдарьи, до излома истории в 1220 г. и постепенного упадка. Этапы развития прослежены в статье по топографии и стратегической Отрартобе, изменениям в структуре памятников и ирригации в оазисе. После своего восстановления в середине XIII в. Отрар функционировал как крупный город на терявшем свое значение континентальном торговом пути в державе Тимуридов и как важный город Казахского ханства, все больше отдавая приоритет крупным городам региона.

Заключение. Памятник Отрартобе – это особый археологический комплекс: значительный по размерам центральный тобе с шахристаном и домонгольской цитаделью, укрепленные рабады и «широкие» балады. Также это центр значительного оазиса с городищами и поселениями, некрополями, ирригацией, остатками караванных путей, памятниками других эпох. В целом это значительный феномен генезиса городской культуры, развивавшийся в единственно возможной локации в регионе: у места впадения Арыси в Сырдарью. Отрартобе, Отрарский оазис, является самым исследованным археологическим комплексом в Казахстане.

Историческая топография – одна из самых консервативных областей науки о городской культуре. Вопросы относительно типологии памятников, применения терминологии для отдельных его частей, сохранности стен средневековых городов Средней Азии поднимаются постоянно, вызывая дискуссии выдающихся ученых (Массон, 1980).

Вопросы раннего периода истории Отрара прослеживаются по исторической топографии оазиса, ирригации, памятникам типа «тобе с площадкой» ближайшей округи и оазиса. Культурные слои XII в. изучены на широкой площади. В это время Отрар – мегаполис с типичной трехчастной структурой. «Длинные» стены Отрара зафиксированы на удалении в 600–800 м от шахристана. Территория баладов, окруженных остатками стен, около 400 га. Рабады Отрара активно использовались как жилые усадьбы преимущественно в саманидское и караханидское время. Позже на неукрепленной территории рабадов функционировали мастерские, бани, системы благоустройства и некрополи. В послемонгольское время цитадели не было, вся территория шахристана была укреплена и плотно заселена. По результатам масштабного изучения слоев XIII–XVIII в. Отрар – крупный город, где изучено жилище, культовые и общественные сооружения, ремесленные мастерские, городские благоустройства, ирригация и многое другое. Исследования подтверждают высокую плотность жилой застройки в городе внутри мощной фортификации. Процессы урбанизации Отрарского оазиса происходили этапами в общем направлении централизации городской жизни, в результате она полностью сосредоточилась на Отраре.

Документация Отрартобе и памятников оазиса, полученная в результате реализации международного проекта «Preservation and Restoration of the Ancient City of Otrar», заложена в основу современных знаний об Отраре, детализированной топографии Отрартобе и других памятников. Это позволяет значительно уточнить представления о масштабах этого города, детализировать представления об отдельных объектах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Археологические работы в Южном Казахстане // Археологические открытия 1969 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1970. С. 397–398.
2. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Предварительные итоги работ Отрарской экспедиции в 1970 г. / Архив ИА им. А.Х. Маргулана. Фонд II. Дело 1139. 33 л.
3. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар (Итоги и перспективы) / Архив ИА им. А.Х. Маргулана. Дело 1141. 1971с. 13 л.
4. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отчет «Древний Отрар» (топография, стратиграфия, перспективы за 1969–1970 гг.). Плановые темы. Историческая топография памятников Отрарского Оазиса» / Архив ИА им. А.Х. Маргулана. Фонд II. Описание 12. Дело 1140. 1971а. 309 л.
5. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Статья: Задачи исследования и методика изучения крупного региона (по материалам работ в Отрарском оазисе) / Архив ИА им. А.Х. Маргулана. Фонд II. Описание 12. Дело 1143. 1971б. 18 л.
6. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата: Наука, 1972. 213 с.
7. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отчет о раскопках на городище Отрар в 1974 г. (второй экземпляр) / Архив ИА им. А.Х. Маргулана. Объект I. Ф II. Описание 16. Дело 1358. 1975. 39 с.
8. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата: Наука, 1981. 343 с.
9. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII–XV вв. Алма-Ата: Наука, 1987. 255 с.
10. Акылбек С.Ш. Цитадели Отрара // Восхождение к вершинам археологии. Сб. материалов междунар. науч. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвящ. 90-летию со дня рождения К.А. Акишева / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 413–430.
11. Акылбек С.Ш. Типология поселений кангюйского периода в Отрарском оазисе // Известия НАН РК. 2020, № 3. 121–130.
12. Акылбек С.Ш., Смагулов Е.А., Яценко С.А. Декоративное убранство резиденции тюркских правителей VIII в. в цитадели г. Кулан // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней) / Ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 29–66.
13. Ақымбек Е.Ш., Железняков Б.А. Антикалық және ерте орта ғасырлардағы Оңтүстік Қазақстанның оймышты тас мөрлері // Отан тарихы. Ғылыми журнал. 2021, № 4 (96). С. 204–212.
14. Байпаков К.М. Города в системе древних и средневековых государств Казахстана // Археология и история Центральной Азии. К 70-летию со дня рождения академика АН РУзб. Ю.Ф. Бурякова / Ред. Д.А. Алимова, А.А. Анарбаев. Самарканд: Институт археологии АН РУз., 2004. С. 32–35.
15. Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Кн. I. Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы – раннем средневековье. Алматы: Хикари, 2012б. 390 с.
16. Байпаков К.М. Из истории изучения археологического и культурного наследия Отрара, отрарского оазиса и Казахстана // Древности Отрара и Отрарского оазиса, Казахстана и Евразии. Материалы междунар. Науч.-практ. конф., посвящ. 40-летию работ ЮККАЭ (Шаульдер, 18-19 октября 2011 г. / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алматы: Litera, 2012а. С. 16–50.
17. Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Кн. II. Урбанизация Казахстана в IX – начале XIII в. Алматы: Хикари, 2013. 514 с.
18. Байпаков К.М. Учитель // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Астана: Сарыарка, 2014. С. 21–32.
19. Байпаков К.М. Урбанизация Казахского ханства во второй половине XV–XVIII в. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Кн. III, ч. 2. Алматы: Хикари, 2014. 534 с.

20. Байпаков К.М., Воякин Д.А., Акылбек С.Ш., Антонов М. А., Сорокин Д.В. Историческая география Отрара и Отрарского оазиса: основа сохранения и защиты // Известия МОН РК, НАН РК. Сер. общ. Наук. 2006. № 1. С. 3–33.

21. Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы: ВАUR, 2005. 224 с.

22. Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К. Археология Казахстана: Учебное пособие для студентов вузов. Алматы: Казак университети, 2006. 355 с.

23. Байтанаев Б.А. История Шымкента. 2200 лет по археологическим источникам. Алматы: Хикари, 2012. 252 с.

24. Байтанаев Б.А., Железняков Б.А. Погребальные зороастрийские сосуды из Южного Казахстана // Поволжская археология. 2020. № 2 (32). С. 119–129.

25. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Ленинград: Наука, 1973. 393 с.

26. Беленицкий А.Я. Краткий отчет о результатах ЮККАЭ по археологическому изучению Отрарского оазиса в 1969–1972 гг. и проблемных работах ЮККАЭ / Архив ИА им. А.Х. Маргулана. Фонд II. Описание 14. Дело 1237. 1972. 12 л.

27. Бернштам А.Н. Отчет о работах ЮКАЭ в 1949 г. / Архив ИА им. А.Х. Маргулана. Фонд II. Описание 1. Дело 165. 19 л.

28. Грошев В.А. Новые данные об оросительных системах Отрарского оазиса // Древности Отрара и Отрарского оазиса, Казахстана и Евразии. Материалы междунар. Науч.-практ. конф., посвящ. 40-летию работ ЮККАЭ (Шаульдер, 18-19 октября 2011 г. / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алматы: Litera, 2012а. С. 181–189.

29. Джувейни Ата-Мелик. Чингисхан. История Завоевателя Мира / Перевод с текста Мирзы Мухаммеда Казвини на английский язык Дж. Э. Бойла, с предисловием и библиографией Д. О. Моргана. Перевод текста с английского на русский язык Е.Е. Харитоновой. М.: Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2004. 690 с.

30. Ерзакович Л.Б. О периодизации развития средневекового Отрара // Маргулановские чтения, 1990 г. / Отв. ред. З.С. Самашев. М: ИА РАН, 1992. С. 177–182.

31. Ерзакович Л.Б. Градообразующие структуры позднесредневекового Отрара // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии / Отв. ред. В.Ф. Зайберт. Петропавловск: Отдел Археология Северного Казахстана ИА НАН РК, 1993. С. 78–87.

32. Железняков Б.А. Об особенностях формирования городских рабадов в IX–X вв. на юге Казахстана (городища с длинными стенами) // Известия НАН РК, МОН РК Сер. обществ. наук. 2009. № 1 (268). С. 174–195.

33. Железняков Б.А. К вопросу о датировке верхних слоев городища Жуантобе. // Известия НАН РК, МОН РК Сер. обществ. наук. 2011. № 3 (282). С. 90–100.

34. Камолитдин Ш.С. Древнетюркская топонимия Средней Азии. Ташкент: Шарк, 2006. 192 с.

35. Кляшторный С.Г. Кангюйская этно-топонимика в орхонских текстах // СЭ. 1951. № 3. С. 55–59.

36. Кожя М.Б. Изображения Тенгри и Умай на резном дереве из Отрарского оазиса // Народы и религии Евразии. 2005. № 8. С. 34–47.

37. Кожя М.Б. Обнаружение остатков «длинной» внешней стены городища Отрартобе // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова (Алматы, 23–24 апреля 2009 г.) / Ред. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев, Л.Е. Масанова. Алматы: Print-S, 2010. С. 347–350.

38. Массон М.Е. К проблеме изучения исторической топографии среднеазиатских городов // Культура Туркмени в средние века / Труды ЮТАКЭ. Т. XVII / Ред. М.Е. Массон. Ашхабад: Ылым, 1980. С. 100–124.

39. Ходжаев М. О формах организации ремесленного труда в Монголо-Тимуридском Отраре // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии / Ред. В.Ф. Зайберт. Петропавловск: ИА НАН РК, 1993. С. 223–228.

40. UNESCO/Japan Trust Fund: Preservation and Restoration of the Ancient City of Otrar, Kazakhstan <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000132230?locale=ru>

Информация об авторе:

Железняков Борис Анатольевич, PhD, ведущий научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Республика Казахстан); boriszheleznyakov@mail.ru

TO THE ISSUE OF THE HISTORICAL TOPOGRAPHY OF OTRARTOBE

B.A. Zheleznyakov

Research on historical topography of Medieval cities is associated with names of prominent archaeologists: M.E. Masson, O.G. Bolshakov, Kazakhstan: K.A. Akishev, K.M. Baipakov and L.B. Erzakovich. The great city, known as Otrar, changed its names many times during its long history (Turar, Turarbent, Turarkent, Farab). It was one of the largest urban centers of pre-Mongol Central Asia. The city localized on the largest fortified site Otrartobe of urban culture in the Middle Syrdarya. This article based on publications and reports of last decades of research. The results of modern technologies are involved. According to the revealed data, it was possible to define the area of the districts of the city more exactly, increasing it up to 400 hectares. Getting a height of cultural layers up to 18 m residents abandoned Otrartobe on the threshold of the New Age. Life never renewed on it. The city has gone through several stages of growth and decline during two thousand years of its history. The city loses its paramount importance in 1219, gradually becoming a large but anyway ordinary city, giving primacy to Turkestan and Sairam. The period of its greatest prosperity and influence of Otrar was in the Early Turkic time and the era of the "Muslim Renaissance" as evidenced by the developed three-part structure of Otrartobe.

Keywords: archaeology, Otrar city, Otrartobe fortified settlement, Late Antiquity, Middle Ages, historical topography, structure of fortified settlement, citadel, shahrستان, rabads, balads.

REFERENCES

1. Akishev, K. A., Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1970. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya 1969 goda (Archaeological Discoveries 1969)*. Moscow: "Nauka" Publ., 397–398 (in Russian).
2. Akishev, K. A., Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1970. *Predvaritel'nye itogi rabot Otrarskoy ekspeditsii v 1970 g. (Tentative results of the Otrar expedition in 1970)*. Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. Fund II. D 1139 (in Russian).
3. Akishev, K. A., Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1971. *Drevniy Otrar (Itogi i perspektivy) (Ancient Otrar (Results and prospects))*. Archive of the Institute of Archaeology of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Fund II. D. 1141 (in Russian).
4. Akishev, K. A., Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1971. *Otchet «Drevniy Otrar» (topografiya, stratigrafiya, perspektivy za 1969–1970 gg.). Planovye temy. Istoricheskaya topografiya pamyatnikov Otrarskogo Oazisa» (The report "Ancient Otrar" (topography, stratigraphy, prospects for 1969–1970). Planned topics. Historical topography of the monuments of the Otrar Oasis)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Fund II. D 1140 (in Russian).
5. Akishev, K. A., Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1971. *Stat'ya: Zadachi issledovaniya i metodika izucheniya krupnogo regiona (po materialam rabot v Otrarskom oazise) (Article: Research objectives and methods of studying a large region (based on the materials of works in the Otrar Oasis))*. Archive of the Institute of Archaeology of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Fund II. D. 1143 (in Russian).
6. Akishev, K. A., Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1972. *Drevnii Otrar (topografiya, stratigrafiya, perspektivy) (Ancient Otrar (topography, stratigraphy, perspectives))*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
7. Akishev, K. A., Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1975. *Otchet o raskopkakh na gorodishche Otrar v 1974 g. (vtoroy ekzemplyar) (Report on the excavations at the Otrar settlement in 1974 (second copy))*. Archive of the Institute of Archaeology of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Fond II. D. 1358 (in Russian).
8. Akishev, K. A., Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1981. *Pozdnesrednevekovi Otrar (Late Medieval Otrar)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
9. Akishev, K. A., Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1987. *Otrar v XIII–XV vv. (Otrar in 13th – 15th Centuries)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
10. Akylbek, S. Sh. 2014. In Baitanaev, B. A. (ed.). *Voskhozhdenie k vershinam arkheologii (Towards the Apex of Archaeology)*. Almaty: Institute for Archaeology, 413–430.
11. Akylbek, S. Sh. 2020. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan)* 3, 121–130 (in Russian).

The work was carried out as a part of the project BR 20280993 on the topic: "Kazakhstan in Antiquity and the Middle Ages: systematization and analysis of archaeological sources".

12. Akylbek, S. Sh., Smagulov, E. A., Yacenko, S. A. 2016. In Baitanayev, B. A. (ed.). *Kul'turnoe nasledie Evrazii (s drevnosti do nashikh dney)* (Cultural Heritage of Eurasia (from Antiquity to Present Day)). Almaty: A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, 29–66 (in Russian).
13. Akymbek, E. Sh., Zheleznyakov, B. A. 2021. In *Otan tarihy. Fylymi zhurnal (Native history. Scientific magazine)* 4 (96), 204–212 (in Kazakh).
14. Baipakov, K. M. 2004. In Alimova, D. A., Anarbaev, D. A. (eds.). *Arkheologiya i istoriya Tsentral'noy Azii. K 70-letiyu so dna rozhdeniya akademika AN RUzb. Yu.F. Buryakova (Archaeology and history of Central Asia. On the 70th anniversary of the birth of Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan Yu.F. Buryakov)*. Samarkand: Institute of Archaeology of the Uzbekistan Academy of Sciences, 32–35 (in Russian).
15. Baipakov, K. M. 2012. *Drevnyaya i srednevekovaya urbanizatsiya Kazakhstana (po materialam issledovaniy Yuzhno-Kazakhstanskoy kompleksnoy arkheologicheskoy ekspeditsii) (Ancient and medieval urbanization of Kazakhstan (based on research materials of the South Kazakhstan complex archaeological expedition)). Kniga I. Urbanizatsiya Kazakhstana v epohu bronzy – rannem srednevekov'e. Book I. (Urbanization of Kazakhstan in the Bronze Age – Early Middle Ages)*. Almaty: “Khikari” Publ. (in Russian).
16. Baipakov, K. M. 2012. In Baipakov, K. M. (ed.). *Drevnosti Otrara i Otrarskogo oazisa, Kazakhstana i Evrazii. (Antiquities of Otrar and Otrar Oasis, Kazakhstan and Eurasia)*. Shaul'der, 18-19 October 2011 Almaty: “Litera” Publ., 16–50 (in Russian).
17. Baipakov, K. M. 2013. *Drevnyaya i srednevekovaya urbanizatsiya Kazakhstana (po materialam issledovaniy Yuzhno-Kazakhstanskoy kompleksnoy arkheologicheskoy ekspeditsii) (Ancient and medieval urbanization of Kazakhstan (based on research materials of the South Kazakhstan integrated archaeological expedition)). Kniga II. Urbanizatsiya Kazakhstana v IX – nachale XIII v. (Urbanization of Kazakhstan in IX – early XIII century) Book II*. Almaty: “Khikari” Publ. (in Russian).
18. Baipakov, K. M. 2014. In Khabdulina, M.K. (ed.). *Dialog kul'tur Evrazii v arkheologii Kazakhstana (The Dialogue among Cultures of Eurasia through Archaeology in Kazakhstan)*. Astana: “Saryarka” Publ., 21–32 (in Russian).
19. Baipakov, K. M. 2014. *Urbanizatsiya Kazakhstanskogo hanstva vo vtoroy polovine XV–XVIII v. Drevnyaya i srednevekovaya urbanizatsiya Kazakhstana (po materialam issledovaniy Yuzhno-Kazakhstanskoy kompleksnoy arkheologicheskoy ekspeditsii) (Urbanization of the Kazakh Khanate in the second half of the XV – XVIII centuries. Ancient and medieval urbanization of Kazakhstan (based on research materials of the South Kazakhstan complex archaeological expedition)). Book III. Part 2*. Almaty: “Khikari” Publ. (in Russian).
20. Baipakov, K. M., Voyakin, D. A., Akylbek, S. Sh., Antonov, M. A., Sorokin, D. V. 2006. In *Izvestiia MON RK, NAN RK. Seriya obshchestvennykh nauk (Bulletin of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan and the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Sciences Series)* 1, 3–33 (in Russian).
21. Baipakov, K. M., Smagulov, E. A., Erzhitova, A. A. 2005. *Rannesrednevekovye nekropolii Yuzhnogo Kazakhstana (Early Medieval Necropolises of Southern Kazakhstan)*. Almaty: “BAUR” Publ. (in Russian).
22. Baipakov, K. M., Tajmagambetov, Zh. K. 2006. *Arheologiya Kazakhstana: Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov (Archaeology of Kazakhstan. Study guide for students)*. Almaty: “Kazak Universiteti” Publ. (in Russian).
23. Baitanayev, B. A. 2012. *Istoriia Shymkenta. 2200 let po arkheologicheskim istochnikam (History of Shymkent. 2200 Years According to Archaeological Sources)*. Almaty: “Hikari”, Publ. (in Russian).
24. Baitanayev, B. A., Zheleznyakov, B. A. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 32 (2), 119–129 (in Russian).
25. Belenitskiy, A. M., Bentovich, I. B., Bol'shakov, O. G. 1973. *Srednevekovyy gorod Sredney Azii (Middle Ages city of Middle Asia)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
26. Belenitskiy, A. Ya. 1972. *Kratkiy otchet o rezul'tatakh YuKKAЕ po arkheologicheskomu izucheniyu Otrarskogo oazisa v 1969–1972 gg. i problemnykh rabotakh YuKKAЕ (A brief report on the results of the South Kazakhstan complex archaeological expedition on the archaeological study of the Otrar Oasis in 1969–1972 and the problematic works of the South Kazakhstan integrated archaeological expedition)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Fond II. Op. 14. D. 1237 (in Russian).
27. Bernshtam, A. N. 1949. *Otchet o rabotakh YuKAE v 1949 g. (Report on the work of SKCAE in 1949)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Fond II. Op. 1. D. 165 (in Russian).
28. Groshev, V. A. 2012. In Baipakov, K. M. (ed.). *Drevnosti Otrara i Otrarskogo oazisa, Kazakhstana i Evrazii. (Antiquities of Otrar and Otrar Oasis, Kazakhstan and Eurasia)*. Shaul'der, 18-19 October 2011 Almaty: “Litera” Publ., 181–189 (in Russian).
29. Juveini Ata-Melik. 2004. In Kharitonova, E. E. (transl.). *Chingishan. Istoriia Zavoivatelja Mira (Genghis Khan. Story of the World Conqueror)*. Moscow: “Magistr Press” Publ. (in Russian).
30. Erzakovich, L. B. 1992. In Samashev, Z. S. (ed.). *Margulanovskie chteniya-1990. (Margulan Readings-1990)*. Almaty: A.Kh. Margulan Archaeology Institute, 177–182 (in Russian).

31. Erzakovich, L. B. 1993. In Zaibert, V. F. (ed.). *Problemy rekonstruktsii khozyaystva i tekhnologiy po dannym arkhologii (Issues of reconstruction of the economy and technologies according to archaeology data)*. Petropavlovsk: Department of Archaeology of Northern Kazakhstan of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, 78–87 (in Russian).
32. Zheleznyakov, B. A. 2009. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan)* 1 (268), 174–195 (in Russian).
33. Zheleznyakov, B. A. 2011. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan)* 3 (282), 90–100 (in Russian).
34. Kamoliddin, Sh. S. 2006. *Drevnetyurkskaya toponimiya Sredney Azii (The Ancient Turkic Place Names of Central Asia)*. Tashkent: “Shark” Publ. (in Russian).
35. Klyashornyy, S. G. 1951. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (3), 55–59 (in Russian).
36. Kozha, M. B. 2005. In *Narody i religii Evrazii (Nations and Religion of Eurasia)* 8, 34–47 (in Russian).
37. Kozha, M. B. 2010. In Erofeeva, I. V., Zhanaev, B. T., Masanova, L. E. (eds.). *Rol nomadov v formirovaniy kulturnogo naslediya Kazakhstana (Role of nomads in the formation of the cultural heritage of Kazakhstan)*. Almaty: “Print-S” Publ., 347–350 (in Russian).
38. Masson, M. E. 1980. In Masson, M. E. (ed.). *Kul'tura Turkmenii v srednie veka (Culture of Turkmenia in Middle Ages)*. Series: *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkhologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii (Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Integrated Expedition)* XVII. Ashkhabad: “Ylym” Publ., 100–124 (in Russian).
39. Khodzhaev, M. 1993. In Zaibert, V. F. (ed.). *Problemy rekonstruktsii khozyaystva i tekhnologiy po dannym arkhologii (Issues of reconstruction of the economy and technologies according to archaeology data)*. Petropavlovsk: Department of Archaeology of Northern Kazakhstan of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, 223–228 (in Russian).
40. UNESCO/Japan Trust Fund: Preservation and Restoration of the Ancient City of Otrar, Kazakhstan <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000132230?locale=ru>

About the Author:

Zheleznyakov Boris A. PhD, Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str., 28, Almaty, 050010; boriszheleznyakov@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2024 г.

**УКРЕПЛЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ XII–XIV ВВ.
НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ.
ПОЖЕГСКОЕ ГОРОДИЩЕ (ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ)¹**

© 2024 г. М.В. Клёнов

В статье представлен краткий обзор результатов исследований фортификационных линий Пожегского городища – единственного изученного на Европейском северо-востоке (Республика Коми) хорошо укрепленного поселения, которое функционировало в период XII–XIV вв. Это небольшое мысовое поселение (около 1550 м²) было основано в долине р. Вымь, как древнерусский форпост на пути в Зауралье. Наибольшего расцвета оно достигло в первой половине XIII в. На памятнике раскопками изучены остатки построек трех строительных этапов (XII, XIII и XIV вв.), выявлена система дерево-земляных фортификационных сооружений (рвы, срубные стены, насыпи) характерная для небольших крепостей средневековой Руси. В статье предпринята попытка реконструкции общего облика оборонительных сооружений Пожегского городища, проведена предварительная оценка основных трудозатрат при их строительстве. Выделяются типы крепостных построек, рассматриваются схемы оборонительных линий и их изменение по этапам строительства.

Ключевые слова: археология, Европейский северо-восток, средневековая Русь, фортификация, городище, реконструкции, планировочная структура.

Введение. Первая половина II тыс. н. э. является одним из важнейших периодов в истории народов Европейского северо-востока (далее – ЕСВ). В это время закладываются основы для формирования народности коми-зырян², происходит включение территории их обитания в состав Русского государства.

Среди нескольких десятков археологических памятников эпохи Средневековья, известных на территории ЕСВ, особое место занимают поселения, в том числе с визуально фиксируемыми остатками фортификационных сооружений («городища»). Необходимо отметить, что большинство поселенческих памятников ЕСВ характеризуются небольшими размерами, слабо выраженным культурным слоем (который зачастую поврежден или уничтожен распашкой), плохой сохранностью остатков сооружений, невыразительным и плохо датируемым вещевым комплексом. Эти факторы являются одной из причин незначи-

тельного интереса исследователей к их целенаправленному изучению. Между тем поселенческие памятники являются одним из важнейших информативных источников для изучения процессов формирования и развития средневекового населения, в том числе реконструкции системы жизнеобеспечения древнего человека. Одним из основных элементов последней являются постройки различного назначения, обеспечивающие защиту жизнедеятельности (жилища, хозпостройки, фортификационные сооружения)³.

В настоящей статье представлены предварительные результаты анализа остатков фортификационных сооружений Пожегского городища – первого древнерусского городища, изученного на территории ЕСВ (Республика Коми, р. Вымь), и единственного известного в регионе хорошо укрепленного поселения, которое функционировало с домонгольского времени.

¹ Исследование выполнено в рамках плановой темы «Археологические источники: описание, систематизация и критический анализ (по материалам Европейского Северо-Востока России)» (2021–2025 гг.) № ГР 121051400045-9.

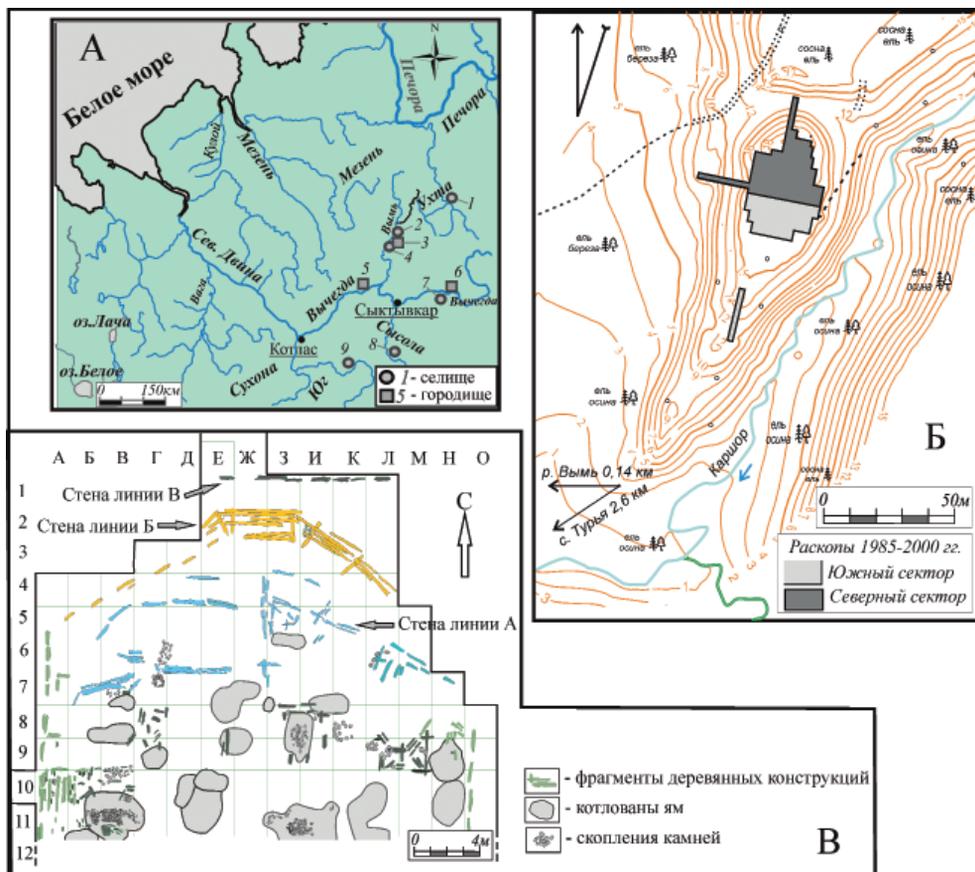


Рис. 1. Пожегское городище. А – план-схема расположения поселений XII–XIV веков: 1 – Поньювом (пос.); 2 – Ыдждьдельское (пос.); 3 – Пожегское (город.); 4 – Жигановское (пос.); 5 – Карыбийвское (город.); 6 – Новик (город.); 7 – Леваты (пос.); 8 – Гуль-Чунь (пос.); 9 – Лоемское (пос.). Б – план Пожегского городища. В – план-схема остатков построек северного сектора раскопа.

Fig. 1. Pozheg hillfort. А – Sketch-map of settlements of XII–XIV centuries: 1 – Ponyuvom (settlement); 2 – Ydzhdyjelskoe (settlement); 3 – Pozheg hill fort; 4 – Zhiganovskoe (settlement); 5 – Karybjivskoe (fortification); 6 – Novik (fortification); 7 – Levaty (settlement); 8 – Gul-Chun (settlement); 9 – Loemskoe (settlement). Б – Plan of the Pozheg hillfort. В – Sketch-map of the remains of buildings of the northern sector of the excavation.

Объектом исследования являются материалы, полученные в ходе археологических раскопок Пожегского городища в 1985–1990, 2000 гг. и хранящиеся в фондах музея археологии Института ЯЛИ и Научном архиве Коми НЦ УрО РАН.

История изучения. Целенаправленное изучение средневековых поселений ЕСВ начинается с середины 90-х гг. XX в. В настоящее время археологи располагают материалами девяти поселенческих памятников XII–

XIV вв., три из которых определены как городища⁴ (рис. 1: А).

Наиболее значительный объем археологической информации, дающий возможности для проведения реконструкций объекта (как общей, так и отдельных сооружений), был получен исследователями в ходе раскопок Пожегского городища (рис. 1: А). Обширная коллекция вещевого инвентаря, остатки различных построек указывают на уникальность памятника, являющегося первым древнерусским

городищем, исследованным на ЕСВ. Памятник датируется XII–XIV вв., основная часть коллекции – XII–XIII вв. (Савельева, Клёнов, 1992; 1997).

Пожегское (Турьинское) городище расположено на левом берегу р. Выми, напротив устья р. Пожег, на мысу надпойменной террасы (рис. 1: Б). С запада мыс отделен от русла реки поймой, на востоке – логом, по которому течет руч. Каршор. Расстояние до реки около 140 м, ширина лога (до кромки восточного борта) около 55 м. Высота террасы 14–16 м, крутизна склонов – до 60°. Ширина площадки, на которой расположен памятник, от 8 до 30 м, длина – до 73 м. Площадь памятника около 1550 м².

Городище открыто А.С. Сидоровым в 1924 г., названо Турьинским и датировано XII–XIV вв. На памятнике и в его округе была произведена шурфовка, за пределами городища были раскопаны остатки «сторожевого пункта» (сооружение «в виде небольшого холмика»), в котором обнаружены кости двух человек (Сидоров, 1924, с. 58). Можно предположить, что А.С. Сидоров раскопал погребальное сооружение (курган?), но ошибочно принял его за сторожевую башню. Исследователем было высказано предположение, что элементы фортификации городища включали земляные сооружения (эскарпированные склоны, ров, вал) и кучи камней.

В 1985 г. на памятнике работала экспедиция СыктГУ, были заложены разведочные траншеи в центральной и южной части площадки и раскоп в северной. В 1986–1990, 2000 гг. городище изучалось экспедициями Коми НЦ УрО РАН (рук. Э.А. Савельева, М.В. Кленов). Общая площадь раскопов составила около 880 кв. м (рис. 1: Б) (Савельева, 1987; Савельева, Кленов, 1992).

Городище относится к типу простых мысовых, с фортификацион-

ными сооружениями с напольной стороны и на конце мыса. Визуально фиксировались остатки оборонительных сооружений: с северной стороны площадки – два вала и ров, с южной – ров. Размеры северного рва: длина около 40 м, ширина (верх/дно) 11/5 м, глубина до 3,5 м. Высота внутреннего вала около 3,5 м, ширина в основании до 15 м, длина около 28 м, внешнего – высота около 1 м, ширина в основании до 4 м, длина около 15 м. Южный ров, предположительно, имел ширину около 10 м, глубину 1 м. Скорее всего, это даже не ров, а эскарпированный склон, почвенный выкид с которого был сделан наружу и образовал дополнительное сооружение, которое можно охарактеризовать как гласисообразную насыпь.

Вдоль восточного склона городища выявлен пологий пандус длиной около 30 м и шириной около 2 м, поднимающийся в направлении с севера на юг. Вероятнее всего, это остатки предвратного пути (подход к воротам). По мнению специалистов в области древнерусской фортификации, небольшие поселения, возводившиеся в один строительный период, снабжались простейшим въездом без воротных башен. Подход к воротам сооружался вдоль стен крепости, чтобы противник был обращен к стенам правым, незащищенным боком (Носов, 2013, с. 75).

Для изучения оборонительной системы Пожегского городища были заложены траншеи в южной (1985 г.), северной и западной (1986 г.) части площадки. Южный край площадки и склон исследовались 20-метровой траншеей (рис. 1: Б), но работы не были завершены (глубина траншеи составила около 0,3 м). В слое перемешанного песка, по краю площадки и вниз по склону, были расчищены фрагменты сгоревшей деревянной конструкции (остатки оборонительной стены).

В западной траншее (линия кв. 10) зафиксированы фрагменты сгоревших срубных построек (остатки стены по краю площадки и склону), а у подножия террасы – ров (в засыпи: фрагменты горелого дерева, камни). К сожалению, из-за оползня грунта получить полную стратиграфическую колонку в нижней части траншеи не удалось. Таким образом, невозможно установить форму и размеры рва, структуру его заполнения, установить факты подрезки (эскарпирование) или укрепления склона.

На участке северной траншеи (линия кв. Е, Ж) удалось выявить не менее трех разновременных линий оборонительных сооружений (А, Б, В). Все остатки укреплений носили следы значительных пожаров. В условиях песчанистого характера почвы это привело к трудностям в изучении разреза: многие фрагменты конструкций в песке отражались как неровные полосы тлена или углистые прослойки с расплывчатыми границами, борта траншеи осыпались. Тем не менее сохранились фрагменты нижних венцов продольных и поперечных стен.

К сожалению, северная траншея также не дала полной стратиграфической картины фортификационных сооружений. Не удалось полноценно исследовать участки рва линии А (дно, контрэскарп⁵), основание строительства линии Б, контрэскарп рва линии В и внешний вал.

Первый опыт реконструкции оборонительных сооружений Пожеского городища был представлен в совместной работе Э.А. Савельевой и М.В. Клёнова, вышедшей в 1992 г. (Савельева, Клёнов, 1992). В ней давался общий анализ топографических особенностей и остатков фортификационных сооружений, были выделены три основных этапа строительства оборонительных конструкций, относящихся к XII, XIII и XIV вв. (Савельева, Клёнов, 1992, с. 7–10).

В 2000 г. на городище проводились охранные раскопки (рук. М.В. Кленов) с целью доисследования сооружений северо-восточного сектора раскопа⁶. Полученные результаты, а также опыт многолетних работ с материалами средневековых поселений заставили вновь обратиться к данной проблематике с целью уточнения или пересмотра некоторых ранее высказанных положений.

В статье предпринята попытка реконструкции комплекса оборонительных линий городища, а также проведена предварительная оценка основных трудозатрат при их строительстве. Расчеты производились на основе работ А.З. Теляковского, Н.И. Рошефора, А.П. Гольдина и Л.Н. Рассказова (Теляковский, 1848; Ласковский, 1858; Рошефор, 1916; Гольдин, Рассказов, 2001)⁷. При описании элементов оборонительных сооружений использовалась общепринятая терминология (Губайдуллин, 2003; Носов, 2013).

Следует отметить, что существует множество не учтенных в статье видов работ, которые могли производиться в окрестностях поселения и на его площади при строительстве или ремонте: расчистка площадки под строительство, рубка леса, заготовка лесоматериалов (первичная обработка, сушка), транспортировка и перемещение лесоматериала (перевозка, подъем и переноска бревен, жердей и т. п.); заготовка и переноска мха, сборка и транспортировка камней; обработка лесоматериалов, эскарпирование склонов, сооружение дополнительных оборонительных линий (южного и западного рва, внешнего вала); укрепление склонов и стенок рвов, сооружение предвратного подхода, оборудование ворот, заборол и т. д. Таким образом, приведенные расчеты отражают не столько реальные затраты времени и материалов на строительство, сколько являются

оценочным суждением о возможных затратах ресурсов, так как неизвестно необходимое количество материалов, места их заготовки и обработки, а также количество времени для выполнения всего объема работ.

Конструктивные особенности фортификационных сооружений Пожегского городища

Линия «А» (первый строительный период). Остатки линии «А», включающей три основных элемента (стена из срубов, внешний ров, внутренняя траншея), зафиксированы на участке кв. 3–5Е (рис. 1: В; 2). Предварительно датируется второй половиной XII в. Оборонительные сооружения возводились на начальном этапе строительства поселения, что подтверждается фиксацией белесого подзолистого песка по линии кв. 4 и отсутствием культурных остатков под сооружениями оборонительной линии. Первоначальная площадка поселения имела размеры: длина 58 м, ширина от 8 до 30 м.

По периметру площадки была установлена бревенчатая стена, с северной стороны размечен ров. Грунт, полученный при копке рва, использовался на засыпку городней северного участка стены. Ширина бермы⁸ не превышала 0,8 м. Вероятно, потребность в земле для забутовки северного участка стены вынудила строителей дополнительно вырыть траншею с внутренней стороны стены. Данный прием известен на городищах Древней Руси и Волжской Булгарии в домонгольское время (Носов, 2013, с. 229; Губайдуллин, 2019, с. 142). Следует отметить, что на болгарских долговременных городищах внутренний ров, как правило, образовывал отдельную линию фортификационных сооружений. На небольших древнерусских городищах он использовался для получения дополнительного грунта при сооружении или ремонте основной оборонительной линии.

По мнению специалистов, подобный прием в строительстве крепости использовался при нехватке людей, при отсутствии грамотного градодельца и при строительстве временного убежища (Носов, 2013, с. 229, 230).

Стена «А» (рис. 1: В; 2). Наибольшей сохранность отличались фрагменты стены, расчищенные на северном участке раскопа (линии кв. 5-VIЖ; 1–6). Внешний ряд в северной стене образовывали забутованные городни. Ширина северного фаса стены около 9 м, северо-западного – около 8 м, северо-восточного – около 13 м.

При исследовании северо-восточного сектора стены были расчищены остатки трех клетей, образующих внутренний ряд стены. Внутренняя сторона бревен в клетях была обработана как полубрус. Клетки, о чем свидетельствовали сделанные в них находки, использовались под кузню (остатки кузнечного горна, шлаки) и хозпомещения. Постройки были частично разрушены при строительстве стены «Б» (рис. 1: В).

Остатки сгоревших деревянных конструкций фиксируются по краям площадки (линии кв. А, 4–6, О). Сохранившиеся фрагменты бревен (продольных и поперечных) свидетельствуют, что стена состояла из бревенчатых срубов, рубленных «в обло». Общая протяженность её достигала 130–140 м. Клетки использовались как хозяйственные (склады, мастерские) и жилые помещения, что подтверждается остатками печей, котлованами подпечных и иных хозяйственных ям (рис. 1: В).

Предполагаемые размеры срубов (по результатам раскопок) 4 (4,5) × 2 (3) м, высота – до 2 (2,5) м⁹. Внешний периметр стены мог состоять из 28–35 срубов (без учета второго ряда клетей с северной стороны). При рубке стен использовались бревна толщиной 22,5–27 см, иногда до 36 см

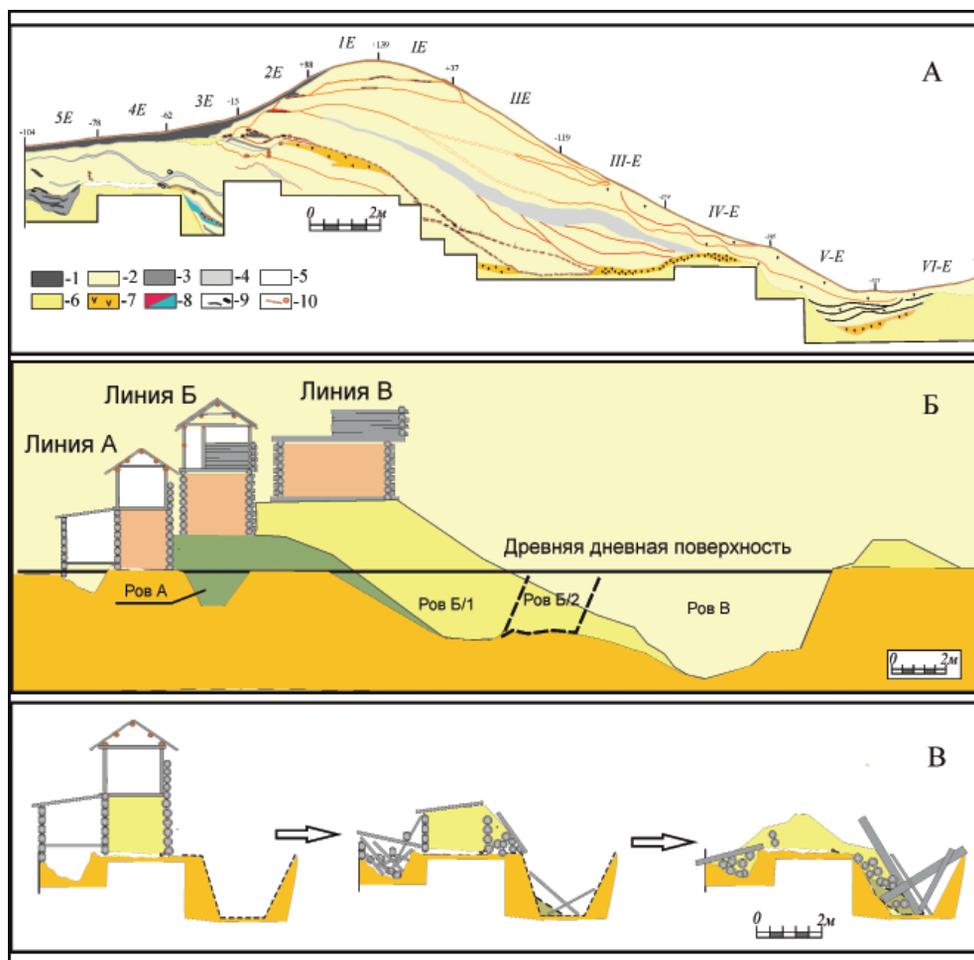


Рис. 2. Пожеское городище. Оборонительные линии северного участка. А – стратиграфия северной траншеи: 1 – серая супесь; 2 – желтый перемешанный песок; 3 – серый зольно-углистый песок; 4 – серый зольный песок; 5 – белесый подзолистый песок; 6 – желтый песок; 7 – темно-желтый песок; 8 – прокаленный песок; 9 – горелые плахи; 10 – истлевшее дерево. Б – этапы строительства оборонительных сооружений северного участка. В – схема разрушения оборонительных сооружений линии «А».

Fig. 2. Pozheg hillfort. Defensive lines of the northern site. A – stratigraphy of the northern trench: 1 – gray loam; 2 – yellow mixed sand; 3 – gray ash and coal sand; 4 – gray ash sand; 5 – whitish podzol sand; 6 – yellow sand; 7 – dark yellow sand; 8 – calcined sand; 9 – burnt half-round log; 10 – decayed wood. Б – stages of construction of defensive structures of the northern section. В – scheme of destruction of the defensive structures of line «A».

(Носов, 2013, с. 231)¹⁰. На один сруб уходило не менее 56 бревен, всех срубов по периметру – примерно 1600–2000 бревен.

Конструкция боевой площадки (заборолы), располагавшейся по верху стены, неизвестна, но она должна была обеспечивать не только всестороннюю защиту, но и возможность

ведения оборонительных действий защитниками (использование метательного оружия, оружия ближнего боя, тяжелых метательных снарядов и т. п.) (Носов, 2013, с. 65). Предполагается, что заборолы должны были иметь защитный парапет высотой 1–1,2 м, а общую высоту 2–2,5 м (Коваль, 2020, с. 265).

Земляные сооружения северного участка представлены внешним рвом и внутренней траншеей.

Ров «А» (рис. 2: А–В). Полный стратиграфический разрез отсутствует, контрэскарп не выявлен. В сечении, предположительно, имел подтрапециевидную форму. Предполагаемые размеры: длина 25–30 м, ширина (верх/низ) 2,5–3,3 м / 0,7–1,5 м, глубина 1,5–2 м. Объем котлована (предположительно) 58–120 м³. Заполнен фрагментами разрушенной стены: горелыми бревнами и песком (с мощными слоями прокала) (рис. 2: А).

Внутренняя траншея (рис. 2: А). Зафиксирована южнее тыльной стены городней в кв. 5Д–3, 6И–Л, 7Л, М. Размеры котлована: ширина (верх/низ) 1,5/1 м, глубина 0,6–1,0 м. Сечение в профиле подтрапециевидное неправильное. Объем котлована (предположительно) 30–37 м³. Заполнение: серый зольный песок и фрагменты сгоревшей деревянной конструкции в виде плах (?) продольных (длина до 4 м) и поперечных (до 2 м). Остатки конструкции залегают в основном в нижней части заполнения траншеи, по размерам и конструктивным особенностям близки срубам оборонительной стены.

Предполагаемые трудозатраты на копанье и выбрасывание грунта 28,5–47,1 человеко-дней (далее чел. дн.) (Урочные положения, 1832, с. 20, п. 37.). Засыпка в деревянные срубы с «уколачиванием песочной земли» (утрамбовывание грунта при помощи инструментов) 15–24 чел. дн. (Урочные положения, 1832, с. 30, п. 46). Общие трудозатраты на земляные работы могли составлять 43,5–71 чел. дн.

Можно предположить, что первые укрепления строились в спешке, на что указывают ошибки при возведении оборонительных сооружений на песчаных почвах: а) мелкий неукрепленный ров с крутым эскарпом¹¹,

б) узкая берма, в) внутренняя траншея, уменьшающая и ослабляющая опорную площадку для строительства стены.

Поселение погибло в сильном пожаре, стена под воздействием огня разрушилась, её остатки (обгоревшие бревна, осыпь забутовки) валообразно перекрыли несгоревшее основание каркаса, берму, осыпались в ров и траншею (рис. 2: В).

Линия «Б» (второй строительный период). Предварительно датируется первой половиной – серединой XIII в. Возведение более мощных укреплений второго строительного периода требовало расширения площадки к северу. Основанием новой фортификационной линии послужили руины стены А, которые хорошо прослеживаются в профиле северной траншеи (рис. 2: А).

В северной траншее (кв. 1–3Е – I–IIIЕ) зафиксированы остатки оборонительных сооружений из трех основных элементов: ров, площадка для строительства стены и стена из срубов, (рис. 2: А, Б). Изучение стратиграфического разреза в кв. 2–IVЕ позволяет высказать предположение, что северный участок линии «Б» мог перестраиваться. Причина реконструкции укреплений, вероятно, крылась в том, что стену возвели на насыпной площадке, не дожидаясь ее естественной усадки и уплотнения. Свеженасыпанный грунт не смог служить надежным фундаментом, просел и частично сполз в ров, стена также просела. Вследствие этого ров был сдвинут к северу, эскарп подсыпан и укреплен деревянной конструкцией, остатки которой прослеживаются по склону (рис. 2: А).

Ров «Б/1» (рис. 2: А, Б). Первоначально был выкопан примерно в 6–6,5 м севернее эскарпа рва линии А. В сечении, предположительно, имел подтрапециевидную форму. Полный стратиграфический разрез отсутству-

ет, контрэскарп не прослеживается, вероятно, срыт при расширении рва к северу. В кв. II, III фиксируется дно рва. Первоначально ров мог иметь размеры: длина около 34 м, ширина (верх/низ) примерно 7/2,5 м, глубина около 2,5 м (рис. 2: Б).

Учитывая невысокую плотность грунта, эскарп нуждался в укреплении, что возможно было решить двумя способами: закладкой склона насыпи под углом не более 35° и искусственным укреплением склона (Гольдин, Рассказов, 2001, с. 76–79). Стратиграфический разрез в кв. 1,2, I, II Е и раскопки в кв. 1,2, I 3–Л показали, что крутизна откоса эскарпа составила около 35° , по эскарпу зафиксированы прослойки древесного тлена, которые могли относиться к остаткам деревянной конструкции для укрепления насыпи и склона рва (рис. 2: А). Применение аналогичного фортификационного приема на древнерусских памятниках отмечали ряд российских исследователей. Ю.Ю. Моргунов считал, что следы наклоненных деревянных конструкций относятся к облицовке эскарпов (Моргунов, 2009, с. 29, 30, 266–277), а К.С. Носов полагает, что обкладывать («ослонять») бревнами ров или вал, предупреждая его оплывание, это известный прием древнерусской фортификации (Носов, 2013, с. 58).

Объем котлована рва (предположительно) около 408 м^3 . Предполагаемые трудозатраты на копание рва и выбрасывание грунта – около 133 чел. дн. (Урочные положения, 1832, с. 20, п. 37). Часть грунта (около 200 м^3) была использована на отсыпку площадки под стену. Остальной грунт пошел на засыпку городней. Равнение и утрамбовка грунта на подсыпку – 20 чел. дн. Засыпка в деревянные срубы с уколачиванием – около 34 чел. дн. (Урочное положение, 1832, с. 30, п. 46).

Общие трудозатраты на основные

земляные работы по линии Б/1 могли составлять около 187 чел. дн.

Полученный стратиграфический разрез по линии кв. Е позволяет предполагать, что оборонительные сооружения линии «Б» (ров «Б/1») были подвергнуты реконструкции, ров расширен до размеров: ширина (верх/низ) – не менее $8/4,5$ м, глубина – до 3 м (рис. 2: А, Б).

Стена «Б» (рис. 2: А, Б). Стратиграфический разрез, полученный в северной траншее, показывает, что стена сооружалась на подсыпке, перекрывшей остатки линии А. Подобный прием строительства встречается на памятниках русской фортификации X–XIII вв. (Носов, 2013, с. 30). Площадку утрамбовывали, эскарп делался пологим, также применялось укрепление склона различными способами (дерн, глина, деревянные конструкции). Срубные стены могли иметь незначительный фундамент в 1–3 венца, углубленных в землю на 0,3–0,5 м от дневной поверхности (Носов, 2013, с. 231).

Подсыпка для строительства стены «Б», предположительно, имела ширину в основании до 6 м, высоту – не менее 1 м. К фундаменту могут относиться остатки истлевших бревен в кв. 2Е (рис. 2: А).

Северный напольный фас новой стены был выдвинут вперед примерно на 3,5–4 м и заужен по сравнению с линией «А» до 4,5 м. Конструктивные особенности стены хорошо прослеживаются в северо-восточном секторе раскопа (рис. 1: В). Размер городни (по результатам раскопок северного и северо-восточного фаса) – $4,5 \times 2,5$ (3) м. Бревна стен соединялись «в обло», концы соединенных бревен могли довольно сильно выступать наружу. На Пожегском городище (северный и северо-восточный фаса) зафиксировано выступание бревен фронтальной стенки на расстояние до одного метра. Фрагменты сгоревших

деревянных конструкций фиксируются по краям площадки (линии кв. А, 2–4) (рис. 1: В). Общая протяженность оборонительных стен увеличилась до 140–150 м. По периметру площадки могло располагаться до 34 срубов. На их изготовление могло потребоваться примерно 1736–1900 бревен (без учета строительства заборол и других сооружений).

Следует отметить, что оборонительный комплекс «Б» обладал более мощными сооружениями (рис. 2: Б). Объем земляных работ в 2,5–3 раза превысил объем работ по линии «А», северный ров был увеличен в два раза, а его склоны укреплены. Высота северной стены увеличилась примерно на 1–1,5 м. Можно предположить, что сооружение предвратного пути по восточному склону также относится к этому времени. Таким образом, объем выполненных работ и их виды указывают на достаточно грамотную планировку оборонительных сооружений, а их перестройка со значительным усилением элементов подчеркивает стратегическую ценность поселения.

Оборонительные сооружения линии «Б» также погибли в пожаре, стена разрушилась, осыпь забутовки валообразно перекрыла несгоревшее остатки каркаса, берму и осыпалась в ров (рис. 2: А).

Линия «В» (третий строительный период). Предварительно датируется XIV в. При возведении укреплений произошло расширение площадки к северу (рис. 1: В; 2: А, Б). В северной траншее (кв. 2Е–VIЕ) зафиксированы остатки оборонительных сооружений линии «В», включающей три основных элемента: ров, площадка для строительства стены и стена из срубов (рис. 2). Вне пределов раскопа остался внешний вал, который исследованиям не подвергался.

Ров «В» (рис. 2: А, Б). Был выкопан примерно в 6–7 м севернее линии «Б». В сечении имел подтрапециевид-

ную форму, эскарп пологий (около 35°), контрэскарп более крутой (около 65°). Размеры рва (предположительно): длина 35 м, ширина (верх/низ) около 11/4,5 м, глубина около 4,5 м. Предполагаемый объем котлована – около 1050–1225 м³.

Трудозатраты на копание и выбрасывание грунта могли составить около 315–366 чел. дн., перевозка или переноска грунта – до 173 чел. дн. (Урочные положения, 1832, с. 24). При строительстве были выполнены и другие земляные работы: отсыпка площадки под строительство стены (около 465–524,5 м³), отсыпка внешнего вала (около 25 м³), засыпка стен (около 565–675 м³). Работы по выравниванию и утрамбовке грунта – около 48–54 чел. дн., засыпка в деревянные срубы с утрамбовыванием около 87–105 чел. дн. (Урочное положение, 1832, с. 30, п. 46). Общие трудозатраты на земляные работы по линии «В» могли составлять около 623–698 чел. дн. (в том числе примерно 173 чел. дн. на перевозку или переноску грунта).

Стена «В». Фрагменты сгоревшей стены в виде углистых прослоек, ориентированных вдоль линии рва, фиксируются по линии кв. 1, I (рис. 1: В). Стена возводилась на земляной подсыпке, перекрывшей остатки оборонительной линии «Б» (ширина до 10 м, высота до 1,5 м) (рис. 2: А, Б). Конструктивные особенности стены, в виду незначительности древесных остатков, установить невозможно. Стратиграфический разрез показал, что в кв. 1, IЕ поверх подсыпки, служившей основанием для строительства стены, прослеживается насыпная площадка (ширина в основании 3,5–4 м, высота до 0,5 м), которая, возможно, является остатками засыпки срубной стены.

Складывается впечатление, что укрепления линии «В» не были достроены (отсутствуют остатки разрушенных стен по склонам и во рву), а

поселение было заброшено. Косвенным подтверждением может являться малое количество находок, датированных XIV в. (Савельева, Кленов, 1995).

Заключение

Пожегское городище было основано в XII в., вероятнее всего, как один из самых северо-восточных форпостов (торговый и сторожевой пункт) Руси на пути в Зауралье. С площадки мыса, занимаемого им, хорошо просматривалась долина р. Выми на несколько километров вверх и вниз. Городище запирало устье р. Пожег, а также контролировало значительный участок пути, по которому могла осуществляться связь с Мезенью, Печорой и Вычегдой. Такое важное в стратегическом плане укрепленное поселение просуществовало достаточно длительный промежуток времени.

За время своего существования небольшое по размерам городище полностью сгорало не менее трех раз, что подтверждается результатами раскопок, но восстанавливалось с ещё более мощными укреплениями. В целом оборонительная система городища была представлена стандартным набором защитных элементов, включающим комплекс дерево-земляных сооружений, присущих любому укрепленному объекту подобного типа среди древнерусских (восточ-

ноевропейских) фортификационных сооружений. Таким образом, оно ничем принципиально не отличалось от небольших крепостей средневековой Руси.

Многие характеристики Пожегского городища сближают его с поселениями «замкового» типа: 1) наличие укреплений, 2) малая площадь городища, 3) находки предметов вооружения, стеклянных браслетов, 4) тесная связь с сельским хозяйством (Седов, 1960, с. 123). Однако топографическое положение городка, комплекс разнообразных дерево-земляных оборонительных сооружений, их перестройка со значительным усилением элементов – все это подчеркивает его стратегическую ценность.

Следует также заметить, что в регионе нет других так хорошо укрепленных поселений, которые функционировали бы с домонгольского времени. Остальные поселения этого периода не имеют укреплений или весьма условно относятся к категории городищ. Таким образом, Пожегское городище являлось не столько центром формирующейся сельской округи и погостом сборщиков дани, как это предполагалось ранее (Савельева, Кленов, 1992, с. 29–30), сколько должно было служить важной перевалочной базой на торговом пути в Зауралье.

Примечания

² В работах региональных исследователей соотносится с термином «пермь вычегодская», часто заменяется другими – пермь, вымская археологическая культура, вымская культура перми вычегодской.

³ В статье автор не будет останавливаться на характеристике проблем изучения средневековой фортификации на территории России. На эту тему со времен А.З. Теляковского и Ф.Ф. Ласковского (Теляковский, 1848; Ласковский, 1858) было издано множество работ, как общего плана, так и касающихся узких вопросов. Достаточно подробный анализ состояния проблемы содержится в трудах Ю.Ю. Моргунова, К.С. Носова, В.Ю. Ковалья, А.М. Губайдуллина и др. (Моргунов, 2009; Носов, 2009, 2013; Коваль, 2020; Губайдуллин, 2002, 2019). Автор не касается здесь работ А.Л. Монгайта, Н.Н. Воронина, П.А. Рапопорта, А.В. Кузы и других исследователей, чьи труды стали классическими и заняли достойное место в истории изучения данной проблемы.

⁴ Городища – разрушенный пункт с остатками различимых на местности следами защитных элементов крепостного комплекса (рвы, валы) (Моргунов, 2009, с. 18).

⁵ Контрэскарп – передняя (обращенная к противнику) отлогость наружного рва укреплений.

⁶ Остатки этих сооружений оборонительных линий А и Б были частично вскрыты в 1986, 1987 гг.

⁷ Проводилось корреляция с расчетами по трудоемкости оборонительных сооружений городища Иднакар (Коробейников, 2005). Все данные по суммарной пооперационной трудоемкости земляных работ, приведенные А.В. Коробейниковым, примерно соответствуют основным операциям из Урочного положения 1832 г.

⁸ Берма – горизонтальный уступ между верхним краем канавы и нижним краем вала (стены). Устраивается с целью уменьшения давлений на бока канавы и ее осыпи.

⁹ Минимальная высота городских стен 1,5–2 м (Моргунов, 2009, с. 70, 71).

¹⁰ Фрагменты обугленных бревен толщиной около 20 см были расчищены во рву.

¹¹ Эскарп – внутренний склон рва.

ЛИТЕРАТУРА

1. Губайдуллин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. 231 с.

2. Губайдуллин А.М. Фортификационный словарь. Казань: Институт истории АН РТ, 2006. 144 с.

3. Губайдуллин А.М. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв. // Археология Евразийских степей. 2019. № 3.323 с.

4. Гольдин А.П., Рассказов Л.Н. Проектирование грунтовых плотин. М.: Изд-во Ассоциации Строительных Вузов, 2001. 375 с. https://www.studmed.ru/goldin-a-rasskazov-1-proektirovanie-gruntovyh-plotin_43ef7cc9096.html (дата обращения: 19.08.2023).

5. Коваль В.Ю. Проблемы реконструкции русской средневековой деревянной фортификации // Археологические вести. Вып. 30. / Гл. ред. Н.В. Хвоцинская. СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 263–276.

6. Коробейников А.В. Историческая реконструкция по данным археологии. Ижевск: Изд-во НОУ КИГИТ, 2005. 180 с.

7. Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. I. Опыт исследования инженерного дела в России до XVIII столетия. СПб.: Тип. Императорской Акад. наук, 1858. 316 с. <https://runivers.ru/lib/book7859/453853/> (дата обращения: 16.06.2023).

8. Моргунов Ю.Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М.: Наука, 2009. 303 с.

9. Носов К.С. Русские крепости конца XV–XVII вв. СПб.: Нестор-История, 2009. 260 с.

10. Носов К.С. Русские средневековые крепости. М.: Эксмо, 2013. 352 с.

11. Рошефор Н.И. Иллюстрированное урочное положение. Петроград. 1916. 716 с. https://vk.com/doc570425163_553340933?hash=ZSZAHU9h7ksDOSEjxFtCr2ENacEYneX9RA8jzAcGthg (дата обращения: 22.03.2023).

12. Савельева Э.А., Клёнов М.В. Пожеское городище / Серия препринтов «Научные доклады Коми НЦ УрО РАН». Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 1992. Вып. 278. 34 с.

13. Савельева Э.А., Клёнов М.В. Пожеское городище // Славянская археология, 1990: Раннесредневековый город и его округа (Докл. конф., 8-12 апр. 1991 г., Псков / Отв. ред. В.В. Седов, А.В. Чернецов. М.: ИА РАН, 1995. С. 180–194.

14. Савельева Э.А., Клёнов М.В. Древнерусская колонизация Европейского Северо-Востока (XI–XIV вв. н.э.) // Археология Республики Коми. Ч. 6. Гл. 4 / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: ДиК. 1997. С. 651–691.

15. Седов В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. (VIII–XV вв.) / МИА. № 92. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 158 с.

16. Сидоров А.С. Памятники древности в пределах Коми края. По археологическим разведкам // Коми му. № 7 – 10. Устьсысольск. Типография Коми изд-ва. 1924. С. 51–64.

17. Теляковский А.З. Фортификация. Ч. 1. Полевая фортификация. СПб.: Тип. И.И. Глазунова и К°, 1848. 287 с. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003561375/ (дата обращения: 06.04.2023).

18. Урочные положения на все вообще работы, производящиеся при крепостях, гидротехнических сооружениях и гражданских зданиях: [Введ. в действие] 23 апр. 1832 г. Санктпетербург: Тип. Времен. деп. воен. поселений, 1832. XXVI, 565 с. <https://www.rplib.ru/item/459825> (дата обращения: 19.03.2023).

Информация об авторе:

Клёнов Михаил Викторович, научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар, Россия); Klenov_mv@mail.ru

FORTIFIED SETTLEMENTS OF THE XII–XIV CENTURIES IN THE EUROPEAN NORTHEAST. POZHEG HILL FORT (RECONSTRUCTION EXPERIENCE)²

M.V. Klenov

The article presents a brief review of the results of studies of the fortification lines of the Pozheg hillfort – the only well-fortified settlement studied in the European Northeast (Komi Republic), which functioned during the XII–XIV centuries. This small hillfort (about 1550 m²) was founded in the valley of the Vym River as an Old Rus outpost on the way to the Trans-Urals. It reached its greatest prosperity in the first half of the XIII century. The remains of buildings of three construction stages (XII, XIII and XIV centuries) have been studied by excavations at the site, the system of wood and earth fortifications (ditches, log walls, bulwarks) typical for small fortresses of medieval Russia has been discovered. An attempt is made to reconstruct the general appearance of the defensive structures of the Pozheg ancient settlement and a preliminary assessment of the main labor inputs in their construction is carried out. The types of fortress buildings are distinguished, the schemes of defensive lines, the size of the ancient settlement and their changes by stages of construction are considered.

Keywords: archaeology, European Northeast, medieval Rus, fortification, hillfort, reconstructions, planning grid.

REFERENCES

1. Gubaidullin, A. M. 2002. *Fortifikatsiia gorodishch Volzhskoi Bulgarii (Fortification of hillforts in Volga Bulgaria)*. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
2. Gubaidullin A. M. 2006. *Fortifikatsionnyi slovar' (Dictionary of Fortification)*. Kazan: Mardjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
3. Gubaidullin, A. M. 2019. *Fortifikatsiya v Srednem Povolzh'e v X – pervoy polovine XVI vv. (Fortification in the Middle Volga Region in the 10th – first half of the 16th Centuries)*. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3. Kazan (in Russian).
4. Gol'din, A. P., Rasskazov, L. N. 2001. *Proektirovanie gruntovykh plotin (Design of earth dam)*. Moscow: "Assotsiatsiya Stroitel'nykh Vuzov" Publ. (in Russian). https://www.studmed.ru/goldin-arasskazov-l-proektirovanie-gruntovyh-plotin_43ef7cc9096.html (accessed 19.08.2023).
5. Koval, V. Yu. 2020. In Khvoshchinskaya, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 30. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences Publ., 263–276 (in Russian).
6. Korobeynikov, A. V. 2005. *Istoricheskaya rekonstruktsiya po dannym arkheologii (Historical Reconstruction Based on Archaeological Data)*. Izhevsk: "NOU KIGIT" Publ. (in Russian).
7. Laskovskiy, F. F. 1858. *Materialy dlia istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii (Materials on the History of Engineering in Russia)* 1. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian). <https://runivers.ru/lib/book7859/453853/>
8. Morgunov, Yu. Yu. 2009. *Drevo-zemlianye ukrepleniia luzhnoi Rusi X–XIII vekov (Wood and Soil Fortifications of Southern Rus in the 10th–13th centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
9. Nosov, K. S. 2009. *Russkiye kreposti kontsa XV–XVII vv. (Russian fortresses of the late 15th–17th Centuries)*. St. Petersburg: "Nestor-Istoriya" Publ. (in Russian).
10. Nosov, K. S. 2013. *Russkiye srednevekovyye kreposti (Russian medieval fortresses)*. Moscow: "Eksmo" Publ. (in Russian)
11. Roshfor, N. I. 1916. *Ilyustrirovannoye urochnoye polozheniye (Illustrated building regulation)*. Petrograd. (accessed 22.03.2023). https://vk.com/doc570425163_553340933?hash=ZSZAHU9h7ksDOSEjxFTcR2EHacEYnEX9RA8
12. Savelyeva, E. A., Klenov, M. V. 1992. *Pozhegskoye gorodishche (The Pozhegskoe hill fort) (276)* (Seriya preprintov "Nauchnyye doklady Komi Research Center Ural Branch of the Russian Academy of Sciences). Syktyvkar, Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
13. Savelyeva, E. A., Klenov, M. V. 1995. In Sedov, V. V., Chernetsov, A. V. (ed.). *Slavyanskaya arkheologiya. Rannesrednekovyy gorod i yego okrug: Materialy po arkheologii Rossii. (Slavic*

The research was conducted according to the research work "Archaeological sources: description, systematisation and critical analysis (based on materials from the European North-East of Russia)" (2021-2025) No. GR 121051400045-9

archaeology. *Early medieval city and its neighbourhood: Materials on the archaeology of Russia*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 180–194 (in Russian).

14. Savelyeva, E. A., Klenov, M. V. 1997. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Arkheologiya Respubliki Komi (Archaeology of the Komi Republic)* 6. Moscow: "DiK" Publ., 651–691 (in Russian).

15. Sedov, V. V. 1960. *Sel'skiye poseleniya tsentral'nykh rayonov Smolenskoy zemli (VIII–XV vv.) (Rural settlements of the central regions of the Smolensk land (VIII–XV centuries))*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 92. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

16. Šidorov, A. S. 1924. In *Komi mu.* № 7–10. Ustysyl'sk , 51–64 (in Russian).

17. Telyakovskiy, A. Z. 1848. *Fortifikatsiya. Chast' I. Polevaya fortifikatsiya (Fortification. Part I. Field fortification)*. Saint Petersburg: "Tipografiya I.I. Glazunova i Ko" Publ. (in Russian).

18. Klyaynmikhel' (eds.). 1832. *Urochnye polozheniya na vse voobshche raboty, proizvodnyashchiesya pri krepostyakh, gidrotekhnicheskikh sooruzheniyakh i grazhdanskikh zdaniyakh : [Vved. v deystvie] 23 apr. 1832 g. (Building regulations for all general works on fortresses, hydraulic structures and civilian buildings)*. St. Petersburg: Printing Office of the Provisional Department of Military Settlements Publ., 565 (in Russian) /<https://www.prlib.ru/item/459825> (accessed 19.03.2023).

About the Author:

Klenov Mikhail V. Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center. Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Kommunisticheskaya St., 26, Syktyvkar, 167982, Republic of Komi, Russian Federation; Klenov_mv@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2024 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2024.2.48.154.174>

АРХИТЕКТУРНЫЙ ДЕКОР МАВЗОЛЕЯ 1 ХАНСКОГО НЕКРОПОЛЯ У ПОС. ЛАПАС АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ¹

© 2024 г. Е.М. Пигарёв, А.Г. Ситдигов

Представленная статья продолжает серию научных работ, посвященных исследованию центрального мавзолея 1 ханского некрополя у пос. Лапас Астраханской области. В ней рассматривается один из элементов архитектурного декора – изразец-перемычка, наиболее часто встречающийся и имеющий большое разнообразие видов. В статье рассматривается генезис этого вида изразца и пути его появления на территории Нижнего Поволжья. Привлечен широкий круг аналогий в памятниках средневековой архитектуры Средней Азии. Авторами проведен анализ этой группы изделий, подробно рассмотрены все встречающиеся виды орнаментов, определена схема фиксации размеров изделия. Впервые для изразцов-перемычек из этого мавзолея разработана подробная типология, включающая в себя все образцы, известные на памятнике к настоящему времени. Кроме архитектурных и художественных особенностей, изразцы-перемычки имеют функцию хрономаркера, позволяющую, вкупе с другими информационными источниками, датировать время строительства мавзолея.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Лапас, ханский некрополь, мавзолей, архитектурный декор, типология, перемычка, орнамент.

В первой половине XIII века в восточноевропейских степях, после завершения западного похода монгольских войск, возникло новое государство Улус Джучи (Золотая Орда). На протяжении XIII века происходило становление государственной структуры, сформировавшейся полностью к началу XIV века.

Центр государства сформировался к середине XIII в. на левом берегу Волги, где закрепился ханский домен. Границы ханского домена (области Сарай) соответствовали границам кочевья ханской орды: с запада до реки Дон, с востока до реки Урал, с севера до границы болгарских земель, с юга до волжской дельты. Низовья Волги, а точнее её дельта и Волго-Ахтубинская пойма, являлись столичным регионом, центром ханского домена, на протяжении всей истории золотоордынского государства. Именно здесь находились обе столицы Золотой Орды – города Сарай и Сарай-ал-

Джедид – и некрополь золотоордынских правителей (Лапасский комплекс мавзолеев).

Комплекс мавзолеев отражен в средневековых картах и описаниях Нижнего Поволжья в раннее Новое Время. Одно из ранних обозначений местоположения некрополя отмечено на итальянской карте 1367 г. братьев Пицигани с латинской надписью: «Гробницы императоров, умерших в районе Сарайской реки». Также этот комплекс фиксируется на карте венецианского монаха Фра-Мауро 1459 г. как «Императорские захоронения» («*Sepultura imperial*») (Чекалин, 1889, рис. 17; Falchetta, 2006, с. 92). Сведения об этом некрополе имеются также в «Книге путешествия» турецкого дипломата Эвлии Челеби, посетившего Нижнее Поволжье в 1665–1666 гг. (Эвлия Челеби, 1979, с. 134–135).

С 2013 по 2022 гг. проходил подготовительный период, предваряющий археологические раскопки памятни-

¹ Работы проводились в рамках выполнения Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020–2023 годы)» в рамках исполнения: п.1.15 «Проведение II этапа историко-археологических исследований (экспедиций) средневековых тюркотатарских городов за пределами Республики Татарстан».

ка, в это время проводились работы по тематическому дешифрованию материалов (ДЗЗ), геофизические исследования, был построен топографический план комплекса, проведена съемка территории с применением технологии воздушного лазерного сканирования. Многолетняя подготовка способствовала накоплению информационной базы о памятнике и разработке методики его дальнейшего исследования, что позволило в 2022 г. экспедиции Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ приступить к его изучению археологическими методами (Пигарев, Ситдииков, 2023, с. 209–212; Ситдииков и др., 2023, с. 259–270).

Общая площадь исследований 2022–2023 гг. составила около 1000 м², на раскопе были расчищены траншея внешней (западной) стены здания мавзолея и участок кирпичного пола. За два полевых сезона собраны строительные материалы и архитектурный декор мавзолея, состоящие из около 3000 предметов. Обработка этой коллекции позволила предложить классификацию и типологию как строительного материала, так и архитектурного декора, использованного при строительстве мавзолея. Из общей массы полученного материала было выделено четыре категории: обожженные кирпичи (категория I), изразцы жженые светло-глиняные (категория II), резная терракота (категория III) и плитчатая архитектурная керамика с подглазурной многоцветной росписью (категория IV), каждая из которых, в свою очередь, разделена на группы, типы и варианты (Зеленева и др., 2023, с. 8–20).

В настоящей работе мы проводим технологический анализ и предлагаем типологию одного из образцов архитектурного декора, использованного при декорировании стен мавзолея, входящего в Группу 5 Категории II – изразцы-перемычки («бантики») с би-

рюзовой поливой, трапециевидные в сечении, с рельефным оттиснутым в форме орнаментом, фасадные.

Изразец-«бантик» является типичным изразцом, его классической формой, с лицевой украшенной поверхностью и румпой – клиновидным удлинением тыльной стороны для осуществления связи с кладкой сооружения или остальной облицовкой. Изразцы выполнены путем вырезки из хорошо уплотненной керамической массы и покрыты бирюзовой глазурью. Как уже отмечалось выше, эта группа изразцов обычно использовалась в качестве перемычек при декоративной отделке фасадной и боковых стен здания спаренными кирпичами, являвшейся одной из самых распространенных декоративных приемов в монументальной архитектуре Средней Азии XI – начала XIII вв. (Хмельницкий, 1996, с. 49) (рис. 9).

Метод украшения зданий орнаментацией из облицовочного кирпича применялся в Средней Азии с начала XI в. до начала XIV в. В то же время известны архитектурные объекты, не носящие точной даты, но относимые на основании художественно-стилистических и технологических признаков к концу IX века. Памятники с кирпичной орнаментацией не сосредоточены в одном каком-либо месте, а встречаются по всей территории Средней Азии. По своему назначению они представляют собой постройки как светского, так и культового характера (Денике, 1939, с. 7).

Один из главнейших мотивов декорации стены облицовочным кирпичом – мотив ритмического чередования кирпичей и различных способов кладки. В XI в. в практику входит использование перемычек в виде «бантика», звездочки и в виде буквы «S» между спаренными кирпичами (Хмельницкий, 1996, с. 11, 49). Подобным путем оформлены мазар № 1 в группе мавзолеев Султан-Са-

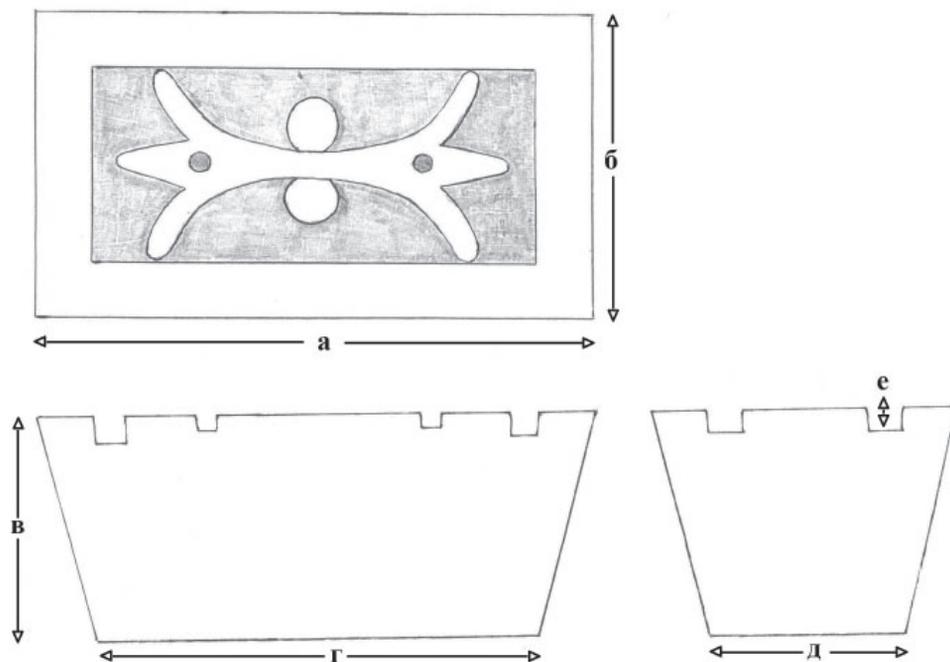


Рис. 1. Схема обмера изразцов.
Fig. 1. The scheme of measuring tiles.

адат в Термезе (Денике, 1939, с. 12); минареты Калян и Вабкентский, мечети Магок-и Атгари и Намазгах, Узгенский минарет, мавзолей Исмаила Самани в Бухаре (Нильсен, 1956, с. 61–68, 77, 89, 92–95; Нильсен и др., 1974, с. 17–18, 60–61; Кочнев, 1976, с. 32–33; Аманбаева и др., 2013, с. 71, 88; Иманкулов, Конкобаев, 2014, с. 67); мечеть Талхатан Баба, Намазгах XII в. в Мерве (Кочнев, 1976, с. 21, 24–28; Пугаченкова, 1958, с. 251–255; Кдырниязов и др., 2013, с. 193; Мамедов и др., 2013, с. 142); караван-сарай Дая-Хатын и Рабати-Шереф в Мерве, мечеть Маеджид ас-Сагит в Башане, мавзолей Аламбердара, Мухаммеда ибн-Зейда и Худай-Назар-овлия (Пугаченкова, 1958, с. 234–239, 245–247, 270–272, 306–309, 312–314; Кдырниязов и др., 2013, с. 193); мавзолей Абу Саида Абул Хайра Мехнеи и восточный караван-сарай городища Дехистан (Мамедов и др., 2013, с. 145, 154); мавзолей Ширгази-хана в Хиве

(Утегенова, 1999, с. 52); мавзолей Ходжа Нахшрои и Ходжа Машад в Таджикистане (Атаханов и др., 1994, с. 269); минарет XI в. комплекса Кусамы, медресе Кусамийа XI в. и угловая полуколонна здания № 37 в Самарканде (Немцева, 2019, с. 71, рис. 15, 17; с. 117, рис. 36, 42, 65; с. 138, рис. 71).

В XII–XIII вв. получило широкое распространение в Средней Азии украшение зданий резными терракотовыми плитками, или резанными от руки, или штампованными, и цветными поливными кирпичами. В XIII–XIV вв. происходит радикальное изменение облицовочных материалов: осваиваются приемы поливной, резной и тисненной плитками терракоты, следом развивается техника расписной майолики и мозаики на силикатной основе (Денике, 1939, с. 91, 104, 108; Нильсен, 1956, с. 107). В этот период в архитектурном оформлении зданий появляются поливные изразцы-перемычки «бантики».

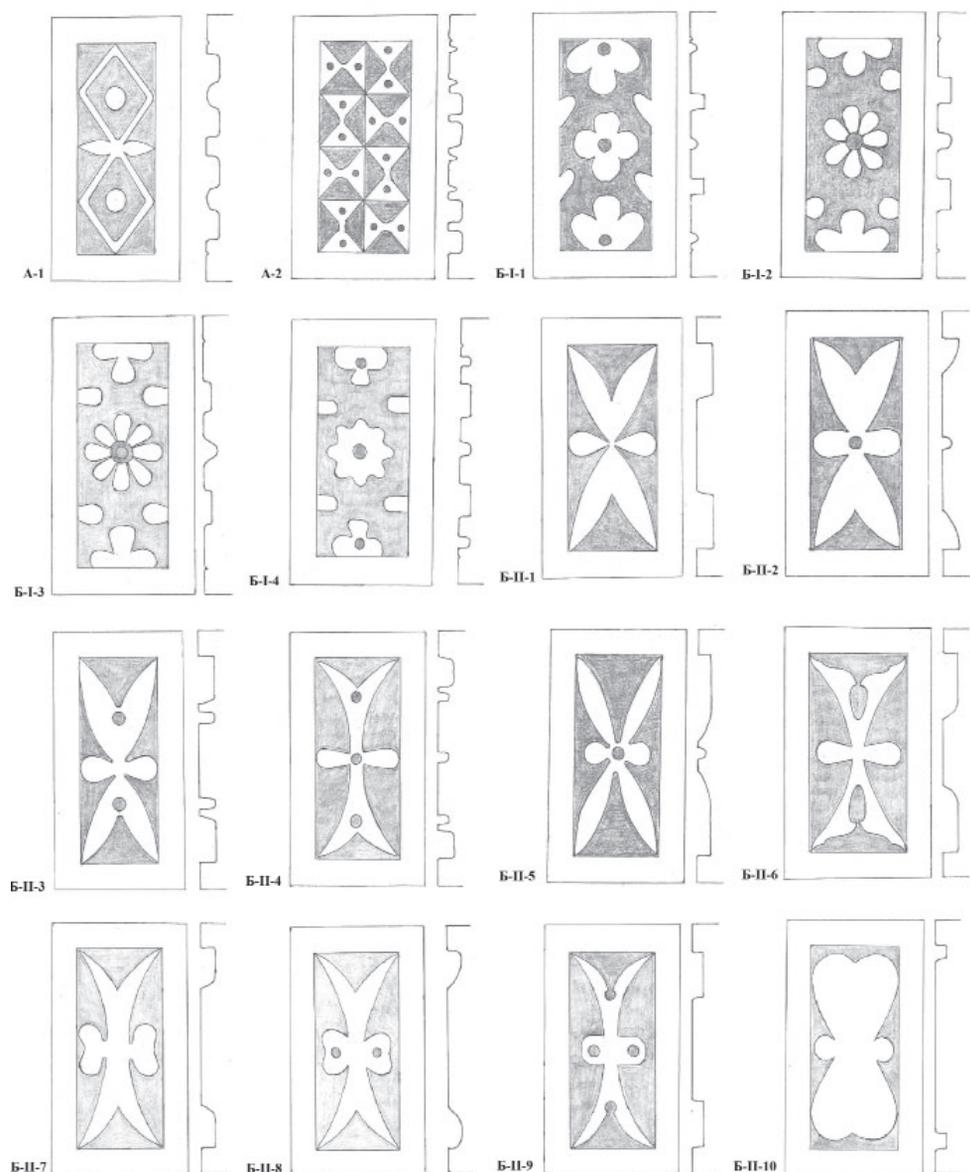


Рис. 2. Реконструкция орнамента изразцов: тип А/1, 2; Б-I/1-4; Б-II/1-10.

Fig. 2. Reconstruction of the tile ornament: type A/1, 2; B-I/1-4; B-II/1-10.

Эта группа изразцов обычно использовалась в качестве перемычек при облицовке фасада здания спаренными кирпичами. Размеры этих изразцов находятся в границах $10 \times 6 \times 4$ см с небольшими отклонениями в большую или меньшую сторону, в зависимости от типа. Изразцы этой группы представлены большим разнообразием вариантов орнамента – раститель-

ным, цветочным, геометрическим, с использованием сложной «плетенки» и соединением типов. Коллекция представлена 405 целыми и фрагментированными изделиями, из которых 235 экземпляров оказались пригодными для создания типологии. Для удобства дальнейшей работы Группа 5 Категории II разделена на Отделы, Подотделы и Типы, для каждого из

которых предложено описание и даны технологические характеристики, сведенные в Таблицу № 1. Размеры изразцов снимались по единой схеме (рис. 1).

Типология изразцов-перемычек группы 5 категории II.

Отдел А: геометрический орнамент.

Тип № 1: зеркальное изображение ромба с выпуклой точкой в центре, перекрестье в виде двух остроконечных листьев; бирюзовая полива; 2 экземпляра (рис. 2; 6).

Тип № 2: в два ряда, по четыре в каждом, элемент в виде «песочных часов» (соединенные вершинами треугольники) в шахматном порядке горизонтальное и вертикальное расположение; в центре каждого треугольника круглое углубление; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 2; 6).

Отдел Б: растительный орнамент.

Подотдел I: цветочная розетка.

Тип № 1: в центре изразца – четырёхлепестковая розетка с круглым углублением в центре, лепестки округлой формы; сверху и снизу – трёхлистники с круглыми углублениями в основании, листья округлой формы; с боков от рамки отходят по два косых удлиненно-округлых отростка; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 2; 6).

Тип № 2: в центре изразца – семилепестковая розетка с круглым углублением в центре, лепестки длинные округлые; сверху и снизу – трёхлистники с листьями округлой формы; с боков от рамки отходят по два округлых отростка; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 2; 6).

Тип № 3: в центре изразца – восьмилепестковая розетка с круглым конусовидным углублением в центре, лепестки длинные округлые; сверху и снизу – трёхлистники с листьями округлой формы; с боков от рамки отходят по два удлиненно-округлых отростка; бирюзовая полива; рекон-

струкция по фрагменту; 1 экземпляр (рис. 2; 6).

Тип № 4: в центре изразца – восьмилепестковая розетка с круглым углублением в центре, лепестки короткие округлые; сверху и снизу – трёхлистники с круглыми углублениями в центре, листья округлой формы; с боков от рамки отходят по два удлиненно-округлых отростка; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 2; 6).

Подотдел II: «двулистник».

Тип № 1: зеркальное изображение «двулистника», перекрестье в виде двух каплевидных листьев; бирюзовая полива (22 экз.), зеленая полива (1 экз.); 23 экземпляра (рис. 2; 6).

Тип № 2: зеркальное изображение «двулистника», перекрестье в виде двух округлых листьев с круглым углублением в центре; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 2; 6).

Тип № 3: зеркальное изображение «двулистника» с круглыми углублениями в месте соединения листьев; перекрестье в виде двух округлых листьев; бирюзовая полива; 59 экземпляров (рис. 2; 6).

Тип № 4: зеркальное изображение «двулистника», листья тонкие заостренные, перекрестье в виде двух округлых листьев; в центре перекрестья и в месте соединения листьев круглые углубления; бирюзовая полива; 3 экземпляра (рис. 2; 6).

Тип № 5: зеркальное изображение «двулистника», листья тонкие длинные; перекрестье в виде двух округлых листьев с круглым углублением в центре; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 2; 6).

Тип № 6: зеркальное изображение «двулистника»; листья фигурные, разделенные миндалевидным углублением; перекрестье в виде двух округлых листьев; бирюзовая полива; 14 экземпляров (рис. 2; 6).

Тип № 7: зеркальное изображение «двулистника», листья тонкие заостренные, перекрестье в виде двух

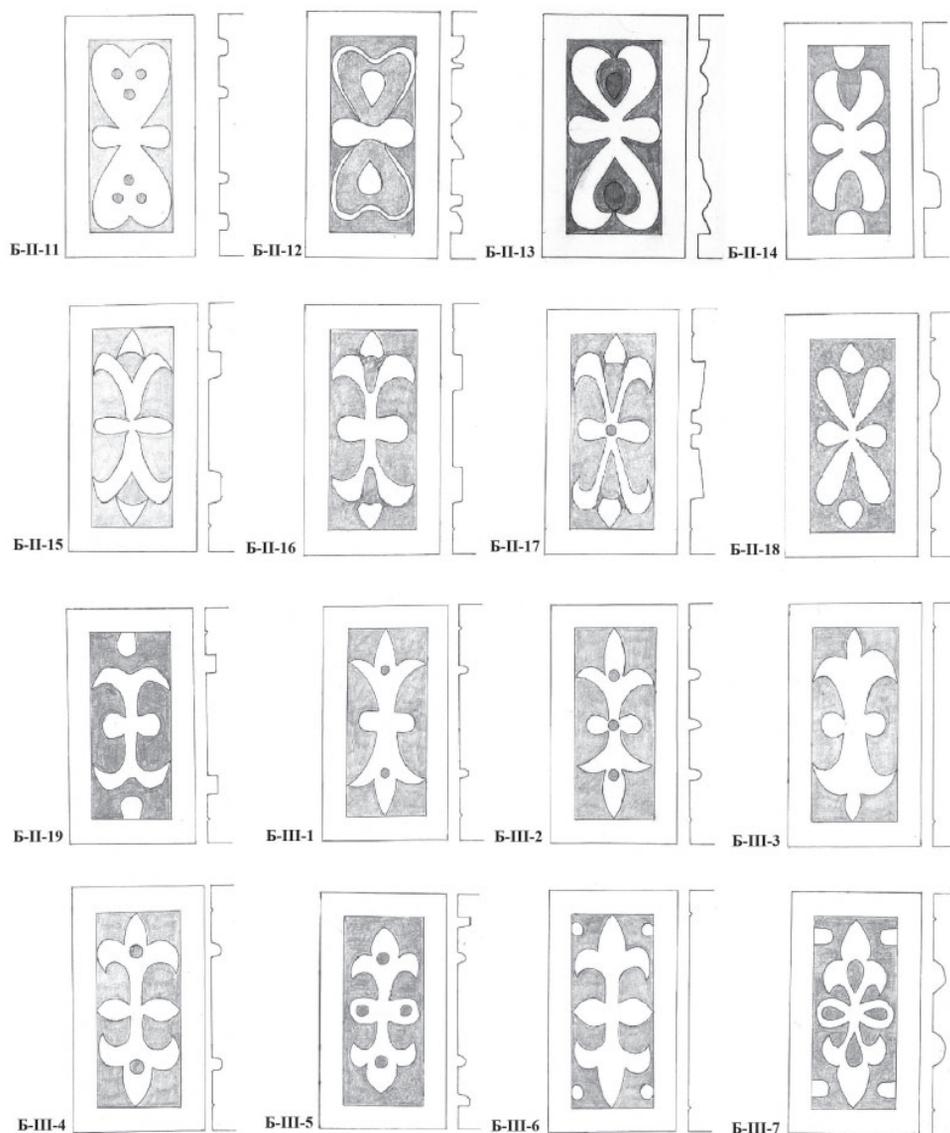


Рис. 3. Реконструкция орнамента изразцов: тип Б-II/11-19; Б-III/1-7.

Fig. 3. Reconstruction of the tile ornament: type B-II/11-19; B-III/1-7.

округлых раздвоенных листьев; бирюзовая полива; реконструкция типа по фрагменту; 1 экземпляр (рис. 2; 6).

Тип № 8: зеркальное изображение «двулистника», листья тонкие заостренные, перекрестье в виде двух округлых раздвоенных листьев, в центре которых круглые углубления; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 2; 6).

Тип № 9: зеркальное изображение «двулистника», листья тонкие заостренные, в месте соединения листьев круглые углубления; перекрестье в виде двух округлых листьев, в центре которых круглые углубления; бирюзовая полива; реконструкция типа по фрагменту; 1 экземпляр (рис. 2; 6).

Тип № 10: зеркальное изображение «двулистника», листья широкие,

округлые; перекрестье в виде двух округлых листьев; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 2; 6).

Тип № 11: зеркальное изображение «двулистника», листья широкие, округлые; в центре листьев по три круглых углубления; перекрестье в виде двух округлых листьев; бирюзовая полива; реконструкция типа по фрагменту; 1 экземпляр (рис. 3; 6).

Тип № 12: зеркальное изображение «двулистника», листья широкие, округлые, переданы тонкой линией; в центре листьев каплевидные выпуклости; перекрестье в виде двух округлых листьев; бирюзовая полива; реконструкция типа по фрагменту; 1 экземпляр (рис. 3; 6).

Тип № 13: зеркальное изображение «двулистника», листья округлые, заостренные кончики листьев загнуты вовнутрь; в центре листьев каплевидные углубления; перекрестье в виде двух округлых листьев; бирюзовая полива; 2 экземпляра (рис. 3; 6).

Тип № 14: зеркальное изображение «двулистника», листья округлые, заостренные кончики листьев загнуты вовнутрь; сверху и снизу между рамкой и листьями расположены круглые «ядра»; перекрестье в виде двух округлых листьев; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 3; 6).

Тип № 15: зеркальное изображение «двулистника», заостренные кончики листьев загнуты вниз в стороны; сверху и снизу между рамкой и листьями расположены треугольные «ядра»; перекрестье в виде двух округлых листьев; место соединения перекрестья и листьев узкое; бирюзовая полива; 2 экземпляра (рис. 3; 6).

Тип № 16: зеркальное изображение «двулистника», заостренные кончики листьев загнуты вниз в стороны; сверху и снизу между рамкой и листьями расположены треугольные «ядра»; перекрестье в виде двух округлых листьев; место соединения перекрестья и листьев широ-

кое; бирюзовая полива; 4 экземпляра (рис. 3; 6).

Тип № 17: зеркальное изображение «двулистника», заостренные кончики листьев загнуты вниз в стороны; сверху и снизу между рамкой и листьями расположены треугольные «ядра»; перекрестье в виде двух округлых листьев с круглым углублением в центре; бирюзовая полива; реконструкция по фрагменту; 1 экземпляр (рис. 3; 6).

Тип № 18: зеркальное изображение «двулистника», кончики листьев округлые; сверху и снизу между рамкой и листьями расположены каплевидные «ядра»; перекрестье в виде двух округлых листьев; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 3; 6).

Тип № 19: зеркальное изображение «двулистника», заостренные кончики листьев загнуты вниз в стороны; сверху и снизу от рамки отходят округлые отростки; перекрестье в виде двух округлых листьев; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 3; 6).

Подотдел III: «трилистник».

Тип № 1: зеркальное изображение «трилистника», кончики листьев заостренные, центральный листик длиннее боковых, боковые разведены в стороны; в центре «трилистников» круглые углубления; перекрестье в виде двух округлых листьев; бирюзовая полива; 3 экземпляра (рис. 3; 7).

Тип № 2: зеркальное изображение «трилистника», кончики листьев заостренные, центральный листик длиннее боковых, боковые разведены в стороны; в центре «трилистников» круглые углубления; перекрестье в виде двух округлых листьев, в центре круглое углубление; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 3; 7).

Тип № 3: зеркальное изображение «трилистника», кончики листьев заостренные, центральный листик короче боковых, боковые разведены в стороны и загнуты вниз; перекрестье в виде двух округлых листьев; рекон-

струкция по фрагменту; бирюзовая полива; 2 экземпляра (рис. 3; 7).

Тип № 4: зеркальное изображение «трилистника», кончики листьев заостренные, боковые листья разведены в стороны и загнуты вниз; в центре «трилистников» круглые углубления; перекрестье в виде двух длинных заостренных листьев; реконструкция по фрагменту; бирюзовая полива; 6 экземпляров (рис. 3; 7).

Тип № 5: зеркальное изображение «трилистника», кончики листьев заостренные, боковые листья разведены в стороны и загнуты вниз; в центре «трилистников» круглые углубления; перекрестье в виде двух округлых листьев, с круглым углублением в центре каждого листа; реконструкция по фрагменту; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 3; 7).

Тип № 6: зеркальное изображение «трилистника», кончики листьев заостренные, центральный листик длиннее боковых, боковые разведены в стороны и загнуты вниз; перекрестье в виде двух округлых заостренных листьев; в углах рамки по боковым сторонам по два круглых выступа; бирюзовая полива; 2 экземпляра (рис. 3; 7).

Тип № 7: зеркальное изображение «трилистника», кончики листьев заостренные, центральный листик крупнее боковых, боковые разведены в стороны и загнуты вниз, в них миндалевидные углубления; перекрестье в виде двух округлых листьев с миндалевидными углублениями; в углах рамки по боковым сторонам по два округлых выступа; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 3; 7).

Тип № 8: зеркальное изображение «трилистника», центральный листик заостренный, боковые – округлые; перекрестье в виде двух округлых листьев; реконструкция по фрагментам; бирюзовая полива; 5 экземпляров (рис. 4; 7).

Тип № 9: зеркальное изображение «трилистника», центральный листик

заостренный, боковые – округлые; в центре каждого «трилистника» круглое углубление; перекрестье в виде двух округлых вытянутых листьев; бирюзовая полива; 6 экземпляров (рис. 4; 7).

Тип № 10: зеркальное изображение «трилистника», листья заостренно-округлые; в центре каждого «трилистника» круглое углубление; перекрестье в виде двух округлых листьев; реконструкция по фрагменту; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 4; 7).

Тип № 11: зеркальное изображение «трилистника», листья округлые; в центре каждого «трилистника» круглое углубление; перекрестье в виде двух округлых листьев, в центре каждого – круглое углубление; бирюзовая полива; 6 экземпляров (рис. 4; 7).

Тип № 12: зеркальное изображение «трилистника», центральный лист заостренный, боковые округлые; в каждом «трилистнике» миндалевидное углубление; перекрестье отсутствует; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 4; 7).

Тип № 13: зеркальное изображение «трилистника», центральный лист заостренный, боковые округлые; в каждом «трилистнике» миндалевидное углубление; перекрестье отсутствует, его роль выполняют треугольные выступы с боковых стенок рамки; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 4; 7).

Тип № 14: зеркальное изображение «трилистника», центральный лист заостренный короткий; боковые листья округлые, широкие; в основании центральных листиков круглые углубления; перекрестье в виде двух округлых листьев; реконструкция по фрагменту; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 4; 7).

Тип № 15: зеркальное изображение «трилистника», центральный лист заостренный, боковые округлые, меньше размером; в каждом «трилистнике» миндалевидное углубление; перекрестье в виде двух узких округ-

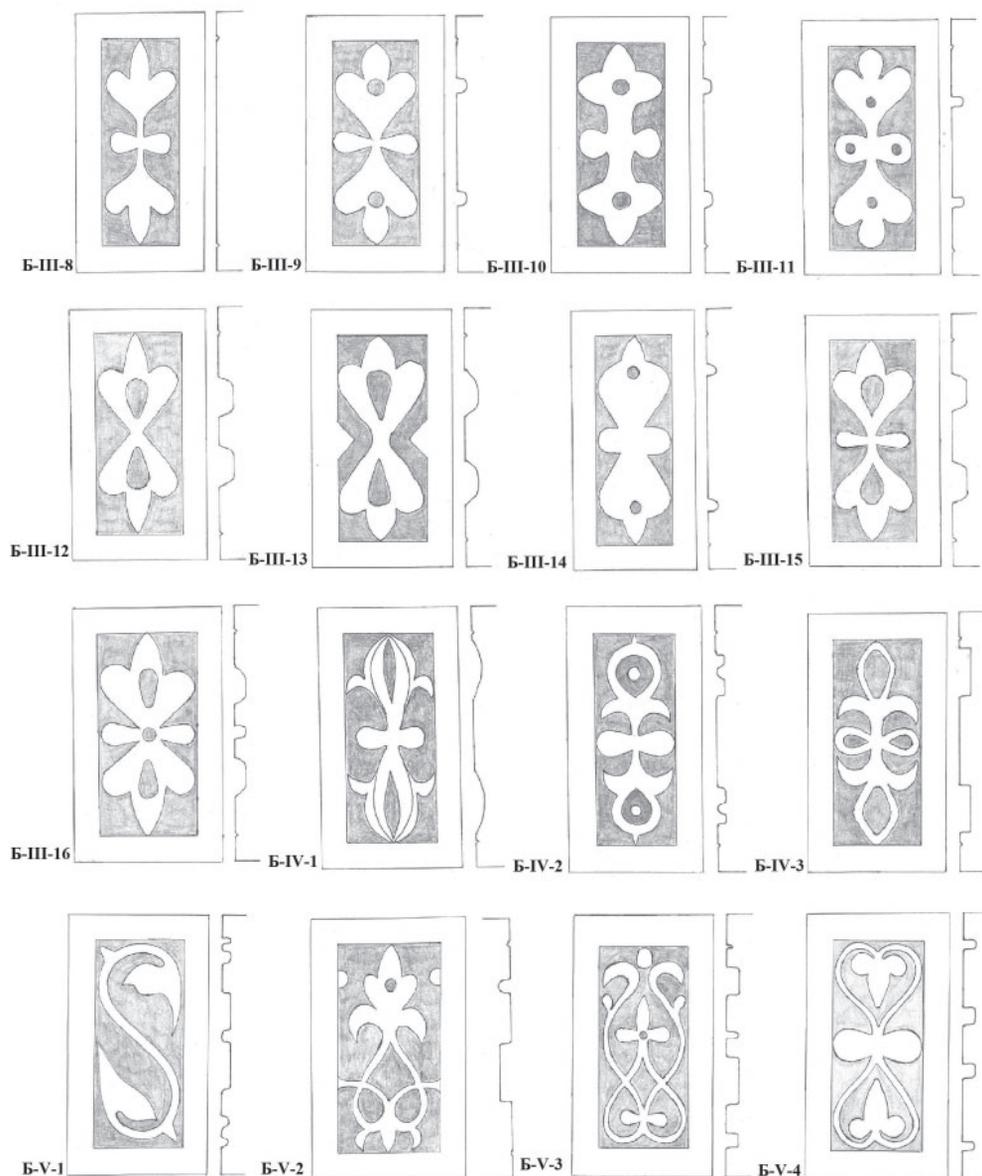


Рис. 4. Реконструкция орнамента изразцов: тип Б-III/8-16; Б-IV/1-3; Б-V/1-4.

Fig. 4. Reconstruction of the tile ornament: type B-III/8-16; B-IV/1-3; B-V/1-4.

глых листиков; бирюзовая полива; 15 экземпляров (рис. 4; 7).

Тип № 16: зеркальное изображение «трилистника», центральный лист заостренный, боковые округлые, меньше размером; в каждом «трилистнике» миндалевидное углубление; перекрестье в виде двух узких округлых листиков, в центре – кру-

глое углубление; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 4; 7).

Подотдел IV: «бутона».

Тип № 1: зеркальное изображение цветочного бутона с двумя заостренными, загнутыми вниз листиками небольшого размера; в центре бутона углубление в виде вытянутой линзы; перекрестье в виде двух округлых

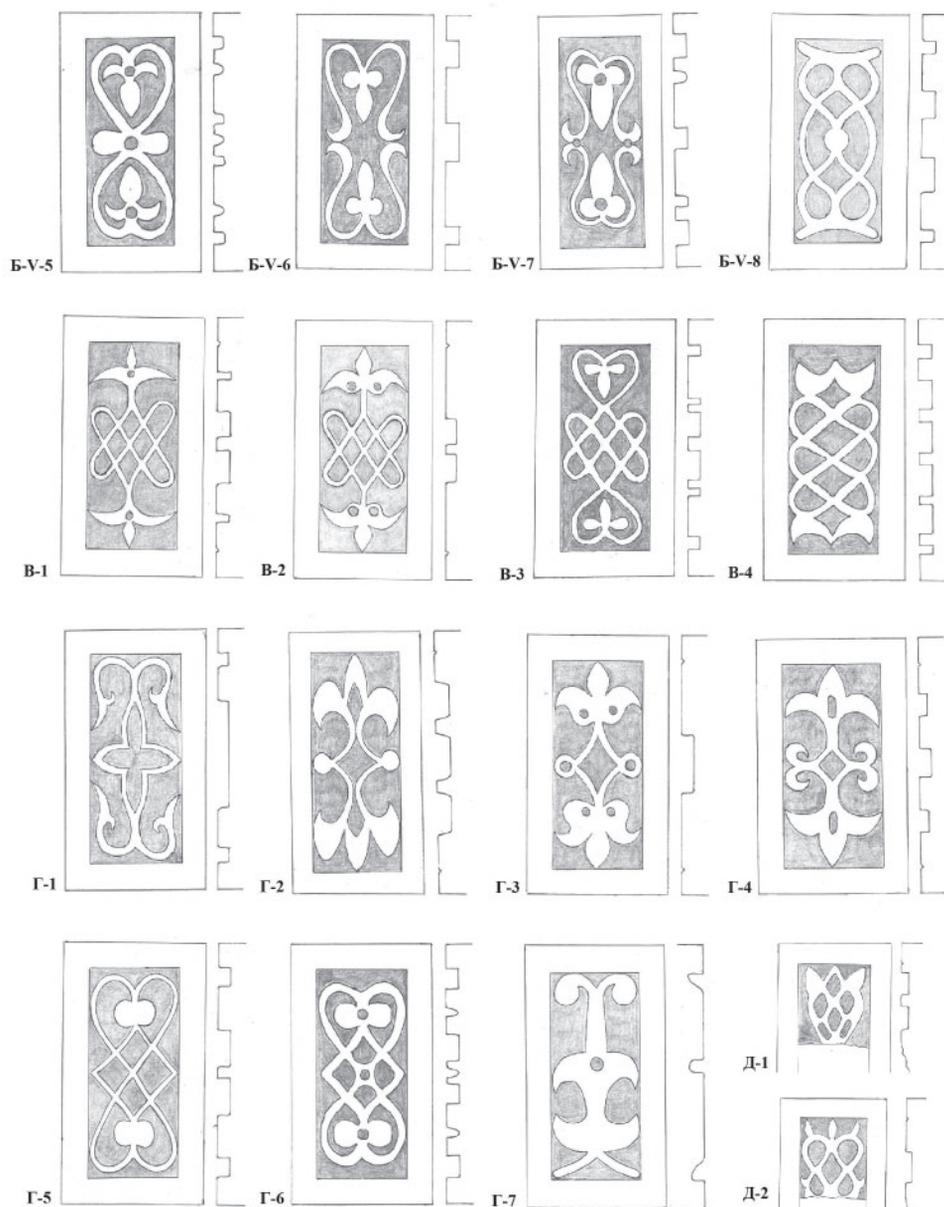


Рис. 5. Реконструкция орнамента изразцов: тип Б-V/5-8; В/1-4; Г/1-7; Д/1, 2.

Fig. 5. Reconstruction of the tile ornament: type B-V/5-8; C/1-4; G/1-7; D/1, 2.

листочков; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 4; 7).

Тип № 2: зеркальное изображение цветочного бутона с двумя заостренными, загнутыми вниз листиками небольшого размера; бутон круглой формы с треугольным навершием, с большим миндалевидным углубле-

нием и выпуклой точкой в центре; перекрестие в виде двух округлых вытянутых листиков; бирюзовая полива; 12 экземпляров (рис. 4; 7).

Тип № 3: зеркальное изображение цветочного бутона с двумя заостренными, загнутыми вниз листиками небольшого размера; бутон ромбо-

видной формы с закругленными углами, в центре такое же ромбовидное углубление; перекрестье в виде двух округлых вытянутых листьев с миндалевидными углублениями; реконструкция по фрагментам; бирюзовая полива; 3 экземпляра (рис. 4; 7).

Подотдел V: «плетение ветвей».

Тип № 1: зеркальное изображение ветви, сплетенной «S»-образно, с крупными листьями на концах и небольшими «шипами» на закруглениях; перекрестье отсутствует; реконструкция по фрагменту; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 4; 7).

Тип № 2: плетеные ветви образуют «луковицу» с расходящимися в стороны стеблями и вниз тремя «отростками-корнями»; в верхней части из «луковицы» выходит трехлепестковый бутон с круглым углублением в центре, центральный лист заостренный, боковые округлые; от бутона вниз расходятся два остроконечных листика; в верхней части изразца с боков от рамки два округлых выступа; бирюзовая полива; 3 экземпляра (рис. 4; 7).

Тип № 3: сложное плетение ветвей, образующее в нижней части «луковицу», переходящую в верхней части изразца в «лировидный» орнамент; во внутренней нижней части «луковицы» в плетении ветвей перекрестье в виде двух округлых удлиненных листьев; в верхней части «луковица» заканчивается «трилистником» с круглым углублением в центре; центральный лист удлиненно-заостренный, боковые удлиненно-округлые; ветви «лиры» заканчиваются остроконечными листьями, направленными вниз; на «плечиках» «лиры» округлые выступы; в верхней части изразца между «лирой» и рамкой овальный выступ; бирюзовая полива; 2 экземпляра (рис. 4; 7).

Тип № 4: зеркальное изображение плетения ветвей, образующих «луковицу» со свисающим внутрь «трилистником»; центральный лист удли-

ненно-заостренный, боковые листья округлые; перекрестье в виде двух округлых листьев; реконструкция по фрагментам; бирюзовая полива; 3 экземпляра (рис. 4; 7).

Тип № 5: зеркальное изображение плетения ветвей, образующих «луковицу» со свисающим внутрь «трилистником» с круглым углублением в центре; центральный лист удлиненно-заостренный, боковые листья заостренные, кончиками направленные вниз; перекрестье в виде двух округлых листьев с круглым углублением в центре; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 5; 7).

Тип № 6: зеркальное лировидное изображение плетения ветвей с закругленными острыми концами, со свисающим внутрь «трилистником»; центральный лист удлиненно-заостренный, боковые листья округлые; перекрестье отсутствует; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 5; 7).

Тип № 7: зеркальное лировидное изображение плетения ветвей с закругленными острыми концами, со свисающим внутрь «трилистником» с круглым углублением в центре; центральный лист удлиненно-заостренный, боковые листья округлые; в местах соприкосновения закругленных концов ветвей – круглые углубления; перекрестье отсутствует; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 5; 8).

Тип № 8: сложное зеркальное плетение ветвей, образующих две симметрично расположенные «луковицы» и овальную фигуру между ними; в центре овала в месте соединения ветвей круглый выступ; «луковицы» в основании имеют расходящиеся в стороны отростки; изображение симметричное; перекрестье отсутствует; реконструкция по фрагменту; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 5; 8).

Отдел В: «узел счастья».

Тип № 1: в центре поля изразца расположен «узел счастья», заканчивающийся сверху и снизу «трилист-



Рис. 6. Фототаблица: изразцы типов А/1, 2; Б-I/1-4;Б-II/1-19.

Fig. 6. Photo table: tiles of types A/1, 2; B-I/1-4; B-II/1-19.

никами» с круглыми углублениями в центре; листья тонкие, заостренные; боковые листья «трилистника» кончиками направлены вниз; перекрестье отсутствует; реконструкция по фрагменту; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 5; 8).

Тип № 2: в центре поля изразца расположен «узел счастья», за-

канчивающийся сверху и снизу «трилистниками», в каждом по два круглых углубления в основании; листья тонкие, заостренные; боковые листья «трилистника» кончиками направлены вниз; перекрестье отсутствует; реконструкция по фрагментам; бирюзовая полива; 6 экземпляров (рис. 5; 8).



Рис. 7. Фототаблица: изразцы типов Б-III/1-16; Б-IV/1-3; Б-V/1-6.

Fig. 7. Photo table: tiles of types B-III/1-16; B-IV/1-3; B-V/1-6.

Тип № 3: в центре поля изразца расположен «узел счастья», заканчивающийся сверху и снизу сплетением ветвей, образующим «луковицы» со свисающими «трилистниками»;

центральные листья «трилистников» заостренные, боковые – удлинено-округлые; перекрестье отсутствует; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 5; 8).

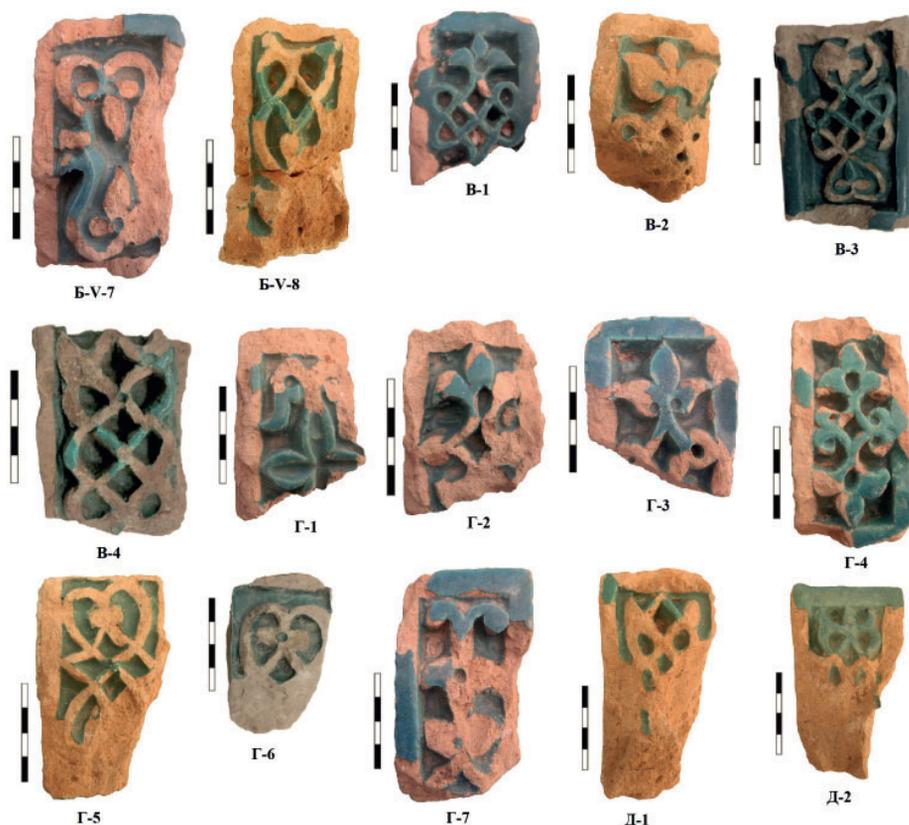


Рис. 8. Фототаблица: изразцы типов Б-V/7, 8; В/1-4; Г/1-7; Д/1, 2.

Fig. 8. Photo table: tiles of types B-V/7, 8; C/1-4; G/1-7; D/1, 2.

Тип № 4: центральную часть поля изразца занимает «узел счастья», который заканчивается сверху и снизу спаренными «лунницами»; перекрестье отсутствует; реконструкция по фрагменту; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 5; 8).

Отдел Г: «комбинированные».

Тип № 1: центральную часть поля изразца занимает крестообразная фигура, из верхнего и нижнего концов которой свисают две ветви с «двухлистниками»; изображение симметричное; перекрестье отсутствует; реконструкция по фрагментам; бирюзовая полива; 2 экземпляра (рис. 5; 8).

Тип № 2: центральную часть поля изразца занимает ромбовидная фигура, боковые углы которой заканчиваются круглыми выступами, а верхний

и нижний «трехлистниками» с ромбовидными углублениями; центральные листья округло-заостренные, боковые округлые, кончиками направленные вниз; изображение симметричное; перекрестье отсутствует; бирюзовая полива; 3 экземпляра (рис. 5; 8).

Тип № 3: центральную часть поля изразца занимает ромбовидная фигура, боковые углы которой заканчиваются круглыми выступами с круглыми углублениями, а верхний и нижний «трехлистниками», в основании которых по два круглых углубления; центральные листья округло-заостренные, боковые округлые, кончиками направленные вниз; изображение симметричное; перекрестье отсутствует; бирюзовая полива; 4 экземпляра (рис. 5; 8).

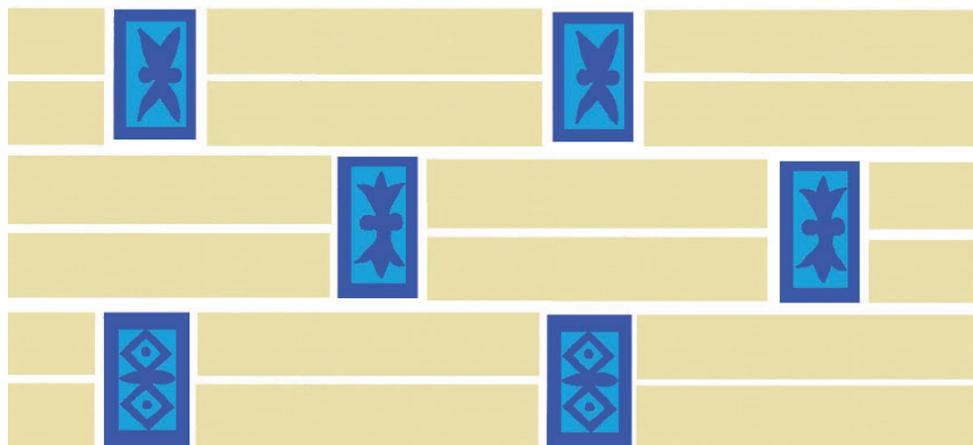


Рис. 9. Условная реконструкция кладки западной стены мавзолея.

Fig. 9. Conditional reconstruction of the masonry of the western wall of the mausoleum.

Тип № 4: центральную часть поля изразца занимает ромбовидная фигура, боковые углы которой заканчиваются закругленными «рожками», а верхний и нижний «трехлистниками» с овальными углублениями в центре углубления; центральные листья округло-заостренные, боковые круглые, кончиками направленные вниз; изображение симметричное; перекрестье отсутствует; бирюзовая полива; 4 экземпляра (рис. 5; 8).

Тип № 5: центральную часть поля изразца занимает квадрат, сформированный переплетающимися ветвями и разделенный ими внутри на четыре ромбовидных углубления; сверху и снизу ветви образуют «луковицы», соединяющиеся в центре квадрата; между верхним и нижним углами квадрата и ветвями расположены круглые «двулистники»; изображение симметричное; перекрестье отсутствует; бирюзовая полива; 2 экземпляра (рис. 5; 8).

Тип № 6: центральную часть поля изразца занимает квадрат, сформированный переплетающимися ветвями и разделенный ими внутри на четыре подтреугольных углубления, с круглым углублением в месте пересечения ветвей; сверху и снизу ветви об-

разуют «луковицы», соединяющиеся в центре квадрата; между верхним и нижним углами квадрата и ветвями расположены округлые «двулистники» с круглыми углублениями в центре; изображение симметричное; перекрестье отсутствует; реконструкция по фрагменту; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 5; 8).

Тип № 7: сложный стилизованный асимметричный орнамент в виде двух «двулистников», направленных округло-заостренными концами листьев друг к другу и соединенных между собой «стволом»; из нижнего «двулистника» расходятся в стороны отростки «корни»; в верхнем «двулистнике» круглое углубление; из верхнего «двулистника» отходит вверх «ствол», разделяющийся в стороны на две ветви с круглыми выступами; бирюзовая полива; 2 экземпляра (рис. 5; 8).

Отдел Д: тип не определен из-за фрагментарности.

Тип № 1: орнамент сохранился не полностью; сохранившаяся часть сюжета близка к типу Б-V-2; бирюзовая полива; 3 экземпляра (рис. 5; 8).

Тип № 2: орнамент сохранился не полностью; сохранившаяся часть сюжета близка к типу Б-V-2; бирюзовая полива; 1 экземпляр (рис. 5; 8).

Таблица 1

Технологическая характеристика изразцов-перемычек

№ типа	размер (min/max)						кол-во	прим.
	а	б	в	г	д	е		
Отдел А: геометрический орнамент								
1	99/100	56	38/50	75/92	39/47	9/10	2	
2	97	50	47	83	40	-	1	
Отдел Б: растительный орнамент								
Подотдел I: цветочная розетка								
1	98	60	43	93	50	-	1	
2	100	58	47	97	53	-	1	
3	-	52	34	-	44	12	1	
4	100	60	51	95	57	13	1	
Подотдел II: «двулистник»								
1	92/103	52/62	21/49	76/94	36/50	5/16	23	1 экз. с зеленой поливой
2	100	59	46	80	41	9	1	
3	94/106	54/62	28/54	77/97	37/55	5/15	59	
4	100/102	56/60	30/44	70/82	48/50	12/13	3	
5	97	55	40	75	-	-	1	
6	95/100	50/62	31/47	86	41/54	6/14	14	
7	-	54	43	-	31	10	1	
8	97	55	43	86	48	8	1	
9	-	57	36	-	-	12	1	
10	105	64	30	97	54	7	1	
11	-	58	34	-	48	9	1	
12	-	58	43	-	45	-	1	
13	96/98	59/60	31/42	75/96	42/56	9/11	2	
14	93	59	40	-	40	14	1	
15	95/96	56/65	34/38	-	47	12	2	
16	95/104	47/60	38/44	80/91	39/44	7/12	4	
17	-	65	22	-	-	8	1	
18	100	57	40	87	43	-	1	
19	90	52	30	87	50	-	1	
Подотдел III: «трилистник»								
1	99	58/60	34/35	-	44/45	7/11	3	
2	96	58	34	84	44	6	1	
3	-	54/58	42/46	-	-	7	2	
4	101	48/59	34/53	-	40/44	9/14	6	
5	-	55	-	-	-	-	1	
6	104/105	58/60	50/56	91/93	47	6/10	2	
7	100	60	45	90	48	-	1	
8	95	49/52	35/47	-	40/43	5/7	5	
9	99/105	54/62	34/60	75/104	33/52	10/17	6	
10	-	57	32	-	-	-	1	
11	100/105	57/60	49/54	64/77	35/38	9/15	6	
12	97	56	42	73	45	11	1	
13	103	57	40	96	40	-	1	
14	-	57	32	82	54	6	1	
15	100/103	55/66	29/43	85/99	42/57	8/15	15	
16	100	62	48	84	44	14	1	

Подотдел IV: «бутоны»							
1	98	50	50	82	47	-	1
2	94/105	50/58	40/48	70/86	33/48	4/7	12
3	98	57/60	42/45	-	-	12	3
Подотдел V: «плетение ветвей»							
1	102	60	53	80	52	10	1
2	101/102	58/62	41/65	91/100	48/55	10/14	3
3	102/103	57/68	56/58	70	42	9	2
4	-	58/62	40/50	-	57	5/7	3
5	95	65	38	-	57	-	1
6	105	60	40	100	56	-	1
7	100	57	52	75	46	13	1
8	104	57	55	80	50	13	1
Отдел В: «узел счастья»							
1	-	60	59	-	49	12	1
2	107	55/65	40/54	81	48/50	7/10	6
3	100	60	55	95	52	-	1
4	-	56	50	-	-	-	1
Отдел Г: комбинированный орнамент							
1	-	60	47	-	52	7/9	2
2	98	49/60	32/47	80	40/44	11/15	3
3	100	55/61	50/55	-	48	14	4
4	100/108	54/62	34/46	75/94	41	9/14	4
5	100	57/58	43/60	80	48	9	2
6	-	-	41	-	-	-	1
7	101	56/60	33/43	97	50	10/12	2
Тип не определен из-за фрагментарности							
1	97/105	54/62	49/57	74/81	34/38	10/12	3
2	104	60	38	92	54	7	1
Всего: 63 выделенных типа (235 экз.) и 2 неопределенных типа (4 экз.)							

Аналогии изразцам-перемычкам из мавзолея № 1 Лапасского комплекса мавзолеев мы находим на памятниках средневековой архитектуры Средней Азии. Несмотря на большое количество сохранившихся средневековых архитектурных объектов в этом регионе, изразцы-перемычки редко становились предметом специального изучения. К сожалению, описание и качество иллюстраций, представленных в работах коллег, часто не позволяют произвести соотнесение типов. Так, поливные изразцы-перемычки использованы в двух верхних орнаментальных поясах минарета в Куня-Ургенче, построенного между 1321 и 1336 г. (Денике, 1939, с. 25–27, рис. 14), в мавзолее 1360/61 г. в Самарканде (Немцева, 2019, рис. 89,

91), в мазаре Зенги-баба (Пугаченкова, 1958, с. 371), мавзолее Текеша (Пилявский, 1974, с. 33–36; Халимов, 1991, с. 33, рис. 3).

Некоторые типы изразцов с Лапасского комплекса имеют прямые аналогии на известных среднеазиатских памятниках. Тип Б-III-8 присутствует в архитектурном декоре портала караван-сарая первой половины XIV в. Куня-Ургенча (Мамедов и др., 2013, с. 143; Зиливинская, 2018, с. 36, 222, рис. 31). Типы Б-III-8, Б-III-14, Б-V-1, Г-3 и близкие по орнаменту к типам Б-V-1, Б-V-8 представлены в декорации мавзолея Мазлумхан-Сулу, построенного в начале XIV в. Геометрические и растительные орнаменты этого комплекса насчитывают 28 видов (Якубовский, 1930, с. 570; Кдыр-

ниязов, 1989, с. 112–113; Кдырниязов и др., 1999, с. 45–46; Кдырниязов и др., 2013, с. 193, 195, рис. 2–4; Искандерова, 2015, с. 68, рис. 2, 3). Изразцы-перемычки типов Б-III-8, Б-V-1, Б-V-8 использованы при оформлении домашней молельни в Миздахкане (Кдырниязов, 2017, с. 828, рис. 22; Iskanderova, 2020, с. 176, рис. 3).

В данной работе предложена типология изразцов-перемычек на данном этапе исследований центрального мавзолея в Лапасе, используемых в его архитектурном декоре. Разнообразие типов изразцов-«бантиков» и вариантов орнамента подчеркивает сложность общей схемы декорирования стен мавзолея, что, в свою очередь, говорит о высоком статусе лиц, погребенных в нем. Время их активного использования при оформлении этого здания определяется концом первой

трети XIV вв. Это не противоречит анализу нумизматического материала, полученного при изучении памятника (Пигарев, 2022, с. 298–300).

Без сомнения, созданию комплекса предшествовал тщательно разработанный проект, в котором решались не только инженерные и архитектурно-строительные вопросы, но и проблемы, связанные с логистикой, финансами и иными ресурсами. Комплекс Лапасских мавзолеев, и в первую очередь центральный мавзолей 1, даёт возможность оценить масштаб экономических ресурсов государством во время правления Золотой Ордой ханом Узбека. Реализацией этого грандиозного проекта хан Узбек преследовал вполне определенную цель – укрепление и легитимизацию собственной политической власти и закрепление мусульманских традиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аманбаева Б., Кольченко В., Сатаев К. Кыргызстан // *Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв.* Т. IV. Архитектура / Ред. М. Мамедов, Р. Мурадов. Самарканд-Ташкент: МИЦАИ, 2013. С. 55–91.
2. Атаханов Т.М., Мамадназаров М.Х. Обследование памятников архитектуры Гиссарской долины в 1984–1985 гг. // *Археологические работы в Таджикистане.* Вып. XXV / Ред. Б.А. Литвинский, Н.Н. Негматов, В.А. Ранов. Душамбе: Дониш, 1994. С. 262–288.
3. Денике Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.-Л.: Изд-во Всесоюзной Академии Архитектуры, 1939. 228 с.
4. Зеленева Ю.А., Пигарев Е.М., Сивицкий М.В., Ситдиқов А.Г. Строительные материалы мавзолея № 1 ханского некрополя у пос. Лапас (предварительный анализ) // *Поволжская археология.* 2023. № 4 (46). С. 8–20.
5. Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. II. Гражданское зодчество. Казань: Отечество, 2018. 353 с.
6. Иманкулов Ж., Конкобаев К. Архитектура Туркестана эпохи Караханидов (историко-теоретическое исследование). Анкара: Союз инженеров и археологов тюркского мира, 2014. 347 с.
7. Искандерова А.Д. Архитектурные изразцы из фонда Каракалпакского государственного краеведческого музея // *Археология Узбекистана.* 2015. № 1 (10). С. 65–74.
8. Кдырниязов М.-Ш. Материальная культура городов Хорезма XIII–XIV вв. Нукус: Каракалпакстан, 1989. 176 с.
9. Кдырниязов М.Ш., Уталиева С.А. Архитектурный декор золотоордынских памятников Миздахкана // *Вестник Каракалпакского отделения АН Республики Узбекистан.* 1999. № 2(160). С. 44–46.
10. Кдырниязов О.-Ш., Кдырниязов М.-Ш. Мазлумхан-Суду – уникальный памятник Хорезма эпохи Золотой Орды // *Поволжская археология.* 2013. № 4(6). С. 192–199.
11. Кдырниязов М.Ш. Кашин Хорезма // *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.* Т. 2. / Отв. ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдиқов. Казань-Кишинев: Stratum Plus. 2017. С. 813–833.
12. Кочнев Б.Д. Средневековые загородные культовые сооружения Средней Азии. Ташкент: Фан, 1976. 84 с.

13. Мамедов М., Мурадов Р. Туркменистан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв. Т. IV. Архитектура / Отв. за вып. М. Мамедов, Р. Мурадов. Самарканд-Ташкент: МИЦАИ, 2013. С. 131–158.

14. Немцева Н.Б. Ансамбль Шахи-Зинда: история – археология – архитектура. Самарканд: МИЦАИ, 2019. 310 с.

15. Нильсен В.А. Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI–XII вв. К вопросу о возникновении средневековой архитектуры в Средней Азии. Ташкент: Изд-во Академии наук Узбекской ССР, 1956. 157 с.

16. Нильсен В.А., Манакова В.Н. Архитектурный декор памятников Узбекистана. Л.: Стройиздат, 1974. 272 с.

17. Пигарёв Е.М. Формирование на Нижней Волге столичного центра Улуса Джучи в эпоху правления хана Узбека (анализ нумизматического материала) // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 295–303.

18. Пигарёв Е.М., Ситдиқов А.Г. Мавзолейный комплекс у с. Лапас Астраханской области (из полевого дневника В.В. Дворниченко) // Поволжская археология. 2023. № 2 (44). С. 209–220.

19. Пилявский В.И. Куня-Ургенч. Л.: Стройиздат, 1974. 71 с.

20. Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 493 с.

21. Ситдиқов А.Г., Пигарёв Е.М., Сарыбаев М.К. Комплекс мавзолеев у с. Лапас: к вопросу об атрибуции памятника // Археология Евразийских степей. 2023. № 6. С. 259–270.

22. Утегенова У. Декор интерьера мавзолея Мазлумхансулу на Миздакхане (XIII в.) // Вестник Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан. 1999. № 1(159). С. 52.

23. Халимов Н.Б. Памятники Ургенча (сооружения, надписи и легенды). Ашхабад: Туркменистан, 1991. 136 с.

24. Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII вв. Ч. I. Берлин; Рига: GamaJun, 1996. 336 с.

25. Якубовский А. Городище Миздакхан // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. Т. V / Ред. В.В. Бартольд. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1984. С. 551–581.

26. Iskanderova A. Dekorelemente und Ephigraphik der Bauten und Grabmäler Choresmiens // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Band 49. 2017 (2020) Berlin: Deutsche Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung, 2017 (2020). P. 173–190.

Информация об авторах:

Пигарёв Евгений Михайлович, кандидат исторических наук, начальник Учебно-научного археолого-этнологического центра (УНАЭЦ), Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); старший научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); pigarev1967@mail.ru

Ситдиқов Айрат Габитович, доктор исторических наук, академик АН РТ, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; зав. кафедрой, профессор, декан Высшей школы исторических наук и Всемирного культурного наследия, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

ARCHITECTURAL DECORATION OF THE MAUSOLEUM NO. 1 OF THE KHAN NECROPOLIS NEARBY THE VILLAGE OF LAPAS IN THE ASTRAKHAN REGION

E.M. Pigarev, A.G. Sitdikov

This article continues a series of scientific works aimed at the study of the central mausoleum of the Khan necropolis nearby the village of Lapas in the Astrakhan region. It deals with one of the elements of architectural decoration – a tile-lintel, most often found and having a wide variety of types. The article examines the genesis of this type of tile

The works were carried out as a part of the State program of the Republic of Tatarstan "Preservation of the national identity of the Tatar people (2020-2023)" within the execution: p.1.15 "Conducting the II stage of historical and archaeological research (expeditions) of medieval Turkic Tatar cities outside the Republic of Tatarstan".

and the ways of its appearance in the Lower Volga region. A wide range of analogies at the sites of medieval architecture of Central Asia is engaged. The authors made a technological analysis of this group of items, examined in detail all the types of revealed ornaments, and determined a scheme for recording the sizes of the findings. For the first time, a detailed typology has been developed for the tiles-lintels, including all the samples known on the site to date. In addition to architectural and artistic features, tiles-lintels have a chrono-marker function, allowing, together with other information sources, to date the construction time of the mausoleum.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Lapas, Khan necropolis, mausoleum, architectural decor, typology, tile-lintel, ornament.

REFERENCES

1. Amanbaeva B., Kolchenko V., Sataev K. 2013. In Mamedov, M., Muradov, R. (eds.). *Khudozhestvennaya kul'tura Tsentral'noy Azii i Azerbaydzhana IX–XV vv. T. IV. Arkhitektura (Artistic Culture of Central Asia and Azerbaijan of the 9th–15th cc. Vol. IV. Architecture)*. Samarkand-Tashkent: "MITsAI" Publ., 55–91 (in Russian).
2. Atakhanov, T. M., Mamadnazarov, M. Kh. 1994. In Litvinskiy, B.A., Negmatov, N.N., Ranov, V.A. (eds.). *Arkheologicheskie raboty v Tadjikistane (Archaeological works in Tajikistan)* 25. Dushambe: "Donish" Publ., 262–288 (in Russian).
3. Denike, B. P. 1939. *Arkhitekturnyy ornament Sredney Azii (Architectural ornament of Central Asia)*. M.-L.: Izd-vo Vsesoyuznoy Akademii Arkhitektury, 1939. 228 s.
4. Zeleneev, Yu. A., Pigarev, E. M., Sivitskiy, M. V., Sitdikov, A. G. 2023. In *Povolzhskaya arkhеologiya (Volga River Region Archaeology)* 46 (4), 8–20 (in Russian).
5. Zilivinskaya, E. D. 2018. *Arkhitektura Zolotoi Ordy (Architecture of the Golden Horde) 2. Grazhdanskoe zodchestvo (Civil Architecture)*. Moscow; Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).
6. Imankulov, Zh., Konkobaev, K. 2014. *Arkhitektura Turkestana epokhi Karakhanidov (istoriko-teoreticheskoe issledovanie) (Architecture of Turkestan of the Karakhanid period (historical and theoretical study))*. Ankara: Soyuz inzhenerov i arkhеologov tyurkskogo mira (in Russian, in Turkey).
7. Iskanderova, A. D. 2015. In *Arkheologiya Uzbekistana (Archaeology of Uzbekistan)*, 1(10), 65–74 (in Russian).
8. Kdyrniyazov, M.-Sh. 1989. *Material'naya kul'tura gorodov Xorezma XIII–XIV vv. (Material culture of the cities of Khwarezm in the 13th–14th centuries)*. Nukus: "Karakalpakstan" Publ. (in Russian).
9. Kdyrniyazov, M. Sh., Utaliyeva, S. A. 1999. In *Vestnik Karakalpakskogo otdeleniya Akademii Nauk Respubliki Uzbekistan (Bulletin Karakalpak branch of the Academy of Sciences of Republic of Uzbekistan)* 2 (160), 44–46 (in Russian).
10. Kdyrniyazov, O.-Sh., Kdyrniyazov, M.-Sh. 2013. In *Povolzhskaya arkhеologiya (Volga River Region Archaeology)* 6 (4), 192–199 (in Russian).
11. Kdyrniyazov, M. Sh. 2017. In Bocharov, S. G., François, V., Sitdikov, A. G. (eds.). *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and the Black Sea Region, 10th–18th Centuries)* 2. Kazan-Chisinau: "Stratum Plus" Publ., 813–833 (in Russian).
12. Kochnev, B. D. 1976. *Srednevekovye zagorodnye kul'tovye sooruzheniya Sredney Azii (Medieval suburban worship buildings of Central Asia)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
13. Mamedov, M., Muradov, R. 2013. In Mamedov, M., Muradov, R. (eds.). *Khudozhestvennaya kul'tura Tsentral'noy Azii i Azerbaydzhana IX–XV vv. T. IV. Arkhitektura (Artistic Culture of Central Asia and Azerbaijan of the 9th–15th cc. Vol. IV. Architecture)*. Samarkand-Tashkent: "MITsAI" Publ., 55–91 (in Russian).
14. Nemtseva, N. B. 2019. *Ansambl' Shakhi-Zinda: istoriya – arkhеologiya – arkhitektura (Shakhi-Zinda Ensemble: History – Archaeology – Architecture)*. Samarkand: "MITsAI" Publ. (in Russian).
15. Nil'sen, V. A. 1956. *Monumental'naya arkhitektura Bukharskogo oazisa XI–XII vv. K voprosu o voznikovenii srednevekovoy arkhitektury v Sredney Azii (Monumental architecture of the Bukhara Oasis of the XI–XII centuries. To the question of the emergence of medieval architecture in Central Asia)*. Tashkent: Publishing House of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR (in Russian).
16. Nil'sen, V. A., Manakova, V. N. 1974. *Arkhitekturnyy dekor pamyatnikov Uzbekistana (Architectural decor of Uzbekistan sites)*. Leningrad: "Stroyizdat" Publ. (in Russian).
17. Pigarev, E. M. 2022. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 295–303 (in Russian).
18. Pigarev, E. M., Sitdikov, A. G. 2023. In *Povolzhskaya arkhеologiya (Volga River Region Archaeology)* 44 (2), 209–220 (in Russian).
19. Pilyavskiy, V. I. 1974. *Kunya-Urgench (Kunya-Urgench)*. Leningrad: "Stroyizdat" Publ. (in Russian).

20. Pugachenkova, G. A. 1958. *Puti razvitiia arkhitektury luzhnogo Turkmenistana pory rabovlendeniia i feodalizma (Ways of Development of South Turkmenistan Architecture during Slavery and Feudalism)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

21. Sitdikov, A. G., Pigarev, E. M., Sarybaev, M. K. 2023. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 259–270 (in Russian).

22. Utegenova, U. 1999. 1999. In *Vestnik Karakalpakskogo otdeleniya Akademii Nauk Respubliki Uzbekistan (Bulletin Karakalpak branch of the Academy of Sciences of Republic of Uzbekistan)* 1 (159), 52 (in Russian).

23. Khalimov, N. B. 1991. *Pamyatniki Urgench (sooruzheniya, nadpisi i legendy) (Urgench monuments (structures, inscriptions and legends))*. Ashkhabad: “Turkmenistan” Publ. (in Russian).

24. Khmel'nitskii, S. 1996. *Mezhdru Samanidami i mongolami. Arkhitektura Srednei Azii XI – nachala XIII vv. (Between the Samanids and Mongols: Architecture of Central Asia in 11th – Early 13th Centuries)*. Part I. Berlin; Riga: “Gamajun” Publ. (in Russian).

25. Yakubovskiy, A. 1984. In Bartold, V. V. (ed.). *Zapiski kollegii vostokovedov pri Aziatskom muzee Akademii nauk SSSR. T. V (Notes of the College of Orientalists at the Asian Museum)*. Vol. 5. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 551–581 (in Russian).

26. Iskanderova A. 2020. In *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. Band 49. 2017 (2020) Berlin: Deutsche sArchäologisches Institut, Eurasien-Abteilung.

About the Authors:

Pigarev Evgeniy M. Candidate of Historical Sciences. The Educational and Scientific Archaeological and Ethnological Center. Mari State University. Ryabinin St., 8, Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; pigarev1967@mail.ru

Sitdikov Airat G. Doctor of Historical Sciences. Academician of the TAS. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Professor. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2024 г.

ГОРОДНИ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В КОНЦЕ XVI–XVII ВЕКАХ¹

© 2024 г. С.В. Горохов

В письменных источниках и историографии по архитектуре фортификационных сооружений Русского государства в Сибири и на Дальнем Востоке присутствует путаница в употреблении терминов «городни» и «тарасы», относящихся к конструкции стен. Цель исследования, результаты которого представлены в статье, состояла в выяснении значения термина «городни» в документах конца XVI–XVII вв. Источниковая база представлена письменными, археологическими и картографическими материалами. Установлено, что термин «городни» является более ранним по отношению к термину «тарасы». Смена терминологии не отражала изменения конструкции стен. В исследуемом регионе такая конструкция оборонительных стен как городни не применялась. Оба эти термина подразумевают тарасную конструкцию, которая до середины XVII в. в письменных источниках называлась «городни», а со второй половины XVII в. преимущественно «тарасы».

Ключевые слова: археология, Сибирь, Дальний Восток, Русское государство, фортификация, городни, тарасы.

С фортификационной точки зрения наиболее мощными стенами оборонительных сооружений в Сибири и на Дальнем Востоке были венчатые (рубленные) стены. Принято выделять два типа таких стен: «городни» и «тарасы». Под городнями большинство исследователей подразумевают отдельные срубы, поставленные вплотную друг к другу. Под тарасами – две параллельные венчатые стены с перерубами (рис. 1). В письменных источниках по фортификации Русского государства в Сибири и на Дальнем Востоке, а также в историографии присутствует некоторая путаница и противоречивость в употреблении этих терминов при описании конструкции стен оборонительных сооружений. В настоящей статье представлены результаты исследования, цель которого состояла в разрешении вопроса о том, что подразумевалось под термином «городни» в письменных источниках. Фактологическую базу исследования составили письменные, археологические и картографические материалы.

В Сибири и на Дальнем Востоке было возведено 20 деревянных оборонительных сооружений, которые по данным письменных источников и/или по мнению исследователей располагали стенами из городней: Албазинский острог, Березов, Верхотурье, Зашиверск, Иркутск, Кабанский острог, Лозьвинский городок, Мангазея, Олекминский острог, Пелым, Саянский острог, Селенгинск, Сургут, Тара, Тобольск, Томск, Туринский острог, Туруханск, Тюмень, Удинский острог (рис. 2, табл. 1).

Согласно Росписи Албазинского острога за 1684 г., «с трех сторон по острогу нарублены городни» (Роспись..., 1992, с. 110). Однако в ходе многолетних археологических раскопок были выявлены только остатки тыновых стен. Как убедительно показано в статье В.И. Трухина и Б.П. Яровой, в Росписи была допущена ошибка, в результате которой «нагородни» превратились в «городни» (Трухин, Яровой, 2022).

По данным письменных источников в 1607 и 1636 гг., стены Бе-

¹ Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020–0021).

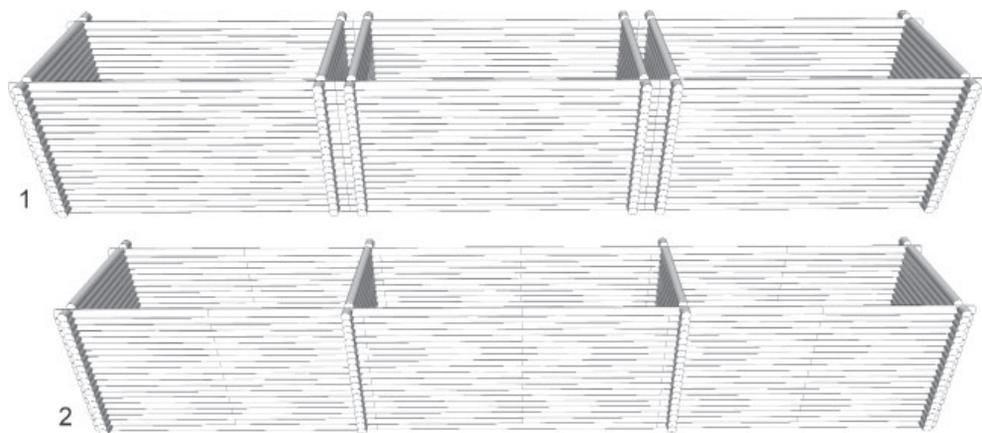


Рис. 1. Виды венчатых (рубленых) стен. 1 – городни; 2 – тарасы.

Fig. 1. Types of log (chopped) walls. 1 – gorodni; 2 – tarasas.

резова состояли из городен (Визгалов и др., 2023, с. 27; Миллер, 1937, с. 196). Авторы монографии о истории и археологии Березова, ссылаясь на письменные источники, также пишут, что стены были представлены «городнями (срубам)», но на графических реконструкциях изображают тарасы (Визгалов и др., 2022, с. 34, 37, 40, 44, 45, 48). В ходе археологических раскопок был исследован участок стены конца XVI в. На фотографии раскопа отчетливо видно, что внутренняя и внешняя венчатые стены соединены одинарным перерубом (Визгалов и др., 2023, с. 35), что является свидетельством того, что стена имела тарасную конструкцию. В противном случае «переруб» был бы представлен двумя параллельными бревнами, которые являлись бы остатками двух смежных стен соседних городен. Таким образом, авторы указанной монографии верно интерпретировали данные археологических раскопок, что нашло отражение в графических реконструкциях, но вслед за письменными источниками назвали выявленную конструкцию городнями.

И.Я. Кривощек так описывал укрепления Верхотурья: «городня состояла из близко стоящих друг к другу домов, снабженных башнями» (Сло-

варь Верхотурского..., 1910, с. 23). При этом автор ссылается на Дозорную книгу М. Тюхина 1624 г. Однако опубликованные выдержки из нее не содержат информации о городнях (Пермская старина..., 1897, с. 161–170). Однако описывается стена из частных домов, поставленных в ряд и образующих стену вдоль крутого обрыва. Оборонительного значения это сооружение не имело (Пермская старина..., 1897, с. 40). Следовательно, под городнею здесь понимается стена безотносительно ее конструкции. То есть стен из городней в Верхотурье не было.

До проведения археологических раскопок в 1969 г. в Зашиверске о характере его стен можно было судить только по плану 1798 г. (рис. 3). На нем стены представлены простой линией. К западной и восточной стене со стороны двора острога пририсованы прямоугольники, отстоящие друг от друга на расстояние примерно равное длине стороны прямоугольника, расположенной перпендикулярно стене оборонительного сооружения. Северная и южная стены Зашиверска показаны линией без таких прямоугольников. В эти стены встроены различные постройки, включая церковь. Определить харак-



Рис. 2. Оборонительные сооружения с венчатыми (рубленными) стенами в Сибири и на Дальнем Востоке.

Fig. 2. Defensive structures with log walls in Siberia and the Far East.

тер конструкции стен Зашиверска по такому плану невозможно. Однако В.И. Кочедамов на основе изучения этого плана констатирует, что: «Восточная, западная и часть южной стены состояли из городней (3,2×2,8 м), отстоящих друг от друга примерно на 2 м» (Кочедамов, 2021, с. 204, 206). Масштаб плана местности таков, что судить о действительных размерах «городней» и расстоянии между ними невозможно. Таким образом, выводы В.И. Кочедамова о характере стен Зашиверска несостоятельны, так как не имеют под собой достаточной источниковой базы.

В ходе проведения археологических раскопок в Зашиверске в 1969 г. под руководством А.П. Окладникова исследовались стены города, о чем свидетельствует фотография в монографии «Древний Зашиверск» (Окладников и др., 1977, с. 63). Полевой отчет по результатам раскопок, по всей видимости, не был составлен. Описание результатов раскопок в указанной монографии чрезвычайно кратко и внутренне противоречиво. Сначала авторы констатируют, что выводы В.И. Кочедамова подтвердились в ходе раскопок, то есть стены были

составлены из отдельных срубов-городень. При этом авторы монографии ясно сознавали разницу между тарасными стенами и городнями, так как пересказывают разъяснения В.И. Кочедамова по этому вопросу (Окладников и др., 1977, с. 43).

При характеристике конструкции стен Зашиверска, которые были исследованы археологически, А.П. Окладников, З.В. Гоголев и Е.А. Ащепков используют понятие «городни», но фактически описывают тарасы: «Стены острога были устроены из двух параллельных рядов бревен, представляющих собой наружные и внутренние стены, которые были связаны между собой поперечными бревнами, врубленными в них на расстоянии 5,5 м друг от друга» (Окладников и др., 1977, с. 43, 85, 121, 124).

Несколько планов памятника и графическая реконструкция, опубликованные в монографии, не способны прояснить вопрос об устройстве стен Зашиверска, так как показывают нечто иное, чем изображено на плане 1798 г. и реконструированное по результатам археологических раскопок (Окладников и др., 1977, с. 68, 84, 89, 128). Согласно этим материалам сте-

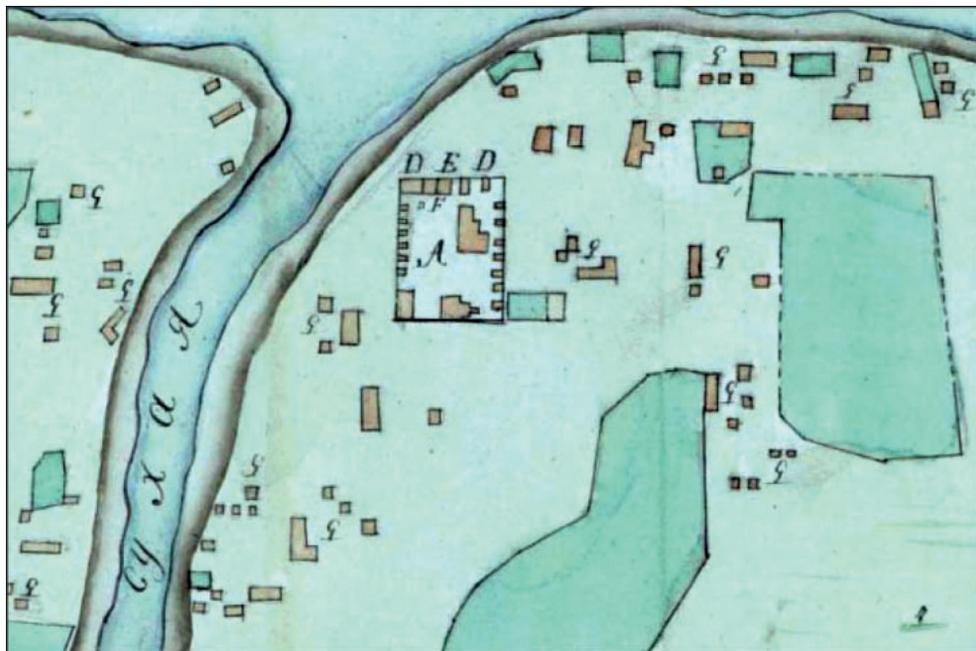


Рис. 3. План Зашиверска 1798 г. (Лазебник, Романова, 2019, с. 136, рис. 2).

Fig. 3. The plan of Zashiversk in 1798 (Lazebnik, Romanova, 2019, p. 136, fig. 2).

ны Зашиверска представляли собой две параллельные стены с перерубами (тарасы). Но перерубы следовали не на равных расстояниях друг от друга, как о том говорится в монографии, а образовывали два типа ячеек – квадратные и прямоугольные, которые чередовались между собой.

Вследствие противоречивого содержания монографии, а также из-за того, что в ней очень скудно проиллюстрированы вскрытые в ходе археологических раскопок объекты, невозможно однозначно установить, какой конструкции были стены Зашиверска. Не разрешая окончательно этот вопрос, следует указать, что на единственной фотографии раскопанного участка стены можно видеть стыковку двух отдельных независимых друг от друга срубов, что является признаком городней (Окладников и др., 1977, с. 63). Судя по небольшой ширине этих срубов, на фотографии изображена южная стена Зашиверска, в которой располагалась церковь. Ве-

роятно, данная стена была построена после возведения церкви и не является синхронной с другими стенами. По своему устройству она более подобна церковным и монастырским оградкам, не имевшим фортификационного значения (Секретарь, 1986). Таким образом, мы не располагаем фактами, которые позволяют интерпретировать конструкцию стен Зашиверска как городни.

Т.С. Проскуракова пишет о том, что в 1693 г. в Иркутске были сооружены стены из городней (Проскуракова, 1976, с. 58). При этом она ссылается на «Опись» 1684 г., в которой ничего не сказано о городнях (Первое столетие Иркутска, 1902, с. 1). На определенном этапе развития Иркутск действительно получил рубленные стены, однако в письменных источниках нигде не упоминается о том, что это были городни. Следовательно, не существует объективных данных о том, что Иркутск имел стены из городней.

Д.Я. Резун пишет о том, что в Кабанском остроге были городни, но не ссылается на источник этих данных (Резун, Васильевский, 1989, с. 171). Учитывая то, какая путаница в употреблении терминов «городни» и «тарасы» присутствует в историографии, нет оснований полагать, что в этом остроге были стены из городней, без тщательной проверки источников информации.

Городни были обнаружены при раскопках Лозьвинского городка: «Оборонительная система представляла стену из городов, частично засыпанных песком и мелкими камнями» (Пархимович, 1986, с. 139). Так как в историографии присутствует путаница в употреблении терминов «городни» и «тарасы», мы обратились к руководителю раскопок с просьбой уточнить, остатки стены какой конструкции были им зафиксированы. С.Г. Пархимович сообщил следующее: «Городок был разобран, остатки сожжены в 1598 г. Поэтому в раскопе были обнаружены лишь вытянутые в линию четыре крупных (1,5×2–2,5 м) скопления камней и обломки полуистлевших и обугленных досок, кольев и жердей. Они лежали под камнями вдоль направления стены и поперек. Единственное бревно длиной 1,7 м лежало вдоль стены, вплотную к склону глубокого рва, проходившего вдоль стены»². Таким образом, материалы раскопок не позволяют однозначно судить о характере конструкции вентчатый стены Лозьвинского городка.

Согласно Расписному списку 1625/1626 гг., стены Мангазеи состояли из городен. Приводится протяженность стен между башнями и количество городен в них (Русская..., 1875, ст. 431–433). В ходе археологических исследований, проводившихся в конце 1960-х – начале 1970-х гг., стены были исследованы почти на всем их протяжении. Один из руководителей работ, О.В. Овсянников первоначально

интерпретировал выявленные остатки как тарасы. При этом он отчетливо сознавал разницу между городнями и тарасами (Овсянников, 1972, с. 40, 41). Позже руководители раскопок интерпретировали выявленные остатки стен как городни (Белов и др., 1980, с. 11, 31, 36, 37, 56, 57). Верифицировать эти выводы не представляется возможным в силу неудовлетворительного описания выявленных остатков стен и их изображения на планах раскопок. Лишь один план раскопа, представленный в нижней части листа приложения II, позволяет судить о характере стены на одном из участков. На данном плане слева (к северо-востоку) от проездной башни показан участок стены, представленный двумя параллельными стенами с перерубами. Всего отчетливо видно три переруба. Каждая стена-переруб представлена одним бревном (Белов и др., 1980, прил. II). Следовательно, на данном участке стена имела тарасную конструкцию. Если бы это были городни, то на месте перерубов должны были находиться два параллельных бревна, представлявшие собой соседние смыкающиеся стены городней. Дополнительным признаком того, что стена имела тарасную конструкцию, является отсутствие поперечной стены в месте стыковки с башней (Белов и др., 1980, прил. II). В Приложении XXV представлена итоговая схема планиграфии стен Мангазеи. Из нее следует, что стены состояли из вытянутых срубов с одним, двумя или тремя внутренними перерубами, то есть состояли из двух, трех или четырех камер, которые могли иметь разные размеры. Эти срубы, будучи поставленными вплотную друг к другу, образовывали стену. Данная реконструкция, по всей видимости, носит умозрительный характер и не отражает действительную конструкцию стен. Например, согласно приложению II к северо-востоку от про-

ездной башни должен быть показан сруб, состоящий по меньшей мере из четырех камер. Однако на итоговой реконструкции показан сруб из трех камер. Относительные размеры этих камер не соответствуют тем, что показаны в приложении II. На итоговой реконструкции показано, что проездная башня и крайняя городня (или тарасная ячейка) стыкуются стена к стене, в то время как в приложении II у городни в этом месте стена отсутствует (Белов и др., 1980, прил. II, XXV). В монографии руководители раскопок ничего не упоминают о каких-либо срубах, состоящих из нескольких камер и образующих стены. Представленные планы раскопок также не позволяют прийти к такому выводу. Каких-либо примеров такого устройства стен по письменным, археологическим, изобразительным и этнографическим источникам нам не известно. Вероятно, такое конструктивное устройство стен Мангазеи является выдумкой М.И. Белова, О.В. Овсянникова и В.Ф. Старкова. Те немногие сведения, которые можно получить из монографии этих исследователей, указывают на то, что стены Мангазеи имели тарасную конструкцию, то есть состояли из двух параллельных стен с перерубами.

Е.В. Вершинин со ссылкой на архивный источник утверждает, что в 1673 г. в Олекминском остроге «по крайней мере одна стена <...> была построена городнями. В данном случае пространство внутри городней использовалось под амбары, которые разделялись стенкой (перерубьем)». Чуть выше, на этой же странице, Е.В. Вершинин цитирует источник: «Да в острожной стене 2 амбара с перерубью» (Вершинин, 2018, с. 140). С такой интерпретацией данных письменного источника нельзя согласиться. Не вся стена была представлена «амбарами-городнями», а только ее часть. Другая часть была острожной,

то есть тыновой. В практике строительства острогов и зимовий широко применялось встраивание жилых, общественных и хозяйственных помещений в оборонительные стены. Поэтому в данном случае приведенную цитату следует понимать таким образом, что в тыновую стену было встроено два двухчастных амбара, а не так, что две двухчастных городни использовались как амбары. Следовательно, в Олекминском остроге не было стен из городней.

Е.В. Вершинин пишет, что в 1623 г. в Пельме стены кремля состояли из городней-срубов (Вершинин, 2003, с. 441; 2018, с. 112). При этом он ссылается на документ 1624 г. с описанием вновь построенных укреплений, в котором о конструкции стен сообщается следующее: «А в ширину Пельмской город рублен меж стен в две сажени» (Вершинин, 2003, с. 443). Из этого описания ясно лишь то, что стены были рубленными, то есть имели конструкцию в виде городен или тарас. Таким образом, вывод Е.В. Вершинина о том, что в Пельме были стены из городней, не имеет под собой доказательной базы.

В результате археологических исследований в Саянском остроге в 1718 г., по мнению С.Г. Скобелева, было установлено, что одна из стен частично состояла из городен (Скобелев, 1998, с. 72). Однако впоследствии он будет интерпретировать выявленную конструкцию как тарасы (Скобелев, 2012, с. 190, 191).

А.Р. Артемьев полагает, что в 1684 г. в Селенгинске были возведены стены из городней: «Стены острога имели конструкцию в виде городен с нагороднями, с верхним и подошвенным боем». При этом он цитирует отписку, в которой пересказывается наказ о строительстве городских укреплений и сообщается о результатах строительства. В наказе сказано: «Велено мне в Селенгинску около

старого острогу сделать по городовому стени рубленые новые, с тарасы и с выходы и с верхними боями, со всякою городовою крепостию». О том, что стени должны быть «с тарасы» упоминает и А.Р. Артемьев. Однако в отписке ничего не сказано о том, что стени были выстроены городнями: «Город построил с великой крепостию, с нагороднями и с верхним боем и с подошевным» (Артемьев, 1999, с. 66, 67; Дополнения..., 1867, с. 315). Следовательно, вывод А.Р. Артемьева о том, что в Селенгинске стени были представлены городнями, не имеет под собой фактологической базы. Согласно тексту источника, стени, скорее всего, имели тарасную конструкцию.

Авторы статьи «Городовые (острожные) укрепления Сургута в XVII в.» пишут, что первоначальные стени в 1594 г. состояли из городен (Вершинин, Визгалов, 2020, с. 117, 119). В качестве источника сведений о наличии городней авторы ссылаются на работу Д.Я. Резуна и Р.С. Васильевского (Резун, Васильевский, 1989, с. 239). Однако в этой публикации сказано, что был поставлен «деревянный рубленый город» без уточнения конструкции стени (городни или тарасы). Ссылки на источник информации в этой публикации отсутствуют. Следовательно, утверждение о том, что в Сургуте были стени из городней, не имеет под собой фактологической базы.

Согласно письменным источникам, в Таре в 1624, 1683/1684, 1702 гг. стени состояли из городней (Крих, 2021, с. 1606; Строгова, 2010, с. 188; Татауров, 2016, с. 63; Татауров и др., 2019, с. 274). По мнению С.Ф. Татаурова, в ходе археологических раскопок была обнаружена крепостная стена, сложенная «из срубов размерами примерно 3,5×3,5 м, выполненных из тонкоствольной сосны. Углы срублены в лапу с небольшими выпу-

сками. Конструкции отстоят друг от друга на 0,4–0,5 м. В этих промежутках с внешней и внутренней стороны врыты массивные бревна диаметром 0,5 м. По всей вероятности, данные столбы придавали срубам большую прочность и не препятствовали их перекосу или рассыпанию в случае большой нагрузки <...>. В процессе расчистки конструкций нами неоднократно фиксировались следы ремонта срубов. В одном случае сруб был заменен полностью, но внутреннюю его часть не разобрали, а обрубали две подходящие к нему стени, оставив от них 0,1–0,2 м и тем самым дополнительно укрепив новое сооружение. В другом случае было заменено одно из бревен сруба, вероятнее всего пришедшее в негодность. Его частично удалили и вставили на это место коротыш в виде «заплатки» (Татауров, 2016, с. 63, 64). В более поздней публикации сообщается, что «у края террасы на глубине около четырех метров в материке был вскрыт угол какого-то сооружения, состоящий из трех-четырех венцов перпендикулярно положенных бревен толщиной до 30 сантиметров. Возможно, это и есть остатки одной из городен Тарской крепости» (Татауров и др., 2019, с. 274, 277). Из приведенного описания не ясно, о том же или ином объекте идет речь. Вероятно, все же о другом, так как объекты, представленные в первом описании, расположены на глубине 2–2,5 м от дневной поверхности (Татауров, 2016, с. 250). В последнем случае судить о том, является выявленный фрагмент сруба городней или нет, не представляется возможным, так как единственным характерным археологическим признаком городен является их расположение вплотную друг к другу, что в данном случае зафиксировано не было.

Анализ фотографии раскопа не позволяет согласиться с С.Ф. Татауровым в части интерпретации вы-

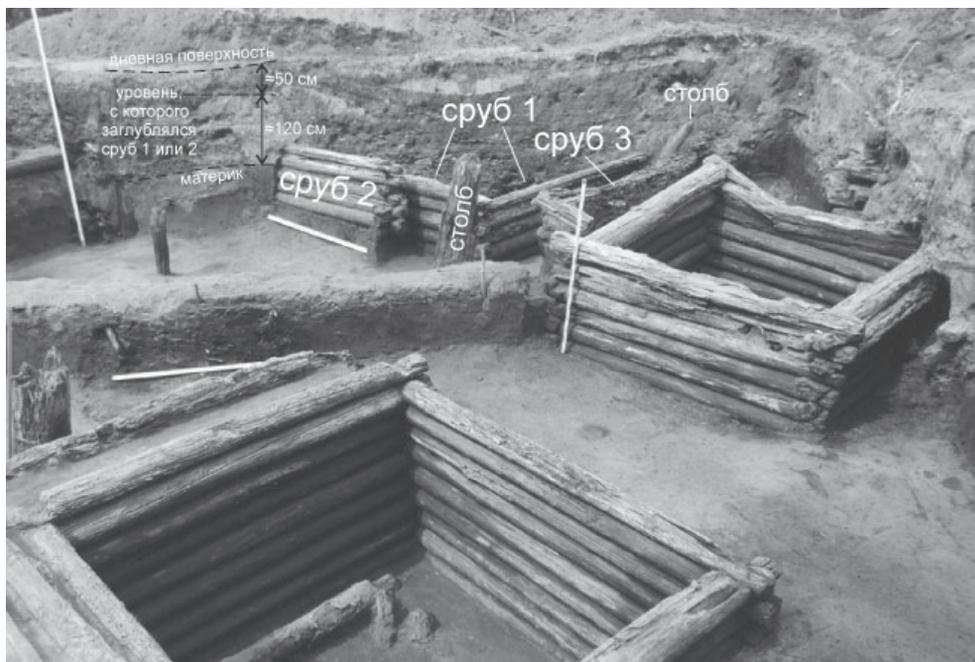


Рис. 4. Городни в Таре (Татауров, 2016, с. 250).
Обозначения нанесены на фотографию С. В. Гороховым.

Fig. 4. Gorodni in Tara (Tataurov, 2016, p. 250).
The markings are applied to the photo by S. V. Gorokhov.

явленных конструкций как остатков городней (рис. 4). На фотографии запечатлены остатки пяти срубов. Три из них, расположенные дальше всего от места съемки, С.Ф. Татауров интерпретирует как остатки городней. Наиболее хорошо сохранившаяся городня представлена двумя стенами и образованным ими углом. Обе стены уходят в стенку раскопа (сруб 1). Вторая городня представлена стеной, один конец которой уходит в стенку раскопа, а на другом сохранились следы сочленения с перпендикулярной стеной (сруб 2). Эта стена расположена почти вплотную к стене сруба 1, не доходя до угла сруба 1 около 0,5 м. Основание сруба 2 расположено примерно на полтора венца выше основания сруба 1. Третья городня представлена стеной, один конец которой уходит в стенку раскопа, а на конце другого сохранились следы сочленения с перпендикулярной стеной (сруб 3). Дан-

ная стена располагалась параллельно одной из стен сруба 1, находясь от нее на расстоянии около 0,5 м и перпендикулярно сохранившейся стене сруба 2. Между срубами 1 и 3 в месте их пересечения со стенкой раскопа располагалось вертикальное бревно, которое перегородивало пространство между срубами. На противоположном просвете между срубами располагалось еще одно бревно в вертикальном положении. Однако оно не перегородивало просвет, а находилось в 30–40 см от него.

Анализ указанной фотографии дал возможность установить несколько фактов, которые не позволяют интерпретировать выявленные сооружения как городни. Если срубы 2 и 3 являются остатками городен, то расстояние между ними составляет около 1 м, которое не может быть перекрыто одиночным столбом. Кроме этого, в письменных и археологических ис-

точниках нами не было обнаружено прецедентов такого устройства городской стены. Срубы-городни всегда должны были ставиться вплотную друг к другу.

При сооружении сруба 1 был частично разрушен сруб 2. Согласно стратиграфическому разрезу, над выкидом из ямы под сруб 1 мощность культурного слоя составляет около 0,5 м. Общая мощность культурного слоя на этом участке составляет 1,7 м. Последние городни могли быть возведены в начале XVIII в. Следовательно, за чуть более столетие существования Тары сформировался культурный слой мощностью 1,2 м, а за период с начала XVIII до начала XXI в. – 0,5 м. Такая разница в скорости накопления культурного слоя нам представляется невероятной. Мы полагаем, что выборка котлована под сруб 1 осуществлялась в XIX в., а сам сруб является облицовкой стен погребя. Возможно, что исследуемый выкид является остатками сооружения сруба 2. Но в таком случае предложенную датировку следует отнести к срубам 2, а сооружение сруба 1, при котором был разрушен сруб 2, необходимо отнести к еще более позднему времени.

Мы полагаем, что срубы 1–3, учитывая их существенное заглубление в материк и полое внутреннее пространство, являлись погребями. Два аналогичных сооружения находятся в непосредственной близости от изучаемых объектов. При сооружении одного из них был разрушен сруб 3. Таким образом, многочисленные упоминания стен из городней в письменных источниках пока не получили археологического подтверждения.

В.И. Кочедамов пишет, что в Тобольске в 1644 г. «стены составлялись из городней длиной немногим больше сажени, а по ширине в 2 сажени. Каждый городень имел нижний и верхний бой». Источник этих данных автор не указал (Кочедамов, 1963, с. 13). В

данный момент нет оснований для вывода о наличии в Тобольске стен из городней.

Согласно письменным источникам, в 1626/1627 гг. в Томске была стена из городней (Томск..., 1911, с. 24, 25; Из истории..., 1978, с. 27). Однако характер описания городских укреплений не позволяет определить, что подразумевается под городнями. Простое упоминание городней в Томске не является достаточным основанием для вывода о характере рубленых стен.

Д.Я. Резун пишет о том, что в Туринском остроге «стены были острожного типа, однако южный угол западной стены был сделан городнями», но не ссылается на источник информации (Резун, Васильевский, 1989, с. 265). Таким образом, отсутствуют фактологические основания для вывода о наличии в этом городе стен из городней.

Известно два документа, в которых описывается конструкция стен Туруханска. Оба не опубликованы. Согласно одному из них (1672/1673 г.) в пересказе исследователей, стены были составлены из городней (Александров, 1964, с. 32; Кочедамов, 1969, с. 86, 87; Крадин, 1988, с. 103–108). Согласно другому (1761 г.) – «огражден рублеными из бревен с четырех сторон двойными стенами с перерубами», то есть тарасами (Крадин, 1986, с. 248). В результате археологических исследований было установлено, что на вскрытом участке стены располагались тарасы. Но при интерпретации выявленных сооружений также возникла терминологическая путаница. М.А. Рудковская называет выявленные объекты городнями, но фактически описывает тарасную стену: «две сплошные стены, сложенные из составленных встык бревен. Стены соединены поперечными перерубами» (Рудковская, 2015, с. 205). Сведения о том, что стены Туруханска

Таблица 1

Оборонительные сооружения со стенами из городен по данным письменных источников, результатам археологических раскопок и в интерпретации исследователей

Название оборонительного сооружения	Результаты археологических раскопок стен	Данные письменных источников	Интерпретация исследователей
Албазинский острог	венчатые стены не обнаружены	стены из городней	венчатые стены отсутствовали
Березов	тарасы	стены из городней	тарасы
Верхотурье	-	венчатых стен не было	городни
Зашиверск	венчатые стены	-	городни (В.И. Кочедамов), тарасы (А.П. Окладников, З.В. Гоголев, Е.А. Ащепков)
Иркутск	-	венчатые стены	городни
Кабанский острог	-	-	городни
Лозьвинский городок	венчатые стены	-	городни
Мангазея	тарасы	городни	тарасы (О.В. Овсянников, 1972), городни (М.И. Белов, О.В. Овсянников, В.Ф. Старков, 1980)
Олекминский острог	-	венчатых стен не было	городни
Пельм	-	венчатые стены	городни
Саянский острог	заплот	-	городни
Селенгинск	-	тарасы	городни
Сургут	-	венчатые стены	городни
Тара	-	городни	городни
Тобольск	-	-	городни
Томск	-	городни	городни
Туринск	-	-	городни
Туруханск	тарасы	городни	тарасы (М.И. Рудковская описывает тарасы, но называет их городнями)
Тюмень	-	городни	городни
Удинский острог	тарасы	венчатые или тыновые	городни (А.Р. Артемьев), тарасы (Л.К. Минерт, Б.А. Базаров, Н.В. Именохов, Д.А. Миягашев)

перестраивались, отсутствуют. В ходе археологических исследований следов перестройки также не выявлено. Следовательно, в первом документе тарасы названы городнями, но спустя столетие эти же самые стены описаны как тарасы, но без использования этого термина.

Согласно данным письменных источников, в 1624, 1629, 1640–1643, 1661, 1668, 1684 и 1687 гг. в Тюмени были стены из городен (Дополнения..., 1851, с. 236; Русская историческая..., 1884, ст. 625; Тюмень..., 1903, с. 17, 59, 60; Прибыльные дела..., 2000, с. 147). Однако описания их таковы, что в них отсутствуют какие-либо

признаки, по которым можно было бы судить о характере стены (городни или тарасы).

А.Р. Артемьев пишет, что стены Удинского острога состояли из городен (Артемьев, 1999, с. 73). При этом ссылается на служебную переписку Ф. Головина, в которой стены описаны таким образом, что невозможно даже судить о том, были ли они тыновыми или рублеными (Русско-китайские..., 1972, с. 348, 786). Л.К. Минерт утверждает, что стены были тарасными. Он ссылается на ряд публикаций, в которых информация о стенах Удинского острога отсутствует (Минерт, 1988, с. 93). С.Н. Баландин также по-

Таблица 2

Хронология употребления терминов «городни» и «тарасы» в письменных источниках

год	городни	тарасы	двойная стена с перерубами (тарасы)
1607	Березов, Мангазея		
1623	Пелым		
1624	Тара, Тобольск		
1625	Мангазея		
1626	Томск		
1629	Тобольск		
1636	Березов		Березов
1640–1643	Тобольск		
1653		острожек среди гияцкой земли	
1661	Тобольск		
1668	Тобольск		
1672	Туруханск	Новый Уральский городок	
1677		Аяцкая слобода	
1684	Тара, Тобольск	Селенгинск	
1687	Тобольск	Верхотурье	
1702	Тара		
1713			Чаусский острог
1761			Туруханск

лагают, что стены были тарасными, но никак не доказывают это утверждение (Баландин, 1974, с. 19). Только в ходе археологических раскопок удалось определить, что стены имели тарасную конструкцию (Базаров, Именохов, Миягашев, 2016, с. 78, 79).

Представленный аналитический обзор городен в практике возведения деревянных оборонительных сооружений в Сибири и на Дальнем Востоке позволяет сделать ряд выводов. Присутствует хронологическая закономерность во встречаемости в письменных источниках терминов «городни» и «тарасы». Термин «городни» употребляется с 1607 по 1702 г. Но начиная с 1640-х гг. падает число оборонительных сооружений, для описания которых применяется этот термин, и частота употребления этого термина. Напротив, с 1650-х гг. начинает употребляться термин «тарасы». Последнее использование этого термина в письменных источниках нами зафиксировано в 1687 г. (табл. 2). Таким образом, термин «городни» явля-

ется более ранним по отношению к термину «тарасы». Выявление факта существования данной закономерности требует от нас поставить вопрос о том, отражает ли смена терминологии изменение конструкции стен. На этот вопрос следует ответить отрицательно, так как в Березове, Мангазее и Туруханске, согласно письменным источникам, стены состояли из городен, но в ходе археологических исследований были выявлены тарасы. Этот вывод, в совокупности с двумя другими фактами: 1) в письменных источниках не обнаружено характерных признаков городен; 2) в ходе археологических исследований где бы то ни было в Сибири или на Дальнем Востоке не было выявлено городен – позволяет заключить, что в исследуемом регионе такая конструкция оборонительных стен, как городни, не применялась. Употребление терминов («городни» и «тарасы») не является обозначением разных конструкций стен. Оба эти термина подразумевают тарасную конструкцию, которая до

середины XVII в. в письменных источниках называлась «городни», а со второй половины XVII в. – преимущественно «тарасы». Распространение термина «городни» в Сибири в первые десятилетия ее освоения Русским государством, возможно, связано с тем, что такое освоение шло через Средний Урал, у западного подножия которого располагались строгановские городки, при описании которых также всякий раз используется термин «городни» (рис. 2).

В историографии существует путаница при употреблении рассматриваемых терминов (табл. 1). Это выражается в том, что исследователи склонны называть городнями те стены, которые в письменных источниках таким образом не обозначены (Верхотурье,

Иркутск, Олекминский острог, Пелым, Сургут, Туруханск, Удинский острог), а также венчатые стены, выявленные в ходе археологических раскопок (Зашиверск, Лозьвинский городок, Мангазея, Туруханск). Среди исследователей имеется тенденция называть городнями любые венчатые стены.

Полученные в ходе исследования выводы могут быть проверены и уточнены в ходе археологических раскопок деревянных оборонительных сооружений, которые, согласно письменным источникам, имели стены из городней. В ходе проведения работ необходимо максимально тщательно выявлять и фиксировать места стыковки отдельных городен между собой и перерубы в тарасных стенах.

Благодарности:

² Автор выражает благодарность Сергею Григорьевичу Пархимовичу за возможность опубликовать сведения, уточняющие характер конструкции выявленной стены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. 308 с.
2. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1999. 336 с.
3. Базаров Б.А., Именохоев Н.В., Миягашев Д.А. Спасательные раскопки 2016 года на Удинском остроге // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2016. № 1. С. 75–84.
4. Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период) / Отв. ред. О.Н. Вилков. Новосибирск: Наука, 1974. С. 7–37.
5. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Л.: Гидрометеонздат, 1980. 164 с.
6. Вершинин Е.В. О постройке оборонительных укреплений Пелыма в 1623 г. // Проблемы истории России. Вып. 5: На перекрестках эпох и традиций / Отв. ред. А.Т. Шашков. Екатеринбург: Волот, 2003. С. 438–444.
7. Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. 504 с.
8. Вершинин Е.В., Визгалов Г.П. Городовые (острожные) укрепления Сургута в XVII в. // Северный регион: наука, образование, культура. 2020. № 1. С. 112–131.
9. Визгалов Г.П., Горшков И.Д., Ермакова К.К. Свод градостроительных источников города Березов XVI–XVIII вв. // Северные древности: археология, этнография, история. 2023. № 3. С. 12–123.
10. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Петрова Е.Н. Березов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков (краткие результаты комплексного археологического исследования) / Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. 158 с.
11. Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею. Т. IV / Ред. М. Коркуновъ. Санктпетербургъ: въ типографии Эдуарда Праца, 1851. 452 с.

12. Дополнения къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою комиссіею. Т. X / Ред. А. Тимофеевъ. Санктпетербургъ: въ типографіи Эдуарда Праца, 1867. 519 с.

13. Из истории земли томской. 1604–1917. (сборник документов и материалов). Вып. 1 / Гл. ред. И.М. Разгон. Томск: Западно-Сибирское книжное издательство. Томское отделение, 1978. 224 с.

14. *Кочедамов В.И.* Город Мангазея // Известия высших учебных заведений. Строительство и архитектура. 1969. № 2. С. 82–88.

15. *Кочедамов В.И.* Тобольск (как рос и строился город). Тюмень: Тюменское книжное издательство, 1963. 156 с.

16. *Кочедамов В.И.* Труды по истории градостроительства с комментариями современных ученых. Т. 4. СПб.: Сохраненная культура, 2021. 372 с.

17. *Крадин Н.П.* Оборонительные стены как элемент композиции деревянных крепостей Сибири // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири / Отв. ред. И.В. Асеев, Д.Я. Резун. Новосибирск: Наука, 1986. С. 238–252.

18. *Крадин Н.П.* Русское деревянное оборонное зодчество. М.: Искусство, 1988. 142 с.

19. *Крих А.А.* Описание города Тары в архивных документах конца XVII – начала XVIII веков // Былые годы. 2021. № 16. С. 1602–1614.

20. *Лазебник О.А., Романова О.С.* Географическая и документальная ценность рукописного атласа Иркутской губернии 1797 г. // Географические исследования Азиатской России и сопредельных территорий: новые методы и подходы. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2019. С. 133–139.

21. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 664 с.

22. *Минерт Л.К.* Памятники начального этапа градостроительства в Бурятии // Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 80–107.

23. *Овсянников О.В.* Из истории русского оборонного зодчества XVII в. // КСИА. Вып. 129 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1972. С. 37–41.

24. *Окладников А.П., Гоголев З.В., Ащепков Е.А.* Древний Зашиверск: Древнерусский заполярный город. М.: Наука, 1977. 211 с.

25. *Пархимович С.Г.* Некоторые итоги изучения памятников русской колонизации Восточного Урала и Западной Сибири (XVI–XVII вв.) // Проблемы урало-сибирской археологии / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Свердловск: УрГУ, 1986. С. 138–143.

26. Первое столетіе Иркутска. С.-Петербургъ: Изданіе В. П. Сукачева, 1902. 218 с.

27. Пермская старина. Сборникъ историческѣхъ статей и матеріаловъ преимущественно о Пермскомъ краѣ. Вып. VII: Верхотурскій край въ XVII вѣкѣ / Ред. А. Дмитриев. Пермь: Типографія К-ковъ П. Ф. Каменскаго, 1897. 264 с.

28. Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII – начала XVIII в. / Ред. М.О. Акишин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, «филиал Гео», 2000. 400 с.

29. *Проскурякова Т.С.* Планирование композиции городов-крепостей Сибири (второй половины XVII - 60-е гг. XVIII в.) // Архитектурное наследство. Вып. 25 / Ред. Д.Е. Аркин. Москва: Стройиздат, 1976. С. 57–71.

30. *Резун Д.Я., Васильевский Р.С.* Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1989. 304 с.

31. *Крадин Н.П.* Роспись Албазинского острога 1684 г. // Россия и АТР. 1992. № 2. С. 109–110.

32. *Рудковская М.А.* Крепостная стена Новой Мангазеи (1672–1676) по археологическим данным // IV Северный археологический конгресс / Отв. ред. Н.М. Чаиркина. Ханты-Мансийск – Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2015. С. 204–207.

33. Русская историческая библиотечка, издаваемая Археографическою комиссіею. Т. IX / Ред. А.И. Тимофеев. С.-Петербургъ: Типографія Министерства Внутренних Дель, 1884. 668 с.

34. Русская историческая библиотечка, издаваемая археографическою комиссіею. Т. 2 / Ред. А.И. Тимофеев. Санктпетербургъ: Въ типографіи бр. Пантелеевых, 1875. 656 с.

35. Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. Т. 2: 1686–1691. М.: Наука, 1972. 835 с.

36. *Секретарь Л.А.* О типологии деревянных рубленных оград монастырей и погостов XVIII века // Проблемы исследования, реставрации и использования архитек-

турного наследия Карелии и сопредельных областей / Ред. В.П. Орфинский. Петрозаводск: ПГУ, 1986. С. 59–73.

37. Скобелев С.Г. Саянский острог - первый русский населенный пункт в Присяянье // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития / Отв. ред. Г.Г. Котожеков. Абакан: Хакаский ГУ им. Н.Ф. Катанова, 1998. С. 71–74.

38. Скобелев С.Г. Стены Саянского острога // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. № 7. С. 187–193.

39. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии / Ред. И.А. Кривошеков. Пермь: Электро-типография Губерн. Земства, 1910. 824 с.

40. Строгова Е.А. Новые материалы к истории города Тары: росписной список укреплений 1702 года // Актуальные вопросы историко-культурного и природного наследия Тарского Прииртышья. Т. II / Ред.-сост. С.А. Алферов. Тара: Изд-во А.А. Аскаленко, 2010. С. 187–189.

41. Татауров С.Ф. Итоги раскопок исторического центра Тары в 2015 г. // Декабрьские диалоги. Вып. 19. Омск: Издатель-Полиграфист, 2016. С. 63–65.

42. Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Татаурова Л.В., Тихонов С.С. Археологическая летопись земли Тарской. Омск: Издатель-Полиграфист, 2019. 412 с.

43. Томск в XVII веке: материалы для истории города со вступительной и заключительной статьями прив.-доц. П. М. Головачева и картой окрестностей Томска конца XVII в. Санктпетербург: Русская скоропеч., 1911. 174 с.

44. Трухин В.И., Яровой Б.П. Архитектурно-пространственные данные: к вопросу о конструкции стен Албазинского острога // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2022. Т. 12. № 3. С. 430–441.

45. Тюмень в XVII столетии / Ред. А.И. Чукмалдина. М.: Типо-Литография Т-ва Кушнеровъ и Ко, 1903. 173 с.

Информация об авторе:

Горохов Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (г. Новосибирск, Россия), gorokhov.sv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8100-5924>

GORODNI IN SIBERIA AND THE FAR EAST IN THE LATE XVI–XVII CENTURIES

S.V. Gorokhov

There is a confusion in the use of the terms “gorodni” and “tarasa”, related to the construction of walls, in written sources and historiography on the architecture of the fortifications of the Russian state in Siberia and the Far East. The purpose of the study, the results of which are presented in the article, was to clarify the meaning of the term “gorodni” in written sources. The factual base consists of written, archaeological and cartographic sources. It is established that the term “gorodni” is earlier in relation to the term “tarasa”. The change of terminology did not reflect changes in the wall structure. Such a structure of defensive walls as a gorodni was not used in the region under study. Both of these terms imply a tarasa structure, which were called “gorodni” in written sources until the middle of the XVII century, and from the second half of the XVII century mainly “tarasa”.

Keywords: archaeology, Siberia, Far East, Russian state, fortification, gorodni, tarasas.

REFERENCES

1. Alexandrov, V. A. 1964. *Russkoe naselenie Sibiri XVII – nachala XVIII v. (Enisei'skii' kraii')* (Russian population of Siberia in the XVII – early XVIII centuries (Yenisei river region)). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
2. Artem'ev, A. R. 1999. *Goroda i ostrogi Zabaykal'ya i Priamur'ya vo vtoroy polovine XVII–XVIII vv. (Towns and forts of Transbaikalye and Priamurye in the second part of the XVII–XVIII centuries)*. Vladivostok: Vladivostok: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (in Russian).
3. Bazarov, B. A., Imenokhoev, N. V., Miyagashev, D. A. 2016. In *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altaiia (Sayan-Altai Scientific Review)* 1, 75–84 (in Russian).

The study was carried out as part of the implementation of the State Assignment Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the sphere of scientific activity (Project No. FSUS-2020–0021).

4. Balandin, S. N. 1974. In Vilkov, O. N. (ed.). *Goroda Sibiri (e'konomika, upravlenie i kul'tura gorodov Sibiri v dosovetskii' period)* (*Cities of Siberia (economy, management and culture of Siberian cities in the pre-Soviet period)*). Novosibirsk: "Nauka" Publ., 7–37 (in Russian).
5. Belov, M. I., Ovsyannikov, O. V., Starkov, V. F. 1980. *Mangazeya. Mangazeyский морской ход (Mangazeya. Mangazeya Sea Route)*. Leningrad: "Gidrometeoizdat" Publ. (in Russian).
6. Vershinin, E. V. 2003. In Shashkov, A. T. (ed.). *Problemy istorii Rossii. Vyp. 5: Na perekrestkakh epokh i traditsiy* (*Issues of Russian history. Is. 5: At the crossroads of epochs and traditions*) 5. Ekaterinburg: "Volot" Publ., 438–444 (in Russian).
7. Vershinin, E. V. 2018. *Russkaya kolonizatsiya Severo-Zapadnoy Sibiri v kontse XVI–XVII vv* (*Russian colonization of Northwestern Siberia at the end of the XVI–XVII centuries*). Ekaterinburg: "Demidovskii' institut" Publ. (in Russian).
8. Vershinin, E. V., Vizgalov, G. P. 2020. In *Severnnyy region: nauka, obrazovanie, kul'tura* (*Northern Region: Science, Education, Culture*) 1, 112–131 (in Russian).
9. Vizgalov, G. P., Gorshkov, I. D., Ermakova, K. K. 2023. In *Severnnye drevnosti: arkheologiya, etnografiya, istoriya* (*Northern Antiquities: Archaeology, Ethnography, History*) 3, 12–123 (in Russian).
10. Vizgalov, G. P., Parhimovich, S. G., Petrova, E. N. 2022. *Berezov: pervy' i` russkiy` gorod lugry` XVI–XVIII vekov (kratkie rezul'taty` kompleksnogo arkheologicheskogo issledovaniia)* (*Berezov: The First Russian Town of Ugra of the XVI–XVIII Centuries (Brief Results of a Comprehensive Archaeological Study)*). Khanty-Mansiysk – Nefteyugansk – Surgut (in Russian).
11. In Korkunov, M. (ed.). 1851. *Dopolneniya k" aktam" istoricheskim", sobrannyya i izdannyya Arkheograficheskoyu kommissieyu* (*Additions to historical acts, collected and published by the Archaeographic Commission*) vol. IV. St. Petersburg: "v tipografii Edwarda Pratca" Publ. (in Russian).
12. In Timofeev, A. (ed.). 1867. *Dopolneniya k" aktam" istoricheskim", sobrannyya i izdannyya Arkheograficheskoyu kommissieyu* (*Additions to historical acts, collected and published by the Archaeographic Commission*) vol. X. St. Petersburg: "v tipografii Edwarda Pratca" Publ. (in Russian).
13. In Razgon, I. M. (ed.). 1978. *Iz istorii zemli tomskoy. 1604–1917. (sbornik dokumentov i materialov)* (*From the history of the Tomsk land. 1604–1917. (Collected documents and materials)*) issue 1. Tomsk: "Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. Tomskoe otdelenie" Publ. (in Russian).
14. Kochedamov, V. I. 1969. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Stroitel'stvo i arkhitektura* (*News of Higher Educational Institutions. Construction & Architecture*) 2, 82–88 (in Russian).
15. Kochedamov, V. I. 1963. *Tobol'sk (kak ros i stroilsya gorod)* (*Tobolsk (how the city grew and was built)*). Tiumen: "Tiumenskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
16. Kochedamov, V. I. 2021. *Trudy po istorii gradostroitel'stva c kommentariyami sovremennykh uchenykh* (*Proceedings on the history of urban planning with comments of modern scientists*) vol. 4. St. Petersburg: "Sokhrannaia kul'tura" (in Russian).
17. Kradin, N. P. 1986. In Aseev, I. V., Rezun, D. Ya (eds.). *Problemy okhrany i osvoeniia kul'turno-istoricheskikh landshtaftov Sibiri* (*Issues of Protection and Development of the Cultural and Historical Landscapes of Siberia*). Novosibirsk: "Nauka" Publ., 238–252 (in Russian).
18. Kradin, N. P. 1988. *Russkoe derevyannoe oboronnoe zodchestvo* (*Russian wooden defensive architecture*). Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
19. Krikh, A. A. 2021. In *Bylye gody* 16, 1602–1614 (in Russian).
20. Lazebnik, O. A., Romanova, O. S. 2019. In *Geograficheskie issledovaniya Aziatskoy Rossii i sopredel'nykh territoriy: novye metody i podkhody* (*Geographical studies of Asian Russia and adjacent territories: New methods and approaches*). Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 133–139 (in Russian).
21. Miller, G. F. 1937. *Istoriya Sibiri (History of Siberia)*. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
22. Minert, L. K. 1988. In *Pamyatniki istorii, arkheologii i arkhitektury Sibiri* (*Monuments of history, archaeology and architecture of Siberia*). Novosibirsk: "Nauka" Publ., 80–107 (in Russian).
23. Ovsyannikov, O. V. 1972. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (*Brief Communications of the Institute of Archaeology*) 129. Moscow: "Nauka" Publ., 37–41 (in Russian).
24. Okladnikov, A. P., Gogolev, Z. V., Ashchepkov, E. A. 1977. *Drevniy Zashiversk: Drevnerusskiy zapolyarnyy gorod* (*Ancient Zashiversk: Ancient Russian Polar City*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
25. Parhimovich, S. G. 1986. In Kovaleva, V. T. (ed.). *Problemy uralo-sibirskoy arkheologii* (*Issues of Ural-Siberian Archaeology*). Sverdlovsk: Ural State University, 138–143 (in Russian).
26. In Sukachev, V. P. (ed.). 1902. *Pervoe stoletie Irkutska* (*The First Century of Irkutsk*). St. Petersburg: Izdanie V. P. Sukacheva (in Russian).
27. In Dmitriev, A. (ed.). 1897. *Permskaya starina. Sbornik" istoricheski" statey i materialov" preimushchestvenno o Permskom krae. Vyp. VII: Verkhotur'skiy kray v" XVII veke* (*Perm antiquity. Collection of historical papers and materials mainly about the Perm region*). Iss. VII. Perm: "Tipografiya K-kov" P. F. Kamenskago" (in Russian).

28. In Akishin, M.O. (ed.). 2000. *Pribyl'nye dela sibirskikh voevod i tamozhennykh golov XVII – nachala XVIII v. (Profitable records of Siberian voivodes and custom heads of the XVII – early XVIII centuries)*. Novosibirsk: "Filial Geo" Publ. (in Russian).
29. Proskuriakova, T. S. 1976. In Arkin, D. E. (ed.). *Arhitekturnoe nasledstvo (Architectural heritage)*. Iss. 25. Moscow: "Stroyizdat", 57–71. (in Russian).
30. Rezun, D. Ya., Vasil'evskiy, R. S. 1989. *Letopis' sibirskikh gorodov (Chronicle of Siberian Cities)*. Novosibirsk: "Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
31. Kradin, N.P. (ed.). 1992. In *Rossiya i ATR (Russia and the Pacific)* 2, 109–110 (in Russian).
32. Rudkovskaya, M. A. 2015. In Chairkina, N. M. (ed.). *IV Severnyi arheologicheskii kongress (4th North Archaeological Congress)*. Yekaterinburg; Khanty-Mansiysk: Institute for History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, 251–252 (in Russian).
33. In Timofeev, A. I. (ed.). 1884. *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoiu kommissieyu (Russian historical literature, published by the Archaeographic Commission)*. Vol. IX. St. Petersburg: "Tipografiya Ministerstva Vnutrennikh Del" Publ. (in Russian).
34. In Timofeev, A. I. (ed.). 1875. *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoiu kommissieyu (Russian Historical Library, published by the Archaeographic Commission)*. Vol. II. St. Petersburg: "V tipografii br. Panteleevykh" Publ. (in Russian).
35. Demidova, N. F., Miasnikov, V. S. (ed.). 1972. *Russko-kitayskie otnosheniya v XVII veke: Materialy i dokumenty (Russian-Chinese Relations in the XVII Century: Materials and Documents)*. Vol. 2: 1686–1691. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
36. Sekretar, L. A. 1986. In Orfinskii, V. P. (ed.). *Problemy issledovaniya, restavratsii i ispol'zovaniya arkhitekturnogo naslediya Karelii i sopredel'nykh oblastey (Issues of research, restoration and application of architectural heritage of Karelia and adjacent regions)*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., 59–73 (in Russian).
37. Skobelev, S. G. 1998. In Kotozhkov, G. G. (ed.). In *Rossiya i Hakasiya: 290 let sovmestnogo razvitiya (Russia and Khakassia: 290 Years of Joint Development)*. Abakan: Hakass State University Publ., 71–74 (in Russian).
38. Skobelev, S. G. 2012. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 7, 187–193 (in Russian).
39. In Krivoshechekov, I. Ya. (ed.). 1910. *Slovar' Verhoturskago urzda Permskoy gubernii (Dictionary of the Verkhoturysk Uyezd of the Perm Governorate)*. Perm: "Elektro-tipografiia Gubern. Zemstva" Publ. (in Russian).
40. Strogova, E. A. 2010. In Alferov, S. A. (ed.). *Aktual'nye voprosy istoriko-kul'turnogo i prirodnogo naslediya Tarskogo Priirtysh'ya (Topical Issues of Historical, Cultural and Natural Heritage of the Tara Irtysh Region)*. Vol. II. Tara: "Izd-vo A.A. Askalenko", 187–189 (in Russian).
41. Tataurov, S. F. 2016. In *Dekabr'skie dialogi (December Dialogues)*. Iss. 19. Omsk: OOO «Izdatel'-Poligrafist», 63–65 (in Russian).
42. Tataurov, S. F., Tataurov, F. S., Tataurova, L. V., Tihonov, S. S. 2019. *Arkheologicheskaya letopis' zemli Tarskoy (Archaeological chronicle of the Tara land)*. Omsk: "Izdatel'-Poligrafist" Publ. (in Russian).
43. In Golovachev, P. M. (ed.). 1911. *Tomsk v XVII veke: materialy dlya istorii goroda so vstupitel'noy i zaklyuchitel'noy stat'yami priv.-dots. P. M. Golovacheva i kartoy okrestnostey Tomska kontsa XVII v. (Tomsk in the XVII century: Materials for the history of the city with introductory and concluding papers by privat-docent P. M. Golovacheva and a map of the vicinity of Tomsk at the end of the XVII century)*. St. Petersburg: "Russkaya skoropechatnya" Publ. (in Russian).
44. Truhin, V. I., Yarovoy, B. P. 2022. In *Izvestiia vuzov. Investitsii. Stroitel'stvo. Nedvizhimost' (News of Higher Educational Institutions. Investment. Construction. Real estate)* 3, 430–441 (in Russian).
45. In Chukmaldina, A. I. (ed.). 1903. *Tiumen' v XVII stoletii (Tyumen in the XVII century)*. Moscow: "Typo-Leetografiia T-va Kushnerov" i Ko" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Gorokhov Sergej G. Candidate of Historical Sciences. Novosibirsk State University. Pirogova str., 1, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; gorokhov.sv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8100-5924>

Статья принята в номер 01.06.2024 г.

Погребальный обряд населения степей Евразии

УДК 904; 930

<https://doi.org/10.24852/pa2024.2.48.191.204>

МОГИЛЬНИК КАРШИ-БАИР В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ (ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

© 2024 г. С.В. Ушаков

В 1998–2002 гг. проводились полевые исследования некрополя Карши-Баир, расположенного у с. Верхне-Садового. Погребальные сооружения представлены склепами, подбойными и грунтовыми могилами, вырытыми в плотном грунте. Многие материалы были опубликованы (пока только в предварительном плане) и вошли в арсенал историографии. Разнообразный инвентарь – краснолаковая и лепная керамика, стеклянная посуда, бусы, металлические фибулы, пряжки, зеркала, подвески, туалетный набор и др. позволили определить его принадлежность аланам, а хронологические рамки погребений в пределах V – начала VII вв. Его рассмотрение позволяет корректировать этнополитическую ситуацию в Юго-Западном Крыму. Население, оставившее его, в эпоху гуннских вторжений не ушло вглубь полуострова, а осталось в предгорной части, испытывая сильное влияние Херсонеса – Херсона как важнейшего очага позднеантичной культуры. Часть инвентаря связана с эпохой Первого тюркского каганата. Предполагается опубликовать все материалы раскопок и рассмотреть их в широком контексте древностей западной части Евразии. В результате чего некрополь Карши-Баир должен занять своё оригинальное место среди памятников эпохи переселения народов.

Ключевые слова: археология, некрополь Карши-Баир, эпоха переселения народов, керамика, металлический инвентарь, Херсонес – Херсон, этнополитическая ситуация.

Крымские древности позднеантичной эпохи (времени Великого переселения народов) нашли своё отражение в памятниках трёх категорий – античных городищ (прежде всего Херсонеса и городов Боспора), варварских могильников Предгорной и Южной Таврики и кочевнических погребений степной части полуострова (Айбабин, 1999, с. 55–90; Ушаков, 2023, с. 180–179). Основой их изучения являются полевые исследования (разведки и раскопки). В настоящее время масштаб их несколько уменьшился; исследования сместились в сторону публикаций, анализа полученных материалов и их исторической интерпретации.

Среди всех этих памятников несколько особняком выглядит некрополь Карши-Баир, расположенный в юго-западной части полуострова, возле современного села Верх-

несадового. Хотя А.И. Айбабин и Э.А. Хайрединова и рассматривали его (отдельные комплексы и материалы) среди могильников Страны Дори (Айбабин, Хайрединова, 2017, рис. 100, 104: 1, 2; 109; 110; 112; 113: 3, 4, 9–14, П), по всей видимости, он не относится напрямую к этой области и оставлен был не готами, а аланами. Тем не менее отдельные погребения и категории находок Карши-Баира уже нашли своё отражение в научной литературе, связанной с памятниками варваров этой эпохи. Однако до сих пор нет полного представления о степени исследованности этого могильника, полная публикация материалов которого еще довольно далека от завершения. В настоящее время имеется только серия небольших заметок и статей, разбросанных по разным публикациям, иногда малодоступным. Поэтому актуальным представляется в контек-

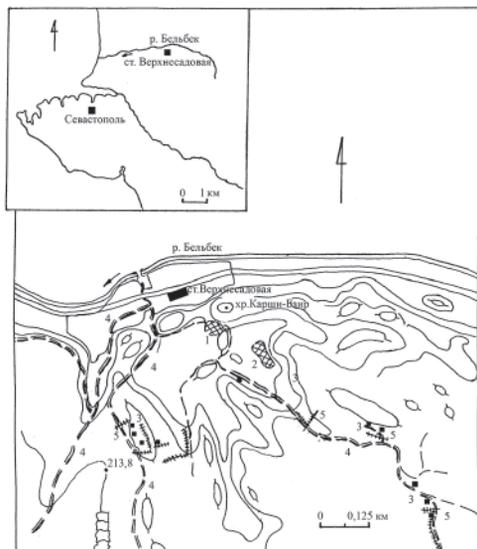


Рис. 1. Местонахождение могильника Карши-Баир в Юго-Западном Крыму.

Fig. 1. Location of the Karshi-Bair burial ground in the South-West of Crimea.

сте истории изучения этого некрополя подвести предварительные итоги дать и его **общую характеристику**.

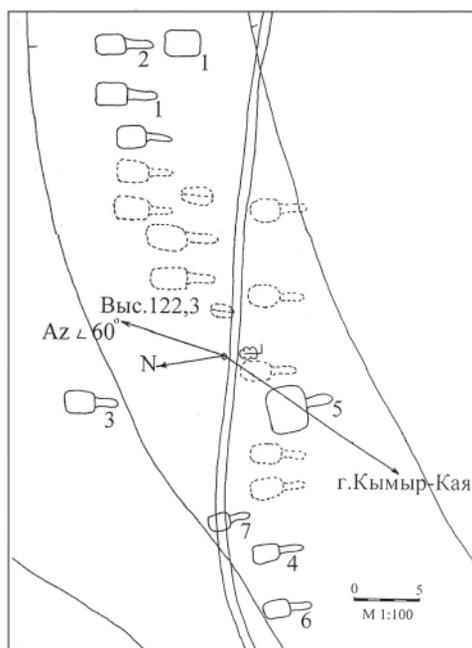
Некрополь Карши-Баир расположен недалеко от железнодорожной станции Верхнесадовая и села с одноимённым названием Нахимовского административного округа г. Севастополя (рис. 1). Археологические работы там начались в 1998 году из-за масштабных грабительских «раскопок». (Исследования проводились отрядом Севастопольской археологической экспедиции Херсонесского историко-археологического заповедника под руководством А.А. Филиппенко.) Работы охватили тогда два участка захоронений, которые подвергались сильнейшему разграблению в течение 1995–1998 гг. Этот могильник получил название по хребту Карши-Баир, вдоль отрогов которого располагались обнаруженные могилы. На местности погребальные комплексы образовали два расположенных недалеко участ-

Рис. 2. Участок могильника Карши-Баир I. План.

Fig. 2. The site of the Karshi-Bair burial ground I.

ка, разделённых цепью небольших всхолмлений. Эти два участка и были обозначены как Карши-Баир I (рис. 2) и Карши-Баир (КБ) II. Это разделение достаточно условно, так как для этих участков была характерна единая ориентация погребальных сооружений и наличие просадок земли на поле и грунтовой дороге между ними. К началу археологических работ (9 апреля 1998 года) всего было зафиксировано более 30 разграбленных погребальных сооружений. Грабежи продолжались и позднее, поэтому фиксации и зачистки проводились А.А. Филиппенко на всей доступной территории и в 1999–2002 гг.

Могильник представляет собой несколько линий погребальных сооружений (склепы, подбойные и грунтовые могилы), вытянутых, как уже было отмечено, вдоль склонов отрогов хребта Карши-Баир по направлению почти с востока на запад. Древняя дневная поверхность горизонта захоронений фиксировалась на глубине около 0,5–0,6 м от современной дневной поверхности. Среди гра-



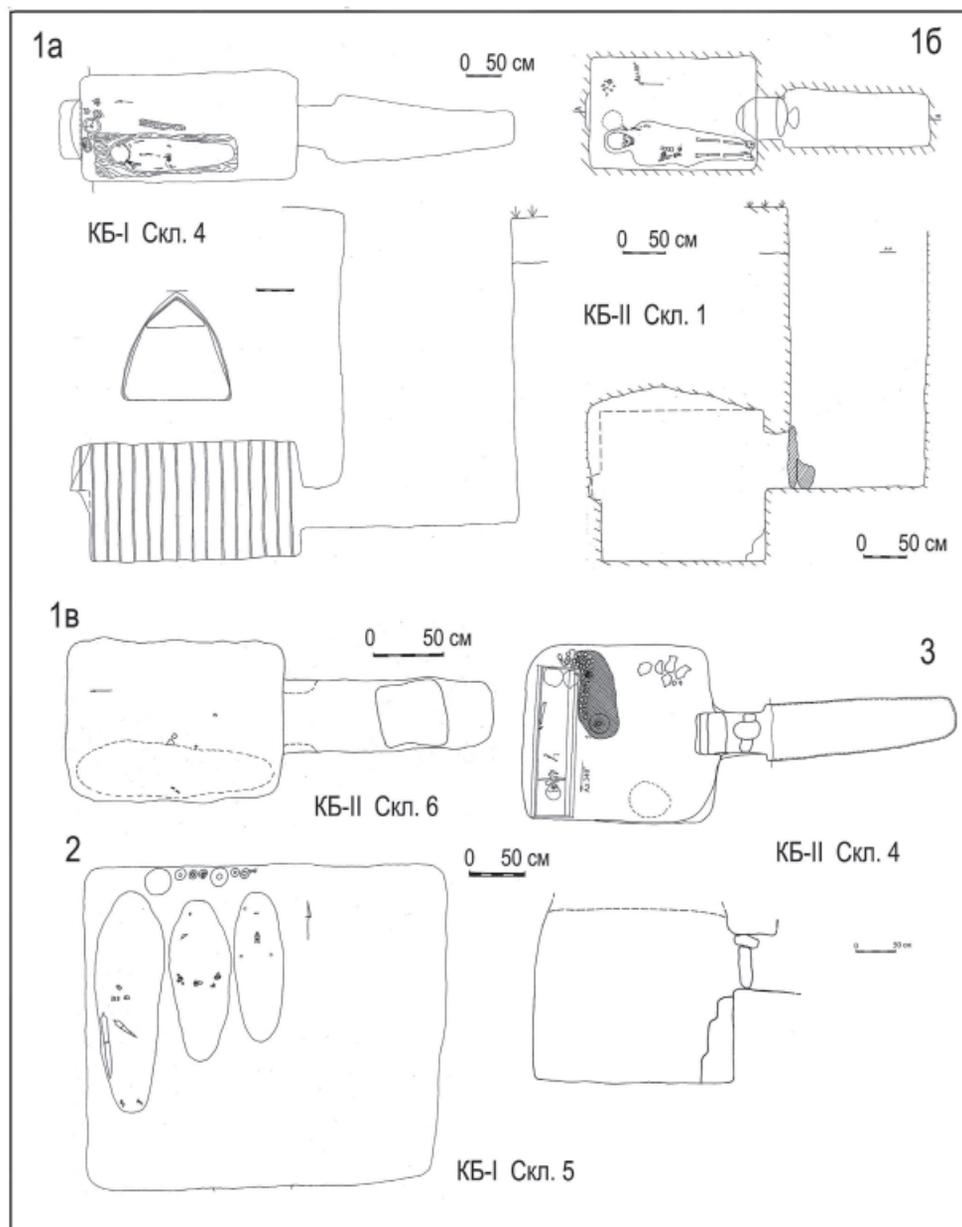


Рис. 3. Типы склепов могильника Карши-Баир.

Fig. 3. Types of crypts of the Karshi-Bair burial ground.

бительских ям в двух случаях были отмечены скопления мелких обломков стенок амфор, не поддающихся определению, возможно остатков погребальных тризн. В двух грунтовых могилах зафиксированы захоронения свиньи, вскрытые и потревоженные грабителями.

Погребальные сооружения. Всего было исследовано около двух десятков склепов, десятков подбойных могил, две простые грунтовые могилы, кроме того, дополнительно обмерялись и зачищались и другие погребальные сооружения, подвергнутые ограблению. Склепы и могилы были

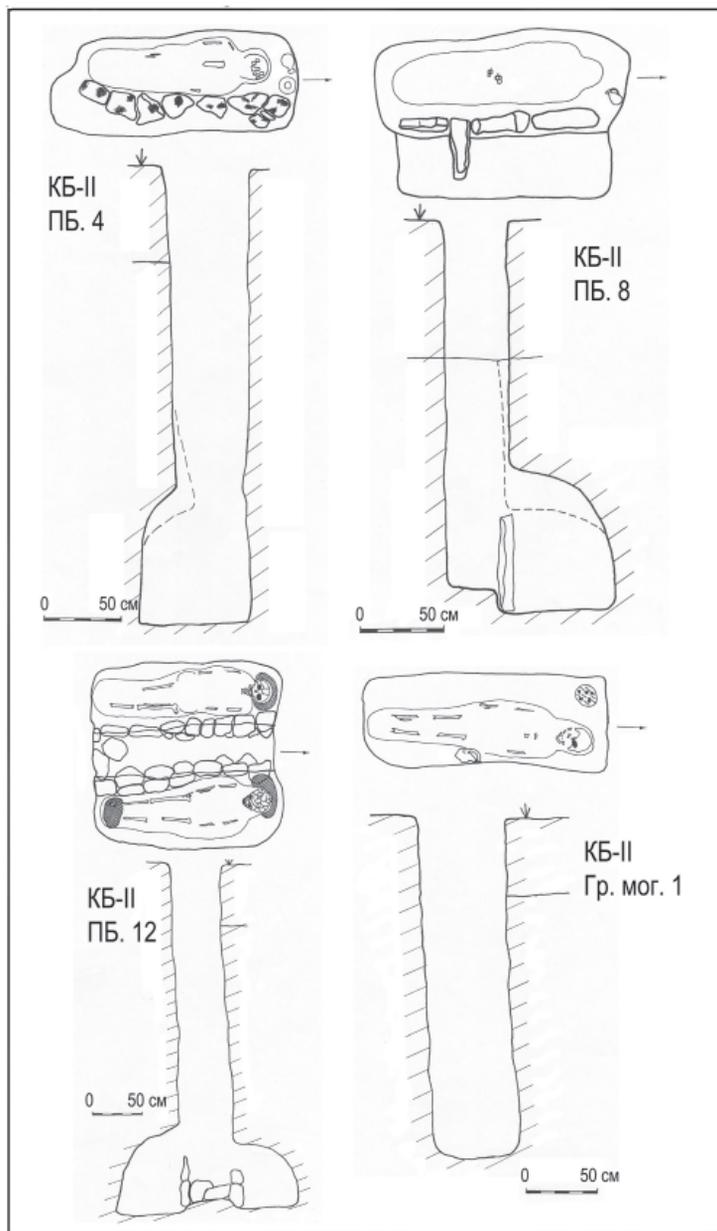


Рис. 4. Подбойные и грунтовая могилы.

Fig. 4. Undercut and underground graves.

вырыты в плотном глинистом грунте. Склепы – в целом обычной конструкции, с длинным дромосом, коротким входным коридорчиком и прямоугольной в плане камерой. В стенах склепов устраивались ниши-полки, в которых стояла стеклянная и гончарная посуда. Для захоронений использова-

лись деревянные гробы, сделанные из досок или в виде колод, сохранявшиеся, как правило, в виде тлена; иногда – почти полностью.

Было выделено три варианта склепов. Первый вариант представлен прямоугольными погребальными камерами с коньковым сводом трёх

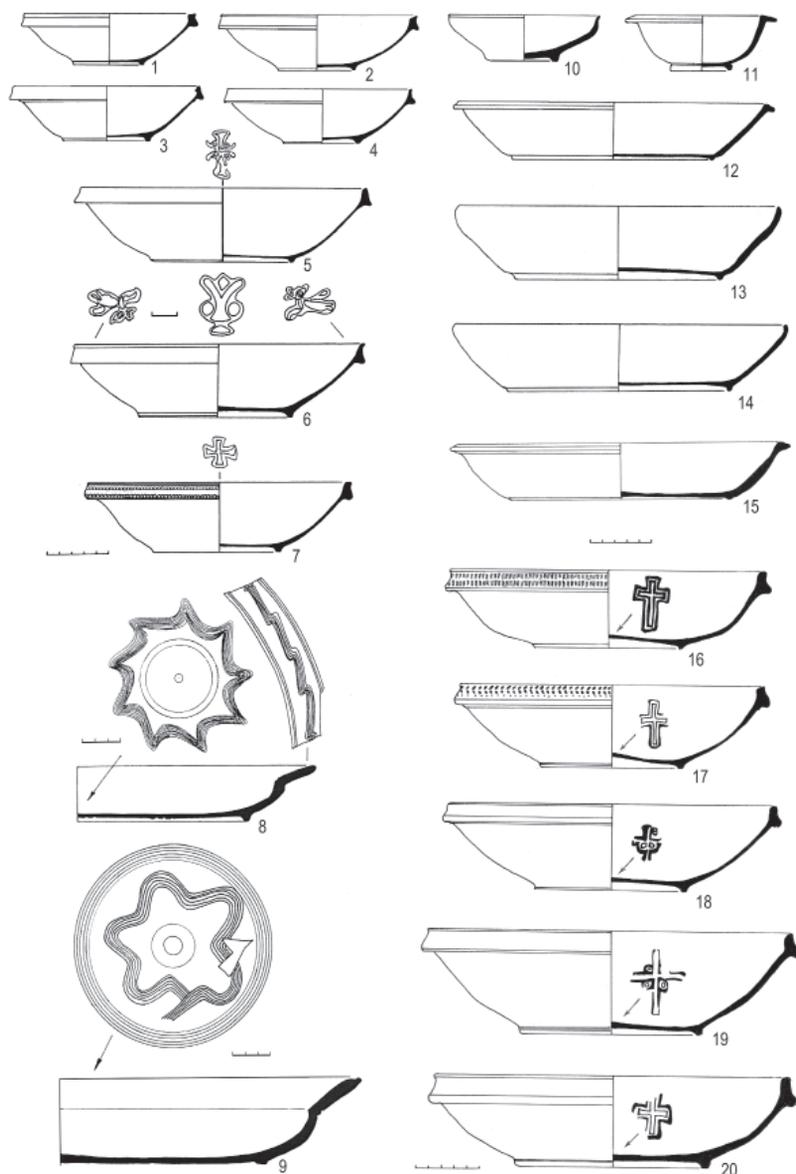


Рис. 5. Краснолаковая керамика из некрополя.

Fig. 5. Red-lacquer ceramics from the necropolis.

подвариантов: а) с имитацией кровли (прорезанными 17 параллельными полосами как своеобразными «ребрами жесткости») (рис. 3: 1а) (КБ I, склеп № 6), в задней стенке имеются ниши-полки; б) отсутствуют прорезанные желобки (рис. 3: 1б) (КБ I, склеп № 6); в) такая же конструкция, но отсутствовали ниши-полки, а погребальная посуда устанавливалась вдоль задней

(реже боковых) стенок погребальной камеры (рис. 3: 1в) (КБ I, скл. 1, 2, 3, 5; КБ II, скл. 4, 5, 6, 8, 10). Вторым вариантом – конструктивно такие же (как вариант 1), но погребальная камера почти квадратная в плане (рис. 3: 2) (КБ I, скл. 5). Третий вариант представлен одним склепом (рис. 3: 3) (КБ II, скл. 4), у которого, предположительно, был коробовый свод, разрушенный

грабителями. В этом склепе было совершено одно погребение в гробу, поставленном вдоль дальней стенки погребальной камеры.

Захоронения в склепах – коллективные, по 2–3 и более человек, погребенные лежали или вдоль стен склепов, или – реже – поперек, как правило, вытянуто на спине, кисти рук могли располагаться в районе таза. В склепе № 7 найдено захоронение одних только ног. Многие черепа имели прижизненную деформацию.

Подбойные могилы чаще были однокамерные (лево- и правосторонние), как без ступенек, так и с ними; реже встречались двухкамерные могилы (рис. 4). *Грунтовые могилы* – обычные ямы, подпрямоугольные в плане, погребения могло быть как одиночным (КБ II, гр. мог. 1) или коллективным (КБ I, гр. мог. 1, где на дне ямы было совершено три погребения).

Погребальный инвентарь. В предварительном плане он уже характеризовался, но только по отдельным категориям вещей. В совокупности он выглядит следующим образом.

Керамический комплекс представлен тремя группами сосудов.

Во-первых, это *краснолаковая керамика* семи типов (форм). В статье 2002 г. они были определены следующим образом: 1) тонкостенные «малые миски» (рис. 5: 1–4); 2) миски типа Late Roman C формы 3 (Hayes, 1972, p. 329–338, fig. 68) (рис. 5: 5–7); 3) мисочка с отогнутым краем (рис. 5: 11); 4) мисочка с округлыми стенками («пиалка») (рис. 5: 10); 5) глубокая миска (блюдо) с нешироким отогнутым краем (рис. 5: 12, 15) (форма 2 PRS по К. Домжальскому) (см.: Arsen'eva, Domzalski, 2002, p. 425–428, fig. 5–12, 13: 568, 570–574, 577); 6) блюда глубокие с заостренным краем (рис. 5: 13–14) (форма 1 PRS по К. Домжальскому); 7) блюда с широкими отогнутыми краями с орнаментом «расчёсами» и «звездами» (рис. 5: 8–9)

(форма 3 PRS по К. Домжальскому) (Ушаков, Филиппенко, 2002, с. 27–29, рис. 1–3). Отдельно были представлены также изображения на сосудах: кресты четырёх типов, заяц, птица и рыба (Ушаков, Филиппенко, 2002, с. 30, рис. 4). Позднее эта керамика была охарактеризована ещё раз, только в несколько другом перечне с каталогом и с дополнением серии краснолаковых блюд со штампами в виде крестов (в виде подъёмного материала на могильнике) (рис. 5: 16–20) (Ушаков, Филиппенко, 2008, с. 285–287, 289, рис. 1–5).

Позднее эта керамика была охарактеризована ещё раз, только в несколько другом перечне с каталогом и с дополнением серии краснолаковых блюд со штампами в виде крестов (в виде подъёмного материала на могильнике) (рис. 5: 16–20) (Ушаков, Филиппенко, 2008, с. 285–287, 289, рис. 1–5).

Краснолаковая керамика из некрополя Кириши-Баир позже была рассмотрена и в контексте керамического комплекса краснолаковой керамики Юго-Западного Крыма, где наиболее массовой является посуда понтийской позднеримской группы (Озерное III, Харакс, Инкерман, Черноречье, Совхоз 10, Дружное, Суворово, Лучистое, Карши-Баир, Бертъе-Делагарда, Алмалык-Дере), меньше керамики из Фокеи (Черноречье, Скалистое, Суворово, Карши-Баир, Алмалык-Дере), что способствовало созданию единого целостного этнокультурного пространства, охватывавшего северную часть Восточно-Римской империи, а также Юго-Западный Крым и практически всю Таврику этого времени. (Ушаков, 2019, с. 74–75, рис. 2).

Во-вторых, это *лепная посуда* шести основных типов. Это: миски, горшки, кубки, кувшины разных форм и размеров (рис. 6) (подр.: Ушаков, Филиппенко, 2008, с. 286, 288–289, рис. 1; 2009, с. 41–44).

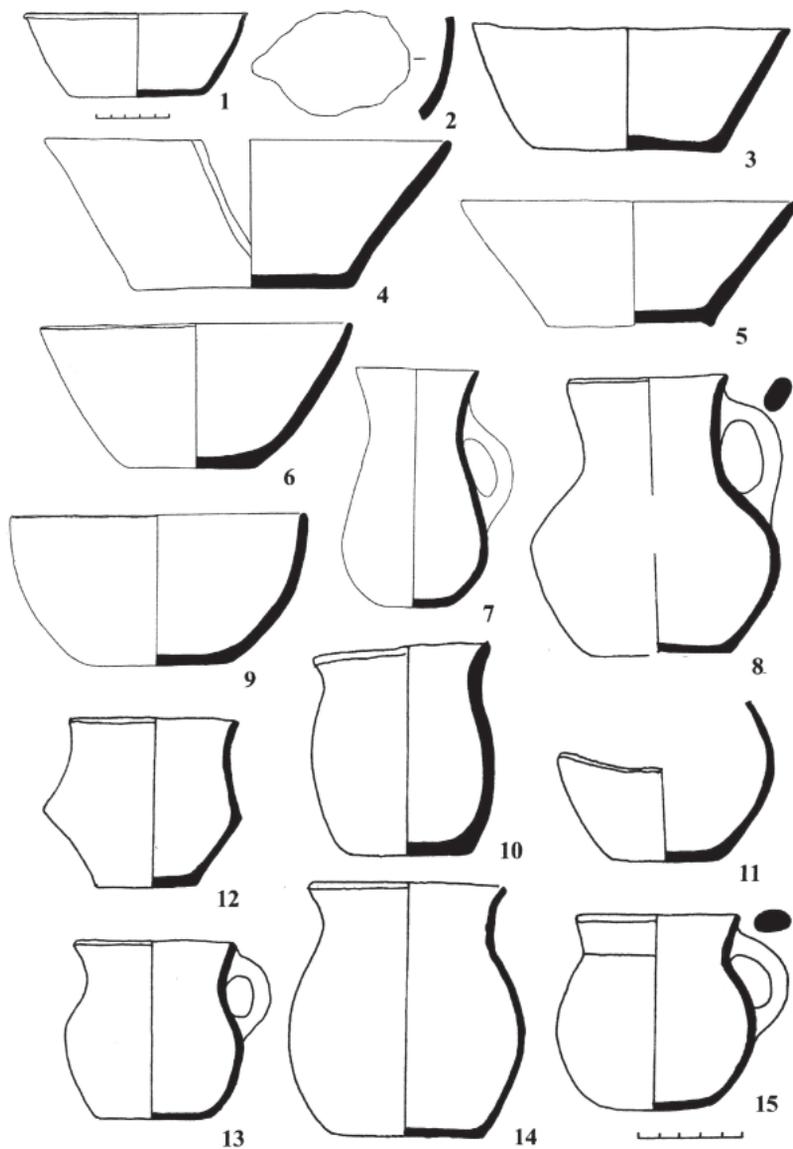


Рис. 6. Лепная керамика.

Fig. 6. Hand-made pottery.

Миски четырёх вариантов, два экземпляра горшков, два типа кубков, два кувшина. По аналогиям из крымских могильников Нейзац, Дружное и Скалистое был сделан вывод о их сармато-аланской принадлежности (Ушаков, Филиппенко, 2008, с. 286).

В-третьих, это оригинальная *амфора* с двучастным венчиком, представленная верхней частью, аналогия

имеется среди ольвийских материалов IV в. (Крапивина, 1993, с. 96–97, рис. 30: 7; Ушаков, Филиппенко, 2008, с. 286, рис. 6).

Следующая группа погребального инвентаря – *стеклянная посуда*. Специально она не изучалась и оказалась представленной в отдельных публикациях следующими типами сосудов: колбы, рюмки, миски (напр.: Ушаков, 2010, рис. 78: 7, 79: 9, 81: 1–12, 83:

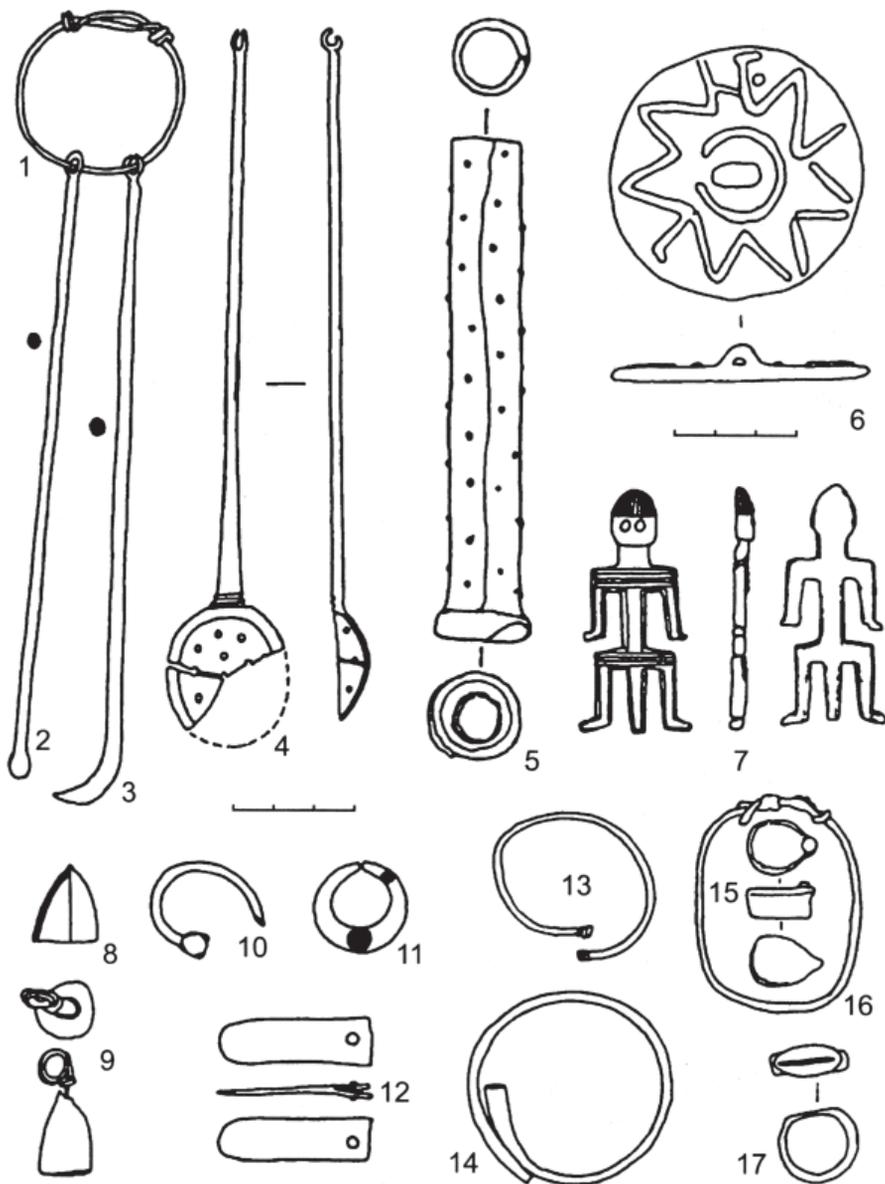


Рис. 7. Предметы из металла (бронза). 1–4 – туалетный набор; 5 – амулетница; 6 – зеркальце; 7 – антропоморфная подвеска; 8, 9 – колокольчики; 10 – серьга (колт); 11 – колечко; 12 – ременной наконечник; 13, 14 – браслеты; 15 – амулетница; 16 – проволочное кольцо; 17 – перстень.

Fig. 7. Metal items (bronze). 1–4 – toilet set; 5 – amulet case; 6 – mirror; 7 – anthropomorphic pendant; 8, 9 – bells; 10 – earring (kolt); 11 – ring; 12 – belt tip; 13, 14 – bracelets; 15 – amulet case; 16 – wire ring; 17 – finger-ring.

12–14). Среди материалов имеется и стакан с синими каплями.

Самая многочисленная, разнообразная и информативная группа инвентаря – предметы из металла. Им

была посвящена отдельная статья, где были даны их краткие описание, характеристика и датировки (Ушаков, Филиппенко, 2005, с. 556–563, рис. 1–5). Это: фибулы (5 экземпляров),

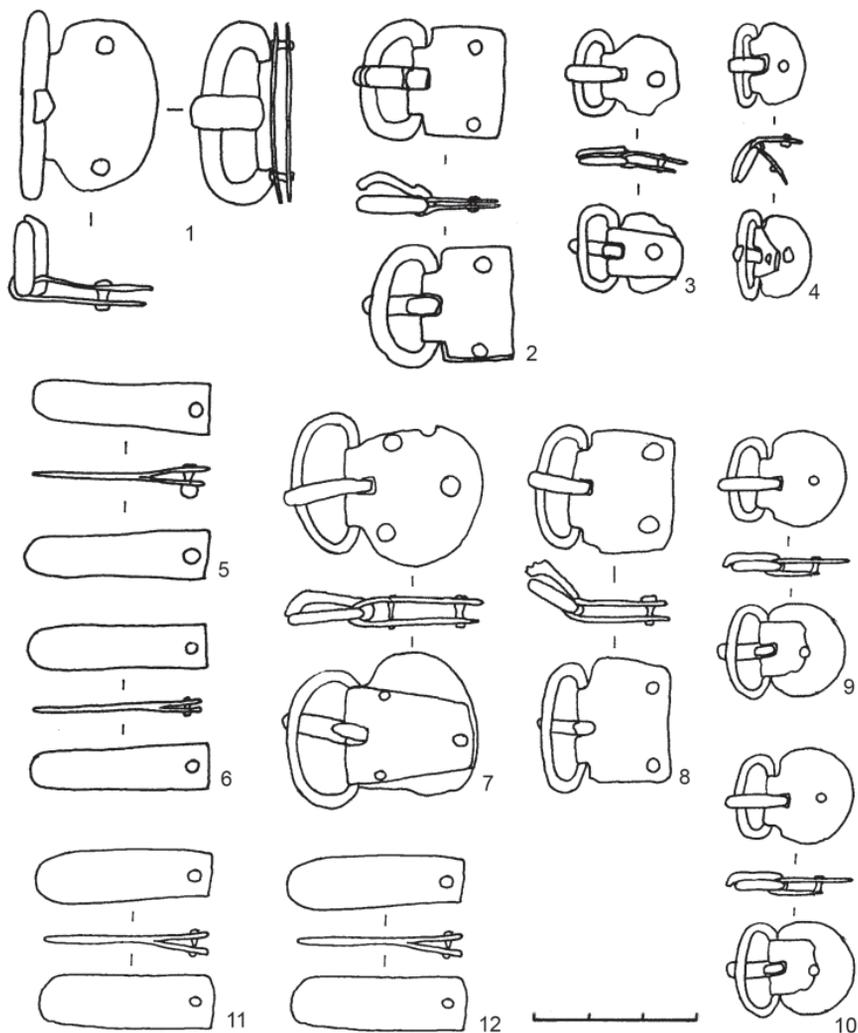


Рис. 8. Пряжки (1–4, 7–10) и ременные наконечники (5, 6, 11) (бронза) из склепа № 3 (Карши-Баир I).

Fig. 8. Buckles (1–4, 7–10) and belt tips (5, 6, 11) (bronze) from vault No. 3 (Karshi-Bair I).

поясные и обувные пряжки (17 типов), детали конской узды, ременные наконечники, накладки, серьги с многогранниками, браслеты, колокольчики, зеркала, амулетница, туалетный набор (ложечка, ситечко и скребок, подвешенные на проволочном кольце) (рис. 7). Предметы были изготовлены из бронзы или белого металла. Все эти материалы требовали дальнейшего детального анализа, что в отдельных работах было сделано. Так, например, по современным данным

найденное зеркальце (Карши-Баир II, склеп 10) относится к известным и довольно многочисленным зеркалам типа Карповка (с двумя/тремя concentрическими кругами на диске оборотной стороны) (см.: Мастыкова, 2022, с. 87–88). Дополнительно проиллюстрирую изделия из металла пряжками и ременными наконечниками из склепа № 3 (Карши-Баир II) (рис. 8).

Среди пряжек выделяются крупные поясные с изображениями на щитках (на одной – крест, на другой –

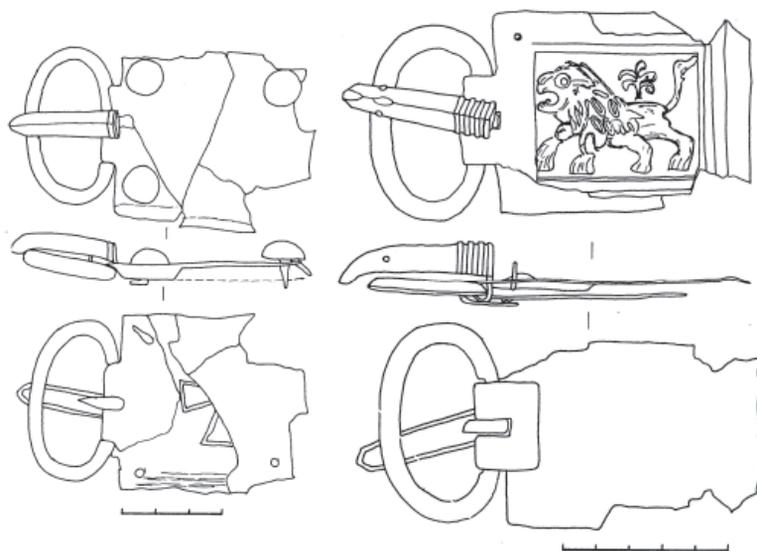


Рис. 9. Пряжки с изображениями креста и льва (бронза).

Fig. 9. Buckles with images of a cross and a lion (bronze).

лев, с уникальной иконографией) (рис. 9) (Ушаков, Филиппенко, 2005, с. 558, рис. 2: 1, 2). Средние и мелкие по размерам пряжки, накладки в виде пропеллеров и наконечники ремешков позволили Э.А. Хайрединовой реконструировать характер обуви погребённых как тип 2, II вариант, первой половины VI в. (Хайрединова, 2003, с. 126, 129, 135, рис. 6: 3, 4, 9–14; Айбабин, Хайрединова, 2017, рис. 113: 3, 4, 9–14, II; Карши-Баир, слеп 7). А маленькие полые В-образные пряжки с неподвижным щитком в форме «геральдического щита» с боковыми вырезами (Карши-Баир I, склеп 7) находят многочисленные аналогии, по современному определению О.И. Гавритухина, среди материалов эпохи Первого Тюркского каганата (Гавритухин, 2023, с. 165, 167, рис. 1: 31, 32; 2: 14, 3: 38–43).

Отдельно была отмечена антропоморфная фигурка (Карши Баир I, склеп 5, погребение 2) с выраженным фаллическим символом (рис. 7: 7) (Ушаков, Филиппенко, 2005, с. 563, рис. 4: 7; Ушаков, 2010, рис. 74: 7). В контексте подобных изображений

она привлекла внимание и современных знатоков древностей этой эпохи (Гавритухин, Обломский, Торгоев, 2022, с. 221, рис. 216: 44; 219: 8).

Кроме них в погребениях были обнаружены железные кинжал, меч, ножи с аналогиями из крымских и причерноморских памятников. Оружие (меч и кинжал) – редкие находки на могильнике. Состояние их не очень хорошее, но тем не менее удалось сделать вывод, что меч был выкован из одной полосы металла (длина лезвия 48,5 см, ширина около 4 см), согнутой затем вдоль, прокован и заточен (Ушаков, Филиппенко, 2005, с. 563, рис. 5: 10).

Среди других категорий вещей из могильника, упомянутых в литературе, зафиксированы фрагментированная *костяная пиксида* (Ушаков, 2010, рис. 73: 11–14), стеклянные и янтарные *бусы* и *подвески* (напр.: Ушаков, 2010, рис. 72: 8–26, 75: 1–32, 82: 5–18), керамическое *пряслице* (Ушаков, 2010, рис. 75: 41).

Погребальный обряд населения, оставившего могильник Карши-Баир, специально не исследовался, в

Хронология могильника Карши-Баир					
	V в.		VI в.		Перв. пол. VII в.
	Перв. пол.	Втор. пол.	Перв. пол.	Втор. пол.	
КБ-I					
Скл. 1.					
Скл. 2.					
Скл. 3.					
Скл. 4.					
Скл. 5.					
Гр. мог. 1.					
КБ-II					
Скл. 1.					
Скл. 2.					
Скл. 3.					
Скл. 4.					
Скл. 10.					
Пб. 1.					
Пб. 2.					
Пб. 3.					
Пб. 4.					
Пб. 6.					
Пб. 7.					
Пб. 8.					
Пб. 9.					
Пб. 14.					
Гр. мог. 1.					
Хронология могильника					

Рис. 10. Хронология могильника.

Fig. 10. Chronology of the burial ground.

публикациях есть только отдельные наблюдения на эту тему. Среди них: ритуальное захоронение свиньи, использование матерчатых и соломенных подстилок, погребения в гробах-колодах, устанавливаемых на камнях (Карши-Баир II, склеп № 4), древесные угольки в засыпи дромосов (Карши-Баир II, склеп № 8), устройство закладов некоторых подбойных могил, вероятно из дерева (Карши-Баир II, подбой № 1). Кроме этого, погребение частей ног с обувью (зафиксированы пряжки) (Карши-Баир I, склеп № 1) (Ушаков, Филиппенко, 2004, с. 44–45).

Хронология некрополя. Для определения датировок использовались отдельные, так называемые опорные комплексы, содержащие вещи, которые можно было использовать как хроноиндикаторы. Так, был сделан вывод, что склеп № I (Карши Баир I), где было зафиксировано четыре погребения, использовался в V в.

В погребении № 4 среди прочих вещей находились зеркальце с центральным ушком, небольшая двухпластинчатая фибула и пряжка с округлой рамкой. В склепе № 10 содержались также зеркальце с центральной петлей и тремя выпуклыми концентрическими линиями на его внутренней стороне, остатки двух стеклянных колб, бронзовые пряжки, фрагменты железного меча и др. не столь определённые хронологические предметы. Женское захоронение в гробу-колоде склепа № 4 (также на этом участке некрополя) было отнесено к более позднему времени – второй половине VI – первой половине VII вв., скорее всего не позднее самого начала этого столетия (Ушаков, Филиппенко, 2004). Сделано это было на основе сохранившегося погребального инвентаря, среди которого были: серьги-колты с многогранниками белого металла, амулетница и туалетный набор, большая пряжка с изображением льва, краснолаковое блюдо с клеймом в виде креста и краснолаковая миска, а также стеклянные колбы, кувшин и тарелочки (подр.: Ушаков, Филиппенко, 2012, с. 254–256). Наблюдения в ходе раскопок позволили также сделать выводы о пространственном «развитии» могильника вниз по склону – с севера на юг и с северо-востока на юго-запад, а типологические различия погребальных сооружений (прежде всего склепов) не носят хронологических различий. Первые склепы стали сооружать не позже первой половины V в., а основная масса захоронений относится к середине – второй половине VI в. В самом конце VI или в начале VII вв. захоронения на некрополе прекратились (подр. см.: Ушаков, Филиппенко, 2012, рис. 6, с. 256–257). Анализ погребального инвентаря позволил выстроить хронологическую схему могильника (рис. 10).

Даже эта, предварительная публикация материалов, происходящих в

том числе и из конкретных погребальных комплексов, пусть и разграбленных, позволяет провести серьёзный анализ их хронологии, корректируя старые определения. В результате, например, захоронение 3 в склепе 5 (Карши Баир I) было отнесено сейчас к середине – второй половине VI в. (Гавритухин, Обломский, Торгоев, 2022, с. 192–195, 221, рис. 219: 8; 234).

По итогам рассмотрения этого материала (в сочетании с погребальными сооружениями) был сделан вывод, что некрополь принадлежал аланам, которые остались в предгорьях, не ушли вглубь полуострова и попали в орбиту влияния ранневизантийского Херсона (Ушаков, Филиппенко, 2005, с. 563; Ушаков, Филиппенко, 2012, с. 257). Эти выводы были неоднократно подтверждены, в том числе и в контексте анализа этноисторической ситуации в Юго-Западной Таврике эпохи Великого переселения народов (Ушаков, 2022, с. 224, рис. 9Г).

Резюмируя, можно подчеркнуть, что могильник Карши-Баир, с одной стороны, является довольно типич-

ным среди других памятников эпохи Великого переселения народов, но при этом занимает своё неповторимое место среди них. Он представлен разнообразными погребальными сооружениями, среди которых выделяется склеп с имитацией кровли. Одновременно он отличается как своим разнообразием, так и одновременно набором типичных предметов инвентаря (краснолаковая и лепная керамика), стеклянная посуда, металлическая бижутерия. Эти вещи позволяют проследить связи населения, оставившего могильник, как с позднеантичными центрами (Херсонес – Херсон), так и с варварами гуннской и постгуннской эпох. Также там есть предметы, связанные с временами Первого тюркского каганата.

В то же время исследование могильника отнюдь не закончено. Необходимо завершить публикацию материалов и провести новый фундаментальный анализ всех данных, позволяющий уточнить представление и о его хронологии, и о этнокультурных связях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 366 с.
2. Гавритухин И.О. Комплекс металлических изделий эпохи Первого Тюркского каганата // Нижневолжский археологический вестник. 2023. Т. 22. № 1. С. 139–202.
3. Гавритухин И.О., Обломский А.М., Торгоев А.И. Приложение 1. Антропоморфные амулеты-фигурки из Стаево на фоне находок из Евразии // Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V–VII в.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья / Отв. ред. А.М. Обломский. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 170–226.
4. Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. К.: Наукова думка, 1993. 184 с.
5. Мастыкова А.В. Глава 5. Металлические зеркала с поселения Стаево // Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V – VII в.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья: коллективная монография / отв. ред. А.М. Обломский. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 85–94.
6. Ушаков С.В. Варвары горной Таврики на рубеже эпох: Этническая ситуация в Юго-Западном Крыму (III – середина VI вв. н. э.). Опыт реконструкции // Археологический альманах. № 23. Донецк: Донбасс, 2010. 180 с.
7. Ушаков С.В. Позднеантичный Херсонес и варвары Юго-Западного Крыма (по материалам краснолаковой керамики) // Греки и варварский мир Северного Причерноморья: культурные традиции в контактных зонах: Материалы V международной научной конференции «Археологические источники и культурогенез» / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 74–77.

8. Ушаков С.В. Юго-Западный Крым в эпоху Великого переселения народов // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Т. 2 / Ред. А. Онгар, Б.А. Байтанаев, А.Г. Ситдилов, Д.А. Воякин. Алматы-Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана. 2022. С. 209–228.

9. Ушаков С.В., Филиппенко А.А. Краснолаковая керамика из раскопок могильника Карши-Баир // Восток – Запад: межконфессиональный диалог. IV Международная Крымская конференция по религиоведению / Отв. ред. Ю.А. Бабинов. Севастополь: Стрижак-пресс, 2003. С. 27–34.

10. Ушаков С.В., Филиппенко А.А. Могильник Карши-Баир в Юго-Западном Крыму. Погребальный инвентарь (изделия из металла) // Сугдейский сборник. Вып. II / Отв. за вып. Н.М. Куковальская. Киев-Судак: Академперіодика, 2005. С. 555–564.

11. Ушаков С.В., Филиппенко А.А. Керамический комплекс могильника Карши-Баир в Юго-Западном Крыму // Херсонесский колокол: сборник научных статей, посвященных 70-летию со дня рождения и 50-летия научной деятельности В.Н. Даниленко / Ред. Э.Б. Петрова. Симферополь: СОНАТ, 2008. С. 286–296.

12. Ушаков С.В., Филиппенко А.А. Лепная керамика из могильника Карши-Баир (предварительное сообщение) // Историко-культурное наследие Причерноморья: изучение и использование в образовании и туризме. Сер.: История, археология. Ялта: РИО КГУ, 2009. С. 41–44.

13. Филиппенко А.А., Ушаков С.В. Отчет об охранных исследованиях могильника Карши-Баир в 1998 г. // Архив ГИАМЗ ХТ. Д. 3659.

14. Хайрединова Э.А. Обувные наборы V–VII вв. из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 125–160.

15. Arsen'eva T.M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // *Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens*. 2002. 8. P. 415–491.

16. Hayes J.W. *Late Roman Pottery*. London: W. Heffer and Sons Ltd Cambridge. 1972. 477 p.

Информация об авторе:

Ушаков Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел античной археологии, Институт археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); yshakovsv@list.ru

KARSHI-BAIR BURIAL GROUND IN SOUTHWESTERN CRIMEA (RESULTS OF THE STUDY AND GENERAL CHARACTERISTICS)

S.V. Ushakov

In 1998–2002, field studies of the Karshi-Bair necropolis, located near the village of Verkhne-Sadovoye, were conducted. The burial structures are represented by vaults, undercut and underground graves, dug in dense soil. Many materials have been published (so far only in a preliminary plan) and entered the arsenal of historiography. A variety of inventory – red lacquer and hand-made pottery, glassware, beads, metal fibulas, buckles, mirrors, pendants, toilet set, etc. It was possible to determine these artefacts, belonging to the Alans, and to establish the chronological framework of burials within the V – beginning of the VII centuries. Its consideration makes it possible to correct the ethnopolitical situation in the Southwestern Crimea. The population that left it, during the era of the Hunnic campaigns, did not moved deep into the peninsula, but remained in the foothill part, experiencing a strong influence Chersonese – Kherson as the most important center of late Antique culture. Part of the inventory is related to the era of the First Turkic Khaganate. It is planned to publish all the materials of the excavations and discuss them in a broad context antiquities of the western part of Eurasia. As a result, the Karshi-Bair necropolis should take its original place among the sites of the Migration period.

Keywords: archaeology, Karshi-Bair necropolis, the Migration period, ceramics, metal tools, Chersonese – Kherson, ethnic-political situation.

REFERENCES

1. Aybabin, A. I., Khayreidinova, E. A. 2017. *Krymskie goty strany Dori (seredina III–VII v.). (Crimean goths in the region of Dory (mid-third to seventh century))*. Simferopol: "Antikva" Publ. (in Russian).

2. Gavritukhin, I. O. 2023. In *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)* 22 (1), 139–202 (in Russian).
3. Gavritukhin I. O., Oblomsky A. M., Torgoev, A. I. 2022. In Oblomsky A. M. (ed.). *Torgovo-remeslenny kompleks u s. Staevo v verkhov'yakh r. Voronezh (konets V – VII v.) i nekotorye problemy arkheologii Verkhnego Podon'ya epokhi rannego Srednevekov'ya (The trade and craft complex near the village of Staevo in the upper part of the Voronezh river (late V – VII century) and certain issues of archaeology of the Upper Don region of the Early Middle Ages)*. Moscow; Saint Petersburg: “Nestor-Istoriya” Publ., 170–226 (in Russian).
4. Krapivina, V. V. 1993. *Ol'viya. Material'naya kul'tura I–IV vv. n.e` (Olvia. Material culture I–IV centuries. AD)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
5. Mastykova, A. V. 2022. In Oblomsky A. M. (ed.). *Torgovo-remeslenny kompleks u s. Staevo v verkhov'yakh r. Voronezh (konets V – VII v.) i nekotorye problemy arkheologii Verkhnego Podon'ya epokhi rannego Srednevekov'ya (The trade and craft complex near the village of Staevo in the upper part of the Voronezh river (late V–VII century) and certain issues of archaeology of the Upper Don region of the Early Middle Ages)*. Moscow; Saint Petersburg: “Nestor-Istoriya” Publ., 85–94 (in Russian).
6. Ushakov, S. V. 2010. *Varvary gornoy Tavriki na rubezhe epokh: Etnicheskaya situatsiya v Yugo-Zapadnom Krymu (III – seredina VI vv. n. e.). Opyt rekonstruktsii (The Barbarians of Tauric Highland at the turn of the epochs: The Ethnic Situation in South-Western Crimea (III – mid VI centuries). Reconstruction Experience)*. *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 23. Donetsk: “Donbass” Publ. (in Russian).
7. Ushakov, S. V. 2019. In Savinov, D. G. (ed.). *Greki i varvarskiy mir Severnogo Prichernomor'ya: kul'turnye traditsii v kontaktnykh zonakh: Materialy V mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Arkheologicheskie istochniki i kul'turogenез» (The Greeks and the Barbarian World of the Northern Black Sea region: cultural traditions in contact zones: Proceedings of the V International scientific conference “Archaeological sources and cultural genesis”)*. Saint Petersburg: “Skifiya-print” Publ., 74–77 (in Russian).
8. Ushakov, S. V. 2022. In Ongar, A., Baitanaev, B. A., Sitdikov, A. G., Voyakin, D. A. (eds.). *Evrasiyskaya stepnaya tsivilizatsiya: chelovek i istoriko-kul'turnaya sreda. V 5-ti t. T. 2 (Eurasian steppe civilization: man and historical and cultural environment. In 5 vol. Vol. 2. Almaty-Turkestan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, 209–228 (in Russian)*.
9. Ushakov, S. V., Filippenko, A. A. 2003. In Babinov, Yu. A. (ed.). *Vostok – Zapad: mezhkonfessional'nyy dialog. IV Mezhdunarodnaya Krymskaya konferentsiya po religiovedeniyu (East–West: interfaith dialogue. IV International Crimean conference on religious studies)*. Sevastopol: “Strizhak-press” Publ., 27–34 (in Russian).
10. Ushakov, S. V., Filippenko, A. A. 2005. In Kukoval'skaia, N. M. (ed.). *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia Collected Works)* II. Kiev-Sudak: “Akadempriodika” Publ., 555–564 (in Russian).
11. Ushakov, S. V., Filippenko, A. A. 2008. In Petrova, E. B. (ed.). *Khersonesskiy kolokol: sbornik nauchnykh statey, posvyashchennykh 70-letiyu so dnya rozhdeniya i 50-letiya nauchnoy deyatel'nosti V. N. Danilenko (The Bell of Chersonesos: collected scientific articles dedicated to the 70th anniversary of the birth and the 50th anniversary of the scientific activity of V.N. Danilenko)*. Simferopol: “Sonat” Publ., 286–296 (in Russian).
12. Ushakov, S. V., Filippenko, A. A. 2009. In *Istoriko-kul'turnoe nasledie Prichernomor'ia: izuchenie i ispol'zovanie v obrazovanii i turizme (Historical and Cultural Heritage of the Black Sea Region: Study and Use in Education and Tourism)*. Yalta: Crimean University for the Humanities, 41–44 (in Russian).
13. Filippenko, A. A., Ushakov, S. V. 1998. *Otchet ob ohranny`x issledovaniyax mogil'nika Karshi-Bair v 1998 g. (Report on security research of the Karshi-Bair burial ground in 1998)* Arxiv GIAMZ XT. D. 3659 (in Russian).
14. Khayredinova, E. A. 2003. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (10), 125–160 (in Russian).
15. Arsen'eva, T. M., Domzalski, K. 2002. In *Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Arhäologie Eurasiens* 8, 415–491.
16. Hayes J.W. 1972. *Late Roman Pottery*. London: W. Heffer and Sons Ltd Cambridge.

About the Author:

Ushakov Sergej V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences. Vernadsky Avenue, 2, Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russian Federation; yshakovsv@list.ru

Статья принята в номер 01.06.2024 г.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ МОГИЛЬНИКА ТАЛДИНСКИЙ-1¹

© 2024 г. Е.А. Дмитриев, А.Е. Касеналин, А.И. Кукушкин

Рассматриваемые в статье захоронения могильника Талдинский-1 (Республика Казахстан) относятся к раннему и классическому средневековью. Несмотря на малую информативность публикуемого материала из раннесредневековых погребений, они представляют интерес на региональном, центрально-казахстанском уровне, расширяя скудную на данный момент фактуальную базу. Аттрактивным образом погребальный обряд представлен в сооружении № 58, где исследовано захоронение ребенка в сопровождении костяка МРС, положение которого имитирует позу лошади в известных погребениях тюркской культуры. Погребение классического средневековья, датированное радиоуглеродным методом XIII в., представляло собой безынвентарное захоронение девочки возрастом 12–13 лет, устроенное в подбое. По черепу проведена графическая реконструкция облика. Особенности погребальной обрядности позволяют поднять вопрос о выделении синкретических мусульманско-языческих комплексов и распространении ислама в Центральном Казахстане. Анализируя материалы региона, можно констатировать длительность процесса трансформации обрядности, продолжавшегося на протяжении, как минимум двух столетий.

Ключевые слова: археология, Центральный Казахстан, средневековье, ислам, язычество, радиоуглеродное датирование, графическая реконструкция облика.

Введение. В рамках данной статьи предлагается обратиться к результатам изучения средневековых захоронений могильника Талдинский-1. Памятник находится в Шетском районе Карагандинской области (Республика Казахстан) (рис. 1), в 93 км юго-восточнее г. Караганда, в 8,97 км западнее – северо-западнее пос. Байбала, в 2,64 км западнее пос. Жанажурт. Погребальная площадка, равномерно понижающаяся к северу, занимает левобережье реки Талды. После тщательного обследования на ней были визуальным образом зафиксированы 59 разновременных сооружений, которые сосредоточены двумя относительно компактными группами (западная и центральная). На восточной окраине некрополя находятся еще несколько обособленных оград и курган (рис. 2).

Первоначально целью изучения памятника являлись комплексы бронзового века, которых за 2018–2022 гг. было раскопано 25. Проведенные ис-

следования выявили не только захоронения алакульской, федоровской и бегазы-дандыбаевской культур (Жауымбай и др., 2018; Кукушкин и др., 2020), но и ряд впускных средневековых погребений (сооружения № 3 и 31), целостность которых была потревожена грабителями.

Необходимость ликвидации лакун в археологической изученности средневековых памятников региона естественным образом акцентировала внимание на сооружениях № 36 и 58, внешние характеристики которых отличались от архитектурных маркеров комплексов бронзового века. В 2020 и 2021 гг. оба сооружения были исследованы.

Методы. Радиоуглеродное датирование. Принцип радиоуглеродного датирования заключается в измерении количества радиоактивного изотопа ¹⁴C в образце, уменьшающегося по закону радиоактивного распада (период полураспада составляет

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке КН МНВО РК (проект AP13067946) «Выявление визуальных культуродиагностирующих маркеров каменных курганов раннего железного века и Средневековья Центрального Казахстана».

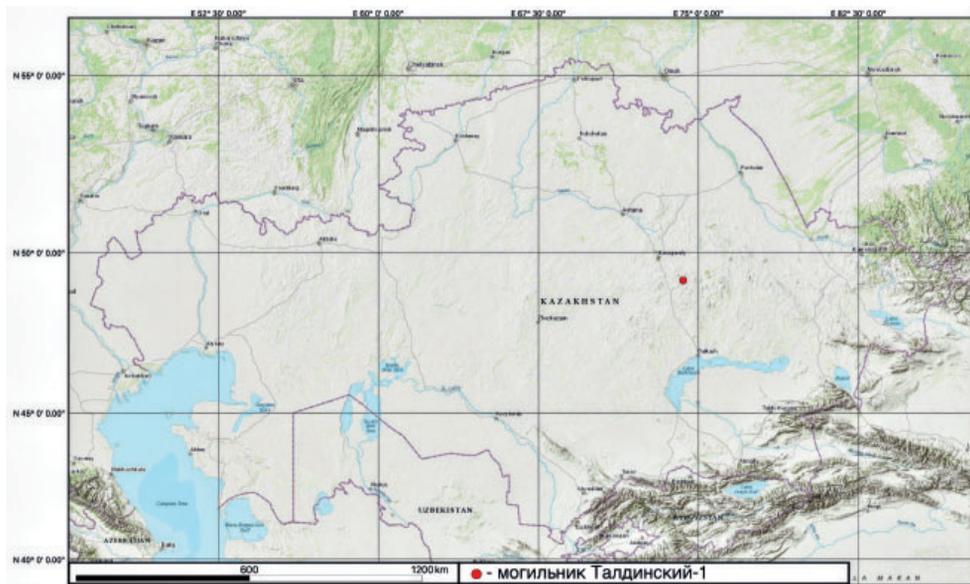


Рис. 1. Местонахождение памятника.

Fig. 1. Location of the monument.

5730±40 лет (Godwin, 1962). Однако его содержание зависит не только от возраста образца, но и от эффекта фракционирования – процесса, изменяющего массу изотопов углерода и их относительного содержания. При этом было установлено, что соотношение между ^{12}C и ^{13}C , а также ^{12}C и ^{14}C является стабильным в процессе их поглощения живым организмом, а на стабильные изотопы ^{12}C и ^{13}C влияет только фракционирование. В результате воздействия этого фактора радиоуглеродный возраст образцов с идентичным календарным возрастом, но с различным значением $\delta^{13}\text{C}$ будет отличаться (за стандарт $\delta^{13}\text{C}$ принято -25‰, а разница в каждую промилле составляет 16 радиоуглеродных лет). Применение ускорительной масс-спектрометрии (AMS), способной одновременно измерять массу ^{12}C , ^{13}C и ^{14}C в образце, позволяет преодолевать влияние эффекта фракционирования (Зазовская, 2016).

Еще одним фактором, влияющим на возраст образца, являются вариации содержания ^{14}C в обменном ре-

зервуаре Земли в различных временных промежутках, а также регионах (Reimer et al., 2020). Анализ древесины позволил разработать процедуру калибровки (Reimer et al., 2013) – перевода радиоуглеродного возраста в календарный.

В данной статье вводятся в научный оборот два радиоуглеродных определения, выполненных по образцам человеческих костей в Лаборатории масс-спектрометрии Центра физических наук и технологий (г. Вильнюс, Литва) с применением ускорительной масс-спектрометрии. Калибровка осуществлена авторами статьи в программе OxCal v4.4.4, калибровочная кривая Intcal20 (Reimer et al., 2020).

Воссоздание антропологического облика. Для восстановления внешнего облика погребенной в сооружении № 36 применена методика графической реконструкции лица по черепу как в профильной норме, так и в норме анфас. Основателем методики восстановления лица по черепу является М.М. Герасимов, которым были

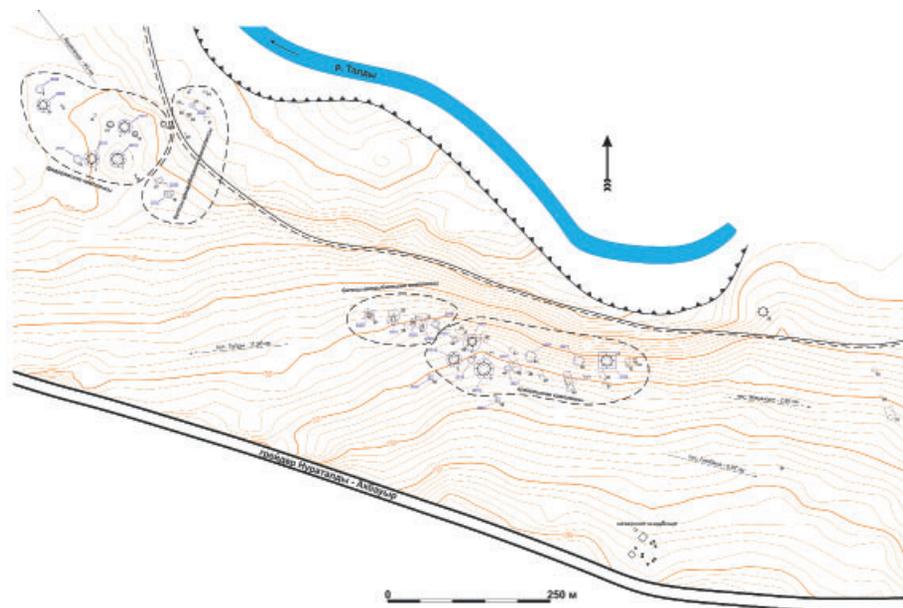


Рис. 2. Инструментальный план могильника Талдинский-1.
Fig. 2. Instrumental plan of the Taldy-1 burial ground.

выполнены целые серии графических реконструкций по черепам людей различных эпох (Герасимов, 1949).

Графический портрет/реконструкцию по черепу в лицевой и боковой/профильной нормах, демонстрирующую физические особенности (антропологический, расовый тип), выполнил завотделом антропологии Музея естественной истории Уфы А.И. Нечвалода.

Палеоантропологическое изучение. Половая диагностика проводилась на основании морфологии черепа, нижней челюсти, по строению таза и посткраниального скелета. Возраст погребенных определялся по степени облитерации швов и других костных элементов (Buikstra, Ubelaker, 1994).

Половозрастные определения выполнены к.и.н., старшим научным сотрудником Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН К.Н. Солодовниковым.

Характеристика материалов. Сооружение № 3 до раскопок представляло собой каменно-земляной курган

диаметром 14 м, высотой до 1 м, в насыпи которого выступали края плит кольцевой ограды. В северной части объекта зафиксирована современная грабительская воронка, обнажившая камни и плиты внутренней конструкции погребального комплекса. По окружности, у основания насыпи отмечены несколько крупных западин, из которых брался грунт для возведения кургана. В плане культурной принадлежности основной комплекс относится к федоровской культуре эпохи бронзы (Кукушкин и др., 2020).

В процессе снятия насыпи в центральной части сооружения, под дерном, выявлено сильно разрушенное впускное захоронение мужчины 40–50 лет. Судя по положению черепа и некоторых длинных костей, умерший был уложен на спине и ориентирован черепом в западном направлении. К сожалению, деятельность грабителей не позволяет однозначно определить размеры погребения. В 2 м севернее, в насыпи, на глубине 0,3 м обнаружен фрагмент подножки с дужкой от же-

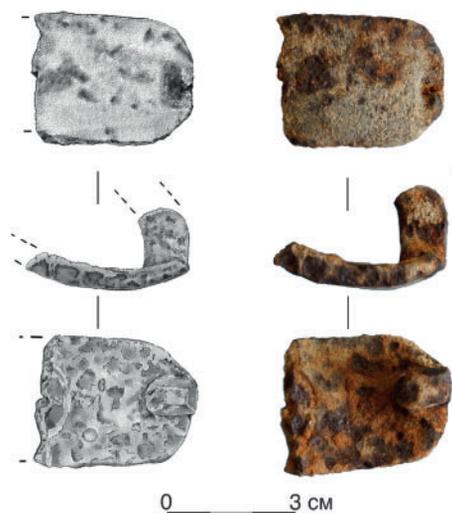


Рис. 3. Фрагмент железного стремена.

Fig. 3. Fragment of an iron stirrup.

лезного стремена (подножка плоская без дополнительных элементов в виде ребра жесткости или закраин, шириной 2,8 см, толщиной 0,4 см. Дужка четырехугольная в сечении размерами 1×0,6 см) (рис. 3).

Сооружение № 31 до раскопок представляло собой частично задернованный комплекс бронзового века, на котором был разбит четырехугольный раскоп размерами 8,5×5,5 м, ориентированный по линии запад – восток. После снятия дернового слоя была расчищена двойная ограда. Внешняя – прямоугольной формы, размерами 5×4 м – сложена строительной кладкой до трех рядов высотой (до 0,3 м), шириной до 0,3 м. Внутренняя – прямоугольной формы, размерами 3,5×2,5 м. Южная стенка сложена строительной кладкой, остальные состояли из вертикально установленных гранитных плит высотой до 0,65 м. В центральной части находился частично перекрытый гранитной плитой наземный каменный ящик размерами 2,3×1,8×0,65 м, ориентированный по линии «запад – северо-запад – восток – юго-восток». На дне погребения расчищено безынвентарное впускное

потревоженное захоронение. Умерший мужчина 40–50 лет был уложен на спине и ориентирован черепом на запад – северо-запад.

Сооружение № 36 до раскопок представляло собой слабо различимый на современной поверхности наброс из крупных камней. На объекте разбит четырехугольный раскоп размерами 2,5×1,8 м (рис. 4: 1).

После снятия поверхностного грунта мощностью до 0,15 м была расчищена выкладка, представлявшая собой овал из крупных камней размерами 2,3×1,2 м, ориентированный по линии «юго-запад – северо-восток», с небольшим компактным скоплением камней в центральной части.

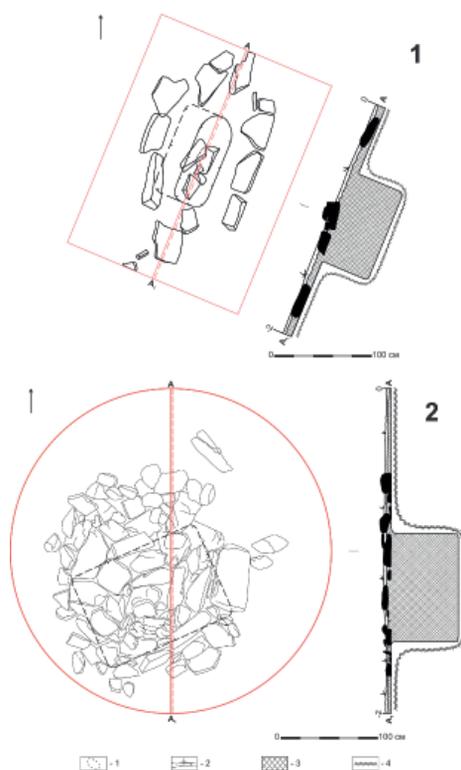


Рис. 4. Планы и разрезы сооружений №№ 36 и 58. 1 – контуры погребальной камеры; 2 – дерновый слой; 3 – светло-коричневый слой; 4 – материк.

Fig. 4. Plans and sections of structures No 36 and 58. 1 – contours of the burial chamber; 2 – turf layer; 3 – light brown layer; 4 – virgin soil.

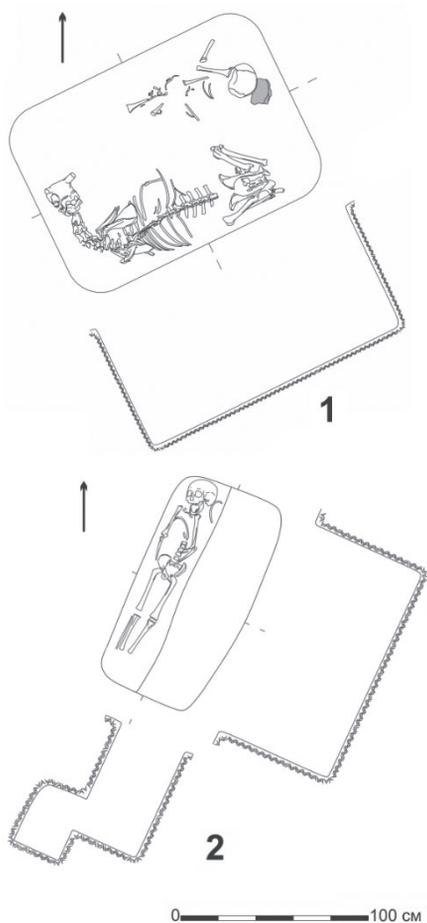


Рис. 5. Планы и разрезы могил. 1 – сооружение № 58; 2 – сооружение № 36.
Fig. 5. Plans and sections of graves. 1 – building No 58; 2 – building No 36.

Дальнейшее изучение выявило узкую грунтовую яму со скругленными углами размерами $1 \times 0,4$ м, ориентированную сообразно выкладки. На глубине $0,6$ м в левой стенке ямы по контрасту цветов грунта зафиксирован подбой. Его дно было несколько ниже (на $0,2$ м) входной камеры. Ширина подбоя $0,3$ м, высота около $0,35$ м (рис. 5: 2).

В могиле была погребена девочка монголоидного облика возрастом 12–13 лет, положенная на спине, кости ног и правой руки вытянуты, а левой несколько согнуты в локтевом суставе и уложены поверх тазовых. Кости ре-

бер и фаланги пальцев были несколько потревожены, видимо норным животным. Череп слегка повернут лицевым отделом на юго-запад. Ориентировка костяка – северо-восток.

По черепу погребенной была осуществлена графическая реконструкция облика (рис. 6), а по образцу из бедренной кости проведено радиоуглеродное датирование (табл. 1).

Сооружение № 58 до раскопок представляло собой небольшой задернованный наброс камней, почти сnivelированный с современной дневной поверхностью. На объекте был разбит раскоп диаметром $3,2$ м. После снятия поверхностного грунта было установлено, что надмогильная конструкция имеет каменную курганную насыпь размерами $2,5 \times 2,4$ м, высотой до $0,3$ м (рис. 4: 2). После разбора камней было выявлено погребение в прямоугольной грунтовой яме размерами $1,4 \times 1$ м, глубиной $0,65$ м, ориентированной по линии «юго-запад – северо-восток». В нем зафиксированы неповрежденные кости МРС и частично сдвинутые норными животными кости ребенка (рис. 5: 1).

Костяк МРС располагался в юго-восточной половине могилы и был уложен на живот с подогнутыми под туловище конечностями. Позвонок шейного отдела повернуты вправо, а череп направлен лицевой частью вниз. Скелет ориентирован в юго-западном направлении. Умерший ребенок, возрастом 4–5 лет, занимал противоположную часть погребения и был уложен, видимо, на правом боку и ориентирован черепом на восток.

Обсуждение. Исследованные захоронения на могильнике Талдинский-1 ввиду особенностей погребальной обрядности, ориентировки, наличия сопроводительного захоронения животного и типологической особенности фрагмента железного стремени представляется возможным разделить на две группы: раннего (сооружения

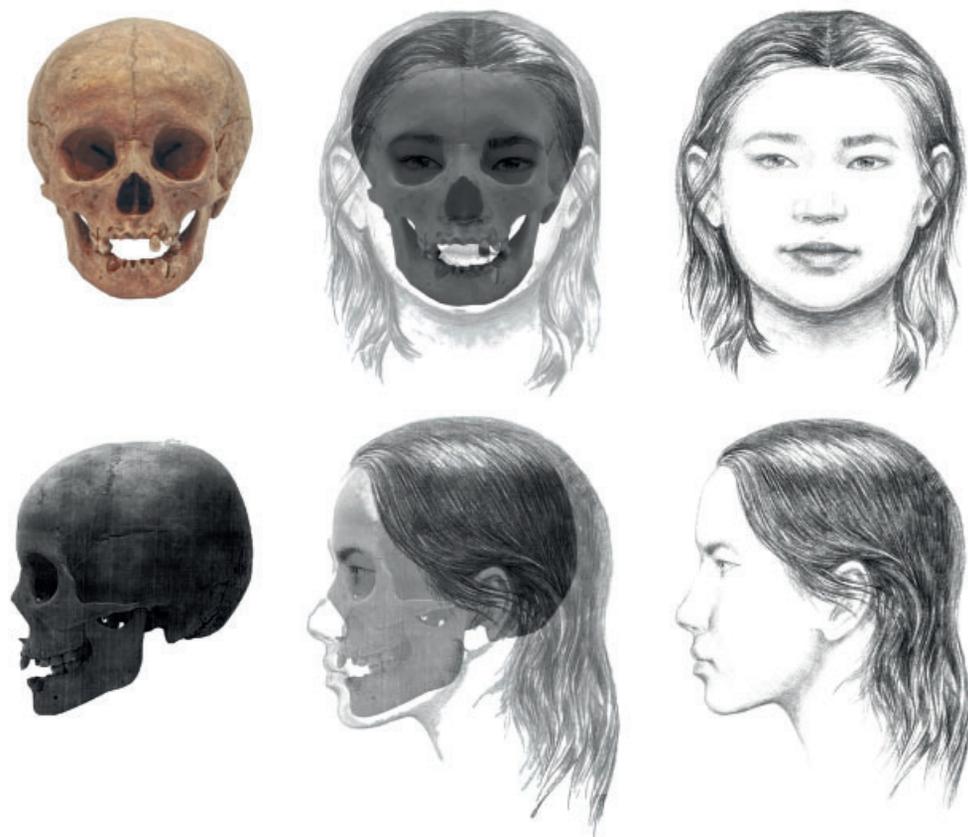


Рис. 6. Графическая реконструкция облика. Сооружение № 36.

Fig. 6. Graphic reconstruction of the external appearance. Building No 36.

№ 3, 31 и 58) и классического (сооружение № 36) Средневековья.

Далее предлагается рассмотреть каждую группу отдельно.

Исследованные на памятнике погребения *раннего Средневековья* (VI–XII вв.) представляют интерес на региональном, центральноказахстанском уровне ввиду слабой изученности проблематики.

Захоронения в сооружениях № 3 и 31 были совершены в комплексах бронзового века. Использование погребальных объектов более раннего времени – нередкое явление, неоднократно фиксированное на памятниках Центрального Казахстана. Так, к примеру, на могильнике Сенкибай-2 отмечен случай добавления в курган эпохи бронзы захоронения раннего

железного века (Кукушкин, Дмитриев, 2018а), аналогичная ситуация отмечается и в отношении устройства некоторых средневековых комплексов (Кукушкин, Дмитриев, 2018б). Как и в случае с некрополем Талдинский-1, объяснение, вероятнее всего, прагматичное – отсутствие времени или трудовых ресурсов для возведения самостоятельных погребальных объектов.

Довольно привлекательным образом погребальный обряд представлен в сооружении № 58: противоположная ориентировка ребенка и сопровождающего животного, а также само положение останков МРС в могиле – на брюхе с подогнутыми под тушу конечностями и характерный изгиб шеи вправо. Данное обстоятельство демонстрирует стремление придать

телу МРС характерную позу лошадей в известных захоронениях тюркской культуры в Центральном Казахстане (Кетабан, Егиз-Койтас и Жарлы-2) (Кадырбаев, 1959; Бейсенов, Кожиков, 2001; Кукушкин И.А. и др., 2019), а также сопредельных регионах (Кубарев, 2005).

Как отмечалось Б.Б. Овчинниковой, которой были проанализированы тюркские захоронения, иногда вместо лошади в могилу помещали овцу или барана, и сопровождали они, как правило, женщин и детей (Овчинникова, 1990, с. 11).

В этом ракурсе довольно интересным представляется сооружение 2 могильника Майбулак-2, где, судя по размерам погребения (1,4×0,83 м), также погребен, видимо, ребенок, а подле могилы находился жертвенник в виде трех неполных конечностей лошади в сопровождении железного стремени (датирован по аналогиям VII–IX вв.) (Дмитриев и др., 2017), т. е., видимо, осуществлено замещение целой туши по принципу *pars pro toto*. Показательно, что в тюркском детском погребении некрополя Жарлы-2 также находились конечности МРС (Бейсенов, Кожиков, 2001, с. 150).

Погребения в сооружениях № 3 и 31 в плане обрядности следует признать малоинформативными, однако некоторый интерес представляет фрагмент железного стремени. Прежде всего, обращает внимание довольно узкая ширина подножки, составляющая 2,8 см.

По мнению Г.В. Кубарева, широкую подножку можно рассматривать в качестве хронологического признака стремян VIII–IX вв. (Кубарев, 2005, с. 131). Собственно говоря, тенденция к увеличению ее ширины наглядно показана в статьях, посвященных типологии стремян (Неверов, 1998). В Центральном Казахстане также можно отметить близкую тенденцию, пусть и на более скромных матери-

лах (изделие тюркского времени из некрополя Майбулак-2 – 3 см, предметы из погребений золотоордынского времени могильника Нураталды-2 – 7,5–8 см) (Дмитриев и др., 2017, с. 48, рис. 3; Ломан и др., 2017, с. 215, рис. 7: 6, 8).

Таким образом, принимая во внимание фрагментированный характер изделия, а также отсутствие маркеров мусульманской погребальной обрядности в сооружениях № 3 и 31, считаем возможным определить их хронологические рамки в пределах 2-й половины I тыс. Сообразно следует датировать и сооружение № 58 ввиду наличия совместного захоронения ребенка с костяком МРС в характерной позе.

К классическому Средневековью (XIII – 1-я половина XV вв.) относится захоронение в сооружении № 36, возраст которого установлен благодаря проведению радиоуглеродного датирования. Полученная дата имеет по 2σ калиброванный интервал между 1224 и 1281 гг.

Характер погребального обряда, согласно которому захоронена умершая, в основном соответствует мусульманскому канону: могила с подбоем (ляхд); отсутствие сопроводительного инвентаря; доворот лицевого отдела головы на Мекку; компактное расположение останков в могиле указывает, вероятно, на погребение останков в саван. Однако ориентировка костяка в северо-восточном направлении явно не соответствует каноничной западной, даже при учете возможных сезонных отклонений.

Выявление подобных захоронений поднимает вопрос о времени распространения ислама и процессе «отмирания» языческих канонов в среде кочевого населения Центрального Казахстана в классическом Средневековье (XIII – 1-я половина XV вв.).

По имеющимся историческим сведениям, ислам начал проникать в Цен-

тральный Казахстан с VIII–IX вв., а к X в. он стал официальной религией в государстве Караханидов (Семиречье) и Волжской Булгарии (Волго-Камье) (Хабдулина, 2016, с. 250–251). Тем самым степные регионы Дешт и-Кыпчак еще в раннем Средневековье в общих чертах соприкасались с регионами распространения ислама. Скучная центрально-казахстанская база археологических источников, а также весьма ограниченные письменные свидетельства во многом осложняют понимание аспектов распространения мусульманских канонв в погребальной практике степного населения. Так, период IX–XII вв. в Центральном Казахстане представлен в исследованиях многочисленными кыпчакскими каменными антропоморфными изваяниями, в том числе с детализированными вторичными половыми признаками (Маргулан, 2003; Ермоленко, 2004), а погребальная практика остается непредставленной материалами (исключение составляет лишь северо-восточная окраина региона, где открыты кимацкие комплексы (Арсланова, 2013)), что не позволяет предметно подходить к рассмотрению этого вопроса в данный период.

Таким образом, оценить процесс исламизации Центрального Казахстана представляется возможным пока лишь на материалах XIII–XIV вв., известных по памятникам Долинское (Рыков, 1935, с. 43, 64–67), Жаргас (Маргулан, 1959), «Домбаул» (Усманова, 1987), Тасмола IV (Кадырбаев, Бурнашева, 1970), Котыргас (Кукушкин А.И. и др., 2019), Нураталды-2 (Ломан и др., 2017), Бозок (Хабдулина и др., 2018), Аулиеколь (Петров, Смагулов, 2018), Аюлы (Варфоломеев и др., 2017) и Карасуыр (Усманова и др., 2018). Основная их масса представлена захоронениями в сопровождении различных предметов вооружения и конской упряжи, что явно указывает

на следование традиционным верованиям.

В нашем случае наибольший интерес представляют данные некрополя городища Бозок, могильников Нураталды-2 и Долинское, где помимо грунтовых захоронений зафиксированы подкурганые сырцовые оградки, представляющие собой, в частности, простые сооружения четырехугольной формы (Долинка, Бозок и Нураталды 2 – сооружение № 1) и четырехугольные ограды с «порталами-пештаками», пристроенными с юго-восточной стороны (Котыргас, Нураталды 2 – сооружение № 2) (Кукушкин А.И. и др., 2019).

Появление подкурганых сырцовых оградок, в том числе с пештаками, планиграфически копирующих строение портално-купольных мавзолеев, в Центральном Казахстане связано тесно с распространением ислама и не имеет примеров в более раннее время. При этом данные комплексы нередко перекрыты курганными насыпями, что восходит к погребальной архитектуре раннего Средневековья.

Показательны в плане обрядности комплексы могильника Нураталды-2, датированные радиоуглеродным методом концом XIII – концом XIV вв. (табл. 1). При наличии в обоих сооружениях подкурганых сырцовых оград два из трех захоронений совершены по языческим канонам, но с идентичной для всех направленностью умерших на север – северо-запад. Причем обращает на себя внимание наличие в сооружении № 1 в общей яме сразу языческого и мусульманского разнополюх захоронений (Ломан и др., 2017, с. 210–211), вероятно объединенных семейными узами, что является наглядным примером нарушения строгого религиозного запрета.

В случае с погребением в сооружении 36 могильника Талдинский-1 представляется возможным уверенно

Таблица 1

Радиоуглеродные даты и результаты калибровки

№/№	Лабораторный номер	Радиоуглеродный возраст, BP	pMC	calAD (1σ, 68.3%)	calAD (2σ, 95.4%)	Легенда
1	FTMC-RY88-8	767 ± 28	90.89±0.32	1230–1279	1224–1281	Мог. Талдинский-1, сооружение 36
2	FTMC-HL47-2	670 ± 26	92.00±0.29	1284–1383	1279–1390	Мог. Нураталды-2, сооружение 2

говорить о его синкретическом мусульманско-языческом характере, на что указывает нетипичная северо-восточная ориентировка. В этом ракурсе, при анализе исследованных захоронений, наиболее продуктивен, по нашему мнению, подход Д.В. Васильева, выделившего на материалах Нижнего Поволжья конца XIII – 1-й половины XIV вв. группу синкретических языческо-мусульманских погребений (Васильев, 2009, с. 135).

Очевидно, в среде степного кочевого населения Центрального Казахстана процесс исламизации проходил постепенно, с включением в обрядность элементов традиционных верований, формируя в тот период в ряде случаев органичный синтез. В целом идея сохранения позиций язычества в XIII–XIV вв. подтверждается и исследованиями на территории Золотой Орды (Иванов и др., 2021).

Таким образом, на данный момент в центральноказахстанском регионе представляется возможным констатировать наличие по крайней мере трех групп захоронений XIII–XIV вв.: языческой, мусульманской и смешанной мусульманско-языческой.

При этом, опираясь на материалы полевых исследований в вопросе о начале распространения ислама в Центральном Казахстане, на данный момент мы можем достаточно уверенно говорить лишь о середине – 2-й половине XIII в. (согласно результатам радиоуглеродного датирования захоронения сооружения № 36 могильника Талдинский-1), принимая во внимание, что данный процесс мог занимать довольно длительное время и продолжался, очевидно, более двух веков, на что указывают материалы памятников с достаточной «твердой» датировкой (Нураталды-2).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана: Издательская группа филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. 405 с.
2. Бейсенов А.З., Кожасов Д.А. Средневековые памятники Центрального Казахстана // История и археология Семиречья. Вып. 2 / Отв. ред. А.Н. Марьяшев, Ю.А. Мотов. Алматы: Родничок, 2001. С. 150–164.
3. Варфоломеев В.В., Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Средневековое погребение у аула Аюлы // История и археология Семиречья. Вып. 5 / Отв. ред. Т.А. Егорова. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 167–173.
4. Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование). Астрахань: Астраханский университет, 2009. 179 с.
5. Герасимов М.М. Основы восстановления лица по черепу. М.: Сов. наука, 1949. 188 с.
6. Дмитриев Е.А., Ломан В.Г., Кукушкин И.А. Могильник Майбулак II. Новый памятник эпохи средневековья Сарыарки // Актуальные проблемы Отечественной истории и археологии / Отв. ред. Г.М. Смагулова. Караганда: КарГУ, 2017. С. 48–51.
7. Ермоленко Л.Н. Средневековые изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2004. 132 с.

8. Жауымбай С.У., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А., Шохатаев О.С. Новые сведения о ранней истории андроновских племен Центрального Казахстана (по материалам кургана 7 могильника Талдинский-1) // Археология Казахстана. 2018. № 1–2. С. 224–234.

9. Зазовская Э.П. Радиоуглеродное датирование – современное состояние, проблемы, перспективы развития и использование в археологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1 (32). С. 151–164.

10. Иванов В.А., Проценко А.С., Русланов Е.В. Погребения с признаками мусульманского обряда у кочевников Золотой Орды // Поволжская археология. 2021. № 4 (38). С. 94–107.

11. Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 7 / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: изд-во АН КазССР, 1959. С. 162–203.

12. Кадырбаев М.К., Бурнашева Р.З. Погребение кыпчака первой половины XIV в. из могильника Тасмола // По следам древних культур Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 42–73.

13. Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

14. Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А., Кукушкин И.А. Кенотаф золотоордынского времени на могильнике Котыртас (Центральный Казахстан) // Археология Казахстана. 2019. № 4 (6). С. 19–31.

15. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Находка погребения с зеркалом на могильнике Сенкибай-2 (Центральный Казахстан) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. 2 / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2018а. С. 173–177.

16. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Результаты исследований могильника Шерубай-1 андроновской (федоровской) культуры Центрального Казахстана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018б. Т. 46. № 4. С. 42–48.

17. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Предварительные результаты исследований памятников тюркского времени Центрального Казахстана в 2018 году // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). В 2-х кн. Кн. 1 / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 135–137.

18. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Федоровские захоронения могильника Талдинский-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVI / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 76–83.

19. Ломан В.Г., Дмитриев Е.А., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И. Золотоордынские погребения могильника Нураталды-2 // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб. научных статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 2. С. 209–218.

20. Маргулан А.Х. Раскопки погребения воина XIV в. в долине р. Нура // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 7 / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: изд-во АН КазССР, 1959. С. 248–261.

21. Маргулан А.Х. Петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением волчьего тотема. Каменные изваяния Улытау // Сочинения. Т. 3–4. Алматы: Дайк-Пресс, 2003. 246 с.

22. Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VI–XII в. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 129–151.

23. Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: УрГУ, 1990. 223 с.

24. Петров П.Н., Смагулов Т.Н. Нумизматические находки XIV века из некрополя у озера Ауликоль // Stratum plus. 2018. № 6. С. 167–184.

25. Рыков П.С. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда). Отчет о работах // Археологические работы Академии на новостройках в 1932–1933 гг. / ИГАИМК. Вып. 110 / Отв. ред. Ф. В. Кипарисов. Т. II. М.-Л.: ОГИЗ Государственное социально-экономическое издательство, 1935. С. 40–68.

26. Усманова Э.Р. Новые материалы по эпохе кочевников из Джезказганской области // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1987. С. 99–105.

27. Усманова Э.Р., Дремов И.И., Панюшкина И.П., Колбина А.В. Монгольские воины Улуса Джучи по материалам могильника Карасуыр (Улытау, Центральный Казахстан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. № 2. С. 106–113.

28. Хабдулина М.К. Мусульманский некрополь городища Бозок (Центральный Казахстан) // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ / Отв. ред. Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдииков. Казань: Институт археологии АН РТ, 2016. С. 250–267.

29. Хабдулина М.К., Билялова Г.Д., Бонора Ж.Л. Распространение ислама в восточном Дашт-и-кыпчаке по материалам городища Бозок // Народы и религии Евразии. 2018. №1 (14). С. 16–30.

30. Buikstra J.E., Ubelaker D. Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains. Arkansas Archaeological Survey Research Series. No 44. Fayetteville, 1994. 218 p.

31. Godwin H. Half-life of Radiocarbon // Nature. 1962. Vol. 195. P. 984.

32. Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hajdas I., Hatté C., Heaton T.J., Hafflidason H., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Turney C.S.M., van der Plicht J. Intcal13 and Marine13 Radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years calBP // Radiocarbon. 2013. Vol. 55. N 3. P. 1869–1887.

33. Reimer P.J., Austin W.E.N., Bard E., Bayliss A., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hajdas I., Heaton T.J., Hogg A.G., Hughen K.A., Kromer B., Manning S.W., Muscheler R., Palmer J.G., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Turney C.S.M., Wacker L., Adolphi F., Buntgen U., Capano M., Fahrni S.M., Friedrich R., Kohler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reing F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (0–55 cal kBP) // Radiocarbon. 2020. Vol. 62. P. 725–757.

Информация об авторах:

Дмитриев Евгений Анатольевич, магистр гуманитарных наук, научный сотрудник. Сарыаркинский археологический институт. Карагандинский университет им. Е.А. Букетова (г. Караганда, Казахстан); yevgenii1992@mail.ru

Касеналин Айбар Ерланович, PhD, постдокторант. Международный университет «Астана» (г. Астана, Казахстан); aibar.kassenalin@gmail.com

Кукушкин Алексей Игоревич, PhD, и.о. директора. Сарыаркинский археологический институт. Карагандинский университет им. Е.А. Букетова (г. Караганда, Казахстан); tatarlandia@mail.ru

MEDIEVAL BURIALS AT THE TALDY-1 BURIAL GROUND²

Ye.A. Dmitriev, A.Ye. Kasenalin, A.I. Kukushkin

The article deals with the burials at the Taldy-1 burial ground (Republic of Kazakhstan). They belong to the early and classical Middle Ages. Despite the low information content of the early medieval burials, they are of interest at the regional, central Kazakhstan level. The burials considered expand the factual base that is currently insufficient. The burial rite is clearly presented in building No 58. Here, the burial of a child was investigated. It was accompanied by the cattle skeleton. The skeleton position bears a resemblance the posture of a horse in the studied burials of the Turkic culture. The burial of the classical Middle Ages is dated to the XIII century by the radiocarbon method. It was a non-inventory burial of a girl aged 12–13 years. The burial was arranged in a pit. A graphic reconstruction of the appearance was carried out on the skull. The peculiarities of the burial rites allow the researchers to raise the issue of identifying syncretic Muslim-pagan assemblages and the

This work was supported by the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (project AP09259147 Identification of visual cultural-diagnostic markers of stone barrows of the Early Iron Age and the Middle Ages in Central Kazakhstan).

spread of Islam in Central Kazakhstan. Analyzing the materials of the region, it is possible to establish the duration of the process of ritual transformation, which lasted for at least two centuries.

Keywords: archaeology, Central Kazakhstan, Middle Ages, Islam, paganism, radiocarbon dating, graphic reconstruction of appearance.

REFERENCES

1. Arslanova, F. H. 2013. *Ocherki srednevekovoy arkheologii Verkhnego Priirtysh'ya (Essays on medieval archaeology of the Upper Irtysh)*. Astana: Publishing group of the branch of the Institute of Archeology n.a. A.Kh. Margulan in Astana (in Russian).
2. Beysenov, A. Z., Kozhakov, D. A. 2001. In Maryashev, A. N., Motov, Yu. A. (eds.). *Istoriia i arkheologiya Semirech'ia (History and archaeology of Semirechie)* 2. Almaty: "Rodnichok" Publ., 150–164 (in Russian).
3. Varfolomeev, V. V., Kukushkin, I. A., Dmitriev, E. A. 2017. In Egorova, T. A. (ed.). *Istoriia i arkheologiya Semirech'ia (History and archaeology of Semirechie)* 5. Almaty: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, 167–173 (in Russian).
4. Vasil'ev, D. V. 2009. *Islamizatsiia i pogrebal'nye obriady v Zolotoi Orde (arkheologo-statisticheskoe issledovanie) (Islamization and Funerary Rites in the Golden Horde: Archaeological and Statistical Research)*. Astrakhan: "Astrakhanskii universitet" Publishing House (in Russian).
5. Gerasimov, M. M. 1949. *Osnovy vosstanovleniya litsa po cherepu (The basic principles of skull reconstruction)*. Moscow: "Soviet science" Publ. (in Russian).
6. Dmitriev, E. A., Loman, V. G., Kukushkin, I. A. 2017. In Smagulova, G. M. (ed.). *Aktual'nye problemy Otechestvennoy istorii i arkheologii (Current Issues of National History and Archaeology)*. Karaganda: Karaganda State University Publ., 48–51 (in Russian).
7. Ermolenko, L. N. 2004. *Srednevekovye izvayaniya kazakhstanskikh stepey (tipologiya, semantika v aspekte voennoy ideologii i traditsionnogo mirovozzreniya) (Medieval statues of the Kazakh steppes (typology, semantics in the military ideology aspect and traditional world outlook))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).
8. Zhaulymbay, S. U., Kukushkin, I. A., Kukushkin, A. I., Dmitriev, E. A., Shokhataev, O. S. 2018. In *Arheologiya Kazakhstana (Archaeology of Kazakhstan)* 1–2, 224–234 (in Russian).
9. Zazovskaya, E. P. 2016. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 1 (32), 151–164 (in Russian).
10. Ivanov, V. A., Procenko, A. S., Ruslanov, E. V. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (4), 94–107 (in Russian).
11. Kadyrbaev, M. K. 1959. In Akishev, K. A. (ed.). *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)* 7. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ., 162–203 (in Russian).
12. Kadyrbaev, M. K., Burnasheva, R. Z. 1970. In Kadyrbaev, M. K. (ed.). *Po sledam drevnikh kul'tur Kazakhstana (In the Wake of the Ancient Cultures of Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 42–73 (in Russian).
13. Kubarev, G. V. 2005. *Kul'tura drevnikh tiurok Altaia (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov) (Culture of the Ancient Turks of Altai (on the Basis of Materials from Burial Sites))*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).
14. Kukushkin, A. I., Dmitriev, E. A., Kukushkin, I. A. 2019. 2019. In *Arheologiya Kazakhstana (Kazakhstan Archaeology)* 4 (6), 19–31 (in Russian).
15. Kukushkin, I. A., Dmitriev, E. A. 2018a. In Tishkin, A. A. (ed.) *Sovremennyye resheniya aktualnykh problem evraziiskoi arkheologii (Contemporary Solutions to the Current Issues of Eurasian Archaeology)* 2. Barnaul: Altay State University Publ., 173–177 (in Russian).
16. Kukushkin, I. A., Dmitriev, E. A. 2018b. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 46 (4), 42–48 (in Russian).
17. Kukushkin, I. A., Dmitriev, E. A., Kukushkin, A. I. 2019. In Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (eds.). *Kochevyye imperii Evrazii v svete arkheologicheskikh i mezhdistsiplinarynykh issledovaniy. V 2 kn. Kn. 1 (Nomadic Empires of Eurasia in Archaeological and Interdisciplinary Studies). In two volumes. Vol. 1. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Science Center SB RAS Publ., 135–137 (in Russian)*.
18. Kukushkin, I. A., Dmitriev, E. A., Kukushkin, A. I. 2020. In Tishkin, A. A. (ed.). *Sokhraneniye i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 26. Barnaul: Altai State University Publ., 76–83 (in Russian).
19. Loman, V. G., Dmitriev, E. A., Kukushkin, I. A., Kukushkin, A. I. 2017. In Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arkheologicheskoe nasledie Tsentral'nogo Kazakhstana: izuchenie i sokhraneniye. Sbornik statey, posvyashchennyiy 70-letiyu Tsentral'no-Kazakhstanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: Study and Preservation (Collection of Articles Dedi-*

cated to the 70th Anniversary of Central Kazakhstan Archaeological Expedition) 2. Almaty: Research center of history and archeology Begazy-Tasmola, 209–218 (in Russian).

20. Margulan, A. Kh. 1959. In Akishev, K. A. (ed.). *Trudy Instituta istorii, arkhologii i etnografii AN KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)* 7. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ., 248–261 (in Russian).

21. Margulan, A. Kh. 2003. *Sochineniia (Works)* vol. 3–4. Almaty: “Daik-Press” Publ. (in Kazakh, Russian).

22. Neverov, S. V. 1998. In Kiriushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (ed.). *Snaryazhenie verhovogo konya na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekov'e (Equipment of a Saddle Horse from the Altai in the Early Iron Age and the Middle Ages)*. Barnaul: Altai State University Publ., 129–151 (in Russian).

23. Ovchinnikova, B.B. 1990. *Tiurkskie drevnosti Saiano-Altaiia v VI–X vv. (Turkic Antiquities of the Sayano-Altai in the 6th–10th centuries)*. Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).

24. Petrov, P. N., Smagulov, T. N. 2018. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 1678–184 (in Russian).

25. Rykov, P. S. 1935. In Kiparisov, F. V. (ed.). *Arkheologicheskie raboty Akademii na novostroikakh 1932–1933 gg. (Archaeological Activities of the Academy at New Construction sites in 1932–1933)*. Series: *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 110 (2). Moscow-Leningrad: “Sotsekgiz” Publ., 40–68 (in Russian).

26. Usmanova, E. R. 1987. In Zdanovich, G. B. (ed.). *Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia (The Early Iron Age and the Middle Age of the Ural – Irtysh Interfluves Area)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk: Bashkir State University, 99–105 (in Russian).

27. Usmanova, E. R., Dremov, I. I., Panyushkina, I. P., Kolbina, A. V. 2018. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 46 (2), 106–113 (in Russian).

28. Khabdulina, M. K. 2016. In Abdullin, Kh. M., Sitdikov, A. G. (eds.). *Materialy Kongressa islamskoi arkhologii Rossii i stran SNG (Materials of the Congress on Islamic Archaeology of Russia and the CIS Countries)*. Kazan: Institute of Archaeology of the Tatarstan Academy of Sciences, 250–267 (in Russian).

29. Khabdulina, M. K., Bilyalova, G. D., Bonora, Zh. L. 2018. In *Narody i religii Evrazii (Nations and Religion of Eurasia)* 1 (14), 16–30 (in Russian).

30. Buikstra, J. E., Ubelaker, D. 1994. *Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains. Arkansas Archaeological Survey Research Series*, 44. Fayetteville.

31. Godwin, H. 1962. In *Nature*, vol. 195, 984.

32. Reimer, P. J., Bard, E., Bayliss, A., Beck, J. W., Blackwell, P. G., Bronk Ramsey, C., Buck, C. E., Edwards, R. L., Friedrich, M., Grootes, P. M., Guilderson, T. P., Hajdas, I., Hatté, C., Heaton, T. J., Hafflidason, H., Hogg, A. G., Hughen, K. A., Kaiser, K. F., Kromer, B., Manning, S. W., Niu, M., Reimer, R. W., Richards, D. A., Scott, E. M., Southon, J. R., Turney, C. S. M., van der Plicht, J. 2013. In *Radiocarbon*, vol. 55, 3, 1869–1887.

33. Reimer, P. J., Austin, W. E. N., Bard, E., Bayliss, A., Blackwell, P. G., Bronk Ramsey, C., Butzin, M., Cheng, H., Edwards, R. L., Friedrich, M., Grootes, P. M., Guilderson, T. P., Hajdas, I., Heaton, T. J., Hogg, A. G., Hughen, K. A., Kromer, B., Manning, S. W., Muscheler, R., Palmer, J. G., Pearson, C., van der Plicht, J., Reimer, R. W., Richards, D. A., Scott, E. M., Southon, J. R., Turney, C. S. M., Wacker, L., Adolphi, F., Buntgen, U., Capano, M., Fahrmi, S. M., Friedrich, R., Kohler, P., Kudsk, S., Miyake, F., Olsen, J., Reing, F., Sakamoto, M., Sookdeo, A., Talamo, S. 2020. In *Radiocarbon*, vol. 62, 725–757.

About the authors:

Dmitriev Yevgeny Anatolyevich, Master of Humanities. Saryarka Archaeological Institute at the Karaganda Buketov University. University street, 28, Karaganda, 100024, Kazakhstan; yevgenii1992@mail.ru

Kasenalina Aibar Yerlanovich, PhD, International University «Astana». Kabanbay Batyr ave. 8, 010000 Astana, Republic of Kazakhstan; aibar.kassenalin@gmail.com

Kukushkin Alexey Igorevich, PhD, Saryarka Archaeological Institute at the Karaganda Buketov University. University street, 28, Karaganda, 100024, Kazakhstan; tatarlandia@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2024 г.

УДК 902 (470.630)

<https://doi.org/10.24852/pa2024.2.48.218.231>

**ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НАСЕЛЕНИЯ
ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА МАДЖАРА:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ**

© 2024 г. В.А. Бабенко

В статье рассматриваются проблемы в изучении погребального обряда населения золотоордынского города Маджара. С 1989 г. по 2020 г. на городище Маджары были исследованы небольшие участки в торгово-ремесленном квартале и на городском кладбище. В последнее время были проведены краниологические, археозоологические и палинологические исследования. С начала 2000-х гг. был выявлен и опубликован ряд ценных архивных материалов XVIII–XIX вв. В 2021 г. были утверждены границы городища. На фоне отмеченных позитивных изменений наметилось отставание в изучении погребального обряда населения города, связанное с недостаточной изученностью городского кладбища. В 2020 г. И.Б. Тищенко раскопал 10 погребений в северо-западной части городского кладбища, значительно пополнив имеющуюся источниковую базу. В 2022 г. в серии статей с участием Е.И. Нарожного, И.Б. Тищенко и А.А. Сазонова были предприняты попытки анализа исследованных в 2020 г. погребений. В отмеченных статьях содержатся дискуссионные положения, не учитывающие материалы исследования некрополей Маджара и других золотоордынских памятников. Городское кладбище Маджара нуждается в проведении масштабных исследований.

Ключевые слова: археология, город Маджар, кладбище, В.А. Городцов, погребальный обряд, исследования, типология.

Крупнейшим золотоордынским памятником Северного Кавказа является городище Маджары, расположенное в Среднем Прикумье. На городище локализуется город Маджар, один из региональных центров, возникших на втором этапе градостроительства в Золотой Орде (Бочаров, Масловский, 2022, с. 99, 100, рис. 1).

Несмотря на проводящееся с начала XVIII в. изучение, городище Маджары остается недостаточно исследованным в археологическом плане. На современном этапе исследований памятника наиболее актуальными задачами являются его сохранение, поиск и публикация архивных материалов, проведение новых раскопок и обобщение материалов исследований.

С 1989 г. по 2020 г. на памятнике после длительного перерыва проводились археологические раскопки и наблюдения. С начала 2000-х гг. активизировались поиск и публикация архивных материалов XVIII–XIX вв. (Бабенко, 2016, с. 179). После проведения I Маджарского археологического форума в 2012 г. был достигнут

значительный прогресс в сохранении и изучении памятника. В 2020 г. коллективом под руководством автора статьи были проведены работы по установлению границ городища Маджары. Они были утверждены приказом управления Ставропольского края по сохранению и государственной охране объектов культурного наследия от 22 января 2021 г. № 26 «Об утверждении границы территории и режима использования земельных участков в границах территории объекта культурного наследия федерального значения «Городище «Маджары»».

В 2014–2017 гг. на территории торгово-ремесленного квартала городища были проведены научные раскопки, значительно расширившие представления о памятнике (Бабенко, 2016, с. 179; Бочаров и др., 2018а, с. 404–406). В ходе этих раскопок были получены результаты, позволяющие уточнить время возникновения города Маджара и стратиграфию городища в этой части. За отмеченный период были опубликованы обобщающая работа Э.Д. Зиливинской по исто-

рии Маджара (Маджар и Нижний..., 2015, с. 7–108) и предварительные результаты раскопок 2015–2017 гг. на территории торгово-ремесленного квартала (Бочаров и др., 2018б).

В то же время остаются недостаточно исследованными городское кладбище Маджара и погребальный обряд населения города. В отличие от других крупных золотоордынских памятников масштабные раскопки на городском кладбище Маджара не производились. С 1907 г. в его разных частях были исследованы несколько небольших участков, а в общей массе преобладают разрушенные погребения. Долгое время источниковую базу составляли погребения, раскопанные В.А. Городцовым в 1907 г. (Городцов, 1911, с. 173, 189–193, 195–196) и Г.Н. Прозрителевым в 1909 г. (Прозрителев, 1910, с. 4–6, с. 9, рис. 2). В 1989–1991 гг. археологической экспедицией СГПИ в разных частях городского кладбища в бортах котлованов и траншей было доисследовано 34 разрушенных в ходе строительных работ погребения (Белинский и др., 1991; Зиливинская, Смирнова, 1992).

Типология погребальных сооружений Маджарского кладбища по материалам раскопок 1907 г. была впервые разработана Г.А. Фёдоровым-Давыдовым. В материалах В.А. Городцова им также были выделены два кочевнических захоронения (Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 204–205). Эта типология была уточнена Л.Т. Яблонским, но в ней были учтены только 15 погребений (Герасимова и др., 1987, с. 145, табл. 52). Более подробная типология с включением материалов раскопок Г.Н. Прозрителева была предложена Е.И. Нарожным, она учитывала уже 24 погребения (Нарожный, 1988, с. 162, 164–166). Д.В. Васильев включил маджарские погребения в свою базу данных (Васильев, 1907, с. 84).

В отмеченных типологиях не было отражено наличие на кладбище Мад-

жара погребений с подбоем в северной стенке, исследованных В.А. Городцовым. Мною было подготовлено на XIX «Крупновских чтениях» 2004 г. сообщение о погребальном обряде населения Маджара и предложена типология погребального обряда, разработанная на основе анализа 60 погребений и учитывавшая данный признак (Бабенко, 2004, с. 14; Бабенко, 2008, с. 790). Публикация материалов раскопок 1989–1991 гг. без анализа антропологических материалов мной не производилась в связи с задержкой в изучении краниологических материалов 1989–1990 гг.

В 2015 г. Э.Д. Зиливинская опубликовала в своей обобщающей работе погребения, доисследованные в 1989 г., и погребения с раскопа № 3 1990 г. (Маджар и Нижний..., 2015, с. 57, с. 96–102, рис. 53–61), которые вполне характеризуют погребальный обряд населения Маджара и могут использоваться исследователями. Остаются неопубликованными только сильно разрушенные погребения с раскопа № 6 1991 г.

Таким образом, главной проблемой в изучении погребального обряда населения Маджара является недостаточная изученность городского кладбища в археологическом плане. Это вызвало трудности в изучении антропологии населения города.

Краниологическая серия из раскопок В.А. Городцова была изучена в ряде работ В.П. Алексеевым (Алексеев, 1974, с. 22–24) и Л.Т. Яблонским (Герасимова и др., 1987, с. 217). Она пополнилась в 1989–1990 гг. и насчитывает всего 25 черепов (Евтеев, 2016, с. 107), значительно уступая сериям из нижеволжских городов. В 2000 г. антропологические материалы из раскопок 1989–1990 гг. при содействии М.М. Герасимовой были отправлены на изучение в НИИ и Музей антропологии МГУ. Их обработку проводил А.А. Евтеев. Результаты обработки

маджарской коллекции были опубликованы в 2003 г. (Евтеев, 2003), но стали известными только антропологам. Сопоставление краниологических материалов Маджара и кочевнических могильников Ставрополя позволило А.А. Евтееву сделать важный вывод о том, что монголоидный компонент маджарской выборки не связан с населением степных районов Золотой Орды (Евтеев А.А., 2003, с. 100).

В дальнейшем А.А. Евтеев продолжил работу с маджарской коллекцией и в 2012 г. пересмотрел свои первоначальные выводы. К сожалению, его доклад на I Маджарском археологическом форуме был опубликован только в 2016 г. (Евтеев, 2016). Согласно выводам А.А. Евтеева, мужская и женская выборки серьезно различаются. Мужское население Маджара отличалось от населения нижеволжских городов и было близко сериям из средневековых могильников Северной Осетии, Дагестана, Волжской Булгарии, Поднепровья и Старого Орхья. Женское население города близко сериям из Новохарьковского могильника и Зливок (Евтеев, 2016, с. 120–121). Более обоснованные выводы возможны при проведении широкомасштабных археологических и краниологических исследований на памятнике.

С 1991 г. по 2020 г. исследования на маджарском кладбище не производились. В 2020 г. на территории участка городского кладбища в северо-западной части городища И.Б. Тищенко были проведены археологические наблюдения в домовладении по ул. Кочубея, 226а, в ходе которых были раскопаны 10 погребений. Материалы данных наблюдений были изложены примерно в одно время в трех статьях с участием Е.И. Нарожного, И.Б. Тищенко (Нарожный, 2022; Нарожный, Тищенко, 2022) и А.А. Сазонова (Нарожный и др., 2022). Основная информация о раскопанных погребениях

содержится в статье Е.И. Нарожного и И.Б. Тищенко. Обобщенные выводы Е.И. Нарожный изложил в своей отдельной работе, частично изменив выводы двух перечисленных выше работ (Нарожный, 2022). Отмеченные работы имеют ряд недостатков в изложении материалов наблюдений и содержат недостаточно обоснованные выводы, что нуждается в оценке. Основное внимание будет уделено статье Е.И. Нарожного и И.Б. Тищенко.

В ней вызывает многочисленные вопросы изложение материалов наблюдений. В тексте указано, что работы проводились внутри бетонного фундамента, во внутреннем пространстве которого компактно, в несколько рядов располагалось 10 мусульманских погребений (Нарожный, Тищенко, 2022, с. 145). Кроме погребений на план раскопа нанесены другие «объекты», о которых в описании ничего не сказано. Судя по нивелировочным отметкам, они были зафиксированы на одном уровне с погребениями и представляют собой заглубленные в материк какие-то ямы, возможно хозяйственные (Нарожный, Тищенко, 2022, с. 146, рис. 2.1). В тексте не указано, был ли зафиксирован на раскопе культурный слой городища. Но в заключении статьи авторы пришли к выводу о стратиграфическом перекрытии на данном участке погребениями отдельных хозяйственных ям, к которым они задним числом отнесли «почти полтора десятка различных «объектов» XIV в.» (Нарожный, Тищенко, 2022, с. 154).

Авторы дали весьма краткую характеристику исследованных погребений в Таблице 1 (Нарожный, Тищенко, 2022, с. 147, табл. 1) и в Таблице 2 (Нарожный, Тищенко, 2022, с. 148, табл. 2). Приведя в тексте и в Таблице 1 малоинформативное описание сырцовых конструкций, которое, на мой взгляд, не соответствует иллюстрациям, авторы подвели его ло-

гичный итог: «Выявленные различия в способе укладки кирпичей закладов не совсем понятны и могут быть объяснимы различиями размеров погребальных ям, предназначенных под захоронения людей разного возраста» (Нарожный, Тищенко, 2022, с. 145). Отмеченные особенности публикации сырцовых конструкций повлияли на их восприятие авторами статьи и привели к путанице в предложенной ими классификации погребальных сооружений и некорректным результатам их анализа. Авторы также попытались изложить в краткой форме в Таблице 2 описание погребального обряда, но отразили в ней только тип погребального сооружения и положение туловищ погребенных. Положение лицевых частей черепов и конечностей погребенных в ней не отражено (Нарожный, Тищенко, 2022, с. 148, табл. 2).

Несмотря на выраженную авторами уверенность в информативности погребений (Нарожный, Тищенко, 2022, с. 152), ряд моментов затрудняет восприятие иллюстративного материала. Ниже приводится перечень наиболее важных замечаний.

Раскоп 2020 г. авторы показали на схеме соотношения границ городища Маджары по данным В.А. Городцова и современной схемы г. Буденновска (Нарожный, Тищенко, 2022, с. 146, рис. 1.1), «позаимствованной» из моей статьи (Бабенко, 2019, с. 27, рис. 1) без соответствующей ссылки. К сожалению, использованный авторами статьи план В.А. Городцова не отражает границы городища полностью, чему в начале XX в. имелись объективные причины, связанные с труднодоступностью пойменной части памятника. Эта часть не была включена в план памятника 1907 г. Расположение раскопа 2020 г. можно было показать на актуальной схеме городища с нанесенными границами памятника по состоянию на 2021 г.

У всех планов и разрезов погребений отсутствуют условные знаки и обозначения, хотя в профилях заполнения подбоев погребений № 7 и № 10 показаны какие-то досыпки, не оговоренные в описаниях погребений (Нарожный, Тищенко, 2022, с. 152, рис. 6.1, рис. 6.2, с. 153, рис. 7.2).

Авторы неудачно показали конструктивные особенности прослеженных сырцовых конструкций, ограничившись их фотографиями в ракурсе и разрезами. В иллюстрациях к погребению 6 отсутствует и фото заклада, который показан только в разрезе (Нарожный, Тищенко, 2022, с. 151, рис. 5. 8). На фотографии погребения 2 показан только фрагмент заклада, вероятно, в процессе фиксации его разреза (Нарожный, Тищенко, 2022, с. 149, рис. 3.5). Чертежи сырцовых конструкций исключили бы все возможные вопросы.

Фотографии безынвентарных погребений после расчистки дублируют их планы, занимая свободное место, не позволяя дать их более крупные планы и разрезы. В результате на планах погребений плохо просматриваются нивелировочные отметки. Кроме того, на чертежах неудачно пронивелированы характерные для разворота скелетов погребенных на правый или левый бока соответствующие части их скелетов. Нивелировочные отметки нанесены на не самые характерные при развороте на правый бок кости правового крыла таза (Нарожный, Тищенко, 2022, с. 149, рис. 3. 4). А на кости левого крыла таза и левой половины туловища нивелировочные отметки не нанесены. В погребениях № 1, 4 и 5 они вообще не нанесены на тазовые кости, невзирая на заявленную авторами «эксклюзивность» погребений № 4 и 5 (Нарожный, Тищенко, 2022, с. 150–151). Остается догадываться о возможном направлении разворота туловищ погребенных по положению костей ног.

Интерпретация материалов наблюдений 2020 г., предложенная авторами статьи, не учитывает все выявленные признаки погребального обряда и существующие аналогии. Характеризуя погребальный обряд на раскопе 2020 г., авторы закономерно определяют его как мусульманский. Но они не проанализировали положение костей рук погребенных с точки зрения соответствия т. н. «мусульманской позе», описанной Д.В. Васильевым (Васильев, 2007, с. 127), хотя ссылка на его работу дается.

Анализируя погребальный обряд на раскопе 2020 г., авторы не использовали ни одну из ранее разработанных типологий погребального обряда на маджарском некрополе, включая разработанную самим Е.И. Нарожным (Нарожный, 1988, с. 166, табл. 1). Взамен они разработали новую классификацию с неясными критериями выделения отдельных «типов».

Указав для типа 1 как типобразующий признак наличие сырцовых закладов, авторы статьи не отметили его наличие для типов 2 и 3. Также не проанализировано наличие подбоев в ряде погребений и их ориентировка. Так, погребение 11 отнесено ими к типу 2 «Яма с широким уступом у С. стороны и узкой погребальной ямой с вертикальными или косо расположенными стенками вдоль Ю. стенки ямы» (Нарожный, Тищенко, 2022, с. 147, табл. 1). Однако, судя по плану и разрезу, погребение 11 совершенно в типичной яме с подбоем в южной стенке и с сырцовым закладом, сильно срезанным при выборке грунта на раскопе (Нарожный, Тищенко, 2022, с. 154, рис. 8.3, рис. 8.4). В таком случае погребение 11 должно быть отнесено к типу 1. В тип 3 «Яма с уступом вдоль Ю. стенки, яма, вдоль С. стенки узкая яма (зеркально типу 2)» (Нарожный, Тищенко, 2022, с. 147, табл. 1) выделено погребение 6 с подбоем в северной стенке и с сырцовым за-

кладом (Нарожный, Тищенко, 2022, с. 151, рис. 5.7, рис. 5.8). Но оно «зеркально» по их терминологии типу 1. В этот тип 3 вполне можно включить и погребение № 8. Отнесение его к типу 4 («Грунтовые ямы без подбоя, кирпичных закладов и уступов») вызывает большие сомнения. Его форма в плане и профиль его дна позволяет считать его сильно срезанной нишей подбоя, выбранной в северной стенке входной ямы (Нарожный, Тищенко, 2022, с. 152, рис. 6.6). Отнесенные к типу 4 погребения 4 и 5, судя по их форме в плане, вполне могли иметь заплечики (уступы), срезанные при снятии грунта на раскопе. Таким образом, критерии выделения данных типов, вероятно, не совсем были понятны самим авторам статьи.

В своей отдельной статье Е.И. Нарожный разделил исследованные в 2020 г. погребения уже на два типа: (вероятно, погребения № 1–3, 6, 7, 10, 11) «с подбоями (ляхдом) различных конфигураций, устроенных в южных длинных стенках погребальных ям; погребения в подбоях закрыты рядами сырцовых кирпичей, установленных вертикально или уложенных плашмя, либо же с использованием обоих вариантов» (Нарожный, 2022, с. 37) и погребения № 4, 5 и 8 «в обычных грунтовых ямах – без подбоев, уступов и использования кирпичей в закладах» (Нарожный, 2022, с. 37).

Авторы статьи не сравнили ориентировку погребений на раскопе № 3 и раскопе 2020 г. Ориентировка на раскопе 2020 г. более соответствует ориентации на Кыблу для долготы Среднего Прикумья, чем ориентировка погребений на раскопе № 3, что нуждается в осмыслении.

На мой взгляд, публикуемые в статье погребения не отличаются принципиально от ранее раскопанных погребений на городском кладбище Маджара. Однако Е.И. Нарожный и И.Б. Тищенко не сравнили комплексы

2020 г. с материалами раскопок В.А. Городцова в 1907 г. и материалами с раскопа № 3 1990 г. по существу.

Более того, в примечании 5 к статье Е.И. Нарожного и И.Б. Тищенко содержится утверждение, что в работе Э.Д. Зиливинской «опубликованы планы нескольких захоронений (Маджар, 2015). Остальные материалы, к сожалению, до сих пор не опубликованы» (Нарожный, Тищенко, 2022, № 2, с. 155, прим. 5). В действительности, Э.Д. Зиливинская опубликовала в своей работе все материалы раскопок на городском кладбище в 1989–1990 гг. (Маджар и Нижний..., 2015, с. 57, с. 96–102, рис. 53–61).

Авторы статьи не обратили внимания на то, что большинство из раскопанных в 2020 г. погребений составляют подбой или их имитации. Судя по данным А.А. Евтеева, на маджарском кладбище в подбоях хоронили европеоидов, так же как и на Селитренном городище. На Водянском городище в подбоях хоронили преимущественно монголоидов (Герасимова и др., 1987, с. 213).

Внимание авторов статьи привлекли только погребения № 4, 5 и 8. Они настаивают на «эксклюзивности» данных погребений и отсутствии аналогий им в материалах раскопок 1907 г. и 1990 г. (Нарожный, Тищенко, 2022, с. 150–151), что не соответствует действительности.

Погребениям № 6 и № 8 имеются аналогии в материалах раскопок В.А. Городцова. В ходе раскопок у кирпичного завода в монастырских владениях В.А. Городцов раскопал три погребения с устроенными в северных стенках входных ям подбоями. В погребении 2 (детском) В.А. Городцовым была прослежена яма с подбоем в северной стенке и сырцовой выкладкой на ступеньке (?), погребенный лежал головой на запад (Городцов, 1911, с. 191). В погребении 4 была прослежена яма с подбоем в северной стенке

и сырцовым закладом, погребенный был уложен на правый бок, головой на запад (Городцов, 1911, с. 192). Также в погребении 7 была прослежена яма с подбоем в северной стенке и сырцовой выкладкой на ступеньке. В подбое лежал скелет взрослой женщины головой на запад, с разворотом туловища на правый бок, согнутая левая рука была положена кистью на таз (Городцов, 1911, с. 193). Особенности положения черепов погребенных в отчете В.А. Городцова не отражены. Подобные погребения известны и на других золотоордынских памятниках. В сводке Д.В. Васильева учтено 12 погребений с подбоем в северной стенке входной ямы, из них пять – в некрополе Селитренного городища (Васильев, 2007, с. 102).

По мнению Е.И. Нарожного и И.Б. Тищенко, отмеченное ими положение погребенных с разворотом лицевых частей черепов на север и их захоронение в грунтовых ямах может быть связано «не только с неплотным грунтом в этой части могильного поля, но и с погребальными традициями населения какого-то отдаленного от территории Маджара региона, по отношению к которому Кыбла могла находиться с северной его стороны» (Нарожный, Тищенко, 2022, с. 150).

Заявленная авторами недостаточная плотность грунта не является причиной для выборки подбоя в северной стенке ямы или разворота лицевой части черепа на север. Залегающая в Среднем Прикумье ниже материкового темно-коричневого суглинки светло-зеленая супесь действительно отличается недостаточной плотностью, но она не препятствовала устройству подбоев, которые были прослежены на различных участках городского кладбища. Возможно, ряд погребений из Маджара является имитацией подбоев; южная стенка в таких погребениях выбрана почти отвесно (Маджар и Нижний..., 2015, с. 98, рис. 56;

Нарожный, Тищенко, 2022, с. 150, рис. 4.2–3; с. 153, рис. 7.1–2).

Трудно проследить в развороте черепов погребенных на север погребальные традиции населения некоего отдаленного региона. По логике авторов, в погребениях № 4, 5 и 8 были похоронены выходцы как минимум с юга Аравийского полуострова, для которых направление на Мекку будет аналогичным зафиксированному в этих погребениях.

Как известно, подобные отклонения были свойственны как городским некрополям, так и грунтовым могильникам на территории Золотой Орды. Наибольший процент отклонений зафиксирован на некрополе Селитренного городища и на грунтовой могильнике Хан-Тюбе (Яблонский, 1987, с. 153, табл. 54). В сводке Д.В. Васильева на некрополях золотоордынского времени учтено 174 случая разворота лицевой части влево, в сторону от Мекки, что, по его мнению, можно объяснить либо неточным знанием норм шариата, либо захоронением иноверцев (Васильев, 2007, с. 132).

Погребения № 4, 5 и 8 были объединены Е.И. Нарожным, И.Б. Тищенко и А.А. Сазоновым в одну группу с погребением из грунтового могильника хазарского времени «Ханьков-1» в Темрюкском районе Краснодарского края и погребением из грунтового могильника поселения золотоордынского времени «Железнодорожное-2» в Крымском районе Краснодарского края (Нарожный и др., 2022).

Предположив возможность версии о переселении носителей данного обряда с территорий, «по отношению к которым Мекка с киблой должна была находиться с северной стороны», авторы допустили вероятность сохранения кочевниками старых, «еще до появления Золотой Орды», погребальных обрядов и ритуалов (Нарожный и др., 2022, с. 265). Привлечение

в качестве аналогии погребения хазарского времени является большим допущением. Авторы не учли большие территориальный, культурный и хронологические разрывы между данными погребениями. В своей статье Е.И. Нарожный повторил все выводы по памятникам Прикубанья, признав, что отмеченные памятники являются «погребальными памятниками разных хронологических этапов, относятся к одной, общей погребальной традиции кочевого населения» (Нарожный, 2022, с. 38–39).

Выделенный авторами признак скорее может свидетельствовать о формальном соблюдении требований ислама на раннем этапе исламизации оседлого и кочевого населения Предкавказья. Подобное явление было зафиксировано как в отмеченных авторами памятниках, так и в курганно-грунтовой могильнике «Золотаревка-3» в Ипатовском городском округе Ставропольского края (Бабенко, 2008, с. 166–167). Мусульманские погребения из данного памятника включены в соответствующую сводку В.А. Иванова (Иванов, 2015, с. 152). Разворот лицевой части черепа погребенного в могильнике «Ханьков-1» в таком случае должен быть объяснен его мусульманским обрядом, что потребует дополнительной аргументации для комплекса хазарского времени.

Статья Е.И. Нарожного и И.Б. Тищенко завершается пространными рассуждениями о полиэтничности и поликонфессиональности золотоордынских городов, включая Маджар, а также выводами о топографии маджарского городского кладбища. В случае с рассматриваемой статьей этот раздел представляется излишним и занимающим место, которого не хватило авторам для более подробного описания материалов наблюдений.

Не рассматривая опубликованные В.А. Городцовым, Г.Н. Прозрителевым и Э.Д. Зиливинской погребения

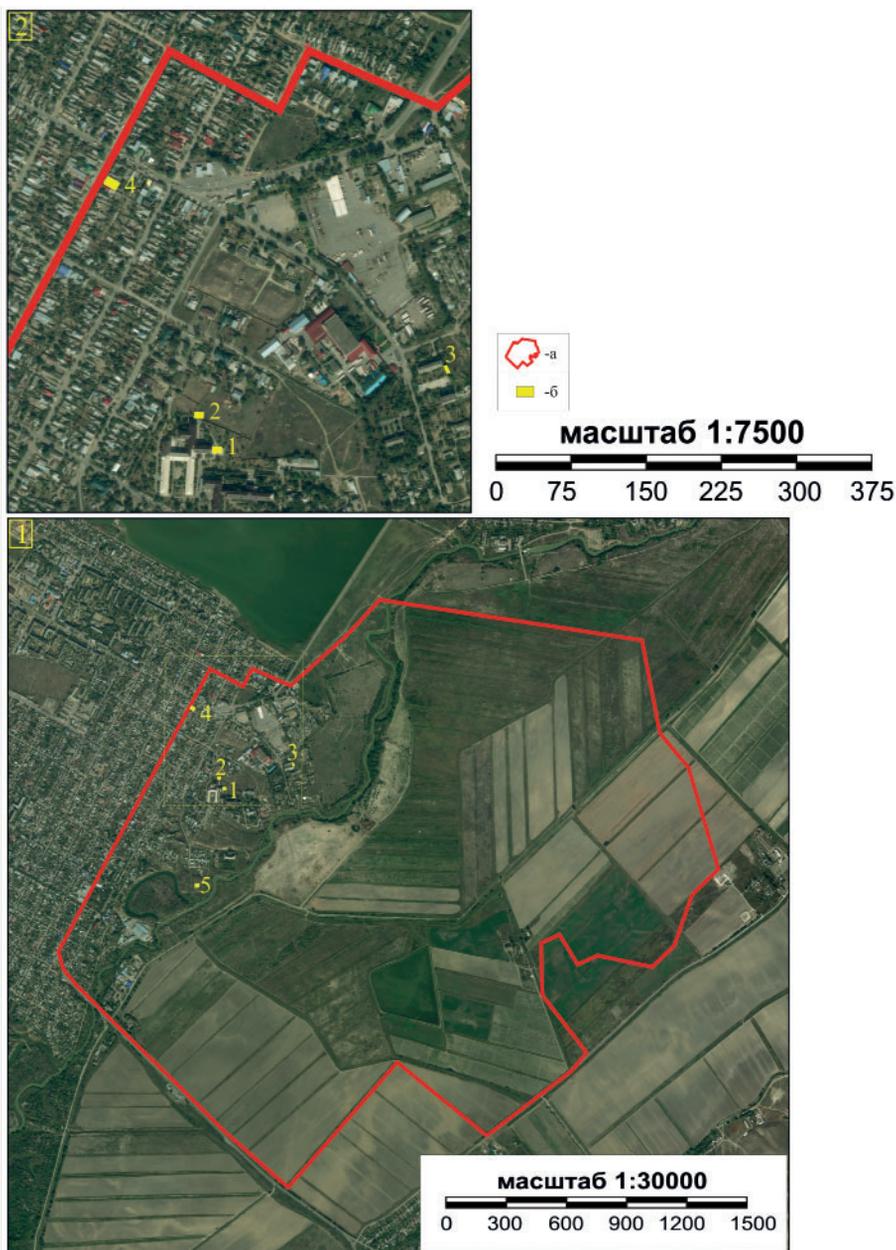


Рис. 1. 1, 2 – ситуационный план городища Маджары:
 а – границы городища Маджары; б – раскопы: 1 – 1989 г., 2 – № 3 1990 г., 3 – № 6 1991 г., 4 – 2020 г., 5 – 1907, 1909 гг., «остров».

Fig. 1. 1, 2 – situational layout of the city of Madjar: а – boundaries of the city of Madjar; б – excavations: 1 – 1989, 2 – No. 3 1990, 3 – No. 6 1991, 4 – 2020, 5 – 1907, 1909, "island".

и не учитывая выводы антропологов, авторы на ограниченном материале серии из 10 погребений делают выводы об этнической и конфессиональной структуре населения Маджара, о

принадлежности погребений № 4, 5 и 8 к группам «домонгольского происхождения» (Нарожный, Тищенко, 2022, с. 155). Е.И. Нарожный в своей статье допустил возможность пере-

селения носителей этих обрядов «в район Маджар с территории Нижней Кубани» и причастность погребенных из погребений № 4, 5 и 8 к мусульманской общине (Нарожный, 2022, с. 39).

Проигнорировав работы В.П. Алексеева, Л.Т. Яблонского и А.А. Евтеева по антропологии населения Маджара (Алексеев, 1974; Яблонский, 1987; Евтеев, 2016), авторы сослались на работу Л.Т. Яблонского по антропологии населения нижеволжских городов (Яблонский, 2008) и сделали вывод «об обитании в городах Золотой Орды, включая и Маджары, мусульман не только среднеазиатского происхождения, переселенных из разных регионов Востока» (Нарожный, Тищенко, 2022, с. 152). Тем самым они констатировали как доказанный факт проживания в городе выходцев из Средней Азии. Данное положение противоречит краниологическим материалам из Маджара и их оценке ответственными антропологами.

Л.Т. Яблонский изучал серию из раскопок В.А. Городцова и отметил почти полное отсутствие монголоидных черт и не отмечал среднеазиатское влияние, воздержавшись от более определенных выводов ввиду малочисленности серии (Герасимова и др., 1987, с. 226). А.А. Евтеев проводил анализ краниологических материалов раскопок 1907, 1989 и 1990 гг. на широком фоне коллекций из различных памятников, включая среднеазиатскую серию (Евтеев, 2016, с. 109). По его мнению, сходство с серией из городов Хорезма не наблюдается (Евтеев, 2016, с. 121).

Присутствие в Маджаре выходцев из Средней Азии на археологических материалах также пока не прослеживается. По мнению Н.С. Гражданкиной и Э.В. Ртвеладзе, производство большей части глазурованной керамики и архитектурного декора в Маджаре находилось под сильным влиянием Хорезма, достижения ко-

торого могли передаваться через поволжские города (Гражданкина, Ртвеладзе, 1971, с. 139). По мнению И.В. Волкова, впервые выделившего в материалах экспедиции 1990 г. местные группы керамики, влияние Хорезма на керамическое производство Маджара является данью историографической традиции, заложенной в 1931 г. А.Ю. Якубовским (Волков, 2016, с. 141–144). Не отрицая возможность проживания выходцев из Хорезма в столичных городах и в Маджаре, до появления новых археологических и краниологических материалов из Маджара следует учитывать выводы И.В. Волкова, Л.Т. Яблонского и А.А. Евтеева.

Трудно согласиться и с выводами авторов по топографии маджарского кладбища. Они относят раскопанный участок к периферии городского кладбища (Нарожный, Тищенко, 2022, с. 152), хотя, согласно плану В.А. Городцова, использованному ими, это северо-западная часть городища, но не его периферия. Вероятно, участок могильника, исследованный в 2020 г., является более ранним, чем участок на раскопе № 3. Этим обстоятельством можно объяснить наличие здесь погребений № 4, 5 и 8 с разворотом лицевой части черепов погребенных на север и наличие в погребениях № 6 и 8 подбоев в северной стенке.

Авторы также предположили наличие в Маджаре нескольких «некрополей в разных частях городища» (Нарожный, Тищенко, 2022, с. 154). Данное предположение противоречит архивным данным XVIII–XIX вв. План Маджара, выполненный в 1742 г. А. Голохвостовым, несмотря на высказанные Е.И. Нарожным сомнения в его «реальности» (Нарожный, 2011, с. 161–162), свидетельствует о наличии на левобережной части городища одного большого некрополя. Основу его планировки образовали несколько рядов мавзолеев на гребне водораз-

дела рек Кумы и Мокрой Буйволы. К северу от них показаны менее монументальные сооружения (Маджар и Нижний..., 2015, с. 61, рис. 2). По данным ставропольского губернского землемера А.П. Архипова, в сер. XIX в. на возвышенной левобережной части городища Маджары располагалось одно большое кладбище (Архипов, 1879, с. 231). Все погребения, исследованные в 1989–1991 и 2020 гг., локализуются в северо-западной части городища на левом берегу р. Кумы (рис. 1). Здесь же локализуются погребения, исследованные в 1907 г. В.А. Городцовым (Бабенко, 2019, с. 27, рис. 1).

Этот факт не исключает возможность выявления отдельных кладбищ на территории городища по мере проведения новых раскопок. Вероятно, кочевнический могильник в Маджаре располагался обособленно от городского кладбища, на участке у городского артезианского колодца на «острове», где в 1907 г. В.А. Городцов, а в 1909 г. Г.Н. Прозрителев исследовали погребения кочевников (рис. 1).

Подводя итог рассмотрению данных работ, необходимо отметить ряд моментов. В 2020 г. после длительного перерыва на городском кладбище Маджара был исследован новый участок, такой же компактный, как и участки раскопок 1907, 1909 и 1989–1991 гг. Введенные в научный оборот 10 новых погребений частично расширили представление о погребальном обряде населения Маджара, но требуют дополнительного изучения

с учетом высказанных выше замечаний. Антропологическая коллекция из Маджара пополнилась новыми материалами, что в перспективе позволяет по-новому изучить антропологию его населения. Выделенные в данных статьях признаки погребального обряда на раскопе 2020 г. нуждаются в доработке. Основные выводы данных статей нуждаются в более тщательном обосновании или в пересмотре.

Погребения из раскопок 1907, 1909, 1989–1991 и 2020 гг. отличаются разными степенями сохранности и точности фиксации, что затрудняет отбор признаков для разработки типологии погребального обряда населения Маджара. Несмотря на это, погребальный обряд маджарского населения по сравнению с погребальным обрядом населения других золотоордынских городов отличается большим разнообразием, что нуждается в осмыслении. Разрешение проблем изучения погребального обряда населения Маджара возможно только после проведения исследований на больших участках на основе традиционной методики изучения золотоордынских некрополей и получения краниологической серии, сопоставимой с некрополями других золотоордынских городов. На современном этапе исследований возможны предварительные выводы в отношении погребального обряда населения Маджара. Масштабных реконструкций этнокультурного характера, подобных рассмотренным выше, следует избегать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа (Краниологическое исследование). М.: Наука, 1974. 323 с.
2. Архипов А.П. Очерки исследований древнего города Маджара // Указатель географического, статистического, исторического и этнографического материала в «Ставропольских губернских ведомостях». Первое десятилетие (1850–1859 г.) / Под ред. Д.А. Кобякова. Тифлис: Изд-во Кавказского статистического комитета, 1879. С. 225–239.
3. Бабенко В.А. Погребальный обряд населения г. Маджара (по материалам раскопок на городском кладбище) // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Междуна-

родная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова (XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Москва. 15-19 марта 2004 года. Тезисы докладов / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 2004. С. 13–15.

4. *Бабенко В.А.* Погребальный обряд населения г. Маджара (по материалам раскопок на городском кладбище) // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа / I–XXIV Крупновские чтения. Вып. VIII / Гл. ред. А.Б. Белинский М.-Ставрополь: Памятники исторической мысли; Наследие, 2008. С. 790–791.*

5. *Бабенко В.А.* Курганно-грунтовый могильник золотоордынского времени Золотаревка-3 // *Золотоордынское время / Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6 / Гл. ред. А.В. Евлевский. Донецк: ДонНУ, 2008. С. 157–198.*

6. *Бабенко В.А.* Городище Маджары и памятники в его округе на рубеже XX–XXI вв.: итоги изучения, перспективы сохранения и новые открытия // *Проблемы археологии Нижнего Поволжья: V Международная Нижневолжская археологическая конференция. 15-18 ноября 2016 г. Материалы / Редкол.: П.М. Кольцов и др. Элиста: Издательство Калмыцкого университета, 2016. С. 178–182.*

7. *Бабенко В.А.* Историческая топография городища Маджары (предварительные данные) // *Азак и мир вокруг него. Материалы Международной научной конференции. Азов, 14–18 октября 2019 г. / Донские древности. Вып. 12 / Отв. ред. Е.Е. Мамичев. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2019. С. 26–29.*

8. *Белинский А.Б., Зиливинская Э.Д., Бабенко В.А.* Отчет об археологических работах на городище Маджары Ставропольского края в 1989–90 гг. М., 1991 // *Архив ИА РАН. Р-1. № 15207, 15208, 15209.*

9. *Бочаров С.Г., Обухов Ю.Д., Ситдииков А.Г.* Золотоордынский город Маджар в системе культурных связей Евразии. По материалам новых археологических исследований (2015–2017 гг.) // *Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Материалы международной научной конференции. (Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.) / Отв. ред. У.Ю. Кочкаров. Карачаевск: КЧГУ им. У.Д. Алиева, 2018а. С. 404–406.*

10. *Бочаров С.Г., Обухов Ю.Д., Ситдииков А.Г.* Три года археологических исследований золотоордынского города Маджар (2015–2017). Итоги и перспективы // *Археология евразийских степей. 2018б. № 5. С. 31–37.*

11. *Васильев Д.В.* Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007. 192 с.

12. *Волков И.В.* Керамика Золотоордынского города Маджар // *Материалы Первого Маджарского археологического форума. Археология Евразийских степей. Вып. 23 / Ред. Ю.Д. Обухов. Казань: Издательский дом Казанская недвижимость, 2016. С. 139–222.*

13. *Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т.* Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.: Наука, 1987. 254 с.

14. *Городцов В.А.* Результаты археологических исследований на месте развалин города Маджар в 1907 году // *Труды четырнадцатого археологического съезда в Чернигове, 1909 г. Т. III / Под ред. графини Уваровой. М., 1911. С. 162–208.*

15. *Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В.* Влияние Хорезма на керамическое производство города Маджара // *СА. 1971. № 1. С. 127–139.*

16. *Евтеев А.А.* Население золотоордынского города Маджара по данным краниологии // *Вестник антропологии. 2003. Вып. 10. С. 91–103.*

17. *Евтеев А.А.* Краниологическая серия из Маджарского городища // *Материалы Первого Маджарского археологического форума. Археология Евразийских степей. Вып. 23 / Ред. Ю.Д. Обухов. Казань: Издательский дом Казанская недвижимость, 2016. С. 105–124.*

18. *Зиливинская Э.Д., Смирнова Л.И.* Отчет об археологических работах на городище Маджары Ставропольского края в 1991 г. М., 1992 // *Архив ИА РАН. Р-1. № 17234.*

19. *Иванов В.А.* Кочевники Золотой Орды. Уфа: БГПУ, 2015. 208 с.

20. Маджар и Нижний Джулат. Из истории золотоордынских городов Северного Кавказа / Отв. ред. Б.Х. Бражников. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 184 с.

21. *Нарожный Е.И.* К этносоциальной атрибуции городского населения Терско-Кумского междуречья (по материалам мусульманских захоронений эпохи Золотой Орды) // *Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа / Отв. ред. Т.Б. Тургиев. Орджоникидзе: СОГУ. 1988. С. 159–172.*

22. Нарожный Е.И. Из истории изучения золотоордынских владений на Северном Кавказе // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды». Вып. 2 / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фолиант, 2011. С. 160–175.

23. Нарожный Е.И. Две заметки по изучению этнокультурной ситуации в золотоордынском городе Маджаре и на его периферии // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2022. № 1. С. 36–59. EDN TZCSYN.

24. Нарожный Е.И., Сазонов А.А., Тищенко И.Б. Об одном варианте погребального обряда VIII–XIV вв. у кочевников Северного Кавказа // Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации / XXXII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа, посвященной 125-летию раскопок Майкопского кургана. Майкоп, 18–23 апреля 2022 г. / Ред. М.С. Гаджиев. Майкоп: Качество, 2022. С. 265–267.

25. Нарожный Е.И., Тищенко И.Б. Новые мусульманские захоронения золотоордынского города Маджара (Ставрополье) // Поволжская археология. 2022. № 2. С. 145–158. DOI 10.24852/pa2022.2.40.145.158.

26. Прозрителев Г.Н. Раскопки, произведенные близ гор. Св. креста, Ставропольской губернии, Прасковейского уезда, председателем Ставропольской ученой губернской комиссии Г.Н. Прозрителевым 18-19 сентября 1909 года на месте развалин древнего Хозарского г. Мажары // Труды СУАК. Вып. II. Ставрополь: Типография губернского правления, 1910. С. 1–8.

27. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

28. Яблонский Л.Т. К палеоантропологии средневекового населения Поволжья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Золотоордынское время / Гл. ред А.В. Евглевский Донецк: ДонНУ. С. 269–286.

Информация об авторе:

Бабенко Виталий Александрович, старший преподаватель базовой кафедры региональной истории и музееведения Гуманитарного института, Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь, Россия); vit-babenko@yandex.ru

BURIAL RITE OF THE POPULATION OF THE GOLDEN HORDE CITY OF MADJAR: PROBLEMS OF STUDY AND DEBATABLE ISSUES

V. A. Babenko

The paper deals with some issues in the historiography of the burial rite of the population of the Golden Horde city of Madjar. From 1989 to 2020, some small sites in the trade and craft quarter and in the cemetery in Madjar were examined. Recently, craniological, archeozoological and palynological studies have been carried out. Since the beginning of the 2000s, a number of valuable archival materials of the XVIII–XIX centuries have been found and published. In 2021, the boundaries of the ancient settlement were established. Alongside with these achievements, there has been a lag in the study of the burial rite of the city's population, which was caused by insufficient study of the city's cemetery. In 2020, I.B. Tishchenko excavated 10 burials in the north-western part of the cemetery, significantly adding to the available source base. In 2022, E.I. Narozhny, I.B. Tishchenko and A.A. Sazonov published a series of articles with the analysis of the burials which had been studied in 2020. The articles contain controversial statements that do not take into account the materials of the research on the Madjar necropolises and some other Golden Horde sites. The Madjar cemetery needs large-scale research.

Keywords: archaeology, city of Madjar, cemetery, V.A. Gorodtsov, burial rite, studies, typology.

REFERENCES

1. Alekseev, V. P. 1974. *Proiskhozhdenie narodov Kavkaza (Kraniologicheskoe issledovanie) (The origin of the peoples of the Caucasus (Craniological research))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Arkhipov, A. P. 1879. In Kobayakov, D. A. (ed.). *Ukazatel' geograficheskogo, statisticheskogo, istoricheskogo i etnograficheskogo materiala v «Stavropol'skikh gubernskikh vedomostyakh»*. *Pervoe desyatiletie (1850–1859 g.) (Index of geographical, statistical, historical and ethnographic material*

in the Stavropol Provincial Gazette. The first decade (1850–1859)). Tiflis: Kavkazskiy statisticheskiy komitet Publ., 225–239 (in Russian).

3. Babenko, V. A. 2004. In Yablonskiy, L. T. (ed.). *Drevniy Kavkaz: retrospektiya kul'tur. XXIV «Krupnovskie chteniya» po arkhologii Severnogo Kavkaza»* (The Ancient Caucasus: a cultural retrospective) XXIV *Krupnov Readings on the Archaeology of the North Caucasus*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 13–15 (in Russian).

4. Babenko, V. A. 2008. In Belinsky, A. B. (ed.). *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza* (Materials for the Study of the Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus). I–XXIV *Krupnovskie chteniya* (I–XXIV *Krupnov Readings*) VIII. Moscow-Stavropol: “Pamyatniki istoricheskoy mysli”, “Nasledie” Publ., 790–791 (in Russian).

5. Babenko, V. A. 2008. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia* (Steppes of Europe in the Middle Ages) 6. *Khazarskoe vremia* (Khazar Time). Donetsk: Donetsk National University, 157–198 (in Russian).

6. Babenko, V. A. 2016. In Kol'tsov, P. M. (ed.). *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ya* (Issues of the Archaeology of the Lower Volga Region). Elista: Kalmyk State University Publ., 178–182 (in Russian).

7. Babenko, V. A. 2019. In Mamichev, E. E. (ed.). *Azak i mir vokrug nego* (Azak and the World Around It). Series: *Donskie drevnosti* (Antiquities of the Don) 12. Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 26–29 (in Russian).

8. Belinskiy, A. B., Zilivinskaya, E. D., Babenko, V. A. 1991. *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh na gorodishche Madzhary Stavropol'skogo kraya v 1989-90 gg.* (Report on archaeological works at the ancient city of Madjar in Stavropol Krai in 1989-90). Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 15207, 15208, 15209 (in Russian).

9. Bocharov, S. G., Obukhov, Yu. D., Sitdikov, A. G. 2018. In Kochkarov, U. Yu. (ed.). *Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazey Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. XXX «Krupnovskie chteniya» po arkheologii Severnogo Kavkaza»* (The Caucasus in the System of Cultural Relations of Eurasia in the ancient time and the Middle Ages. XXX *Krupnov Readings on the Archaeology of the North Caucasus*). Karachaevs: Karachay-Cherkess State University Publ., 404–406 (in Russian).

10. Bocharov, S. G., Obukhov, Yu. D., Sitdikov, A. G. 2018. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei* (Archaeology of Eurasian Steppes) 5, 31–37 (in Russian).

11. Vasil'ev, D. V. 2007. *Islam v Zolotoi Orde: Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie* (Islam in the Golden Horde: Historical-Archaeological Research). Astrakhan: “Astrakhanskii universitet” Publishing House (in Russian).

12. Volkov, I. V. 2016. In Obukhov, Yu. D. (ed.). *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* (Archaeology of Eurasian Steppes) 23. Kazan: Institute of Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences, “Kazanskaia nedvizhimost” Publ., 139–221 (in Russian).

13. Gerasimova, M. M., Rud', N. M., Iablonskiy, L. T. 1987. *Antropologiya antichnogo i srednevekovogo naseleniya Vostochnoi Evropy* (Anthropology of the Ancient and Medieval Population of Eastern Europe). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

14. Gorodtsov, V. A. 1909. In Uvarova, P. S. (ed.). *Trudy XIV arkheologicheskogo s'ezda v Chernigove* (Proceedings of the Fourteenth Archaeological Congress in Chernigov, 1909). Moscow, 162–208 (in Russian).

15. Grazhdankina, N. S., Rtveladze, E. V. 1971. In *Sovetskaya Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (1), 127–139 (in Russian).

16. Evteev, A. A. 2003. In *Vestnik antropologii* (Bulletin of Anthropology) 10, 91–103 (in Russian).

17. Evteev, A. A. 2016. In Obukhov, Yu. D. (ed.). *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* (Archaeology of Eurasian Steppes) 23. Kazan: Institute of Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences, “Kazanskaia nedvizhimost” Publ., 105–124 (in Russian).

18. Zilivinskaya, E. D., Smirnova, L. I. 1992. *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh na gorodishche Madzhary Stavropol'skogo kraya v 1991 g.* (Report on archaeological works at the ancient city of Madjar in Stavropol Krai in 1991) Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 17234 (in Russian).

19. Ivanov, V. A. 2015. *Kochevniki Zolotoy Ordy* (Nomads of the Golden Horde). Ufa: Bashkir State Pedagogical University (in Russian).

20. In Bgazhnokov, B. Kh. (ed.). 2015. *Madzhar i Nizhniy Dzhulat. Iz istorii zolotoordynskikh gorodov Severnogo Kavkaza* (Madzhar and Lower Dzhulat from the History of the Golden Horde Towns of the North Caucasus). Nal'chik: Publications department of KBIHR (in Russian).

21. Narozhny, E. I. 1988. In: Turgiev T. B. (ed.). *Pogrebal'nyy obryad drevnego i srednevekovogo naseleniya Severnogo Kavkaza.* (The Funeral Rite of the Ancient and Medieval Population of the North Caucasus). Ordzhonikidze: North Ossetian State University Publ., 159–172 (in Russian).

22. Narozhny, E. I. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoi Ordy»* (Heritage of the Golden Horde. Proceedings of the International Scientific Conference “Political and Socio-Economic History of the Golden Horde”) 2. Kazan: “Foliant” Publ., 351–353 (in Russian).

23. Narozhny, E. I. 2022. In *Ekho vekov = Gasirlar avazi* (Echo of Centuries) (1), 36–59 (in Russian).

24. Narozhny, E. I., Sazonov, A. A., Tishchenko, I. B. 2022. In Gadzhiev, M. S. (ed.). *Drevnie i srednevekovye kul'tury Kavkaza: otkrytiya, gipotezy, interpretatsii (Ancient and medieval cultures of the Caucasus: discoveries, hypotheses, interpretations)*. XXXII Krupnovskie chteniya po arkheologii Severnogo Kavkaza (XXXII Krupnov Readings on the Archaeology of the North Caucasus). Maykop: "Kachestvo" Publ., 265–267 (in Russian).

25. Narozhny, E. I., Tishchenko, I. B. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 145–158 (in Russian).

26. Prozritelev, G. N. 1910. In *Trudy Stavropol'skoy uchenoy arkhivnoy komissii (Proceedings of the Stavropol Scientific Archive Commission)* II. Stavropol: "Tipografiya Gubernskogo pravleniya". 1–8 (in Russian).

27. Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

28. Yablonsky, L. T. 2008. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 6. *Zolotoordynskoe vremia (Golden Horde Time)*. Donetsk: Donetsk National University Publ., 269–286 (in Russian).

About the Authors:

Babenko Vitaly A. North-Caucasus Federal University. Pushkin str., 1, Stavropol, 355017, Russian Federation; vit-babenko@yandex.ru

Статья принята в номер 01.06.2024 г.

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/pa2024.2.48.232.247>

ЗАХОРОНЕНИЯ XIII–XIV ВВ. ДОЛИНЫ РЕКИ ЭГИЙН-ГОЛ (СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ): ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО РИТУАЛА

© 2024 г. А.В. Харинский

В статье представлен анализ результатов исследований, предпринятых в 1997–2000 гг. археологами в долине реки Эгийн-гол на севере Монголии. Рассмотрены материалы трех могильников, на которых раскопаны захоронения XIII–XIV вв. – Мухдагийн ам, Холтост нуга и Элст хотол. На основе особенностей погребального ритуала выделено четыре группы захоронений. В первую вошло 9 могил с некрополей Элст хотол и Холтост нуга. Погребенные в них располагались без дополнительных внутримогильных сооружений. Их укладывали на спину. Тело ориентировали головой на северо-запад, север, северо-восток или восток. Возле рук или ног умерших в могилу укладывали голень, голову или часть позвоночника мелкого рогатого скота. Вторая группа включала четыре захоронения могильника Мухдагийн ам. Умершие располагались в деревянных гробах и были ориентированы головой на север или северо-запад. В районе головы вертикально устанавливали голень овцы. Третья группа включала одно захоронение могильника Мухдагийн ам. У него в могильной яме сделан подбой, в котором находился погребенный. В четвертую группу вошла могила с некрополя Холтост нуга. В ней тело умершего было завернуто в бересту. На протяжении первой половины II тыс. в нижней части долины Эгийн-гола доминирующее положение занимали носители погребальных традиций первой группы. В XIII в. в этом районе появляются представители второй группы захоронений, сопоставимой с саянтийским погребальным ритуалом. Захоронения третьей и четвертой групп датируются началом II тыс.

Ключевые слова: археология, Монголия, имперский период, саянтийский погребальный ритуал, положение погребенного, деревянный гроб, сопроводительный инвентарь, кости барана, могильная яма.

Введение

Изучение погребального ритуала монголов и народов, вошедших в состав созданной ими империи, имеет важное значение для реконструкции процессов формирования их духовной культуры. К настоящему времени на территории регионов, входивших в Монгольскую державу, раскопан уже значительный объем захоронений XIII–XIV вв. Среди них особенно важное значение имеют материалы с территории Монголии, где происходило формирование будущей империи и где на протяжении нескольких десятилетий располагался ее политический центр.

Существенное пополнение базы данных по захоронениям XIII–XIV вв. с территории Монголии наблюдается с начала 90-х гг. В значительной степени это было обусловлено проведением спасательных археологических работ в зоне строительства гидроэлек-

тростанции на р. Эгийн-Гол в Булганском аймаке. В период с 1991 по 1998 г. в долине этой реки сотрудниками Института истории Монгольской академии наук совместно с французскими и американскими исследователями выявлена 71 могила и одно скальное захоронение монгольского времени. В изданной по итогам этих работ монографии опубликованы материалы 28 захоронений с восьми памятников (Турбат и др., 2003, с. 119–131).

Материалы монгольского времени, полученные в долине Эгийн-Гола и в других районах Монголии, были обобщены в работе У. Эрдэнэбата (Эрдэнэбат, 2007). В 2009 г. в Боннском университете им защищена диссертация на тему «Древнемонгольский погребальный ритуал – археолого-исторические исследования материалов монгольских погребений XI–XVII вв. в Монголии». Она опубликована на немецком языке и охватывает период

изучения захоронений с начала XX в. до 2003 г. В ней приводятся данные из 229 могил со 104 памятников (Эрдэнэбат, 2009, 2009а).

С каждым годом количество захоронений имперского периода, раскопанных на территории Монголии, увеличивается. В связи с этим возникает прекрасная возможность использования их материалов для реконструкции истоков формирования погребального ритуала населения Монголии XIII–XIV вв., выявления его характерных черт и определения территориальных особенностей. С этой целью рассмотрим данные с трех могильников, расположенных в долине р. Эгийн-Гол в Северной Монголии, и сопоставим полученные на них материалы. Эта выборка будет носить предварительный характер и позволит в дальнейшем более детально остановиться на наиболее малоизученных аспектах погребального ритуала жителей Монголии первой половины II тыс. н. э.

Материалы и методы

По подсчетам Цэнд Дула, к 2022 г. на территории Монголии раскопано около 700 могил монгольского времени (включая курганы и скальные захоронения) на более чем 100 памятниках (Цэн Дул, 2022). Проводя предварительную хронологию древнемонгольской погребальной культуры, У. Эрдэнэбат указывает, что основной период ее существования охватывает XI–XVII вв. Им выделены эталонные группы твердо датированных по радиоуглероду, монетам и бронзовым зеркалам погребальных комплексов как основа для хронологии древнемонгольской культуры. Исследователь разделяет древнемонгольскую погребальную культуру на древнюю фазу (с X/XI вв. по XII в.), среднюю, или классическую фазу (XIII–XIV вв.), а также постклассическую позднюю фазу (XV–XVII вв.). В конце XVI в. происходит массовая буддизация Монголии, поэтому, как счита-

ет исследователь, поздний период не так хорошо документирован археологическими материалами (Erdenebat, 2009, s. 102).

Отсутствие возможности выделения среди значительной части монгольских захоронений групп, которые достаточно четко могли бы быть соотнесены с XIII–XIV вв. по особенностям погребального ритуала или узко датированы на основе сопровождающих захоронения артефактов, предполагает при хронологических построениях прежде всего основываться на данных радиоуглеродных определений. В связи с этим, обращаясь к данным, полученным во время спасательных археологических работ в долине реки Эгийн-Гол, прежде всего рассмотрим материалы тех могильников, по которым есть даты, соотносимые с XIII–XIV вв. К их числу относятся могильники Мухдагийн ам, Холтост нуга и Элст хотол (Турбат нар., 2003, т. 137). На материалах с этих памятников, расположенных на левом берегу Эгийн-Гола в Хутаг Ундур суме Булганского аймака, остановимся более подробно.

Могильник Мухдагийн ам находится на западном борту крупного распада, с севера спускающегося к р. Эгийн-Гол (49°33'0.6"С, 103°16'39.2"В). На памятнике располагалось три могилы бронзового века, 20 монгольских могил и одно тюркское конное захоронение. Часть из них была раскопана в 1997–2000 гг. (Турбат нар., 2003, т. 19). К монгольскому времени отнесены погребения № 2, 3, 5, 6, 7 (рис. 1; рис. 2: 1–5). Эти захоронения имели овальные каменные кладки, по периметру которых уложены большие камни, а камни меньшего размера помещены внутрь. Некоторые сведения об этих погребениях, как и данные о захоронениях с двух других могильников, приведены в таблице 1.

В могилах № 2, 3, 5, 6 погребенные

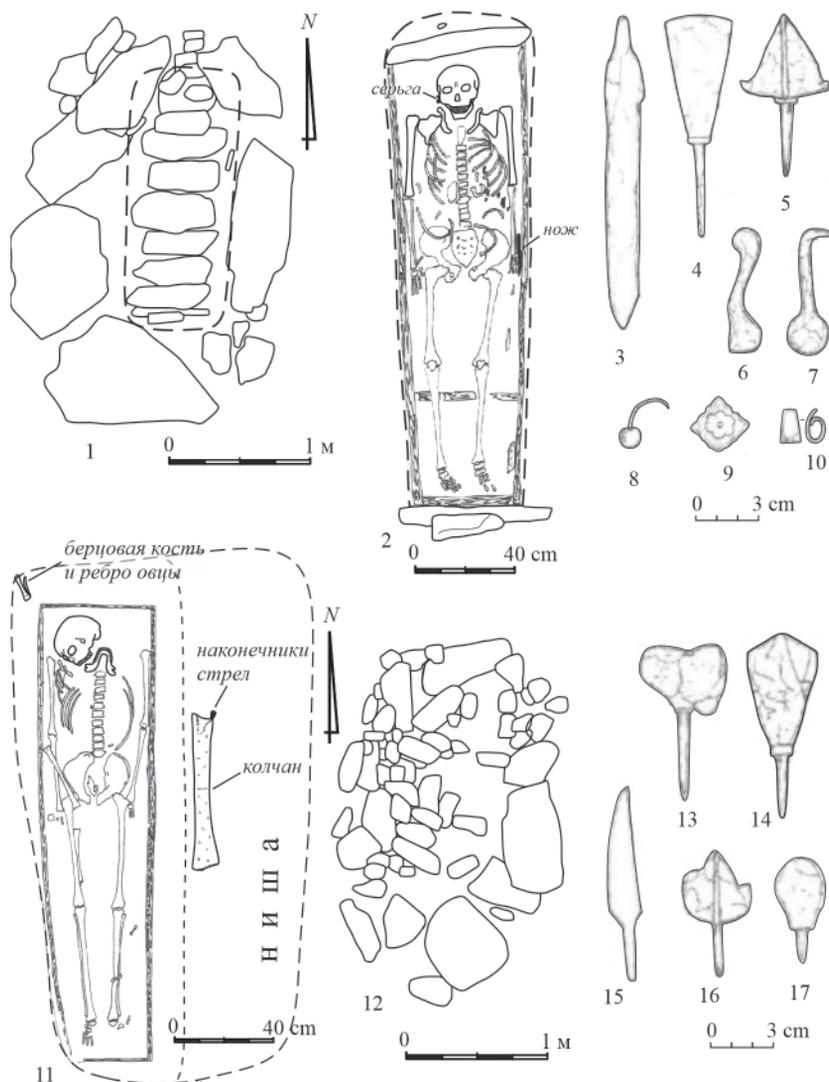


Рис. 1. Мухдагийн ам. 1, 2 – могила № 2; 3–17 – могила № 3. 3–7, 13–17 – железо, 8–10 – бронза (Турбат нар., 2003, т. 284–285).

Fig. 1. Mukhdagiin am. 1, 2 – grave 2; 3–17 – grave 3. 3–7, 13–17 – iron, 8–10 – bronze (Turbat et al., 2003, p. 284–285).

располагались в деревянных гробах, вытянуто, на спине, руки вдоль тела. Гробы были установлены в могильные ямы с вертикальными стенками. Погребенные в могилах № 2, 3, 6 ориентированы головой на север, в могиле № 5 – на северо-запад. Во всех могилах, кроме 2, обнаружены берцовые кости овцы (барана) с альчиком (таранной костью). В погребении № 2 найдены: железный нож (рис. 1: 3), же-

лезные крючки (рис. 1: 6, 7), бронзовые серьга (рис. 1: 8) и скрученная пластинка (рис. 1: 10), бронзовое изделие в виде цветка (рис. 1: 9), железные плоский и двулопастной наконечники стрел (рис. 1: 4, 5). В погребении № 3 обнаружены три плоских (рис. 1: 13, 14, 17) и один двухлопастной (рис. 1: 16) железные наконечники, железный едовой нож (рис. 1: 15) и берестяной колчан, который располагался в

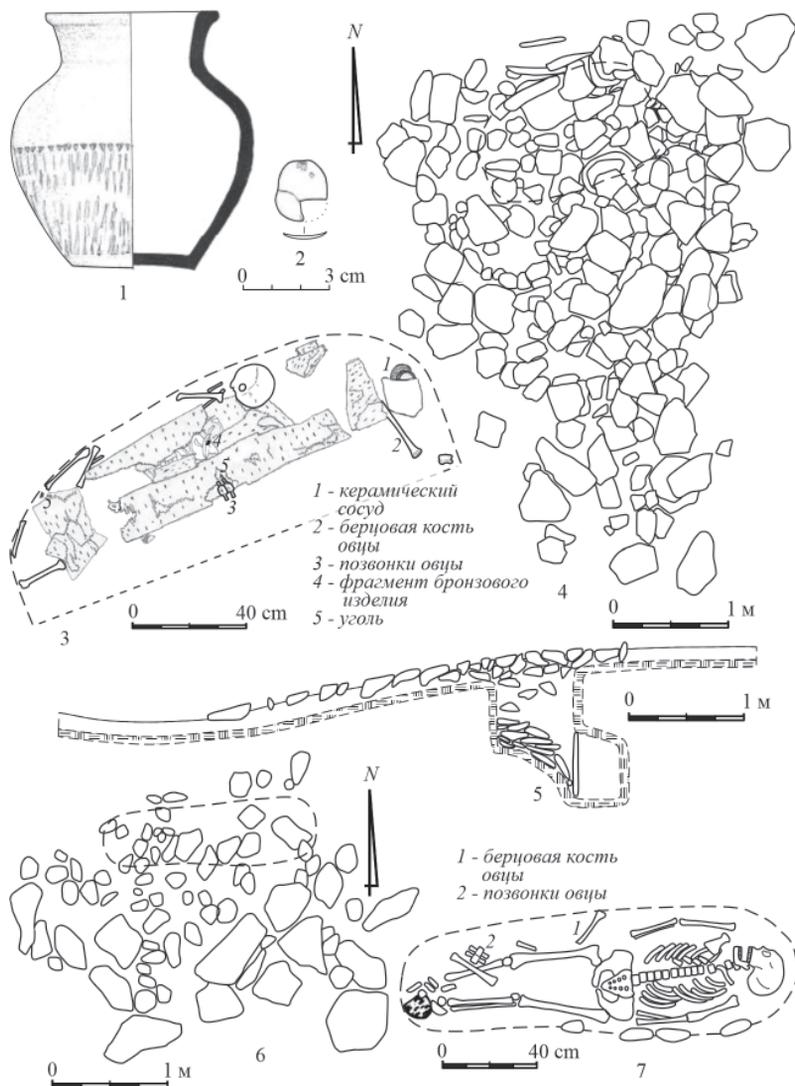


Рис. 2. 1–5 – Мухдагийн ам, могила № 7. 1 – керамический сосуд, 2 – бронза (Турбат нар., 2003, т. 287–288); 6, 7 – Элст хотол, могила № 2 (Erdenebat, 2016a, abb. 44).

Fig. 2. 1–5 – Mukhdagiin am, grave 7. 1 – ceramic vessel, 2 – bronze (Turbat et al., 2003, p. 287–288); 6, 7 – Elst khotol, grave 2 (Erdenebat, 2016a, p. 44).

нише к востоку от погребенного. Оба захоронения мужские. В женском захоронении № 5 зафиксированы бусина, две бронзовые серьги и бронзовое зеркало. В детском захоронении № 6 сохранились лишь следы железных и бронзового изделий, идентифицировать которые не удалось.

Отдельно от основной группы могил располагалось захоронение № 7. С северной стороны его мо-

гильной ямы (глубина 1,2 м) располагался подбой серповидной формы. Он отделялся от ямы четырьмя плоскими вертикально установленными камнями. Останки погребенного ребенка, завернутого в бересту, располагались в подбое (рис. 2: 3–5). У его изголовья находился плоскодонный керамический сосуд с гребенчатым орнаментом (рис. 2: 1), сверху накрытый каменной плиткой.

Таблица 1

Сведения о погребениях монгольского периода, раскопанных на Эгийн-голе

№ погребения	Форма кладки	Размеры кладки, м	Размер ямы, см	Ориентировка погребенного	Внутри-могильная конструкция	Кости животных
Мухдагийн ам						
2 мужчины	овальная, сплошная	2,2×3,2	85×250	С	гроб с крышкой	-
3 мужчины	овальная, сплошная	2,3×3,5	54-86×270	С	гроб	берцовая кость с альчиком и ребра овцы у СЗ угла гроба
5 женщина	овальная кольцевая	3,95×5,0	50×195	СЗ	гроб с крышкой	берцовая кость овцы, часть на крышке, часть за гробом в изголовье
6 ребенок	овальная, сплошная	2,2×4,1	50×150	С	гроб	с правой стороны черепа берцовая кость овцы с альчиком
7 ребенок	грушевидная	3,8×5,0	45×145, подбой 45×45×155	СВ	завернут в бересту	к СВ от черепа берцовая кость овцы с альчиком, 2 позвонка в центре могилы
Элст хотол						
2	овальная	2×3	50×170	В	-	у правой ноги позвонки овцы и берцовая кость с альчиком
3 мужчины	овальная сплошная	3,0×3,7	65×300	В	?	к ЮЗ от правой ноги голова козла, к ЮВ от колена левой ноги берцовая кость и позвоночник овцы -
6	овальная сплошная	2,2×3,5	80×260	СВ	?	-
8	овальная сплошная	2,9×3,8	64×224	СЗ	?	в СВ части ямы обгоревшие кости животных
10 женщина	круглая с крупными камнями по периметру	2,8	90×265	СВ	-	у левой лучевой кости берцовая кость овцы с альчиком, в западной части могилы череп овцы и череп козы
Холтост нуга						
1	четырёхугольная сплошная	1,8×2,6	70×170	СВ	-	2 головы коз, возле левой руки берцовая кость овцы с альчиком, позвонки овцы у таза
2 женщина	круглая сплошная	2,5	80×210	В	берестяной чехол	справа от черепа позвонки МРС
3 женщина	овальная сплошная	2,0×2,4	57×166	В	-	слева от черепа позвонки, череп овцы у левой ноги, берцовая кость с альчиком у правой ноги
5 женщина	овальная сплошная	1,3×2,5	60-82×180	С	-	берцовая кость овцы помещена к В от левого предплечья, в южной части ямы череп овцы
6	круглая сплошная	3	60-78×200	С	-	в яме позвонки, челюсть, берцовая кость, череп МРС

В районе груди обнаружены фрагменты бронзового украшения (рис. 2: 2). Рядом с сосудом располагалась берцовая кость овцы с альчиком (Турбат нар., 2003, т. 121–124).

Могильник Элст хотол локализовался в 4,8 км к юго-востоку от могильника Мухдагийн ам, на западном берегу р. Богсийн-Гол, впадающей с северо-востока в Эгийн-Гол (49°31'52.10"С, 103°20'11.10"В). С

1994 г. на нем велись археологические раскопки (Турбат нар., 2003, т. 21). К монгольскому времени отнесены погребения № 2, 3, 6, 8, 10, 11, 12. При последующем анализе материалов некрополя, У. Эрдэнэбатом в число монгольских захоронений не были включены могилы № 11 и 12 (Эрдэнэбат, 2009, s. 52–58). Разделяя его точку зрения, мы также не включаем их в свой обзор.

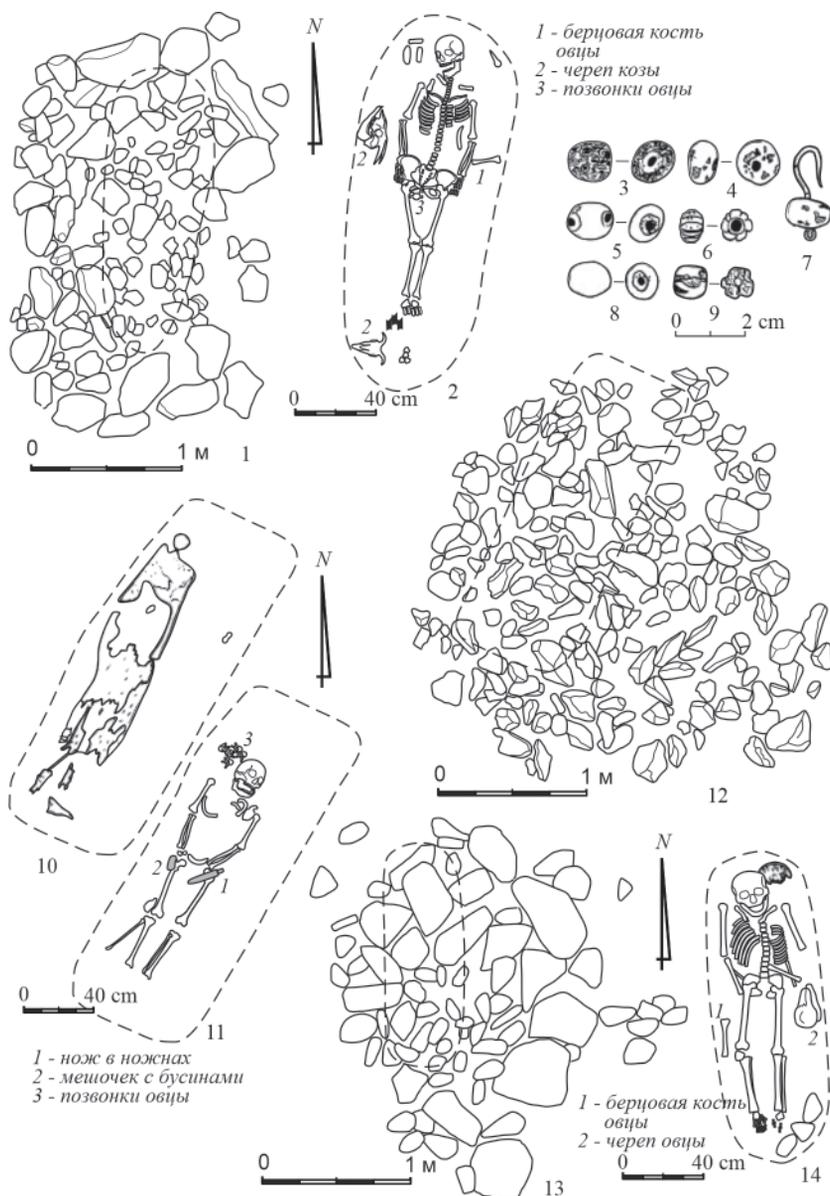


Рис. 3. Хултаст нугат. 1, 2 – могила № 1; 3–12 – могила № 2; 13, 14 – могила № 3 (Турбат нар., 2003, т. 279, 289).

Fig. 3. Khultast nougat. 1, 2 – grave 1; 3–12 – grave 2; 13, 14 – grave 3 (Turbat et al, 2003, p. 279, 289).

Погребенные располагались на дне могильной ямы с вертикальными стенками. Досконально не выяснено, были ли в захоронениях № 3, 6, 8 внутримогильные конструкции или их предполагаемые следы связаны с чем-то иным. Умершие располагались вытянуто на спине, руки вдоль туловища. У погребенного в могиле № 3

руки были слегка согнуты в локтях. В могилах № 2 (рис. 2: 6, 7) и 3 умершие ориентированы на восток, в могилах № 6 и 10 – на северо-восток и в могиле № 8 – на северо-запад. Рядом с могилой взрослого человека в погребении № 6 под общей каменной кладкой находится захоронение младенца. Он погребен в отдельной могиле в 20 см

Таблица 2

Радиоуглеродные даты по погребениям монгольского периода,
раскопанных на Эгийн-голе

№	археологический объект	материал	лабораторный номер	Дата C ¹⁴	временной диапазон после калибровки
1	Мудагийн ам, мог. 2	дерево	Beta 114603	910 BP ±60	1σ 1090-1280 2σ 1020-1350
2	Мудагийн ам, мог. 3	дерево	Beta 114604	680 BP ±80	1σ 1310-1470 2σ 1230-1530
3	Мудагийн ам, мог. 7	береста	TK-11741	600 BP ±70	1σ 1300-1410 2σ 1280-1440
4	Холтост нуга, мог. 3	человеческая кость	?, Universität Jussieu, Paris	?	1330-1397
5	Холтост нуга, мог. 5	человеческая кость	?, Universität Jussieu, Paris	?	1440-1628
6	Холтост нуга, мог. 6	человеческая кость	?, Universität Jussieu, Paris	?	1415-1625
7	Элст хотол, мог. 1	дерево	?, Universität Seoul	?	1280
		человеческая кость		?	1475
8	Элст хотол, мог. 2	человеческая кость	?, Universität Jussieu, Paris	?	1292-1370
9	Элст хотол, мог. 6	человеческая кость	?, Universität Jussieu, Paris	?	1294-1397
10	Элст хотол, мог. 8	человеческая кость	?, Universität Jussieu, Paris	?	1166-1268
11	Элст хотол, мог. 10	человеческая кость	?, Universität Jussieu, Paris	?	1284-1394

к северо-западу от могилы взрослого. Размер ямы детской могилы 70×32 см, она овальной формы.

В захоронениях № 2, 3, 10 найдены определяемые кости животных. Артефактов в захоронениях обнаружено немного. В могиле № 2 они отсутствовали, в могиле № 3 у большеберцовой кости левой ноги погребенного найдено три небольших костных обоймы овальной формы. У двух из них имеются четырехугольные петельки. В могиле № 6 с правой стороны черепа взрослого человека обнаружены фрагменты трех золотых украшений. Между черепом и шейей в могиле № 8 найдены остатки железного ножа, под ним изделия из рога антилопы. В могиле № 10 слева от черепа обнаружены четыре раковины каури и одна раковина найдена под челюстью погребенной. Они являлись украшением

бокки (боктаг), берестяные остатки которой находились слева от черепа. У кости предплечья правой руки человека найдена бусина (Турбат нар., 2003, т. 126–127).

Могильник Холтост нуга располагался 7,4 км к юго-востоку от могильника Элст хотол, в западной части долины Бельзе (49°28'4.20"С, 103°22'1.30"В). С 1994 по 2002 гг. здесь проводились непрерывные раскопки (Турбат нар., 2003, т. 20). К монгольскому периоду отнесены погребения 1, 2, 3, 5, 6 (рис. 3).

Над могилами сооружались плоские каменные кладки преимущественно овальной формы. У могилы № 1 кладка четырехугольной формы, у могилы № 6 круглой формы. В могиле № 2 умерший находился в берестяном чехле. В остальных захоронениях каких-либо дополнительных

конструктивных элементов отмечено не было. Во всех захоронениях погребенные располагались вытянуто на спине, головой на северо-восток (могила № 1), восток (могилы № 2 и 3) или север (могилы № 5 и 6). В могилах № 3 и 5 ноги погребенного были слегка согнуты в коленях. У могилы № 5 отмечается нарушение ямы. После захоронения умершего в нее с южной стороны была впущена округлая яма, в которой находились пережжённые кости. При копке ямы была нарушена целостность костей погребенного. К моменту раскопок у него отсутствовали берцовые кости и кости стоп. Еще в древности была разрушена могила № 6. Большинство костей не сохранили анатомический порядок, череп отсутствовал.

Во всех захоронениях могильника найдены кости мелкого рогатого скота. Сопроводительный инвентарь в захоронениях немногочислен. В могиле № 1 зафиксированы остатки берестяной посуды. В могиле № 2 найдено шесть бусин, одна серьга (рис. 3: 3–9) и железный нож. В могиле № 5 обнаружено костяное веретено (Турбат нар., 2003, т. 124–125).

В диссертации У. Эрдэнэбата приводятся результаты радиоуглеродного датирования захоронений монгольского времени из долины р. Эгийн-Гол (Erdenebat, 2009, tab.17, 18), которые представлены в табл. 2.

На основе радиоуглеродного датирования У. Эрдэнэбат отнес Мудагийн ам, мог. 2, и Элст хотол, мог. 8, к XIII в.; Мудагийн ам, мог. 3 и 7, Холтост нуга, мог. 3, Элст хотол, мог. 2, 6 и 10 – к XIV в.; Холтост нуга, мог. 5 – к XV в., Холтост нуга, мог. 6 – к XVI в. (Erdenebat, 2009, tab. 20).

Обсуждение

По особенностям погребального ритуала захоронения могильников Мудагийн ам, Элст хотол и Холтост нуга можно разделить на четыре группы.

Первая группа наиболее значительная. Она представлена могилами № 2, 3, 6, 8, 10 некрополя Элст хотол и № 1, 3, 5, 6 могильника Холтост нуга. Над могилами располагались плоские сплошные каменные кладки овальной формы размером 1,3–3,0×2,4–3,8 м или круглые кладки диаметром 2,5–3,0 м. У могилы № 1 Холтост нуга кладка была четырехугольная размером 1,8×2,6 м. Под наземными каменными конструкциями находились могильные ямы с вертикальными стенками глубиной 0,5–1,0 м. На дне могильной ямы вытянуто на спине располагались погребенные. Дополнительные внутримогильные конструкции в могилах не отмечены. Хотя в могилах 3, 6, 8 прослеживаются следы каких-то деревянных сооружений. Умершие были ориентированы в трех случаях головой на восток, в трех случаях на северо-восток, в двух случаях на север и в одном на северо-запад.

В восьми из девяти могил обнаружены кости животных. В могиле № 8 Элст хотол они кремированы. В захоронениях встречены кости овцы и козы, которые преимущественно представлены берцовыми костями с альчиком, позвонками и черепами животных. Голень мелкого рогатого скота помещалась у правой ноги умершего (три случая), у левой ноги (один случай), у левой руки (три случая). В шести могилах обнаружены черепа мелкого рогатого скота. Как правило, они располагались в конце могильной ямы, со стороны ног. В могиле Элст хотол № 3 голова козла была помещена к юго-западу от правой ноги погребенного. В могиле Элст хотол № 10 головы козла и овцы разместили к западу от правой ноги погребенной. В могиле Холтост нуга № 3 голова овцы размещалась у левой ноги умершей. Позвонки мелкого рогатого скота размещались у правой ноги (один случай), у левой ноги (один случай),

слева от головы (один случай), непонятно первоначальное положение (два случая).

Судя по радиоуглеродным датам, самая ранняя из могил Элст хотола № 8 – относится к XIII в. По особенностям погребального ритуала она отличается от остальных захоронений группы. Погребенный ориентирован головой на северо-запад; в могиле найдены кремированные кости животных; на глубине 30 см на обугленном почерневшем участке справа от могильной ямы обнаружены остатки обгоревших человеческих костей, а слева – останки плохо сохранившегося младенца.

Самыми поздними являются погребения Холтост нуга № 5 (XV в.) и Холтост нуга № 6 (XVI в.). Оба захоронения ориентированы на север, что отличает их от остальных погребений. Вероятно, к числу поздних захоронений относится и могила № 1 этого же некрополя. Если судить по рисунку этой могилы, она, как и могилы № 5 и 6, ориентирована на север.

На основании радиоуглеродного датирования из захоронений первой группы к XIV в. У. Эрдэнэбат относит могилу № 3 некрополя Холтост нуга, могилы 2, 6 и 10 некрополя Элст хотол (Erdenebat, 2009, tab.20). Все они ориентированы на восток или северо-восток.

Вторая группа включает могилы № 2, 3, 5 и 6 некрополя Мухдагийн ам. Над захоронениями сооружались овальные каменные кладки размером 2,2–3,9×3,2–5,0 м, по периметру которых уложены большие камни, а камни меньшего размера помещены внутрь. Под кладками располагались могильные ямы с вертикальными стенками глубиной от 0,9 до 1,4 м. На дне ям находились деревянные гробы четырехугольной формы. У двух из них зафиксированы крышки. Гроб из могилы № 2 имел размеры 60×200 см, высотой 30 см, толщина стенок

2–3 см. Сверху его перекрывала крышка размером 60×200 см. В могиле № 3 обнаружен гроб размером 180×50 см, состоящий из досок толщиной 2 см. Гроб из могилы № 5 был высотой 17 см. Возможно, его стенки частично разрушились. Сверху его перекрывала крышка длиной 190 см, шириной в изголовье 50 см и в ногах 33 см, состоящая из досок толщиной 2,7 см.

Погребенные располагались в гробах, вытянуто на спине, руки вдоль туловища. В могиле № 5 кисти рук находились на бедрах. Погребенные в могилах № 2, 3, 6 ориентированы головой на север, в могиле № 5 – на северо-запад. Во всех могилах, кроме 2, обнаружены берцовые кости овцы с альчиком (таранной костью). В могиле № 3 голень овцы была установлена вертикально между северо-западным углом гроба и стенкой могильной ямы. В могиле № 5 берцовая кость овцы была сломана. Одна ее часть находилась на крышке гроба, другая за гробом в северо-западной части ямы. В могиле № 6 берцовая кость овцы с альчиком была установлена вертикально внутри гроба с правой стороны черепа погребенного, возле плечевой кости.

По двум захоронениям этой группы имеются радиоуглеродные даты, сделанные по древесине. Для могилы № 2 дата соответствует по 2σ периоду 1020–1350 гг., а для могилы № 3 – 1230–1530 гг. На основании результатов радиоуглеродного анализа могила № 2 отнесена У. Эрдэнэбатом к XIII в., а могила № 3 – к XIV в. Наличие в погребении № 5 бронзового зеркала, изготовленного в период империи Цзинь (1115–1125), позволило исследователю датировать его XIII в. (Erdenebat, 2009, tab. 20).

Третья и четвертая группы включают по одному захоронению и претендовать на роль полноценной группы не могут. Тем не менее погребальный ритуал, зафиксированный в

них, достаточно сильно отличается от первых двух групп. Дальнейшие исследования позволят более уверенно сказать, имеют ли эти группы право на существование или это лишь единичное отклонение от погребального ритуала двух первых групп.

К *третьей группе* можно отнести могилу № 7 некрополя Мухдагийн ам. Над могильной ямой этого захоронения располагалась плоская каменная кладка грушевидной формы, ориентированная узкой частью на юг. Под северной частью кладки находилась могильная яма овальной формы с вертикальными стенками, ориентированная по линии ЮЗ–СВ. Дно ямы наклонено на север. С этой стороны к яме примыкал подбой серповидной формы, отделенный от нее вертикально установленными каменными плитами. В подбое находились кости погребенного, завернутые в берестяной чехол и частично утратившие анатомический порядок. Умерший был ориентирован головой на северо-восток. В его изголовье был установлен плоскодонный керамический сосуд с гребенчатым орнаментом, возле которого находилась берцовая кость овцы с альчиком.

По бересте из могилы № 7 получена радиоуглеродная дата с калибровкой по 2σ соответствующая 1280–1440, позволившая У. Эрдэнэбату датировать его XIV в. (Erdenebat, 2009, tab. 20).

Четвертая группа включает могилу № 2 некрополя Холтост нуга. Над захоронением была сооружена круглая плоская кладка диаметром 2,5 м, под которой находилась могильная яма глубиной 1,2 м с вертикальными стенками. Погребенный располагался на дне ямы в берестяном чехле в вытянутом положении, головой на северо-восток.

Попытки построить хронологию «монгольских» погребений, основываясь преимущественно на радио-

углеродных датах, часть из которых сделана по дереву и бересте, носит предварительный характер. Тем не менее такое построение создает первоначальную базу для дальнейшего осмысления имеющегося материала и определяет вектор дальнейших исследований.

Насколько давно погребальный ритуал первого типа получил распространение в нижней части долины Эгийн-Гола, пока судить сложно. Предшествовавшие ему в этом районе «тюркские» погребения датируются VI–IX вв. Они характеризуются погребением в одной могиле с человеком коня или частей его туши. Останки коня располагались слева от человеческих костей и иногда отделялись от них перегородкой из камней. И конь, и человек ориентировались головой в одну сторону – восток, северо-восток, юго-восток. Над могилой сооружалась круглая плоская кладка (Турбат нар., 2003, т. 114, 271–276).

Захоронения X–XII вв. в нижней части долины Эгийн-Гола пока не зафиксированы. Однако могилы с погребальным ритуалом, похожим на первую группу эгийнгольских погребений, встречаются в Южном Забайкалье и известны как захоронения хойцегорского типа. На этой территории они фиксируются по меньшей мере с VII в. (Коновалов 1989; Именноев 1989; 1992). Скорее всего, хойцегорские могилы оставлены народом байегу (байирку), расселившимся в средней части долины Селенги в конце VII в. (Харинский, 2001, с. 19). По особенностям погребального ритуала к хойцегорским захоронениям близки погребения куркутского типа, которые распространяются в VIII в. на западном побережье Байкала. Куркутский погребальный ритуал, как и хайцегорский, характеризуется захоронением умершего в могильной яме с вертикальными стенками без внутримогильных конструкций, погребен-

ный располагался вытянуто, на спине, головой на восток или северо-восток (Харинский, 2001, с. 113). Носителями этих погребальных традиций, с большой долей вероятности, являлись курыканы (гулигань), как и байырку, принадлежавшие к одной этнокультурной общности – теле. Близость этих народов способствовала формированию у них схожего погребального ритуала, который в конце I тыс. закрепился на обоих берегах Байкала (Харинский, 2018).

Среди других могильников долины Эгийн-Гола, в которых зафиксирован погребальный ритуал, как у захоронений первой группы, следует упомянуть Айдын хурэм. В могилах № 1 и 2 погребенные ориентированы головой на восток. Они располагались вытянуто, на спине, на дне могильной ямы, без каких-либо внутримогильных конструкций. Над могильной ямой находилась плоская сплошная кладка из камней. Между левой рукой погребенных и стенкой ямы отмечены кости голени овцы (Турбат нар., 2003, т. 119–120, 277).

Еще один район, где отмечены захоронения с погребальным ритуалом, близким к зафиксированному в могилах первой группы, охватывает северное побережье озера Хубсугул (Монголия). Схожесть двух групп захоронений наблюдается не только в деталях погребальной конструкции и положении умершего, но и в расположении частей туши барана, помещаемых в могилу. В хубсугульских захоронениях отмечены следующие варианты размещения голени овцы: горизонтально справа от правой руки умершего; наклонно слева от левой руки; две голени, располагавшиеся у противоположных стенок могилы с наклоном к ступням погребенного; вертикальное размещение нижней части голени слева от левой ноги человека. Как и в могилах с Эгийн-Гола, в хубсугульские захоронения укла-

дывали часть позвоночника овцы, но ни в одной из них не отмечено черепа овцы или козла (Харинский, 2023).

Погребения со схожим погребальным ритуалом были раскопаны и у горы Яшил Орхонтуул сомона Селенгинского аймака Монголии. Они датируются авторами раскопок XII–XIII вв. В могиле № 1 погребенный ориентирован головой на северо-восток. Между кистью левой руки погребенного и стенкой ямы найдены лопатка, берцовая кость с таранной и пяточной костями овцы, а под левой частью таза человека обнаружены три поясничных позвонка овцы. В могиле № 3 погребенный ориентирован головой на юго-восток. Между его правой большой берцовой костью и стенкой ямы обнаружена берцовая кость и два поясничных позвонка овцы. В могиле № 2 погребенный младенец ориентирован головой на восток. К юго-востоку от черепа располагалась наклонно расположенная берцовая кость овцы, а в северной части ямы два её позвонка (Цэнд и др., 2023).

Вторая группа погребений из долины Эгийн-Гола находит прямые аналогии среди захоронений саян-туйского типа Байкальского региона. Среди характерных черт саян-туйских захоронений выделяются: сооружение могильной ямы с вертикальными стенками; наличие невысокой каменной надмогильной кладки овальной или округлой формы; индивидуальные захоронения; труположение вытянутое на спине; наличие деревянной внутримогильной конструкции (колода, ящик, рама); ориентировка погребенных на север или северо-восток; наличие в погребениях костей барана (кости голени, лопатка, позвонки) (Харинский, 2013). В долине Онона (юго-восточное Забайкалье) данный ритуал, по мнению Е.В. Ковычева, был известен уже в XI–XII вв. (Ковычев, 2004). В XIII–XV вв. саян-туйские захоронения

становятся доминирующими на территории степного и лесостепного Забайкалья (Харинский, 2018), распространяясь вплоть до степей Восточной Европы, вошедших в состав Монгольской империи (Харинский, 2021).

Процесс распространения саян-туйского погребального ритуала в XIII в. фиксируется и в долине Эгийн-Гола. Вероятно, к приходу сюда носителей этой погребальной традиции там преобладали представители первой группы захоронений. Насколько значительной была интеграция обеих групп населения, судить сложно, тем не менее их представители похоронены на разных некрополях. Саян-туйские захоронения присутствуют на могильнике Мухдагийн ам, а погребения, схожие с хойцегорскими захоронениями, – на могильниках Элст хотол и Холтост нуга. Второй тип захоронений встречается в долине Эгийн-Гола и после XIV в., что указывает на устойчивость у местного населения сакральных представлений, связанных с погребальной обрядностью. Хотя не исключено, что преобладание в захоронениях XV–XVI вв. ориентировки на север было обусловлено влиянием носителей саян-туйских традиций.

Аналогии могиле, отнесенной к третьей группе, редко встречаются на территории Монголии и Южной Сибири. Схожее захоронение раскопано на могильнике Подчерная в Кяхтинском районе Бурятии. Над могилой располагалась курганообразная четырехугольная кладка размером 3×4 м. Погребенный находился в подбое, расположенном с северо-западной стороны ямы, и отделялся от нее рядом наклонно установленных плит. Умерший располагался вытянуто на спине, головой на северо-восток. Слева от его черепа находилась берцовая кость барана. По сопроводительному инвентарю захоронение датировано

концом I тыс. н. э. (Именохоев, Коновалов, 1985).

Особенностью захоронения Мухдагийн ам – 7 является наличие в изголовье погребенного плоскодонного керамического сосуда, орнаментированного гребенчатым орнаментом (Batbayar, 2016, p. 329). Подобные сосуды до настоящего времени не встречены на археологических объектах Монгольской империи. Посуда, относящаяся к этому времени, преимущественно не орнаментировалась и имела иную форму (Кызласов, рис. 72, 73; Евтюхова, рис. 134; Batbayar, 2016, p. 330–335). Декор и пропорции сосуда из захоронения № 7 идентичны керамическим емкостям киданей, контролировавшим значительную часть нынешней территории Монголии в середине X – начале XII вв. Горшок, подобный обнаруженному в Мухдагийн ам, найден в киданьском захоронении Заан хошуу в Булганском аймаке (Erdenebold, 2016, p. 324–325).

Особенности конструкции могилы Мухдагийн ам № 7 и сопроводительный материал, обнаруженный в ней, позволяет усомниться в датировке этого захоронения XIV в. Вероятно, углеродная дата, сделанная по бересте из этого захоронения, оказалась недостаточно корректной. Для более точного определения возраста этой могилы необходимо провести радиоуглеродное датирование по костям погребенного. Предварительно это захоронение предлагается датировать X–XII вв.

Погребальный ритуал, зафиксированный в могиле Холтост нуга № 2, характерен для захоронений харанцынского типа Байкальского региона. Для них характерно помещение погребенных в берестяные внутримогильные конструкции (чехол, короб, покрывало). При этом погребенный располагался вытянуто на спине, головой на восток или северо-восток.

Носители харанцинских погребальных традиций появляются в долинах Селенги и Онона не ранее X в. и уже к XIII в. ассимилируются или вытесняются оттуда общностями, хоронившими умерших в деревянных внутримогильных конструкциях (рамах, гробах или колодах) (Харинский, 2018).

Судя, по имеющимся к настоящему времени данным, носители погребальных традиций, отнесенных к третьей и четвертой группам, не имели преобладающего положения среди жителей нижней части долины р. Эгийн-Гол в первой половине II тыс. н. э. Их наличие в этой части монгольской степи не носило массового характера и может рассматриваться как случайное.

Выводы

В XIII–XIV в. долине реки Эгийн-Гол на севере Монголии преимущественно фиксируются две погребальные традиции, которые были рассмотрены на примере могильников Элст хотол, Холтост нуга и Мухдагийн ам. На двух первых зафиксирован погребальный ритуал, существовавший в долине Эгийн-Гола и соседних районах на протяжении первой половины II тыс. Вероятно, он генетически связан с тюркскими племенами теле и их потомками, населявшими эту территорию до начала монгольских завоеваний и в последующее время. Для них характерно захоронение умерших без внутримогильных конструкций на спине, вытянуто, головой на восток, северо-восток и север. Часто вместе с умершими в могилу укладывали голень и часть позвоночника мелкого рогатого скота, голову козы или овцы. Обычно голень животного располагалась в районе рук или ног погребенного.

На третьем из могильников – Мухдагийн ам – раскопано четыре захоронения, в которых погребенные располагались в деревянных гробах, вытянуто на спине, головой на север или северо-запад. Сверху могильная яма перекрывалась плоской овальной каменной кладкой. В изголовье умершего вертикально устанавливалось голень овцы (барана). С учетом особенностей погребального ритуала эту группу захоронений можно соотнести с могилами саянтуйского типа. Район их формирования связан с северо-востоком современной Монголии и юго-востоком Забайкалья – территорией, где происходило становление монгольского народа. С расширением Монгольской империи происходит появление саянтуйского погребального ритуала в тех областях, в которых оседают завоеватели, в том числе и в долине Эгийн-Гола. Распространившись на значительной части Евразии, саянтуйский погребальный ритуал становится одним из важных компонентов общеимперской культуры, сформировавшейся во второй половине XIII в.

Сверху могильная яма перекрывалась плоской овальной каменной кладкой. В изголовье умершего вертикально устанавливалось голень овцы (барана). С учетом особенностей погребального ритуала эту группу захоронений можно соотнести с могилами саянтуйского типа. Район их формирования связан с северо-востоком современной Монголии и юго-востоком Забайкалья – территорией, где происходило становление монгольского народа. С расширением Монгольской империи происходит появление саянтуйского погребального ритуала в тех областях, в которых оседают завоеватели, в том числе и в долине Эгийн-Гола. Распространившись на значительной части Евразии, саянтуйский погребальный ритуал становится одним из важных компонентов общеимперской культуры, сформировавшейся во второй половине XIII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Евтюхова Л.А.* Керамика Кара-Корума // Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965. С. 216–273.
2. *Именохоев Н.В.* К вопросу о культуре ранних монголов (по данным археологии) // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века / Ред. Т.М. Михайлов. Новосибирск: Наука, 1989. С. 55–62.
3. *Именохоев Н.В.* Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии / Ред. П.Б. Коновалов. Новосибирск: Наука, 1992. С. 23–48.
4. *Именохоев Н.В., Коновалов П.Б.* К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи. / Ред. И.И. Кириллов. Новосибирск: Наука, 1985. С.69–86.
5. *Ковычев Е.В.* Раннемонгольские погребения из могильника Малая Кулинда // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 2 / Отв. ред. А.Д. Цибиктаров. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского ГУ, 2004. С. 181–196.

6. Коновалов П.Б. Корреляция средневековых археологических культур Прибайкалья и Забайкалья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века / Ред. Т.М. Михайлов. Новосибирск: Наука, 1989. С. 5–20

7. Кызласов Л.Р. Городище Ден-Терек // Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965. С. 59–122.

8. Турбат Ц., Амартувишин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав нутаг дахь археологийн дурсгалууд (Хурлийн уэс Монголы уе) (Археологические памятники в бассейне Эгийн гола (от бронзового века до монгольского времени). Улаанбаатор, 2003. 295 т.

9. Харинский А.В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н. э. – сер. II тыс. н. э.: генезис культур и их периодизация. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2001. 198 с.

10. Харинский А.В. Погребальная практика монголов в XIII–XIV вв. // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы IV междунар. науч. конф. Ч. II / Отв. ред. А.В. Константинов, М.В. Константинов. Чита: Изд-во Забайкал. гос. ун-та, 2013. С. 125–131.

11. Харинский А.В. Южное Прибайкалье накануне образования монгольской империи // Археология Евразийских степей. 2018. № 4. С. 187–192.

12. Харинский А.В. Захоронения саянтийского типа в западной части Улуса Джучи // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований / Ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. С. 238–246.

13. Харинский А.В. Использование частей туши барана в погребальной практике населения Байкальского региона в XIII–XIV веках // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. Т. 51. № 1. С. 146–153.

14. Цэнд Д. Результаты исследований погребальных памятников монгольского времени на территории современной Монголии // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2022. № 6 (128). С. 75–81.

15. Цэнд Д., Идэрхангай Т.-О., Тишкин А.А. Средневековые погребения у горы Яшил (Северная Монголия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 4. С. 93–105.

16. Эрдэнэбат У. Монгол улсын нутаг дэвсгэрт дундад зууны монголчуудын булц, оршуулгын дурсгалыг судалсан тойм (Обзор средневековых монгольских захоронений и погребальных памятников на территории Монголии) // Монгол улсын шинжлэх ухаан (Наука Монголии). Улан-Батор, 2007. Тал. 213–253.

17. Batbayar T. Ceramic potteries of Mongolian empire // Archaeological selected relics of Mongolia. Editor-in-chief S. Chuluun and D. Tseveendorj. V. 1. Ulaanbaatar, 2016. P. 328–335.

18. Erdenebat U. Altmongolisches Grabbrauchtum – Archäologisch-historische Untersuchungen zu den mongo-lischen Grabfunden des 11. bis 17. Jahrhunderts in der Mongolei. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde. Bonn, 2009. 364 p.

19. Erdenebat U. Altmongolisches Grabbrauchtum – Archäologisch-historische Untersuchungen zu den mongolischen Grabfunden des 11. bis 17. Jahrhunderts in der Mongolei. Anhang: Katalog der Grabfunde. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde. Bonn, 2009a. 395 p.

20. Erdenebold L. Khitan period ceramic potteries // Archaeological selected relics of Mongolia. V. 1. Editor-in-chief S. Chuluun and D. Tseveendorj. Ulaanbaatar, 2016. P. 322–327.

Информация об авторе:

Харинский Артур Викторович, доктор исторических наук, профессор, руководитель Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИРНИТУ, Иркутский национальный исследовательский технический университет; профессор кафедры истории и международных отношений, Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия); kharinsky@mail.ru

BURIALS OF THE XIII–XIV CENTURIES IN THE EGIIN-GOL RIVER VALLEY (NORTHERN MONGOLIA): BURIAL RITE FEATURES

A.V. Kharinskii

The article analyzes the results of studies, conducted in 1997–2000 by archaeologists in the Egiin Gol river valley, northern Mongolia. The findings of 3 burial grounds, where burials

of the XIII–XIV centuries were excavated, were examined – Mukhdagiin am, Kholtost nuga and Elst hotol. Based on the characteristics of the funeral rite, 4 groups of burials have been identified. The first included 9 graves from the necropolises of Elst hotol and Kholtost nuga. Corpses in them were placed without additional intra-grave structures. They were laid on their backs. The body was oriented with the head facing northwest, north, northeast or east. A shin, head or part of the spine of small cattle were placed near the hands or feet of the deceased in the grave. The second group included 4 burials of the Mukhdagiin am burial ground. The deceased were placed in wooden coffins and were oriented with their heads to the north or northwest. The shin of a sheep was placed vertically near the head. The third group included single burial of the the Mukhdagiin am burial ground. It had an undercut in the grave pit, where the body was buried. The fourth group included a grave from the Kholtost nuga necropolis. In it the deceased was wrapped in birch bark. During the first half of the II millennium, in the lower part of the Egiin Gola valley, the dominant position was occupied by the bearers of burial traditions of the first group. Representatives of the second group of burials appear in this area in the XIII century, comparable to the Sayantui funeral rite. The burials of the third and fourth groups date back to the beginning of the II millennium.

Keywords: archaeology, Mongolia, imperial period, Sayantui burial rite, position of the buried, wooden coffin, grave goods, ram bones, grave pit.

REFERENCES

1. Evtyukhova, L. A. 1965. In Kiselev, S. V. (ed.). *Drevnemongol'skie goroda (Early Mongol Towns)*. Moscow: "Nauka" Publ., 216–273 (in Russian).
2. Imenokhiov, N. V. 1989. In Mikhaylov, T. M. (ed.). *Etukul'turnye protsessy v Yugo-Vostochnoy Sibiri v srednie veka (Ethnic-cultural processes in Southeastern Siberia in the Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 55–62 (in Russian)
3. Imenokhiov, N. V. 1992. In Konovakov, P. B. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki epokhi srednevekov'ia v Buriatii i Mongolii (Archaeological Sites of the Middle Ages in Buryatia and Mongolia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 23–48 (in Russian).
4. Imenokhiov, N. V., Konovalov, P. B. 1985. In Kirillov, I. I. (ed.). *Drevnee Zabajkal'e i ego kul'turnye svyazi (Ancient Transbaikalia and its cultural ties)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 69–86 (in Russian).
5. Kovychev, E. V. 2004. In Cybiktarov, A. D. (ed.) *Central'naya Aziya i Pribajkal'e v drevnosti (Central Asia and the Baikal region in antiquity)* 2. Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 181–196 (in Russian).
6. Konovalov, P. B. 1989. In Mikhailov, T. M. (ed.). *Etukul'turnye processy v Yugo-Vostochnoy Sibiri v srednie veka (Ethnic-cultural processes in South-Eastern Siberia in the Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 5–20 (in Russian)
7. Kyzlasov, L. R. 1965. In Kiselev, S. V. (ed.). *Drevnemongol'skie goroda (Ancient Mongol Towns)*. Moscow: "Nauka" Publ., 59–122 (in Russian).
8. Kharinskii, A. V. 2001. *Predbaikal'e v kon. I tys. do n.e. – ser. II tys. n.e.: genesis kul'tur i ikh periodizatsiia (Cis-Baikal Region in the Late 1st Millennium BC – mid- 2nd Millennium AD: Genesis and Periodization of Cultures)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).
9. Kharinskii, A. V. 2013. In (ed.). In Konstantinov, A. V., Konstantinov, M. V. (eds.). *Drevnie kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri (Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia)* 4 (2). Chita: Chita State University Publ., 125–131 (in Russian).
10. Kharinskii, A. V. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 187–192 (in Russian).
11. Kharinskii, A. V. 2021. In Tishkin, A. A. (ed.). *Arkheologiya Severnoy i Tsentral'noy Azii: novye otkrytiya i rezul'taty mezhdistsiplinarnykh issledovaniy (Archaeology of North and Central Asia: new discoveries and results of interdisciplinary studies)*. Barnaul: Altai State University Publ., 238–246 (in Russian).
12. Kharinskii, A. V. 2023. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 51 (1), 146–153 (in Russian).
13. Tsend D. 2022. In *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta (Izvestiya of Altai State University)* 6 (128), 75–81 (in Russian).
14. Tsend, D., Iderkhangai, T.-O., Tishkin, A. A. 2023. In *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy: sbornik nauchnykh trudov (Review of the Laboratory of ancient technologies: a collection of scientific papers)* 19 (4), 93–105 (in Russian).
15. Batbayar, T. 2016. In *Archaeological selected relics of Mongolia*. V. 1. Editor-in-chief S. Chuluun and D. Tseveendorj. Ulaanbaatar, 328–335.
16. Erdenebat, U. 2007. In *Science of Mongolia*. Ulaanbaatar, 213–253. (in Mongolian)

17. Erdenebat U. 2009. *Altmongolisches Grabbrauchtum — Archäologisch-historische Untersuchungen zu den mongolischen Grabfunden des 11. bis 17. Jahrhunderts in der Mongolei*, Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde. Bonn.

18. Erdenebat, U. 2009. *Altmongolisches Grabbrauchtum — Archäologisch-historische Untersuchungen zu den mongolischen Grabfunden des 11. bis 17. Jahrhunderts in der Mongolei*. Anhang: Katalog der Grabfunde. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde. Bonn.

19. Erdenebold, L. 2016. In *Archaeological selected relics of Mongolia*. V. 1. Editor-in-chief S. Chuluun and D. Tseveendorj. Ulaanbaatar, 322–327.

20. Turbat, Ts., Amartuvshin, Ch., Erdenebat, U. 2003. *Archaeological monuments of Egiin Gol valley (from bronze age to mongolian period)*. Ulaanbaatar (in Mongolian).

About the Author:

Kharinskii Artur V. Doctor of Historical Sciences, Professor. Irkutsk National Research Technical University. 83, Lermontova St., Irkutsk, 664074, Russian Federation; Professor. Irkutsk State University. Karl Marx str., 1, Irkutsk, 664003, Russian Federation; kharinsky@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2024 г.

Список сокращений

- АВУР – Археология Волго-Уралья
АЕС – Археология Евразийских степей
АИУз – Археологические исследования в Узбекистане
АН РТ – Академия Наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук Советского Союза
АО – Археологические открытия
АС – Археологический съезд
ВА – Вестник антропологии
ВДИ – Вестник древней истории, Москва
ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
ГМВ – Государственный музей Востока
ГМЗ – Государственный музей-заповедник
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ДБ – Древности Боспора
ДД – Донские древности
ДонНУ – Донецкий национальный университет
ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
ИА АН СССР/РАН – Институт археологии АН СССР/РАН
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАК – Известия Археологической комиссии
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана
ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
КалмГУ – Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова
КБИГИ – Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института археологии материальной культуры
КФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет
КЧГУ – Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (Симферополь)
МАР – Материалы по археологии России
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР, Москва; Ленинград
МИАДЛ – Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья

МИИКНСК – Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа

МНК – Международная нумизматическая конференция

МЮТАКЭ – Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции

НА ИА РАН – научный архив Института археологии РАН

НГУ – Новосибирский государственный университет

НИИ – научно-исследовательский институт

НЦАИ ИИ АН РТ – Национальный центр археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан

РА – Российская археология (Москва)

РАН – Российская академия наук

РГБ – Российская государственная библиотека

РГО – Русское географическое общество

РИЦ – редакционно-издательский центр

РНФ – Российский научный фонд

РСМ – Раннеславянский мир

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СГПИ – Ставропольский государственный педагогический институт

СГЭ – Сборник Государственного Эрмитажа

СЕЭС – Степи Европы в эпоху средневековья

СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук

СОГУ – Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова

СПб – Санкт-Петербург

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

СУАК – Ставропольская ученая архивная комиссия

СЭ – Советская этнография

Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея

Тр. КАЭЭ – Труды Камской археолого-этнографической экспедиции

УрО РАН – Уральское отделение Российской Академии наук

ХНМЦОКС – Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/>

Сроки приема материалов

№ 1 (март) – не позднее 1 декабря

№ 2 (июнь) – не позднее 1 марта текущего года

№ 3 (сентябрь) – не позднее 1 июня текущего года

№ 4 (декабрь) – не позднее 1 сентября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Журнал основан в апреле 2012 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-61900 от 25 мая 2015 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Технический редактор Першагина И.А.

Дата выхода в свет 28.06.2024 г. Формат 70×108 ¹/₁₆

Печать офсетная. Бумага мелованная. Печ. л. 15,6. Усл. печ. л. 21,88.

Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №

Цена свободная

Отпечатано в типографии "Orange Key"

Издательство «Фэн»
Академии наук Республики Татарстан
420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Баумана, 20